

71

В

АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ

Ю. ВАСИЛЬЕВ

КЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ РИГИ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ПЛАНИРОВКИ И ЗАСТРОЙКИ РИГИ
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
РИГА 1961

111

Ратушная площадь в Риге.

Картина К. Фехгельма 1816 г.

72S1
B191

Latv. PSR Valsts bibliotēka a

61-46.479

21.

INVENTARIS VĀRTĪBNĪCĪBĀS
1911. g.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга основывается на работе, которая была начата в Москве в Институте истории искусств Академии наук Союза ССР и там же как кандидатская диссертация защищена в 1955 г. под названием «Архитектура города Риги конца XVIII — начала XIX веков». За прошедшее с тех пор время удалось обнаружить много новых архивных материалов, более детально исследовать сохранившиеся памятники архитектуры, а также значительно расширить круг использованных источников. Все это позволило отчасти углубить, а отчасти и пересмотреть высказанные ранее взгляды, заполнить многие пробелы, имевшиеся в истории архитектуры Риги конца XVIII — начала XIX в., и, наконец, впервые воссоздать относительно ясную картину развития зодчества столицы Латвийской ССР в эпоху классицизма. Правда, трудности в обнаружении архивных документов и фрагментарность этих документов, отсутствие систематических исследований, в которых обобщались бы данные об архитектуре Риги указанного периода, не дали возможности полностью разрешить все проблемы, возникшие в процессе изучения вопроса, и вынудили автора в ряде случаев ограничиться высказыванием гипотез. Тем не менее уже имеющиеся данные позволили прийти к определенным выводам и показать архитектуру Риги рассматриваемого периода в новом свете, позволили научно обоснованно оценить как отдельные памятники архитектуры, так и деятельность зодчих, создавших их. Именно это дает основание полагать, что настоящая работа может привлечь внимание историков архитектуры, искусствоведов и всех тех, кто интересуется историей Риги.

Поставив перед собой цель — вскрыть художественные особенности классицизма в архитектуре Риги и наметить основные вехи для раскрытия полной картины планировки и застройки города в указанный период, автор отнюдь не стремился к исчерпывающему изложению истории создания каждого отдельного памятника архитектуры. В работе

дается анализ и излагается история строительства лишь наиболее значительных объектов, в которых отразились характерные тенденции развития зодчества. Наряду с этим много внимания уделено исследованию рядовых жилых и общественных построек и инженерных сооружений, являвшихся определенным «фоном» для уникальных зданий. Изображение этого «фона» не только дало возможность более выпукло обрисовать особенности выдающихся памятников архитектуры, но позволило также показать общий уровень строительной культуры Риги, дать представление об архитектуре города в широком смысле этого слова.

В процессе многолетней работы над монографическим исследованием автор имел возможность консультироваться с различными специалистами, которые оказали ему неоценимые услуги в отыскании и оценке некоторых материалов и помогли в уточнении и разработке ряда вопросов. Автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность академику, профессору, доктору архитектуры А. К. Круминю, профессору, доктору архитектуры и доктору технических наук Б. П. Михайлову, доктору исторических наук М. К. Степерманису, кандидату искусствоведения В. В. Косточкину, научным сотрудникам и лаборантам Института истории искусств АН СССР и Института строительства и архитектуры АН Латвийской ССР, работникам Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР, Центрального государственного архива Латвийской ССР, Инспекции охраны памятников архитектуры Госкомитета Совета Министров Латвийской ССР по делам строительства и архитектуры, методического кабинета строительного факультета Рижского политехнического института, Рижского государственного исторического музея и всем тем, кто так или иначе способствовали созданию этой работы.

Рига, 25 августа 1960 г.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

В классицизме — стиле, базировавшемся на воспроизведении, варьировании и переработке художественных форм и образов античности, разграничивают несколько ступеней развития, или несколько основных направлений, каждое из которых выросло на особой социально-исторической основе и имело свое конкретное содержание. Античность давала последующим поколениям весьма обширный материал для подражания, поскольку в античном мире в наивной форме существовали зачатки многих, если не большинства развивавшихся в дальнейшем культурных и общественных учреждений, идеологических направлений, социальных устройств. Воспроизведение образов античности, начавшееся еще в XV в. в Италии, а затем охватившее и остальные страны Европы, было, по словам Г. В. Плеханова, «одним из чрезвычайно многочисленных проявлений того увлечения древностью, которое само было идеологическим отражением борьбы нового нарождавшегося общественного порядка с феодализмом»¹. В античности искали вдохновения сторонники абсолютизма, республиканцы, просветители и т. д. Они связывали с формами античности свои особые представления, которые в силу определенных социально-исторических причин иногда оказывались в центре общего содержания искусства.

К концу XVIII в. классицизм вполне оформился как значительное художественное явление. Во Франции, например, он прошел несколько этапов развития. Первый из них был связан с формированием абсолютистской монархии, и поэтому на этом этапе развития в классицизме несомненно проявлялись общенациональные тенденции. В XVII в. содержание господствовавшего во Франции искусства подчинялось про-

¹ Г. В. Плеханов. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии. В его кн.: Литература и эстетика, т. I. М. 1958, стр. 83.

славлению одного героя — Людовика XIV, которого наделяли чертами «величия» и «достоинства», рядили в античную тогу и сравнивали с императорами древнего Рима, например с Августом. Но по мере укрепления центральной власти и все большего замыкания аристократии в своем узком сословном кругу в искусстве Франции XVII в. становились все заметнее черты изысканности и условности, оно лишалось общенациональных связей и, вместе с тем, постепенно деградировало. Истинный расцвет классицизма начался лишь во второй половине XVIII в., когда во французском обществе произошли серьезные сдвиги и на историческую арену вышла новая социальная сила в лице буржуазии. В общеисторическом плане буржуазия была отрицанием феодализма, зародившимся в недрах его. Поэтому она подхватывала и развивала те идеи и формы, которые по своему существу были направлены против феодализма, против феодальной культуры.

Формирование буржуазной идеологии и культуры в значительной степени определялось трудами французских просветителей-энциклопедистов. Отражая чаяния молодой буржуазии, «французские философы XVIII в., подготовители революции, апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали основания разумного государства, разумного общества и безжалостного устранения всего того, что противоречило вечному разуму»¹. Феодальная культура и искусство были объявлены «неразумными». Буржуазия оказалась вынужденной создать своего героя, которого можно было бы противопоставить идеалам феодализма. Возникла необходимость воспитания чувства гражданской добродетели, но между тем сами представители буржуазии не могли стать образцом для подражания. Нужен был иной объект, который был найден там же, где аристократия искала образцы вкуса, — в наследии античности. «В классически строгих преданиях римской республики, — писал К. Маркс, — борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии»².

С изменением социальной основы искусства был также изменен акцент в подражании античности — не императорский Рим Августа, а республиканские герои древней Греции и древнего Рима стали основными объектами увлечения представителей французского искусства. Вычурности и изысканности форм классицизма эпохи абсолютистской монархии были противопоставлены формы и образы, заимствованные

¹ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV. М. 1935, стр. 510.

² К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII. М.—Л. 1930, стр. 324.

из античной архаики и даже из египетского искусства. Манерность и слащавость искусства предшествующего периода уступили место спартанской простоте, подражание которой, в известной степени, покоилось на господствовавшей во французском обществе эпохи революции рационалистичности. В этот период основным содержанием искусства становится прославление гражданской доблести.

Революционное по своей сущности содержание классицизма дало возможность этому художественному течению выйти, по словам Г. В. Плеханова, «на такой путь, по какому не умело ходить искусство *высших классов*: оно становилось *всенародным делом*»¹. В этом состоит основное общен историческое и демократическое значение классицизма конца XVIII в.; что же касается его художественной формы, то классицизм был, конечно, консервативен.

Классицизм, как это было прекрасно сформулировано К. Марксом, являлся лишь «иллюзией», причем иллюзией в самом широком смысле слова. В архитектуре иллюзорность классицизма привела к тому, что акцент был перенесен на форму, которая символически должна была отразить разумность и стройность всего архитектурного организма или, говоря иными словами, «вдохнуть» особый эстетический смысл в самую сущность архитектуры. Вследствие этого в архитектурном творчестве обозначился разрыв между утилитарным назначением здания и его конструкцией, с одной стороны, и самодовлеющей художественной формой — с другой. В силу догматизации, или канонизации, форм античности апологеты классицизма невольно способствовали выхолащиванию эстетического и пластического содержания этих самых форм. Однако историческая и художественная ограниченность классицизма могла быть осознана лишь гораздо позднее, когда иссякли те общественные источники, которые питали искусство эпохи классицизма.

В период ломки феодальных и становления буржуазных отношений в обществе классицизм, как наиболее демократичный художественный стиль, проник в культуру многих слоев городского общества, шедших за буржуазией. Он сохранил значение господствующего художественного направления и в дворянско-аристократической культуре. Поэтому можно было бы сказать, что в целом классицизм как большое художественное явление обладал на определенном историческом этапе развития архитектуры свойствами универсальности и всеобъемлемости, он имел немалое значение в общем повышении художественной культуры народа: достижения античности становились, в известном смысле, всеобщим достоянием.

¹ Г. В. Плеханов. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии. В его кн.: Литература и эстетика, т. I, стр. 99.

В период разложения феодализма в Европе просветительская идеология и художественные идеалы классицизма проникли в том или ином виде в культуру большинства европейских народов. Этот процесс был тем более глубоким, чем меньше его апологеты увлекались внешней стороной классицизма и чем сильнее они стремились выразить посредством античных форм прогрессивное для своего времени содержание, а следовательно — чем крепче были социально-экономические основы для проявления классицизма в каждой отдельной стране. Различия обуславливались конкретной социально-исторической средой и национальными особенностями художественного творчества каждого отдельного народа. Проявление классицизма в культуре различных стран было поэтому далеко не идентичным.

Во второй половине XVIII в. классицизм глубоко проник в художественную культуру России, Германии, Англии, где для его развития имела благоприятная почва.

В России в период расцвета классицизма, однако, еще не назрела политическая ситуация, подобная той, которая сложилась во Франции в конце XVIII в., так как Россия в социально-экономическом отношении отставала от передовых европейских стран. Поэтому развитие классицизма опережало в некотором роде ход общественного развития России¹. Но это, пожалуй, лишь повышало прогрессивное значение классицизма в развитии художественной культуры страны; в русском классицизме отражались идеи просветительства и патриотизма, а также определенные демократические тенденции. Вершины своего развития русский классицизм достиг в начале XIX в., когда в нем отразились и подъем национального самосознания, связанный с войной 1812 г., и освободительные идеалы прогрессивной части дворянской интеллигенции. Наряду с этим в классицизме появились тенденции превращения его в официальный художественный стиль, который реакционные круги пытались поставить на службу самодержавию и церкви и иногда насаждали чуть ли не в административном порядке. Это представляло собой другую сторону классицизма. Все же классицизм в России являлся стилем, формировавшим облик не только уникальных сооружений, но и массовых типов зданий. Это впервые создало возможность сознательного создания ансамбля целого города, позволило насытить архитектуру единым содержанием, обусловило единую ее форму и, в конце концов, спо-

¹ Г. В. Плеханов, высказавший эту мысль, замечал, что «увлечение русских аристократов французскими энциклопедистами вовсе не имело серьезных практических последствий. Однако оно было *полезно* в том смысле, что все-таки очищало некоторые аристократические головы от кой-каких аристократических предрассудков» (Г. В. Плеханов. Искусство и общественная жизнь. В его кн.: Литература и эстетика, т. I, стр. 176).

собствовало общему повышению художественного качества массовых типов сооружений.

Во второй половине XVIII в. принципы классицизма начинают применять и в архитектуре, а позднее и в изобразительном искусстве Латвии, где в конце XVIII — начале XIX в. тоже происходили весьма глубокие исторические сдвиги, имевшие большое значение в судьбах латышского народа. К 1796 г. все части Латвии были впервые объединены в составе Российской империи. Во многих городах Латвии, и особенно в Риге, получили дальнейшее развитие торговля и ремесло, расширилось мануфактурное производство, все более крепла прослойка буржуазии. Кризис феодальных отношений и феодальной культуры становился очевидным, в недрах старого общества постепенно нарождалось новое, буржуазное. Все чаще происходили крестьянские волнения; обострилась борьба против привилегий остзейских немцев. В начале XIX в. в Курляндской и Лифляндской губерниях было осуществлено освобождение крестьян от крепостной зависимости (без земли). Хотя все реформы и проводились по существу в интересах господствующих классов и не снимали основных социальных и экономических противоречий, они тем не менее были направлены против средневековой ограниченности уклада жизни в городах Латвии, в какой-то степени изменяли социальные отношения в сельской местности, способствовали укоренению буржуазных отношений, которые в целом были здесь развиты больше, чем в остальных частях России.

В конце XVIII в. в Прибалтике выдвинулся ряд публицистов и ученых, которые последовательно проповедовали просветительские идеи. Это были представители либеральной немецкой буржуазии — К. Снелль, Г. Меркель¹, Г. Яннау и др., взгляды которых сформировались прежде всего под воздействием просветительства Франции и Германии. Основной удар их критики (которая в значительной степени, особенно у Меркеля, перекликалась с выступлением А. Н. Радищева против крепостнического рабства, хотя и была более умеренной) был направлен против крепостничества, жестокой эксплуатации латышского крестьянства, против политического и экономического притеснения латышей и против немецких культуртрегерских теорий. Они приветствовали екатерининские

¹ Следует отметить, что в современной русской исторической литературе по вопросу о деятельности Г. Меркеля существует путаница, видимо, объясняющаяся тем, что некоторые авторы, упоминающие его, мало знакомы с исторической обстановкой в Латвии в конце XVIII в. В Большой Советской Энциклопедии (т. 27, М. 1954, стр. 176), например, утверждается, что «Меркел» — «латышский просветитель, выступавший против крепостного права в Прибалтике, идеолог поднимавшейся латышской буржуазии», хотя ясно, что в конце XVIII в. о латышской буржуазии как классе общества и тем более об ее идеологах говорить не приходилось. Латышом Меркель именуется и в вышедшем в 1956 г. первом томе «Истории СССР» (стр. 605).

реформы и выступали за более тесную связь с Российским государством, лишь в нем видя силу, способную изменить существовавшие в Латвии условия жизни.

Одновременно с распространением просветительства среди горожан Риги «новые идеи эпохи просвещения, — как указывал акад. Я. Зутис, — захватили также широкие круги остзейского дворянского общества. Вольтерьянство стало модным увлечением и признаком хорошего тона, но, понятно, в головах владельцев крепостных душ учение французских просветителей теряло свой революционный характер»¹. Иными словами, просветительство, в том или ином виде, было воспринято в Прибалтике различными слоями общества. Оно в известной степени формировало воззрения и тех лиц, от которых зависело развитие искусства.

Правда, просветителей, подвизавшихся в Латвии, нельзя назвать непосредственными проповедниками нового направления в искусстве, но разоблачение ими культуртрегерских теорий, их призыв перейти к новым формам общественного уклада расчищали дорогу идеям классицизма. В стремлении просветителей устроить общество сообразно человеческому разуму можно усмотреть связь с ведающими идеалами XVIII в., в том числе и эстетическими, а их критика существующего уклада жизни вела к отрицанию всей феодальной культуры. Все это создавало в Латвии, и прежде всего в Риге, определенную местную основу для распространения художественных взглядов эпохи просветительства. Эти взгляды процветали среди наиболее прогрессивной части рижских бюргеров. Широкое распространение таких взглядов стимулировалось в известной степени существованием тесных экономических и культурных связей с Западной Европой. Однако объяснять факт глубокого проникновения идей классицизма в зодчество Латвии исходя только из местных предпосылок и из наличия определенных связей с Западной Европой было бы неправильно. Это была только одна сторона явления. Другая, не менее важная, обуславливалась, если можно так выразиться, «государственной» тенденцией в развитии культуры Латвии. В процессе объединения Латвии в составе России (этот процесс, как известно, протекал на протяжении почти всего XVIII в.) русская абсолютистская монархия постоянно стремилась к усилению воздействия на политическую и экономическую жизнь Латвии, она оказывала влияние и на некоторые области культуры и искусства. Вместе с тем в Латвию проникали идеи просвещенного абсолютизма и патриотизма, которые в местных условиях имели для своего времени определенное прогрессивное значение.

Господствовавшая в России художественная культура переплеталась с господствовавшей в Латвии дворянско-аристократической куль-

¹ Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии, ч. I: Прибалтийско-немецкая историография. Рига 1949, стр. 66.

турой и другими путями. Лифляндские и курляндские помещики нередко поступали на царскую службу, занимали важные посты при дворе, короче говоря, зачастую образовывали единое целое с русской дворянско-аристократической верхушкой. Наряду с этим многие земли и мызы на территории Латвии сдавались в аренду и даровались русскому дворянству. Эти связи не были чисто экономическими, за ними следовала и общность некоторых сторон культуры, общность многих идейно-художественных воззрений.

Не случайно, что на территории Латвии появлялись здания, построенные выдающимися русскими зодчими. Еще во второй трети XVIII в. здесь работал В. Растрелли, создавший прекрасные дворцы в Елгаве (Митава), Рундале (Руэнталь) и в других местах. В 1806—1810 гг. по проекту, разработанному Д. Кваренги, было возведено величественное здание Элейского дворца. Многие усадьбы прибалтийских помещиков приобретали облик, весьма родственный облику усадеб богатых русских дворян. Здания, созданные по проектам русских зодчих, выростали в Риге, Даугавпилсе и т. д. На эти города были распространены общие для всех городов России постановления, регламентировавшие характер городской застройки на основе применения принципов классицизма. Классицизм оставил глубокую печать также в архитектуре провинциальных городов Латвии, многие из которых до сегодняшнего дня сохранили облик, сложившийся в конце XVIII — первой половине XIX в. Формы классицизма получили довольно широкое распространение даже в сельской архитектуре латышского народа, что нередко отмечалось исследователями¹.

Поскольку конкретные социально-экономические условия, сложившиеся в Латвии в конце XVIII — начале XIX в., оказались созвучными условиям, в которых развивался классицизм в России и в других странах, поскольку в Латвии начала распространяться идеология просветительства, постольку классицизм в этот период стал господствующим направлением также в архитектуре Латвии. Формы классицизма внесли яркий штрих в местную строительную культуру и явились источником для образования некоторых национальных форм.

* * *

Изучение классицизма в архитектуре Латвии носило до сих пор весьма эпизодический характер. Классицизм как значительное художественное явление в искусстве Латвии не был подвергнут всестороннему анализу. В результате того, что не было создано ни одного труда, в котором были бы последовательно освещены основные произведения архи-

¹ См. Mākslas vēsture, prof. V. Purvīša vispārējā redakcijā, 1. sēj., стр. 251.

тектуры, созданные в Латвии в конце XVIII — начале XIX в., и были бы обобщены их особенности, а в работах по вопросам общего развития архитектуры России зодчество ее бывших окраин, в том числе и Прибалтики, обычно не рассматривалось (в подобных работах основной упор делался на исследование русского зодчества, но не зодчества России), — возникла некоторая путаница в оценке строительного искусства Латвии и Риги рассматриваемого периода¹.

В литературе можно встретить отдельные работы или заметки, посвященные архитектуре эпохи просвещенного абсолютизма в Латвии. Однако всем этим работам присущи две отличительные особенности: во-первых, они касались лишь частных проблем развития классицизма, во-вторых, носили преимущественно описательный характер.

Первые весьма скромные попытки ввести в научный обиход памятники архитектуры эпохи классицизма были сделаны в начале XX в. архитектором В. Нейманом, описавшим некоторые культовые и жилые постройки Риги, однако без их серьезного анализа².

Наибольшее число новых сведений об архитектуре Риги конца XVIII — начала XIX в. было опубликовано в 1930-х годах П. Кампе. Проследившая развитие того или иного типа зданий на протяжении ряда строительных эпох, П. Кампе, однако, отрывал процесс эволюции произведений архитектуры от конкретной социально-исторической обстановки. Тем не менее в его трудах встречаются ценные фактические

¹ Например, в первом томе «Истории СССР» (М. 1956, стр. 605) об архитектуре Латвии второй половины XVIII в. читателю сообщаются следующие сведения: «Влияние русского классицизма и Растрелли, жившего с 60-х годов в Митаве, сказалось на деятельности архитекторов-латышей, построивших в Риге и других городах ряд жилых домов и церквей». Не останавливаясь подробно на погрешностях этой весьма поверхностной формулировки, в которой развитие архитектуры в Латвии в рассматриваемый период оценивается схематично и однобоко, нельзя, однако, пройти мимо грубых фактических ошибок, содержащихся в ней. Трудно говорить о непосредственном влиянии В. В. Растрелли на архитекторов-латышей, поскольку в XVIII в. таковых вообще не существовало (они появились лишь в середине XIX в.). Что же касается пребывания Растрелли в Елгаве (Митаве) в середине 60-х годов XVIII в., то известно, что в этот период он никаких заслуживающих внимания строительных работ в Курляндии не производил (см. Б. Р. Виппер. В. Растрелли и архитектура русского барокко. В кн.: Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы. Под редакцией академика И. Э. Грабаря. М. 1954, стр. 310). Плодотворная деятельность Растрелли в Курляндии относится ко второй половине 30-х годов XVIII в., когда он по приглашению курляндского герцога Эрнста Бирона некоторое время прожил при его дворе и создал проекты замечательных дворцов в Рундале и Елгаве.

² См. в кн.: Riga und seine Bauten. Riga 1903. — Мы сознательно не касаемся здесь написанных во второй половине XIX в. работ В. Гутцайта, К. Меттига и др., поскольку в их работах, содержащих отдельные факты, связанные с историей некоторых памятников архитектуры рассматриваемого периода, факты эти преподносились в отрыве от проблем развития архитектуры Латвии. На данных, имеющихся в этих работах, мы останавливаемся в процессе изложения основного содержания исследования.

данные и небезытересные суждения о некоторых сооружениях, возводившихся в эпоху классицизма. Он касался, в частности, типов центральных церквей¹, интерьеров жилых домов², городских ворот³ и т. п. Оставаясь в узких рамках одного лишь накопления фактического материала, П. Кампе не смог дать правильной картины развития архитектуры. Из работ П. Кампе имеет наибольшее значение и в то же время наиболее показателен для всей его методологии опубликованный им словарь строителей и архитекторов Лифляндии и Курляндии⁴.

Ряд любопытных наблюдений об архитектуре Риги конца XVIII в. был сделан немецким автором О. Герихом, исследовавшим творчество рижского зодчего Кристофа Хаберланда⁵. Однако Герих чрезвычайно сужал область проявления классицизма в архитектуре Риги, считая, что лишь К. Хаберланд и его последователи были истинными носителями этого течения. Сделав некоторые верные заключения относительно связи зодчества Риги указанного периода с архитектурой Западной Европы, и в частности Германии, О. Герих фактически игнорировал связи, существовавшие с архитектурой России. В результате создавалось впечатление, будто лишь деятельность рижских бюргеров и рижского магистрата способствовала развитию классицизма в Риге, все же остальное не имело для него сколько-нибудь серьезного значения. Методика исследования у О. Гериха, как и у П. Кампе, носила фактологический характер. Эта особенность методики научных исследований вообще типична для большинства трудов, касавшихся архитектуры Латвии конца XVIII — начала XIX в.

Несколько работ, затрагивавших проблемы развития классицизма в Риге, опубликовано архитектором Х. Пирангом. Он обратился к изучению творчества К. Хаберланда еще в 1910 г. и в ряде случаев предвосхитил выводы О. Гериха⁶. Затем Пиранг издал свое исследование об усадьбах прибалтийских помещиков, в котором был вынужден констатировать элементы влияния русской архитектуры эпохи классицизма на архитектуру родовых гнезд дворянско-аристократической верхушки Прибалтики⁷. Наконец, в 1932 г. он попытался дать характеристику

¹ P. Kampe. Centrālveidīgais būvtips Vidzemes baznīcu celtniecībā no XVII gs. vidus līdz XIX gs. vidum. В журн.: «Senatne un Māksla», 1938, Nr. 2.

² P. Kampe. Rīgas dzīvojamā ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums, I: Baroka laikmets, II: Klasicisma laikmets. В журн.: «Latvijas arhitektūra», 1939, Nr. Nr. 3, 8.

³ P. Kampe. Die Stadttore Rīgas im 17., 18. und 19. Jh. und deren Meister. В кн.: LU raksti, Arh. fak. sērija, 2. sēj., Nr. 3, 1939.

⁴ P. Kampe. Lexikon liv- und kurländischer Baumeister, Bauhandwerker und Baugestalter von 1400—1850, Bd. I—II. Stockholm 1951, 1957.

⁵ O. Gerich. Christoph Haberland und seine Bauten. Berlin 1928.

⁶ H. Pirang. Christoph Haberland. В кн.: Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen, IV. Riga 1910.

⁷ H. Pirang. Das baltische Herrenhaus, Teile 1—3. Riga 1926—1930.

архитектурных стилей в облике Риги¹; эта последняя работа носит сильный отпечаток субъективизма и построена на основе формального анализа.

Другие исследователи архитектуры Латвии в досоветский период не внесли в изучение классицизма в Латвии и Риге почти ничего нового. Это относится, например, к авторам обзорных публикаций по истории архитектуры Латвии в «Латышском энциклопедическом словаре» и в «Истории искусства», изданной под редакцией В. Пурвита².

В послевоенный период в печати появилось несколько новых исследований, восполнивших некоторые пробелы в истории архитектуры Латвии конца XVIII — начала XIX в. Доцент П. Берзкалн первый обратил серьезное внимание на изучение одно- и полуторазтажных жилых домов, характерных для рядовой застройки городов Латвии³, архитектор Э. Пучин исследовал некоторые особенности развития плана города Риги, затронув при этом также и градостроительные идеи эпохи классицизма⁴, и т. д.

Перечисленные работы не способствовали все же формированию сколько-нибудь определенных, четких взглядов на развитие классицизма в Латвии. Выводы отдельных авторов оказывались подчас весьма противоречивыми. Большое число памятников архитектуры оставались неизученными совсем или изучались весьма поверхностно. Связи с конкретной социально-исторической и политической ситуацией в Латвии и взаимовлияния, характерные для архитектуры конца XVIII — начала XIX в., обычно не учитывались. Многие архивные материалы, проливающие свет на зодчество Латвии эпохи классицизма, долгое время оставались непроцтенными.

Несмотря на это, в большинстве работ, касавшихся развития классицизма в Латвии, так или иначе проводилась одна мысль — классицизм в Латвии сложился только как результат воздействия внешних влияний. Это положение у различных авторов высказывалось по-разному. Одни, как например Х. Пиранг⁵, ставили во главу угла влияние русского классицизма, другие (как это весьма отчетливо сформулировано в «Истории искусства», вышедшей в Риге в середине 1930-х годов

¹ H. Pirangš. Arhitektoniska stila formas Rīgas pilsētas ainavā. В кн.: Rīga kā Latvijas galvas pilsēta. Rīgā 1932.

² P. Kundziņš. Latvju arhitektūra. В кн.: Latviešu konversācijas vārdnīca, XI sēj. Rīgā 1934; Mākslas vēsture, prof. V. Purviša vispārējā redakcijā, 1.—3. sēj.

³ П. Ю. Берзкалн. Развитие основных типов малого дома городов Латвийской ССР от XVII до середины XX вв. В кн.: Ученые записки Латвийского государственного университета, т. XIII. Рига 1957.

⁴ E. Pučīņš. Rīgas pilsētas centra attīstības posmi feodālajā laikmetā. В кн.: Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I. Rīgā 1958.

⁵ H. Pirangš. Das baltische Herrenhaus, Teil 2.

под редакцией проф. В. Пурвита) считали, что «в Латвию классицизм пришел из России и из Германии»¹; наконец, третьи (как это видно из «Истории Риги» латышского историка Я. Страуберга) указывали, что имели место «весьма значительные» английские влияния, но при этом «Рига не могла пройти мимо влияния французской культуры, которая доминировала в то время во всей Европе»².

Действительно, трудно отрицать, что в Латвию, тесно связанную экономически и в культурном отношении и с Россией, и с Западной Европой, проникали отголоски течений, господствовавших там в период XVIII — начала XIX в. Но, как известно, признания факта существования тех или иных влияний отнюдь не достаточно для раскрытия характера или сущности какого-либо явления, в том числе и классицизма в Латвии.

В данном случае гораздо более важной была бы попытка раскрыть местные корни культуры эпохи классицизма. Правда, исследователи как-то связывали развитие классицизма с экономическим возрождением края, начавшимся после присоединения Латвии к России, но решение ими этого вопроса в большинстве случаев носило весьма наивный характер и не объясняло социально-экономических корней классицизма. В «Истории искусства», вышедшей под редакцией проф. В. Пурвита, говорится, например, что после Северной войны «дворянство бывших прибалтийских провинций начало оживленное восстановление разрушенных жилищ...» и что «только по восстановлении достатка можно было начать думать о строительстве широкого размаха. Барокко за это время было изжито, и на его месте возник классицизм»³. В некоторых случаях зарождение новой архитектуры в конце XVIII — начале XIX в. связывается с деятельностью просветителей, — например, в «Истории Риги» Я. Страуберга, но и здесь, как и в остальных работах, дело ограничивается одной характерной фразой, что «из всех... течений эпохи просветительства граждане Риги быстро усвоили внешнюю культуру, идеал которой состоял в устройстве своего жилья и домашней жизни по образцу богатых английских торговцев и помещиков»⁴. Бесспорно, что подобный «анализ» нисколько не способствовал раскрытию причин распространения классицизма в Латвии и оставлял достаточно простора для укоренения различных теорий, ставивших во главу угла внешние влияния.

Между тем ясно, что если бы художественные течения конца XVIII — начала XIX в. действительно были результатом только внешних влияний и не имели местных социально-экономических предпосы-

¹ Mākslas vēsture, 1. sēj., стр. 225.

² J. Straubergs. Rīgas vēsture, стр. 408.

³ Mākslas vēsture, 1. sēj., стр. 212.

⁴ J. Straubergs. Rīgas vēsture, стр. 413.

лок для своего развития, то принципы классицизма никогда не могли бы получить в Латвии такого распространения, какое они получили в начале XIX в., и не оказали бы большого воздействия на развитие архитектуры Риги и других городов Латвии. Очевидно, не те или иные влияния являлись главной причиной распространения классицизма в Латвии. Основой его развития могли стать только внутренние социально-экономические сдвиги, а также факт известного срастания культуры русского просвещенного абсолютизма с господствующей местной культурой, что и определило идейно-художественное содержание классицизма в Латвии в конце XVIII — начале XIX в.

Художественные формы и образы античности проникали в Латвию, будучи преломленными в искусстве либо Западной Европы, где господствовало увлечение французским классицизмом, либо России, где классицизм на рубеже XVIII и XIX вв. находился на вершине своего развития. Но этот факт не представлял собой чего-либо исключительного в развитии европейского искусства XVIII — начала XIX в., когда искусство, и особенно архитектура, вообще базировалось на использовании заимствованных художественных форм. Если французские буржуа рядились в римские тоги, дабы создать иллюзию «великой исторической трагедии», то некоторые представители рижской буржуазии, например, «одевались» в костюм просвещенного Запада, дабы в конкретных условиях «варварской» России добиться права играть роль «носителей» передовой культуры.

Своеобразие применения архитектурных форм эпохи классицизма в различных районах Латвии зачастую определялось воздействием традиций, сложившихся в зодчестве Латвии на протяжении многих веков. Характерно, что даже в 1816 г. помощник начальника чертежной Инженерного департамента Военного министерства инженер Дмитриев был вынужден донести в Петербург, протестуя против проявления местных традиций в архитектуре новых солдатских казарм в Риге, что, например, «над связью железная кровля сделана не той высоты, каковой следовало быть по апробованной на 1814 г. профиле, но выше даже и третьей части широты строения, а при том и на другой, по видимому тамощний старинный манер» (разрядка наша. — Ю. В.)¹. Следовательно, местные традиции проникали в архитектуру даже помимо воли заказчиков и проектировщиков казенных зданий. Они бесспорно должны были влиять на развитие зодчества. Именно в результате влияния местных традиций рижское зодчество конца XVIII — начала XIX в. смогло войти органической составной частью в облик города.

¹ Центральный государственный военно-исторический архив, Ленинградский филиал (ЦГВИАЛ), ф. 3, оп. 7, д. 185, л. 176. — В последнее время, уже после написания настоящей работы, все фонды ЦГВИАЛ переданы на хранение в Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) в Москве

Проникновение исторически сложившихся традиций в архитектуру классицизма делало его более близким широким народным массам. В этой связи глубоко неверным кажется утверждение «Истории искусства», изданной под редакцией В. Пурвита, по поводу того, что в Латвии-де «о какой-либо местной архитектурной школе или хотя бы о провинциальных особенностях не может быть и речи... Строительство формируется во враждебных условиях чужой страны и никак не связывается с местным народом и культурой, которые могли бы на него повлиять. Здесь не образовалось никаких строительных традиций, ни даже профессии квалифицированного строителя»¹. Подобный взгляд, естественно, нимало не раскрывает специфики латвийского зодчества и свидетельствует о пренебрежительном к нему отношении.

Итак, говоря о распространении классицизма в Латвии, и в особенности в Риге, в противоположность принятым в литературе взглядам следовало бы подчеркнуть, что здесь классицизм развился как течение, обусловленное определенными социально-историческими факторами, а формы, в которые он был облечен, явились результатом сплавления форм русского классицизма и классицизма западноевропейских стран с местными строительными традициями.

* * *

Прежде чем перейти к изложению особенностей развития зодчества Риги конца XVIII — начала XIX в., необходимо несколько задержаться на вопросе: можно ли отнести к латышской национальной культуре такие приемы и формы архитектуры, которые распространены также и в зодчестве других народов? Или же национальным следует считать лишь то, что встречается исключительно в архитектуре латышей?

В науке и публицистике на такие вопросы отвечали по-разному. Славянофилы и народники, например, считали, что вся послепетровская архитектура России была простым подражанием западноевропейскому зодчеству и поэтому не являлась русской национальной архитектурой. Аналогичные взгляды высказываются иногда и до сих пор, особенно в применении к архитектуре Латвии. При подобном подходе к решению вопроса за национальное принимается лишь то, что присуще исключительно культуре данного народа и не встречается нигде, кроме как у данного народа, а следовательно, делается вывод, что национальные черты присутствуют, например, в архитектуре лишь в виде отдельных стабильных элементов, отличающих зодчество одного народа от зодчества остальных. Ясно, что подобный взгляд принципиально сужает

¹ Mākslas vēsture, 1. sēj., стр. 152.

область проявления национального до отдельных черт, элементов, групп, ведет к тому, что за национальное принимаются лишь особенности культуры того или иного народа, а не вся она как таковая.

Обычно подобный взгляд неизбежно приводит к отрыву формы от конкретного содержания, поскольку некая национальная форма наделяется внеисторичными свойствами и возводится в самодовлеющую категорию. Между тем национальная культура вообще гораздо шире, нежели ее специфические особенности: они входят в национальную культуру, но не исчерпывают ее. Это в полной мере относится и к архитектуре. Зодчество каждой нации является национальным постольку, поскольку оно соответствует условиям существования народа на каждом этапе его развития. Даже специфические особенности зависят от изменения условий существования.

Возьмем в качестве примера ордер церкви Мадлен в Париже (арх. Б. Виньен). Ордер этот напоминает римскую ордерную систему (ср. так наз. *Maison carrée* в Ниме). Если здесь и имеются различия в сравнении с римскими классическими храмами, то не они определяют национальную принадлежность архитектуры церкви. Архитектура церкви Мадлен стала явлением французской художественной культуры не в силу специфических особенностей ее форм, а в силу изменения условий существования французского народа, которые и привели к привнесению во французское зодчество форм, заимствованных из архитектуры древнего Рима. В этом смысле можно сказать, что формы «римской» архитектуры на определенном этапе развития французского зодчества стали французскими национальными формами.

Следовательно, о национальной форме в архитектуре можно говорить лишь на основе выявления исторической обусловленности этой формы. Национальные формы архитектуры не являются застывшими, раз и навсегда данными.

Наряду с этим развитие архитектурных форм предполагает образование определенных строительных и художественных традиций в национальной культуре. Эти традиции складываются в результате естественного исторического отбора таких элементов национальной культуры, которые наиболее соответствуют устойчивым художественным вкусам народа, бытовым особенностям и климатическим условиям жизни нации. Они способствуют образованию национального колорита в архитектуре, постепенно изменяясь под действием условий существования народа. Традиции обуславливают тот или иной характер применения художественных принципов, порожденных новыми условиями существования, порождают специфику того, что вкладывается каждой нацией в сокровищницу мировой культуры, но не исчерпывают особенностей национальной культуры. Поэтому национальный характер зодчества Латвии, как и любого другого, определяется совокупностью всех

тех форм и приемов, которые встречаются в нем на определенном этапе развития и которые соответствуют конкретным социально-историческим условиям существования нации.

Действительно, любая художественная форма в архитектуре может существовать лишь в рамках национальной культуры. В этом отношении существенно не только то, что конкретные архитектурные формы впервые создавались и выработывались какой-либо определенной нацией. Архитектурные формы являются национальными также и по своему дальнейшему развитию. Иными словами, художественные формы, выработанные в зодчестве какой-либо нации, поскольку они в силу внутренних социально-исторических причин появляются в зодчестве другой нации и начинают развиваться в нем, объективно приобретают новый национальный характер и становятся достоянием другой национальной культуры. Невозможно, например, говорить об ордерной композиции как таковой, вне зависимости от ее применения в определенной структуре сооружения, в определенных условиях, в архитектуре определенной нации. Существует понятие ордерной системы, в котором отражаются определенные закономерности сочетания несомых и несущих элементов здания; пока это понятие абстрагировано от действительности, оно не носит, конечно, национального характера; но как только понятие это перестает быть абстракцией и получает свое материальное воплощение в конкретных формах действительности, оно сразу же приобретает национальную окраску.

Остается подчеркнуть, что национальные особенности зодчества определяются прежде всего тем, что наиболее характерно, что типично для архитектуры каждого народа на определенном этапе его исторического развития.

Именно это обстоятельство упускали из виду многие буржуазные ученые, которые, стремясь подчеркнуть идею исключительности своего народа, ограничивали национальные особенности архитектуры немногими второстепенными признаками. При подобном подходе к решению вопроса для главного, для того, что характеризует ведущее направление в развитии национального зодчества, не оставалось места.

Кстати, вопрос о формировании национальной архитектуры Латвии буквально до самого последнего времени обычно подменялся вопросом о деятельности латышских народных мастеров, латышских архитекторов и т. п. Вместо того чтобы сделать попытку разобраться в том, что построено, как построено и как данное сооружение было связано с историческими судьбами нации, задавали только один вопрос — кто строил? Еще в 1951 г. акад. Р. Пельше, указывая, что в Латвии до XIX в. не были известны профессиональные архитекторы-латыши, по проектам которых строились бы «большие, добротные, отвечающие духу времени здания» («lielas, kvalificētas, modernas būves»), делал вывод («как

бы это ни было горько»), что якобы «поэтому мы не можем серьезно говорить о самостоятельных, оригинальных принципах и концепциях латышской архитектуры вплоть до второй половины XIX века»¹. В данном случае вывод явился прямым результатом подобной подмены основных вопросов.

В архитектуре, как и во многих других областях человеческой деятельности, следует разграничивать то, что было обусловлено воздействием определенных социально-экономических, исторических факторов, климатических условий, наличием конкретных материальных ресурсов, и то, что приносилось художественным произволом отдельных лиц, т. е. влияние факторов, действующих в течение продолжительного отрезка времени и способствующих, в конечном итоге, образованию национальной культуры, и факторов субъективных, производных в основном от особенностей национальной культуры, а отчасти случайных. Архитектура сама является той частью объективной действительности, созданной руками самого человека, в которой протекает вся жизнедеятельность того или иного народа, общества. Архитектура не только зависит от национальных особенностей творчества народа, но также и сама формирует тот реальный мир национальных образов и представлений, с которым неразрывно связана каждая национальная культура. Поэтому для выявления «латышских национальных концепций» не менее важно выяснить, насколько глубоко то или иное конкретное произведение архитектуры вошло в быт народный, насколько глубока была сила национальных ассоциаций, с ним связанных, и нельзя ограничиваться только вопросом о том, кто именно был автором этих произведений архитектуры.

Распад феодальных отношений, экономическое и территориальное объединение латышского народа в составе России послужили основой для роста национального самосознания и национальной культуры латышей, для постепенного образования латышской буржуазной нации. Рига играла в этом процессе особую роль. Именно здесь прежде всего выросла латышская буржуазия, появлялась на свет латышская интеллигенция. Все это постепенно изменяло характер связей между Ригой и остальными районами Латвии и предопределяло новую роль города в становлении латышской общенациональной культуры.

Эти процессы происходили под знаком усилившейся национальной борьбы латышей и русских против привилегий немцев в Прибалтике, в частности против цеховых ограничений в городах. Борьба эта, носившая преимущественно экономический характер, принимала зачатую самые различные формы. В результате развитие классицизма в Латвии, проистекавшее из двух основных источников — просветитель-

¹ R. Pelše. *Latviešu un krievu kultūras sakari. Rīgā 1951, стр. 274—275.*

ской идеологии либерального бюргерства и господствовавшей русской художественной культуры, невольно оказалось связанным с ростом национального самосознания латышей.

Из сказанного, конечно, нельзя делать вывод, что в архитектуре Латвии эпохи классицизма отразились исключительно специфические «латышские национальные концепции», но бесспорно, что классицизм способствовал их формированию. Принципы классицизма распространялись в зодчестве на территории Латвии постепенно. Они затронули прежде всего город, проникая в зодчество деревни с большим запозданием и лишь фрагментарно. Тяжелая участь латышского крестьянства в значительной степени препятствовала дальнейшему развитию национальной культуры в деревне даже в эпоху просветительства. Деревня была хранительницей национальности, основных особенностей национальной культуры, которые сохранялись здесь главным образом благодаря консервативности уклада деревенской жизни, города же — по мере усиления их экономического воздействия на деревню, по мере упрочения связей между городом и деревней с подъемом капитализма — способствовали подлинному развитию и обогащению этой культуры. При этом крайняя пестрота национального состава городского населения Латвии (прежде всего наличие весьма значительных групп немецкого и русского населения) приводила к тому, что влияние городской культуры на культуру деревни имело здесь свои особенности и обусловило появление ряда специфических черт латышской национальной культуры. Именно города, и особенно Рига, являлись центрами, где в этот период стала зарождаться новая культура формирующейся латышской буржуазной нации. И если сами латыши в силу многих причин не могли быть авторами проектов основных сооружений, воздвигавшихся в Латвии в конце XVIII — начале XIX в., оставаясь только их исполнителями (а исполнителями они были весьма часто), то это свидетельствует лишь о подавлении творческих сил народа немецкой верхушкой, но ни в коей мере не означает, что архитектура эпохи просветительства была чужда нарождающейся общенациональной культуре латышского народа. Изучение архитектуры Риги конца XVIII — начала XIX в. представляет в свете этого положения особый интерес и может служить одной из первых предпосылок для глубокого изучения развития классицизма в архитектуре на территории всей Латвии, а также для выявления его фактически существовавших местных особенностей.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ЗОДЧЕСТВА РИГИ ДО СЕРЕДИНЫ XVIII в.

Архитектурный облик Риги складывался на протяжении многих столетий. В средние века сформировалась ее центральная часть, именуемая ныне «Старым городом», в период позднего средневековья начали развиваться рижские предместья, или «форштадты». В XVII—XIX вв. обе эти части города были реконструированы и расширены в соответствии с новыми потребностями, и, наконец, во второй половине XIX в. они были объединены и образовали современную Ригу. Каждый период развития архитектуры Риги был вызван к жизни совершенно определенными условиями и являлся естественным результатом воздействия ряда экономических, социально-политических, военно-оборонительных и художественных факторов¹.

В XII в. Рига — лишь небольшое торговое поселение ливов, которое располагалось в излучине речушки Рига, позднее названной Ридзinja, в месте слияния ее с Даугавой. В XIII в., после того как это селение «открыли» немецкие крестоносцы и сделали его базой для покорения прибалтийских народностей, — Рига начинает приобретать все большее военное значение. Она становится главным портом, через который

¹ Вопросы периодизации развития плана Риги были впервые рассмотрены Э. Пучиним в работе «Этапы развития городского центра Риги в эпоху феодализма», в которой автор выделил четыре основных этапа в развитии плана докапиталистической Риги: 1-й, до 1201 г., когда Рига была небольшим поселением ливов, 2-й, с 1201 по 1581 г., когда Рига существовала как относительно самостоятельный феодальный город, 3-й, с 1581 по 1710 г., т. е. период польско-шведского владычества, и 4-й, с 1710 по 1857 г., т. е. со времени присоединения Риги к России и до момента срытия городских валов (см. Е. Пуčiņš. Rīgas pilsētas centra attīstības posmi feodālajā laikmetā, в кн.: Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I, стр. 52—57). При установлении подобной периодизации крайние даты отдельных периодов совпадают с изменением политической принадлежности и, отчасти, общественно-экономической жизни города, что, однако, не всегда соответствовало периодам действительного архитектурно-планировочного изменения структуры города.

передовые отряды облаченных в латы крестоносцев поддерживали постоянную связь с питавшей их оружием и наставлениями Западной Европой. В Ригу стекались в поисках славы и наживы крестоносцы, торговцы, клирики и ремесленники. Здесь образуется городская община. Город застраивается стихийно — вдоль Ридзিনি и сухопутных путей. Уже в первые десятилетия XIII в. Ригу обносят каменными стенами, в ней возводятся первые церкви и появляются кирпичные здания, начинает складываться костяк уличной сети Старого города, включившего в себя и бывшие поселения ливов; за важнейшими зданиями были закреплены определенные места.

В конце XIII в., когда порабощение народов Прибалтики (латышского и эстонского) было в основном завершено, из всех первоначальных функций Риги на первый план все больше и больше начала выступать торговая. В последующем Рига благодаря своему весьма выгодному географическому положению приобрела важное значение в товарообмене Востока с Западом. Она входит в состав союза ганзейских городов, в нее стекаются значительные богатства, население города увеличивается. В Риге строятся первые общественные здания — купеческой и ремесленной гильдий, городского самоуправления. К концу XV в. уличная сеть Риги, втиснутая в каменное кольцо крепостных стен, полностью сформировалась; возможности расширения площадей застройки оказались почти исчерпанными. Это был уже типичный средневековый ганзейский город.

Если первые каменные здания, относящиеся к началу XIII в. (орденский замок Виттенштейн, алтарная часть и монастырские помещения Домского собора и др.), возводились из естественного камня в формах романской архитектуры, то начиная со второй половины XIII в. все зодчество Риги начинает формироваться в русле развития готики. Готическая архитектура Риги достигла своего расцвета в XV в., что было связано с широким распространением кирпича в качестве основного строительного материала. В 1408—1409 гг. прибывшим из Ростока мастером И. Румешотелем была заново выстроена алтарная часть церкви Петра с обходом, состоявшим из пяти капелл, и часть транспта. Здесь впервые наиболее полно в зодчестве Прибалтики была использована конструктивная система готической архитектуры. В середине XV в. церковь была достроена. Тогда же были перестроены и другие основные церкви Риги — Домская и Якоба; их колокольни, приобретающие кверху иллюзорную ажурность благодаря дроблению стен нишами, аркатурными поясами и сочетанию белых оштукатуренных поверхностей с элементами, выполненными из красного кирпича, были увенчаны деревянными пирамидальными шпилями. Вплоть до середины XVI в. в Риге продолжалось широкое применение и совершенствование готических художественных и конструктивных приемов, что проявилось при восста-

новлении в конце XV или в начале XVI в. небольшой однефной церкви Иоанна, при строительстве в 1491 (?)—1515 гг. третьего по счету орденского замка (первые два были разрушены горожанами в ходе борьбы с Ливонским орденом).

В духе готических традиций формировалось также и жилье рижских бюргеров. Первым известным нам строительным уставом Риги 1293 г. в городе было полностью запрещено строительство из дерева, поэтому жилые дома стали возводить в каменных конструкциях. Дома эти располагались на узких участках, вплотную один к другому, были обращены торцом к улице и имели высокий ступенчатый щипец. Единственное жилое помещение располагалось на первом этаже, погреба и чердак, разделенный на несколько ярусов, служили складами товаров.

В XVI в. началась новая полоса в истории Риги. Город переживал период расцвета торговли. Число жителей в Риге увеличилось до 10—15 тыс. человек, значительно возросло количество ремесленных цехов. Наряду с этим здесь появилась определенная классовая прослойка торговой буржуазии, «которая все более четко осознавала общность своих интересов как в борьбе с феодалами, так и в отношениях с городской беднотой»¹. Прокатившаяся по Западной Европе волна реформации в начале XVI в. достигла также и Риги, где в 1524 г. развернулось иконоборческое движение, явившееся «формой протеста против существующего порядка»². Политические и экономические изменения, происшедшие в Прибалтике в XVI в., борьба против католичества создали условия для распада Ливонского ордена, для разложения средневековой схоластики и подготовили почву для проникновения в Прибалтику некоторых идей гуманизма и вместе с ними — отдельных элементов культуры Возрождения.

Наряду с внутренними сдвигами, происшедшими в Риге в начале XVI в. и наглядно показавшими ограниченность некоторых сторон средневекового уклада, имелись и более существенные, «внешние» факторы, предопределившие дальнейшее развитие плана города. К числу подобных факторов относились соображения военно-оборонительного порядка, которые на всем протяжении существования феодальной Риги играли в планировке города важнейшую роль.

Задача повышения обороноспособности города приобретала особую актуальность в силу изменения методов ведения войны. Тяжеловооруженное рыцарство уже в войнах второй половины XV в. перестало играть решающую роль. На сцену выступило хорошо обученное массовое войско в лице ландскнехтов. Все более широкое значение приобретало огнестрельное оружие, артиллерия. В этих условиях высокие крепост-

¹ История Латвийской ССР, т. I. Рига 1952, стр. 152.

² Там же, стр. 155.

ные стены оказались малоэффективными, они не могли противостоять осадной технике и инженерному искусству нового времени.

Еще в XV в. оборонительные стены Риги, неоднократно совершенствовавшиеся по мере необходимости, могли служить известной защитой от нападений врага. Это объясняется тем, что в период могущества Ливонского ордена и относительной слабости его соседей Рига вела лишь сравнительно ограниченные междоусобные войны с Орденом и архиепископом. Рижские стены, кроме того, обеспечивали безопасность привилегированным верхам города в случае возможного нападения плохо вооруженных ливов, латгалов, куршей, эстов и других угнетенных народностей. Но по мере того, как таяло могущество Ливонии и рушилась столь ненавистная соседним народам власть Ливонского ордена, военное положение Риги становилось все более ненадежным. В числе возможных врагов Риги начали выступать новые силы. Перед городом возникла необходимость обеспечить свою безопасность доступными средствами. Одним из таких средств являлись оборонительные укрепления, поэтому вопросы их реконструкции стали в XVI в. весьма актуальными.

В 1537 г. было решено выстроить участок новых укреплений от Песчаных (Sandtor) до Якобовских ворот. Строительство новой полосы укреплений требовало больших затрат сил и средств, поэтому оно затянулось на долгие годы. Лишь через 11 лет после начала строительства удалось закончить сооружение вала вдоль северной границы города. Как указывает Я. Страуберг, строительство валов осуществлялось латышскими мастерами¹.

Следующий этап строительства начался в 1551 г. В этот период были возведены валы вдоль левого берега Ридзини, которая тем самым была включена в черту города. В 1554 г. эта часть валов была закончена, и территория города несколько расширилась, поскольку между старыми и новыми укреплениями образовалось свободное пространство.

Полосу земли, образовавшуюся между старыми и новыми укреплениями, магистрат разрешил застроить жилыми и хозяйственными зданиями, которые вскоре были возведены по обеим сторонам Ридзини, вдоль линии укреплений. Но уличная сеть сложилась здесь не сразу. Позднее, в XVIII в., Ридзиня была заключена в узкий канал и на ее берегах образовались новые кварталы. Таким образом, если территория Риги внутри каменных стен равнялась 28 га, то с добавлением территории, занимаемой валами, она увеличилась до 35 га².

После 1565 г., когда валы были возведены на последнем, самом трудном участке — между Якобовскими воротами и замком, а также

¹ J. Straubergs. Vecā Rīgā. Rīgā 1951, стр. 70.

² R. Stegman. Das Stadtgebiet. В кн.: Rīga und seine Bauten, стр. 20.

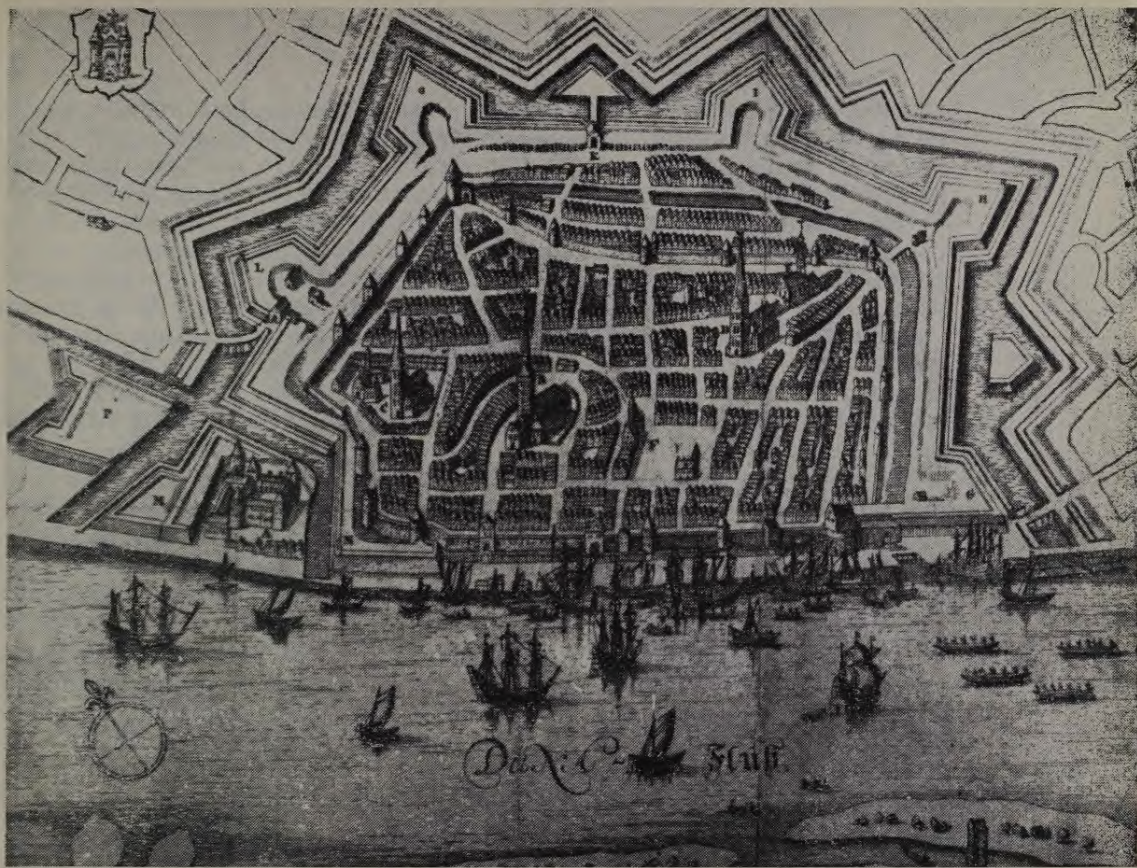
был сооружен вал напротив замка, полукольцо валов обоими своими концами примкнуло к Даугаве.

Общая нестабильность военно-политической обстановки той поры создавала реальную угрозу захвата города иностранными войсками. В 1558—1559 гг. Риге угрожала осада со стороны войск Ивана Грозного. А когда через несколько лет город сбросил бремя вассальной зависимости от прекративших свое существование Ордена и рижского архиепископства, появились другие претенденты, стремившиеся установить свое господство над Ригой, пока она, наконец, не подпала в 1581 г. под власть Польши. Все эти перипетии свидетельствовали о неотложности мер по усилению укреплений города. Особенно очевидной необходимостью подобных мер стала после того, как в 1600 г. началась шведско-польская война и в 1601 г. шведские войска появились под Ригой. В этих условиях поляки, стремясь сохранить город в своих руках, были, конечно, вынуждены настаивать на усовершенствовании его укреплений, слабость которых польским властям была хорошо известна. Однако в тяжелое военное время у города вряд ли имелись достаточные средства для быстрой реконструкции укреплений. К тому же в этот период были начаты инженерные работы по укреплению берегов Даугавы; строители соединили каналом озеро Шмерль со рвами Рижской крепости и т. п. В этих условиях реконструкция укреплений Риги могла протекать лишь исключительно медленно.

Все эти работы, начатые еще в 1537 г., свидетельствовали о том, что уже в середине XVI в. в Ригу проникли принципы фортификации эпохи Возрождения¹, которые проявились прежде всего в чисто практической области строительства; во-вторых, этими работами было положено начало изменению средневековой структуры плана Риги.

Бурные политические события и общая нестабильность положения Риги в середине XVI в. не способствовали развитию так наз. гражданского строительства. Поэтому только во второй половине XVI в. в отдельных, немногочисленных постройках стали появляться новые формы, типичные для эпохи контрреформации, в которых элементы, заимствованные из арсенала античности, своеобразно переплетались с готическими строительными приемами. При расширении церкви Иоанна (1587—1589 гг.) была возведена трехнефная пристройка, в которой были впервые применены тосканские колонны, служившие опорами стрельчатых арок среднего нефа. В 1620 г. была предпринята перестройка готического здания Дома Черноголовых (впервые упоминается как здание купеческой гильдии в 1330 г.); его ступенчатый щипец полу-

¹ Обычно принято считать, что черты Возрождения, или, как говорит Б. Виппер, маньеризм, начинают распространяться в архитектуре Риги лишь после 1560 г. (см. B. Vīpergs. *Latvijas māksla baroka laikmetā. Rīgā 1937*, стр. 19—23).

Рига в 1640 г.

Гравюра середины XVII в.

чил новое обрамление, выполненное из светлого песчаника в формах голландского ренессанса.

В 1621 г. Рига пала под натиском шведских войск. Тем самым Швеция приобрела важный опорный пункт на юго-восточном побережье Балтийского моря. После этого в первой половине XVII в. в Риге начинается новая полоса фортификационных работ, которые на сей раз были тесно связаны с перепланировкой рижских предместий и имели гораздо большее градостроительное значение, чем работы предыдущего периода.

От этого этапа формирования плана города до нас дошло немало графических документов — планов геодезической съемки, проектов,

гравюр, изображающих укрепления Риги и панораму города, которые иллюстрируют ход фортификационных и градостроительных работ, осуществлявшихся в Риге в период шведского владычества. Как и на предыдущем этапе, основным побудительным мотивом к проведению таких работ служили соображения военно-оборонительного порядка. Об этом свидетельствует общая политическая ситуация, сложившаяся на побережье Балтики в XVII в., когда Шведское королевство по стратегическим, экономическим и военно-политическим соображениям было кровно заинтересовано в сохранении завоеванных им в Прибалтике земель и поэтому прилагало все усилия для повышения обороноспособности оккупированных провинций в Восточной Прибалтике. Анализ проектов и планов Риги XVII в. подтверждает, что все эти проекты в значительной степени зависели от военных потребностей.

Характерно, что первый известный нам план Риги шведского периода, который был в 1633 г. составлен генералом Томмом, показывает, что на первых порах после овладения Ригой шведы прежде всего закончили начатую поляками модернизацию городских валов и бастионов. Однако на плане Томма уже обозначен профиль проектировавшихся новых укреплений Риги¹.

Другие изображения Риги, относящиеся к 1640 г., показывают, что вокруг города на месте укреплений XVI в. уже высились в это время новые валы и бастионы, в которых принципы фортификации, разработанные в Западной Европе, были применены весьма последовательно. В систему этих укреплений был включен Рижский замок, а также небольшая крепость — форт Коброншанц, возведенный на левом берегу Даугавы².

Таким образом, всего за несколько лет во второй четверти XVII в., как можно заключить хотя бы из приведенных данных, был выполнен в целях укрепления Риги как крепости несравненно больший объем работ, чем за предшествовавший период, когда на протяжении почти ста лет создавались первые, весьма примитивные валы и бастионы. Однако и на этом этапе строительства в план Риги не были внесены принципиальные изменения. Заслуга строителей первой половины XVII в. со-

¹ Очевидно, это обстоятельство дало Я. Страубергу основание утверждать, что Томм разработал также «план постройки крепости» (J. Straubergs. *Vecā Rīga*, стр. 71).

² Распространено мнение, будто новые укрепления Риги были созданы по классической системе французского маршала Вобана (см., например, H. Pirangs. *Arhitektōniska stila formas Rīgas pilsētas ainavā*, в кн.: *Rīga kā Latvijas galvas pilsēta*, стр. 114). Однако это спорно не только с хронологической точки зрения, но и потому, что Вобан обычно облицовывал эскарп на всю высоту камнем, в Риге же эскарпы земляные, не облицованные, что сближает их с голландскими системами. Кстати, в документах XVIII в. укрепления города Риги оцениваются русскими военными инженерами не иначе, как созданные по голландским образцам.

стоит в усовершенствовании уже существовавшей системы фортификации, в поднятии ее до уровня новейших требований военностроительного искусства¹.

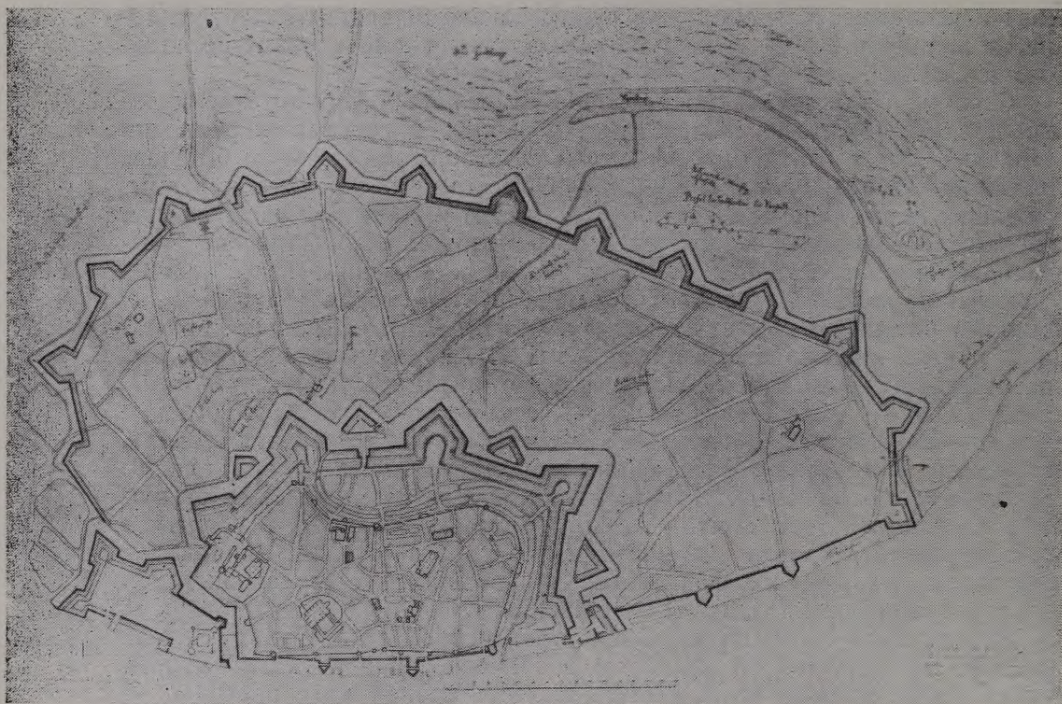
Строгие линии ритмично расположенных валов и бастионов являлись новым элементом в облике Риги. В период перестройки укреплений главный въезд в город был перенесен со старого места — у бывшего Песчаного (Sand) рavelина, — его разместили посередине куртны, лежавшей между новым Песчаным бастионом и Панкухен-бастионом, и с внешней стороны прикрыли особым рavelином. Такой перенос, вызванный оборонительными соображениями, в конечном итоге привел к изменению характера некоторых улиц Риги. Песчаная (Sand — ныне Смилшу) улица, по которой некогда через старый въезд в город попадали к рыночной площади, начала терять значение главной; теперь кратчайший путь от вновь созданных ворот к рынку лежал по Известковой (Kalk — ныне Ленина) улице², со временем превратившейся в одну из важнейших магистралей города. Главные ворота города, устроенные в куртине крепости, были выделены чисто декоративными средствами: в отличие от земляного эскарпа куртны, они были выполнены из камня. Этот контраст еще более подчеркивался богатыми скульптурными деталями. Композиционно ворота решались наподобие триумфальной арки, их формы были образчиком североевропейской интерпретации форм позднего Возрождения.

Работы 1635—1640 гг. являлись лишь первой стадией задуманных шведами мероприятий по усилению обороноспособности Риги. Вторая стадия работ должна была решить более широкий круг проблем, — предполагалось включить в систему обороны города также рижские предместья, создав на их внешней границе еще одну полосу земляных укреплений. Следует отметить, что сами предместья, или форштадты, неоднократно уничтожались; их существование близ стен Риги носило «полулегальный» характер, поэтому их планировка и застройка во многом носили черты случайности и недолговечности.

Начало осуществления новой стадии мероприятий по усилению обороноспособности Риги в середине XVII в. не без оснований связывается с составлением первого геодезического плана Риги и рижских предместий. На этом плане, выполненном городским инженером Франциском

¹ В некоторых отношениях устройство новых укреплений все же отставало от наиболее прогрессивных требований фортификации того времени. Так, если еще Д. Спекль, известный страсбургский военный инженер и теоретик XVI в., предлагал делать фланки перпендикулярными к линии обороны, но не к куртине, то фланки рижских бастионов оставались перпендикулярными к куртине, да и сами бастионы и рavelины, по сравнению с теоретическими размерами подобных укреплений, были недостаточно велики.

² E. Pučiņš. Rīgas pilsētas centra attīstības posmi feodālajā laikmetā. В кн.: Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I, ср. 34, 39.

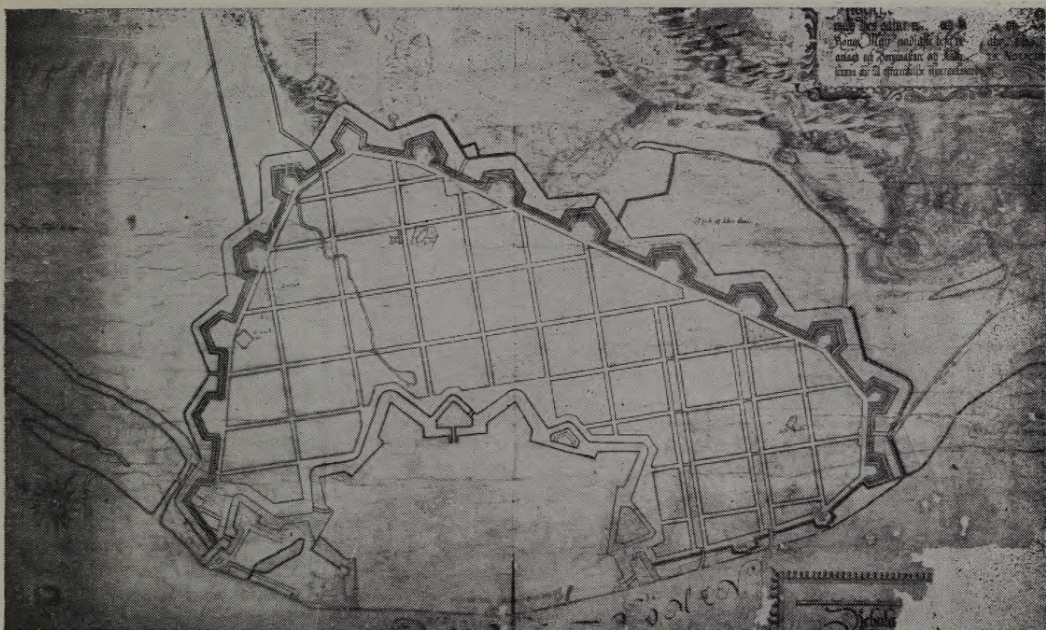

Геодезическая съемка Риги 1650 г.

Копия Р. Штегмана с плана Ф. Муррера.

Муррером в 1650 г., не только обозначена исторически сложившаяся уличная сеть города и предместий, но, кроме того, зафиксирована также проектировавшаяся полоса внешних укреплений, которыми намечалось окружить рижские предместья. На этом плане изображена нерегулярная сеть улиц предместий, которые, судя по гравюрам XVII в., были слабо застроены: здесь располагались главным образом сады и огороды горожан. Но уже через два года (в 1652 г.) появился новый план, на котором в очертания проектировавшихся форштадтских укреплений вписана новая сеть улиц предместий. Это был первый проект перепланировки уличной сети в Риге. Момент его создания можно считать рубежом, после которого начинается новый этап развития градостроительного искусства в Риге.

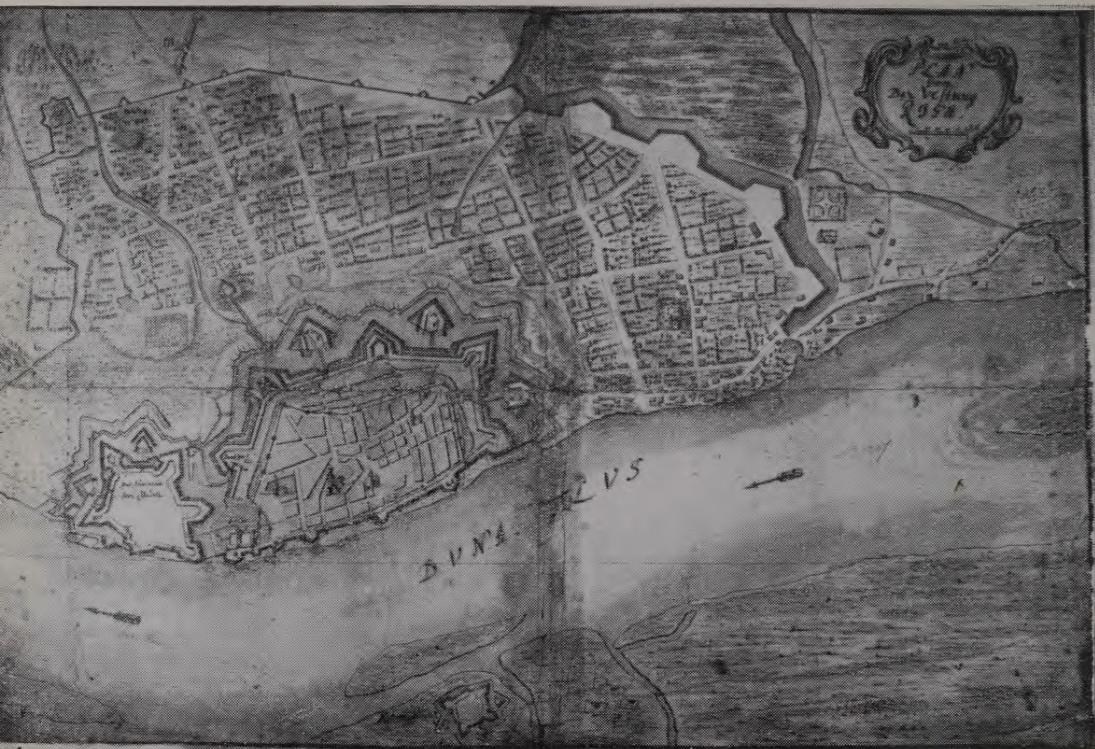
Особенностью плана 1652 г. является то, что вновь запланированные прямые улицы форштадтов идут на нем лишь по двум взаимно перпен-

Проект перепланировки рижских предместий 1652 г.

дикулярным направлениям и делят территорию рижских предместий на несколько десятков прямоугольных кварталов. Некоторые улицы было запроектировано проложить параллельно реке Даугаве, а другие должны были пересекать их под прямым углом с таким расчетом, чтобы один их конец упирался в укрепления Старой Риги, а другой — в укрепления предместий. Лишь проезды, расположенные вдоль внешних валов Риги, намечено было устроить соответственно очертаниям линии новых укреплений города, так что они образовывали бы в плане ломаную линию. Застройка предместий должна была непосредственно примыкать к рвам и бастионам Старого города. Общие планировавшиеся очертания форштадта имели вид прямоугольного треугольника с закругленными вершинами; основанием этого «треугольника» был берег Даугавы. В плане 1652 г. почти не учитывались особенности рельефа и традиции формирования уличной сети в рижских предместьях.

Художественные особенности проектировавшейся перепланировки рижских предместий могут быть выявлены при сравнении плана 1652 г.

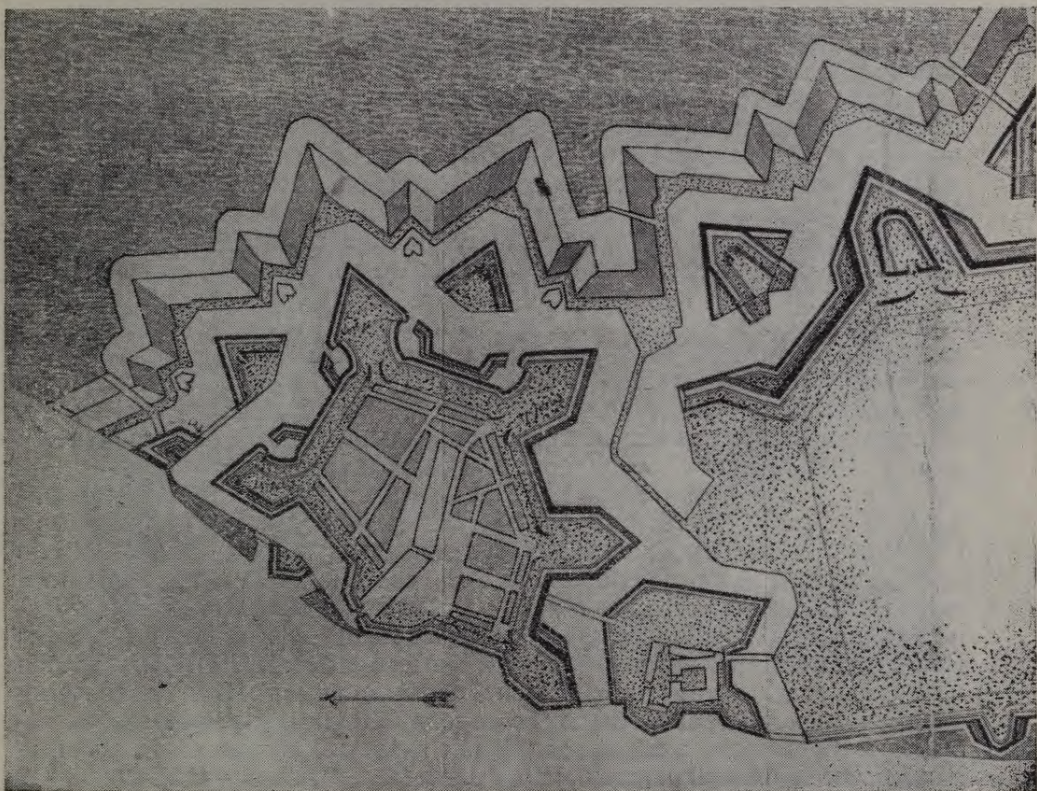
План Риги.

Чертеж конца XVII или начала XVIII в.

с градостроительными идеями XVII в. (некоторые рижские исследователи в своих работах справедливо относят этот план к эпохе барокко¹). В архитектуре Западной Европы, во Франции и в Италии, в середине XVII в. были распространены принципы лучевого расположения улиц, перспективы которых замыкались той или иной архитектурной доминантой. В проекте планировки рижских предместий 1652 г. подобные принципы композиции были применены своеобразно — ряд параллельных улиц предместий был ориентирован на вертикали старого ядра города. Этот план имеет некоторую общность с проектами создания укрепленных «идеальных» городов XVII в.², с той, однако, разницей, что в нем

¹ См., например, упоминавшуюся уже статью Х. Пиранга «Arhitektoniska stila formas Rīgas pilsētas ainavā», в кн.: Rīga kā Latvijas galvas pilsēta, стр. 114.

² См. G. Münter. Idealstädte. Ihre Geschichte vom 15.—17. Jahrhundert. Berlin 1957.

План рижской цитадели.

Гравюра начала XVIII в.

отсутствует площадь, которая должна быть основным узлом уличной сети и центром композиции плана подобного города.

Шведские власти, осуществлявшие все эти градостроительные мероприятия, очевидно, вовсе не ставили перед собой задачи создать единый городской организм, основанный на применении новейших архитектурно-планировочных идей XVII в. Им нужно было лишь избавиться от нерегулярной, стихийно сложившейся сетки улиц предместий, с тем чтобы улучшить возможность обороны города. Применение прямоугольного плана в предместьях, с одной стороны, обеспечивало условия для быстрой переброски войск в случае необходимости обороны внешней линии укреплений Риги и, с другой, способствовало сквозному простре-

ливанию улиц предместий с валов и бастионов Старого города. Поэтому-то архитектурно-планировочные принципы XVII в. и были применены при перепланировке предместий столь робко.

План 1652 г., как и остальные градостроительные и фортификационные начинания шведов в Риге, не был полностью реализован. Перепланировка предместий и пробивка новых улиц согласно этому плану были осуществлены лишь в границах старых палисадов, возведенных еще в XVI в. Только в юго-западной части предместий была прорыта часть рва, получившего название Ротенбургского, и было построено несколько бастионов. Остальные районы были обнесены простым частоколом.

Обнаруженный нами в ЦГВИА план (Plan von der Vestung Riga), снятый, очевидно, в конце XVII или начале XVIII в.¹, показывает, что на рубеже XVII и XVIII вв. в предместьях Риги были застроены лишь главные улицы форштадтов. Судя по этому плану, здесь насчитывалось всего лишь 167 домов и одна церковь, а сеть улиц форштадтов несколько отличалась от сети улиц, изображенной на плане 1652 г. Большинство участков по-прежнему отводилось под сады и огороды горожан.

В последней трети XVII в. в Риге создается и осуществляется еще один проект: около 1670 г. рижский генерал-губернатор Э. Дальберг, известный также как инженер-проектировщик, который в 1682 г. составил проект реконструкции Нарвы, разработал план рижской цитадели². Она была построена в конце XVII в. для обороны Риги с северной стороны и представляла собой небольшую, созданную по системе Вобана самостоятельную крепость с 6 бастионами. От Старого города и от форштадта цитадель отделялась рвами и валами. Она органически входила в систему обороны всего города. В цитадели находилось несколько деревянных зданий солдатских казарм, которые были расставлены параллельными рядами, и пороховые погреба.

В тот же период в валах крепости и цитадели были созданы замечательные новые ворота. Лучшими из них были Карловские ворота, впервые соединившие район так наз. Московского форштадта со Старым городом, и Королевские ворота, соединившие цитадель с замком³.

Прогрессивная роль градостроительных и фортификационных работ XVII в. заключалась в том, что они внесли в застройку города определенную систему и наметили основной принцип планировки форштадта — контрастный по сравнению с планировкой Старой Риги. Кроме того, эти работы привнесли в архитектуру Риги некоторые новые черты, чуждые средневековым приемам застройки города.

Мирная передышка, предшествовавшая Северной войне, способствовала повышению экономического значения Риги и дала толчок

¹ ЦГВИА, военно-ученый архив, д. 22394.

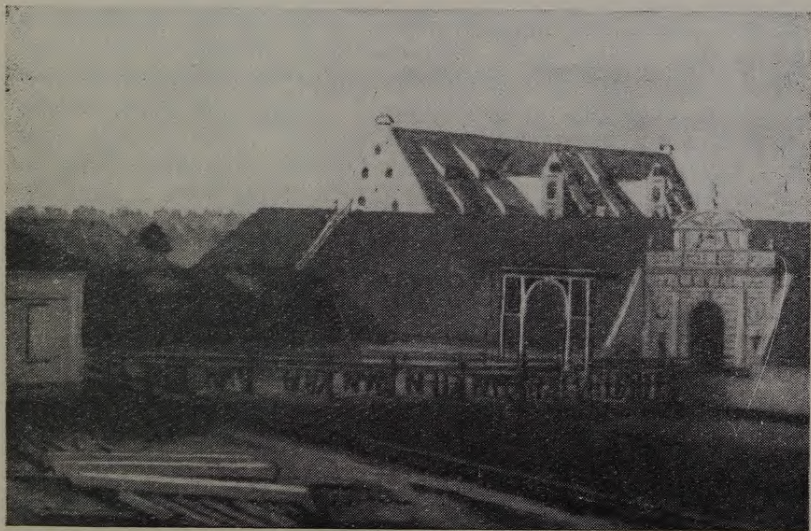
² J. Straubergs. Vecā Rīga, стр. 71.

³ О дальнейшей судьбе этих ворот см. на стр. 228—230.

Фасад Карловских ворот Риги.
Чертеж 1761 г.

Общий вид Королевских ворот рижской цитадели.
Рисунок И.-Х. Бротце конца XVIII в.

Панорама рижских предместий в 1701 г.

Гравюра И. Литена.

оживлению строительной деятельности. Так, по проекту Р. Бинденшу были осуществлены значительные перестройки в церкви Петра — в 1689—1690 гг. была построена новая ажурная барочная башня, явившаяся самой высокой деревянной конструкцией тогдашней Европы, а в 1692 г. был возведен новый барочный фасад церкви, в трех порталах которого был удачно использован синтез скульптуры и архитектуры. Эта постройка была гордостью Риги. Но в целом новые формы в этот период появлялись лишь как декоративные элементы; их применение обычно не приводило к изменению средневековой структуры сооружений, хотя и придавало зданиям совершенно новое художественное звучание. Своеобразие ведущих архитектурных концепций Риги конца XVII в. основывалось на стремлении скрыть за классическим барочным фасадом ту или иную готическую постройку. Основные сдвиги в XVII в. заключались в изменении градостроительной структуры Риги и в преобразовании типа бюргерского жилища, что имело важное значение для дальнейшего развития архитектуры города.

Среди каменных жилых домов, возводившихся в Старой Риге вплоть до конца XVII в., можно различить два основных типа зданий. Характерной особенностью древнейшего типа было то, что в нем жилые помещения объединялись с производственными — складом товаров и

мастерской ремесленника либо лавкой торговца, причем собственно жилье занимало в общем распределении помещений второстепенное положение. Такой дом был обращен к улице торцом, имел высокий щипец и т. д. Иначе говоря, это было типичное средневековое бюргерское жилище, характерное для ганзейских городов. Во второй половине XVII в. появился другой тип зданий, где, в противоположность первому, главную роль начинают играть собственно жилые помещения. Эти здания были обращены к улице уже не торцом, а своей длинной стороной. Основным декоративным элементом дома стал один лишь портал.

Условия, способствовавшие становлению жилища, отличного от средневекового бюргерского дома, начали появляться задолго до конца XVII в. Они существовали уже по крайней мере на полвека раньше, когда длинные земельные участки, или парцеллы, расположенные в Старой Риге между двумя параллельными улицами, стали разделять на две части, каждая из которых выходила теперь только на одну улицу. Поэтому здания перестали разрастаться в глубь квартала. Одновременно в городе начали строить особые складские здания — амбары, в силу чего отпала необходимость хранить товары на чердаке жилища и ориентировать щипец вновь строящегося дома к улице. Скаты кровли стали делать параллельными трассе улицы, что при сплошной застройке было весьма удобно и для отвода с крыш атмосферных осадков. Наконец, среди нажившихся на торговле купцов появилось немало таких, которым потребовались более вместительные жилища. Очевидно, именно это и привело к тому, что в XVII в. в Риге появились дома, отличные от бюргерского жилища средневекового типа.

Однако наиболее решительный шаг в этом направлении был сделан только в конце XVII в., когда некоторые именитейшие горожане, достаточно влиятельные в экономическом и политическом отношении, чтобы построить для себя дом-дворец, начали возводить жилые здания, всем своим обликом свидетельствовавшие о состоятельности и знатности их владельцев. В композиции этих зданий отразились новые архитектурные принципы. Внутри такого жилого дома, наряду со многими отапливаемыми комнатами, стали устраивать несколько парадных залов, расположенных на втором или на первом этаже. Главный фасад этих сооружений впервые в рижском зодчестве был решен в большом ордере, что придало совершенно иное звучание архитектуре жилого дома, превратившегося в небольшой дворец. В силу этого средневековая концепция создания композиции фасада была отвергнута, и на ее месте появилась новая система, базировавшаяся на четком, геометрически правильном расположении проемов и декоративных деталей, на строгости архитектурных членений, лишенных динамической устремленности вверх, и на ритмическом расположении пилястров большого ордера. Хотя в общем объемном построении и в конструктивном решении подоб-

ных домов было еще много общего с конструкциями и объемами средневекового жилища, хотя эти дома имели высокие крыши, чердачное пространство которых все еще иногда использовалось как склад, — они тем не менее открыли новую страницу в жилищной архитектуре Риги. К числу таких зданий относятся так наз. дом Рейтерна, построенный в 1685 г. на ул. Марсталою, дом Данненштерна, который в 1696 г. был возведен на той же улице, и бывший дом торговца Хенненберга, расположенный на углу улиц Паласта и Яуна и перестроенный под городской (зимний) дворец Петра I в 1711 г.

Наряду с коренным изменением внешнего убранства и композиции всех этих домов, членение внутреннего пространства зданий также сильно отличалось от членения средневекового жилища. Увеличение ширины дома привело к необходимости устраивать капитальную стену, которая расчленяла жилой дом на два тракта. Комнаты, расположенные по обеим сторонам капитальной стены (одни — вдоль уличного фасада, другие — вдоль дворового), стали мельче, что обеспечило их лучшую освещенность, почти все они были проходными. Большинство помещений имело четырехугольную, иногда нерегулярную форму, что было вызвано неправильностью формы всего участка. Использование внутренних помещений в жилых домах этого типа почти всегда было идентичным. Первый этаж частично служил для хозяйственных нужд: здесь были кухня, жилые помещения прислуги (как, например, во дворце Петра I) или контора (как в доме Данненштерна); тут же находился холл, к которому иногда примыкал небольшой зал. Второй этаж, как упоминалось выше, был парадным, жилым. На антресолях располагались дополнительные спальни, либо же антресоли отводились для прислуги.

Некоторые документы, обнаруженные в архивах, и сохранившиеся элементы убранства подобных зданий дают возможность представить характер использования и оформления жилых помещений этих домов. Так, например, в описании бывшего городского дворца Петра I, составленном губернским архитектором Матвеем Шонцем (Матиасом Шонсом), содержатся весьма интересные сведения об убранстве сеней-холла и некоторых залов, расположенных на втором этаже. Правда, это описание было составлено уже после того, как дворец был частично реконструирован В. Растрелли и Н. Васильевым (см. стр. 54). В доме было 19 «больших и малых покоев». В «сенях», из которых лестница вела на второй этаж, имелись «4 картины старые живописные, 1 маленькой старой корабль»¹. С гораздо большей пышностью были отделаны помещения верхнего этажа. Здесь находилась «большая зала с шестью большими двойными окнами, внутри оной вокруг панели столярной работы

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 470, оп. 134/568, д. 2, л. 50.

до подоконья и 3 двойные двери с петлями и замками, большая белая муравленая кафельная печь с дверью и выюшкою; вся зала выкрашена сухими красками, а потолок масляною краскою¹; в зале висели «старой моды люстарь» и «старой моды зеркала с вызолоченными кантами»². Из этого зала прямой выход вел в висячий сад, устроенный в 1722 г. перед дворцом на валу, отделявшем Старую Ригу от набережной Даугавы. Кроме того, на втором этаже была «большая комната, где кушают, с двумя двойными и двумя одинарными дверьми и тремя двойными окнами, в ней черная глазурованная неугольная печь, с дверью и выюшкою, сия комната выкрашена сухими красками»³. Оформление остальных помещений было гораздо скромнее. Правда, в описании Шонса говорится, что в трех каких-то комнатах дворца в конце XVIII в. «живописцем» была сделана «новая живопись»⁴; это дает основание полагать, что в доме существовала также и «старая живопись», т. е. некоторые помещения были расписаны.

Традиция расписывать помещения домов этого типа была выявлена П. Кампе, который, изучая характер обработки интерьеров рижских зданий в эпохи барокко и классицизма, констатировал немало жилых покоев, расписанных в конце XVII и в начале XVIII в.⁵ Живописные панно на религиозные, мифологические или исторические сюжеты располагались на поверхности потолка, который поэтому делался из тщательно оструганных балок, приставленных вплотную одна к другой и служивших основой будущей росписи; швы между балками заклеивались бумагой или холстом. Можно предположить, что такая роспись была и в главном зале дворца Петра I, где, как указывалось, потолок, в отличие от стен, был выкрашен «масляною краскою».

Вообще в помещениях зданий этого типа обработке потолка уделялось основное внимание. В тех случаях, когда потолок не был расписан, поверхность его покрывали гипсом и украшали тонко прорисованными гипсовыми профилями и розетками, композиционно выделявшими его центральную часть. Поверхности стен, напротив, оставались гладкими и архитектурно никак не выделялись, лишь иногда обрабатывались панелями. Убранство жилых помещений базировалось на контрастном противопоставлении глади стен богато декорированному потолку и богатому убранству дверей, обработке замечательных кафельных печей и таких элементов интерьера, как деревянные лестницы.

¹ ЦГИАЛ, ф. 470, оп. 134/568, д. 2, л. 47.

² Там же, л. 50. — Возможно, что зеркала и люстры относятся к середине XVIII в., когда была произведена перестройка дворца.

³ Там же, л. 47.

⁴ Там же, л. 55.

⁵ P. Kampe. Rīgas dzīvojamā ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums. В журн.: «Latvijas arhitektūra», 1939, Nr. 3.

Насколько сильным акцентом могли быть отдельные элементы убранства интерьеров в таких домах, можно судить по перенесенным в Рижский государственный исторический музей дверям бывшего дома Данненштерна и дома № 3 по ул. Яунаву. Наличники и полотно этих дверей, а также щеки проема целиком выполнены из лакированного красного дерева. Здесь применена богатая резьба, элементы архитектурных форм, пилястры, витые колонки, архитравы; в некоторых случаях над дверьми в вычурном медальоне помещалось какое-нибудь живописное изображение. В этих формах, проникнутых духом барокко, можно видеть связь с некоторыми традициями провинциального зодчества Латвии, давшего в XVII в. прекрасные образцы подобных форм¹.

Наряду с этим следует констатировать, что в конце XVII в. в жилищах наиболее зажиточных рижских семей впервые начинает выявляться синтез архитектуры, живописи и скульптуры. Правда, архитектурные формы, живописные панно и скульптурное убранство не всегда составляли органическое единство, оказывались иногда несколько примитивными и, так сказать, самодовлеющими, но тем не менее знаменателен сам факт появления такого синтеза.

Тонкая резьба, применение дорогостоящих материалов и барочных приемов создания композиции были характерны также и для оформления наружных фасадов зданий. Однако между планировкой дома и композицией фасада здания не всегда существовала органическая связь, которая была характерна для лучших произведений эпохи барокко. Строгая симметрия фасадов этих домов иногда не отражалась в расположении внутренних помещений; уровень, на котором находились базы пилястров большого ордера, не совпадал с уровнем первого этажа; ризалиты либо особо акцентированные проемы употреблялись вовсе не как средство выделения важнейших помещений — это были лишь чисто декоративные элементы, усиливавшие богатство композиции фасада.

Обычно, как вообще в жилых домах XVII в., в этих зданиях с особой пышностью отделялись порталы. Но, в отличие от порталов предшествовавшего периода, являвшихся, по сути дела, единственным декоративным пятном сооружения, контрастировавшим с гладкими до примитивности стенами, в домах-дворцах конца XVII в. портал гармонически включается в общую систему композиции и становится лишь одним из элементов убранства фасада. Таков, например, вытесанный рижским каменотесом Г. Шмисселем портал бывшего дома Рейтерна, который композиционно лишь дополняет виртуозную обработку остальных частей фасада — прекрасный скульптурный фриз, гирлянды, вен-

¹ Развитие и особенности таких форм, характерных преимущественно для произведений архитектуры в провинции, рассмотрены в книге проф. Б. Р. Вилпера, посвященной искусству эпохи барокко в Латвии (B. Vi pers. Latvijas māksla baroka laikmetā).

зеля и т. п., — но уже не является основным акцентом. Если этот портал и выделяется на фасаде, то только благодаря тому, что его проем был перекрыт единственной во всем доме аркой, по сторонам которой стояли колонны, благодаря некоторому своеобразию рисунка орнамента, несколько измельченным деталям и менее пластичной, чем в остальных частях фасада, резьбе по камню.

Это обстоятельство показывает, что художественные методы решения интерьера здания и методы создания композиции фасада имели принципиальные различия. В интерьере господствующим приемом являлся контраст, на фасаде — гармоническое сочетание отдельных элементов. Такое различие можно было бы объяснить, во-первых, тем, что фасады домов этого типа и их интерьеры создавались по проектам различных зодчих; во-вторых, тем, что на интерьеры были перенесены некоторые приемы убранства фасадов зданий предшествовавшего периода, например противопоставление богатого портала гладкой поверхности стен. Отсюда напрашивается вывод, что фасады этих зданий выполнялись по рисункам каких-либо иностранных зодчих¹, а внутреннее убранство дома целиком создавалось местными мастерами, в большинстве своем анонимными.

В Риге развитие зданий этого типа не получило своего непосредственного продолжения, хотя отдельные принципы построения этих сооружений — поэтажное разделение помещений, продольная по отношению к улице постановка дома на участке, симметрия и горизонтальный строй конфигурации фасадов, богатое убранство парадных зал и гармоническое сочетание портала с архитектурным убранством всего здания — встречаются в рижском зодчестве и в последующие времена. Отсутствие преемственности в остальном объясняется несколькими причинами — ухудшением экономического и обострением политического положения в начале XVIII в., когда разгорелась Северная война, а в дальнейшем — изменением условий жизни в Риге, повышением общего культурного уровня, проникновением культуры просветительства и классицизма и т. д.

Но, кроме этих внешних факторов, существовал еще один, заложенный в самом типе таких сооружений. В построении общего объема жилых домов этого типа и в их конструктивном решении нашли свое отражение приемы, развитые еще в средневековой архитектуре. Это весьма наглядно проявилось в доме Данненштерна, который, как и прежние жилые дома рижских бюргеров, сочетал в себе две функции —

¹ П. Кампе указывает, что дом Рейтерна был создан городским строительным мастером Р. Винденшу, а дом Данненштерна — выходцем из Стокгольма скульптором Д. Вальтером, который, как полагает Кампе, участвовал также в обработке интерьеров дома (см. статью П. Кампе «Rīgas dzīvojamā ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums», в журн.: «Latvijas arhitektūra», 1939, № 3, стр. 77).

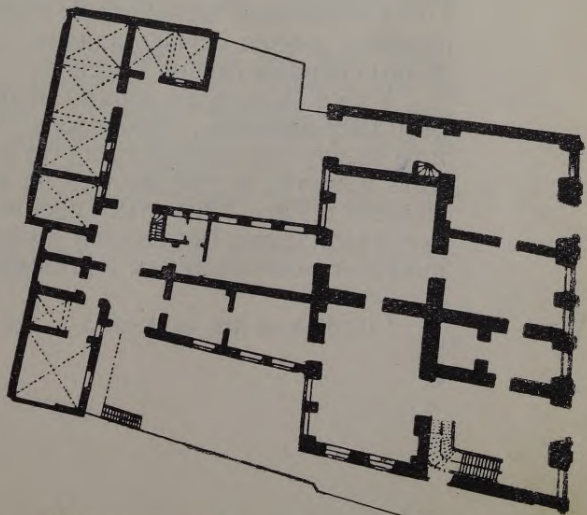

Дом Данненштерна в Риге.

жилого и складского помещения. В доме Данненштерна только два нижних этажа являются жилыми, тогда как огромное чердачное пространство, равное почти половине общей высоты здания, антресольный этаж и погреб полностью использовались как амбар. Эта особенность дома сказалась в решении торцового фасада, который почти ничем не отличается от фасадов амбаров рижских купцов, а также в построении общего объема сооружения. В результате здание оказалось «двуликим»: со стороны улицы это величественный дворец, сбоку же, со стороны двора, — обычный амбар, в вершине шипца которого даже укреплен ворот для поднятия товаров в нужный отсек чердака; принципы построения главного фасада базируются на применении ордерных форм эпохи классического барокко, боковой фасад целиком повторяет структуру готических сооружений.

Жилые дома именнейших рижских бюргеров, возведенные в конце XVII в., находятся одновременно и в вершине развития средневековых типов жилых домов, и в начале следующего этапа развития жилища. Все то принципиально новое, что впервые в Риге появилось в архитектуре этих домов, нашло дальнейшее применение и служило основой для образования новых типов городского жилья. Подобные здания занимают промежуточное положение между жильем, распространенным в эпоху позднего феодализма, и жилыми сооружениями периода разложения феодализма и развития капиталистических отношений.

Довольно беглый обзор развития архитектуры Риги до начала XVIII в. показывает, что новые формы и новые приемы архитектурной композиции, характерные для того или иного стиля или, точнее, для той или иной исторической эпохи, впервые обычно появлялись в зодчестве Риги в военно-оборонительных сооружениях, они влияли на изменение градостроительной структуры города и только затем начинали применяться в культовых, общественных и жилых постройках рижских бюрге-

План дома Данненштерна.

ров. К началу XVIII в. Рига сохранилась в основном как средневековый готический город, в котором формы архитектуры эпохи Возрождения и барокко встречались лишь в отдельных объектах.

* *
*

Новый этап в истории Риги начался после ее присоединения в 1710 г. к России, получившей тем самым еще один выход к Балтийскому морю. Северная война, как отмечает К. Маркс в своей «Секретной дипломатии XVIII века», позволила Петру I захватить лишь то, «что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны».

Факт присоединения Риги к России имел колоссальное значение не только для Российской империи, но и для самого города. В отличие от шведов, русское самодержавие стремилось к овладению Прибалтикой, включая Ригу, главным образом из экономических и торговых соображений, и приобретенные Россией территории рассматривались отнюдь не как колониальные земли, которые путем эксплуатации можно было бы превратить в неисчерпаемый источник дохода, но как составная часть государства, дающая возможность производить широкий товарообмен с западным миром. Понятно, что Рига оказалась в результате этого в исключительно выгодных для своего экономического развития условиях. Именно в такой политической ситуации наиболее ярко выявилось удобство географического размещения Риги, — впервые за ее спиной оказывался необъятный экономический хинтерланд, политически объединенный с нею в едином организме.

Рига перестала быть крепостью, вынесенной далеко за пределы колониального государства. Вопросы военного порядка стали поэтому решаться в принципиально ином плане. Теперь Рига уже не была форпостом для расширения агрессии, — она была крупным городом великой державы. Это создало условия для продолжительного мирного развития, а также поставило Ригу в оборонительном отношении в один ряд с большинством пограничных городов России. Поэтому и фортификационные работы осуществлялись теперь в городе в связи с общими задачами охраны границ России.

Уже в «капитуляционных пунктах» Риги, подписанных в 1710 г. графом Шереметевым, говорилось, что «его царское величество никогда того не упустит постараться, что к приращению и пользе городской службы может»¹, и указывалось на желательность расширения торговли и ремесла в Риге. Поскольку процветание города могло лишь способствовать укреплению Российской империи, постольку Рига продолжала развиваться в основном как торговый город.

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 104, примечание к § 13 капитуляционных пунктов.

Таким образом, после присоединения к России основные функции Риги приобрели новое качественное содержание: оставаясь торговым городом, Рига превратилась в важнейший торговый порт богатого государства, оставаясь крепостью, она стала крупным пограничным опорным пунктом; наконец, увеличилось и значение Риги как административного центра. После подписания Ништадтского (Нюстадского) мирного договора в 1721 г. правительство почти полностью передало торговые функции в ведение самого города Риги, административная функция была поделена между правительственной администрацией и магистратом, военная перешла в ведение России, хотя, правда, содержание укреплений и их реконструкция осуществлялись за счет города¹.

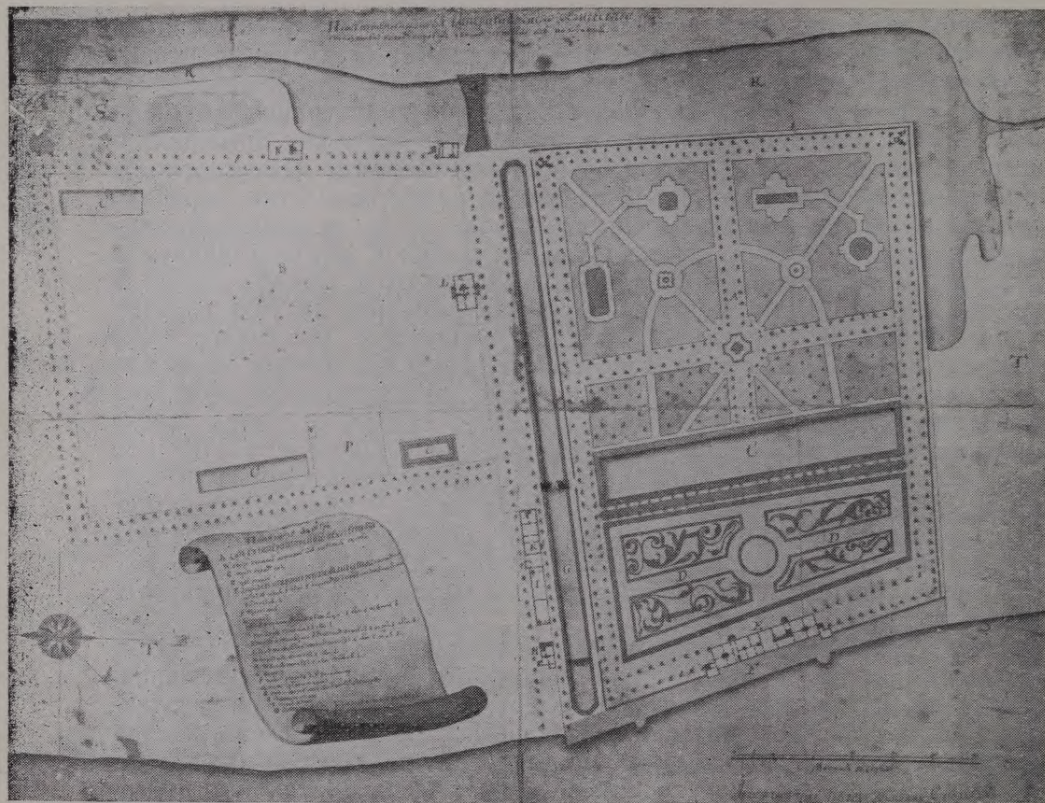
Во втором десятилетии XVIII в. экономическое положение Риги было, однако, не блестящим. В результате войны и эпидемии число жителей города сократилось к 1710 г. до 6 тыс.; значительно уменьшилось количество кораблей, посещавших рижскую гавань. Уровень жизни рижан оставался невысоким: как указывает Я. Страуберг, в 1728 г. в Риге насчитывалось 670 домов, в которых имелись 983 комнаты и 1397 камор², т. е. жилой дом в среднем состоял из 1—2 комнат и 2 камор. В этих условиях рижские бюргеры вряд ли имели возможности или особые потребности в осуществлении какого-либо крупного строительства. В качестве основного заказчика в строительстве теперь начинает выступать государственная власть.

После присоединения Риги к России постепенно выяснилось, что в городе нет ни одного архитектора, способного создавать сооружения, которые соответствовали бы господствующей направленности архитектуры России. Мастера рижских строительных цехов, удовлетворявшие в основном потребности частного строительства и зачастую проектировавшие несложные бюргерские здания, обладали, по мнению правительственных органов, слишком малой квалификацией в области архитектурного творчества. Очевидно, не случайно, что никто из них не был произведен в какой-либо архитектурский ранг. Поэтому проектирование казенных сооружений и наиболее значительных православных церквей поручалось обычно только архитекторам и инженерам, находившимся на государственной службе.

Именно в таких условиях начало формироваться так наз. «государственное» направление в развитии зодчества Риги. Вначале оно не несло, конечно, с собой черт классицизма, поскольку классицизм вообще начал развиваться в России лишь во второй половине XVIII в. Тем не менее, если проследить, как это направление развивалось в условиях Риги, как были связаны с ним изменения в архитектурно-планировочной

¹ Подробное описание городского строя Риги в первой половине и середине XVIII в. см. ниже в приложении 1 (стр. 354—363).

² J. Straubergs. Vecā Rīga, стр. 88.

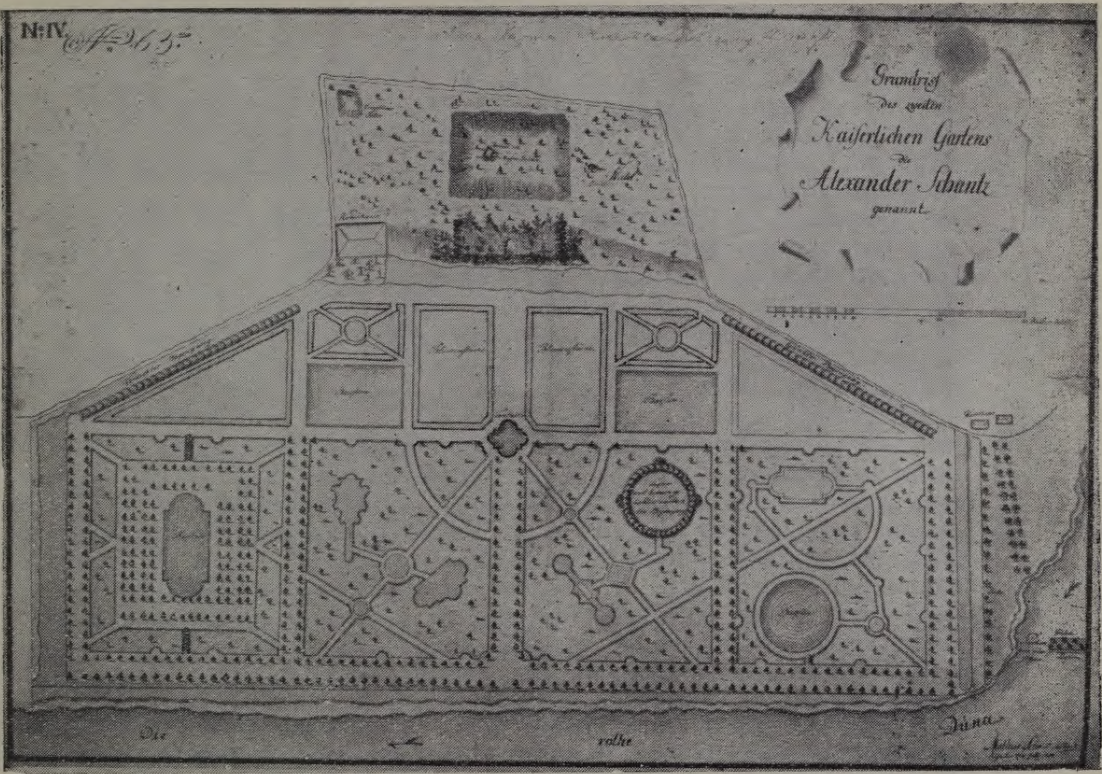

План 1-го «царского» сада — Петергольмского (ныне сад Виестура) — в Риге.
 Чертил в середине XVIII в. «архитектурци гезель» Н. Васильев.

структуре города и каково было общественное значение работ, осуществленных по указаниям центральных и губернских властей, то окажется возможным с большей глубиной вскрыть особенности архитектуры Риги эпохи классицизма. Следует, однако, учитывать, что «государственное» направление зодчества Риги нельзя полностью отождествлять с господствующей направленностью архитектуры России. Его особенности были обусловлены и наличием в Риге прочных строительных традиций, и сохранением старинного уклада жизни города, и тем, что многие строители, находившиеся на государственной службе в Риге, были нередко кровно связаны с местным немецким населением.

N:IV. 1792

Grundriß
des neuen
Kaiserlichen Gartens
de
Alexander Schantz
genant.

План 2-го «царского» сада (Александровского) на Александровских высотах в Риге.
Чертил в 1792 г. М. Шонс.

Одной из первых архитектурно-планировочных работ, выполненных после присоединения Риги к России, явилась разбивка двух так наз. «государевых» садов — Петергольмского и Александровского. Они, как сообщают документы конца XVIII в., были «заведены почивающим в бозе императором Петром Первым, к собственной его забаве и для пользы и удобства рижского общества; наипаче для тех, кои менее богаты и собственных дач не имеют»¹. Эти сады, один из которых сохранился до сих пор (Петергольмский, ныне — сад Виестура), занимали большое пространство к северу от укреплений города и имели общественное значение, являясь первыми общегородскими насаждениями в

¹ ЦГИАЛ, ф. 470, оп. 134/568, д. 1, л. 69.

Риге. Как и большинство заложенных Петром I в России садов, рижские сады состояли, кроме «вертограда», созданного «в древно французском вкусе с большими аллеями, цветниками, басинами и кварталами, кои обведены разными фигурами образованы и заключают в себе травники и плодовые деревья»¹, еще и из «овощных садов» — огородов. Правда, в последующем плодовые деревья здесь неоднократно гибли от морозов и паводков.

Создание Александрованского сада, находившегося на значительном расстоянии от основной городской застройки — в районе Саркандугавы (Красной Двины), было, кроме того, связано со стремлением Петра I переместить Ригу ближе к морю, устроить на Саркандугаве более удобную гавань и тем самым способствовать развитию рижской торговли. Иными словами, у Петра возник грандиозный градостроительный замысел, возможно, несколько утопичный и поэтому оставшийся нереализованным. В документе конца XVIII в. об этом замысле рассказывается следующее: «Рейде Двина есть рукав сей последней (т. е. Двины, или Даугавы. — Ю. В.), и хотя она не широка, но она столь глубока, что пред сим многие корабли удобно в ней перезимовать могли. Через то она и приобрела сие имя (т. е. Рейде Двина, которое впоследствии было переделано в Rote Düpa — Красная Двина. — Ю. В.) и городу доставила много выгод. В последствии времени она зделалась уже не способной к сему употреблению от того, что покойный полковник Вейсман завалил ее выход известною двинской его плотинной. Император Петр Первый нашел то место, где и ныне сад стоит, столь удобным для торговли, что он, сказывают, некоторое время желал перевезть туда всю торгующуюся часть Риги. Тогда построил он тамо шанец, наименовав оный Александрованцом (в честь А. Меншикова. — Ю. В.), отчево сад и получил сие имя, а развалины шанца и по днесь видны. Потом построил он на возвышенном месте императорский летний дворец, который, однако, также уже разрушен. Наконец завел пониже от того места сад во французском вкусе»².

Разбивка «государевых» садов, относящаяся к 1721 г., дала толчок к распространению в рижском зодчестве новых художественных принципов планировки. Здесь наметился новый подход к решению градостроительных вопросов, связанный с удовлетворением не только военных нужд, но и культурно-бытовых потребностей горожан.

Эти сады, как показывают исследования П. Кампе, были созданы по наброскам Петра архитектором П. Ионштейном (или Ионасом Штейном)³.

¹ ЦГИАЛ, ф. 470, оп. 134/568, д. 1, л. 71.

² Там же, л. 74.

³ P. Kampe. Bijušais Keizara dārzs, tagad Viestura dārzs — Rīgas pirmais un mākslinieciski vērtīgākais publiskais dārzs. Rīgā 1928, стр. 4.

Известное значение в развитии архитектуры Риги начала XVIII в. имело также строительство дворцов в обоих заложенных Петром I садах. Правда, в настоящее время не сохранилось даже следов этих зданий, и судить об их облике нам трудно. В документе середины 40-х годов XVIII в. сообщалось, что «летней дворец в петергольмском саду деревянной, в шеснатцати покоях, ис которых в двенатцати печи имеются и в трех обои шелковые; оной дворец в посредственном состоянии»¹. Что же касается дворца в Александршанцском саду, то о нем в том же документе упоминается как о незаконченном строении: «А при том [саду] фундамент большого начатого каменного дому, который начат по соизволению... Петра Великого. А ис прожекта того здесь ничего не находится»². Кстати, как видно из процитированного выше описания конца XVIII в., в тот период попросту забыли, что дворец в Александршанцском саду выстроен не был, и ошибочно считали, что остатки фундамента являются развалинами некогда существовавшего здания.

Летний дворец в Петергольмском саду, как можно судить по опубликованному П. Кампе рисунку³, и планировка обоих «царских» садов в Риге, особенно Александршанцского сада, имели много общих черт с аналогичными произведениями зодчества, создававшимися в петровскую эпоху близ Петербурга по проектам архитекторов Н. Микетти, М. Г. Земцова и др.⁴

Немаловажным событием в строительстве Риги конца 20-х годов XVIII в. явилось сооружение православной церкви в цитадели. В 1725 г. царица Екатерина I указала рижскому генерал-губернатору фельдмаршалу князю Н. И. Репнину, что «церковь в цитадели лучше бы сделать каменную, и для того велите сделать чертеж, каковой ей быть, и, смеясь, учинить роспись, что надобно кирпичу, камня и прочих потребных к тому материалов, и с чертежем прислать нам заранее»⁵. По смете, составленной согласно этому указу, оказалось, что на постройку необходимо 1 300 000 кирпичей, но так как кирпич был очень дорог, Екатерина I в марте 1726 г. повелела Репнину: «на вышеписанное строение на тех заводах (т. е. заводах, расположенных близ Риги. — Ю. В.) кирпичу сделать пред будущим летом солдатами и наемными работниками до миллиона, для которого дела отправлены к вам два человека кирпичных мастеров. Однако ж велите наперед сметиться, по чему того кирпичу тысяча на своих (т. е. казенных. — Ю. В.) заводах станет и годен ли он

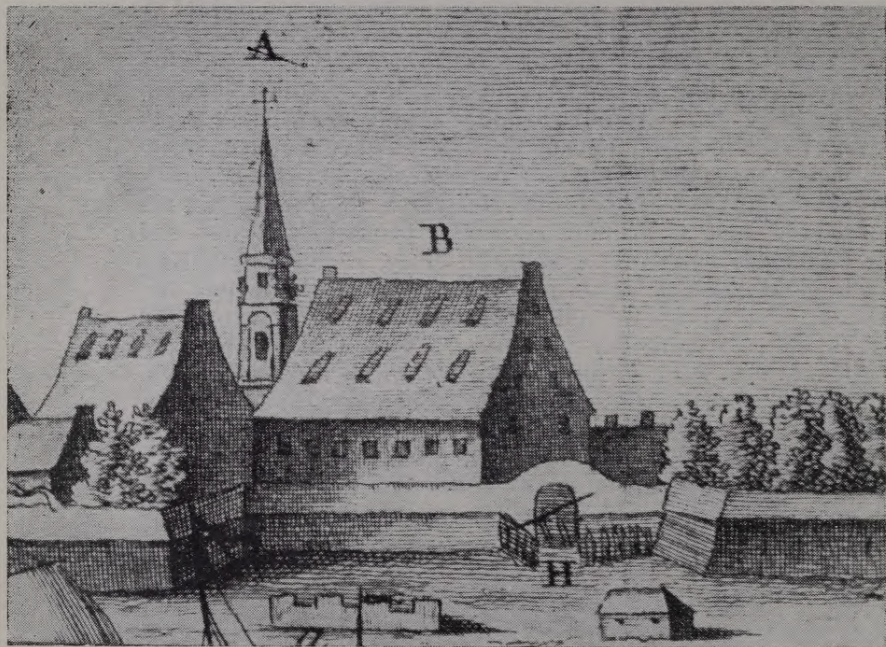
¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), госархив, ф. 16, д. 838, ч. 2, л. 25.

² Там же, л. 26.

³ Р. Кампе. *Bijušais Keizara dārzs...* стр. 13.

⁴ См. С. С. Бронштейн. Петербургская архитектура 20—30-х годов XVIII века. В кн.: *Русская архитектура в первой половине XVIII века. Исследования и материалы.*

⁵ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. IV. Рига 1882, стр. 199.

Колокольня первой каменной Петропавловской соборной церкви в рижской цитадели.
Фрагмент гравюры, изображающей панораму Риги около 1780 г.

будет в церковное и в другие наружные строения, и ежели в наружные стены будет не годен, то хотя бы во внутренние стены, а на наружные стены можно по нужде выписать из Любека или из Гданьска, отколь дешевле или мочно, и отсель лучшего кирпича можем отправить... также и на фундамент велите заранее приготовить камня и извести, сколько потребно...»; деньги на постройку церкви было приказано отпускать «из доходов выкупных в Курляндии амттов»¹.

Каменная церковь была построена в цитадели на месте старой шведской деревянной церкви, которая еще при Петре I была обращена в православный храм Петра и Павла. Облик этого сооружения в настоящий момент не вполне ясен, ибо уже в конце XVIII в. оно было разобрано и на его месте был построен новый, сохранившийся до сих пор Петропавловский собор. Ряд источников позволяет заключить, что церковь

¹ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. IV, стр. 201.

была в плане квадратной, с полукруглой апсидой¹. Она имела колокольную, построенную на деревянных столбах² и увенчанную шпилем³. При сооружении церкви были допущены некоторые ошибки: когда она была выстроена и нужно было освятить ее, псковский епископ Рафаил предписал в 1728 г. приостановить подготовку к освящению церкви «того ради, понеже мы уведомились, что тоя церковь имеет быть олтарем не на восток, но на полдень»; однако вслед за тем им был послан новый указ с предписанием все же освятить эту церковь «для отправления службы божьей, пока мест построена будет другая»⁴.

После возведения этой церкви⁵ в рижской цитадели впервые появилась архитектурная доминанта, правда, еще весьма скромная. Позднее, в конце XVIII в., идея создания вертикальной доминанты в цитадели была переосмыслена и получила свое блестящее воплощение в построенной заново колокольне рижского Петропавловского собора (см. главу III). Кроме того, строительство церкви в цитадели, очевидно, послужило стимулом к расширению казенных кирпичных заводов, находившихся под Ригой.

Пока неизвестно, кто составил проект и смету церкви Петра и Павла в цитадели. Но можно полагать, что они не принадлежали кому-либо из местных рижских строителей, — ведь даже для выделки кирпича были посланы в Ригу специальные мастера.

В конце третьего десятилетия XVIII в. в Риге было начато строи-

¹ Очертания Петропавловского собора, построенного в 1726—1728 гг., видны на плане Риги 1776 г., начерченном И. Беттхером (ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 26, д. 731); см. ниже вклейку между стр. 72 и 73.

² П. Синайский. Исторический очерк Рижского кафедрального собора. Рига 1910, стр. 5.

³ Колокольня собора видна на одной из гравюр, изображающих панораму Риги во второй половине XVIII в. (см. ниже рисунок на стр. 216—217).

⁴ Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии, вып. 1. Рига 1893, стр. 172.

⁵ Во всех литературных источниках, в той или иной мере затрагивающих вопросы строительства Петропавловской церкви в цитадели, высказывается неправильное мнение, будто каменная церковь в цитадели в 1726—1728 гг. построена не была. Одни считают, что церковь по непонятным причинам не выстроили вообще (Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. IV, стр. 202), другие же утверждают, что вместо каменной в тот период была построена деревянная церковь, основывая это мнение, очевидно, на том, что в колокольне церкви имелись деревянные столбы и что уже в середине XVIII в. церковь пришла в ветхость (П. Синайский. Исторический очерк Рижского кафедрального собора, стр. 5; Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии, вып. 1, стр. 171). Однако эти мнения опровергаются архивными документами. В частности, «Описание города Риги по нынешнему его состоянию», составленное около 1764 г. (см. ниже, приложение 1, стр. 354), показывает, что Петропавловский собор в цитадели был каменным. Точно так же и на упомянутом выше плане Риги, начерченном в 1776 г. И. Беттхером, эта церковь обозначена как каменная.

тельство еще одной крупной церкви — реформатской. Деньги для ее строительства были собраны в реформатских приходах Гамбурга, Гданьска, в Голландии и Англии, какую-то часть средств пожертвовали и рижские бюргеры¹. Как показывает исследование П. Кампе, церковь эта была построена в 1727—1733 гг. выходцем из Саксонии строительным мастером Кристофом Мейнертом². Она является одним из немногих сохранившихся донные зданий, возведенных в Риге в начале XVIII в., и поэтому по ней возможно делать более конкретные выводы об архитектуре этого периода. Правда, реформатская церковь не имела непосредственного отношения к формированию «государственного» направления в зодчестве Риги, она может быть расценена лишь как памятник, в котором отразился уровень развития архитектуры рижских бюргеров.

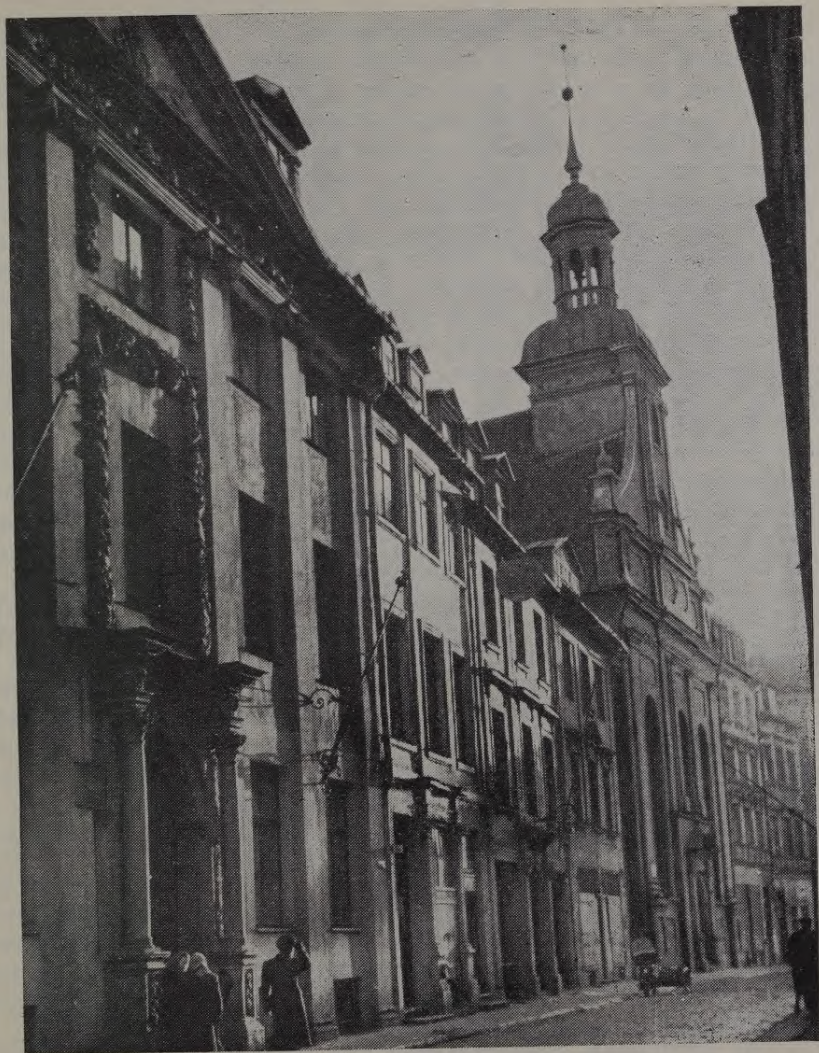
Реформатская церковь, построенная в Старом городе, имеет прямоугольные очертания плана, форма которого была predeterminedена формой участка, отведенного для строительства. Две стороны церкви были ограничены улицами Марсталю и Реформату, две другие — брандмауэрами прилегавших жилых зданий. Весьма просто объемное построение церкви — оно связано с исторически сложившимся объемным построением средневековых домов Риги, что подчеркивается высокой черепичной крышей и сопряженной с ней башенкой³. В духе традиций конца XVII в. решен главный фасад церкви. Его композиция напоминает в какой-то степени композицию фасада церкви Петра, — он также является лишь ширмой, прикрывающей средневековую структуру самого сооружения, увенчан ажурной деревянной галереей и т. п. Правда, в реформатской церкви гораздо больше внимания уделено ордерному расчленению поверхностей стен, что являлось новым элементом в культовом зодчестве, хотя в общем этот прием также появился в Риге еще в конце XVII в. Особой сочностью рисунка отличается барочный портал церкви, вытесанный в Бремене из светлого песчаника и встроенный в 1737 г.

В Риге послепетровского периода не было ни одного сколько-нибудь заметного зодчего, способного внести в облик города яркие, колоритные черты. Это было вызвано, возможно тем, что рижские бюргеры отнюдь не сразу по мере роста своего экономического благополучия начали ощущать необходимость в расширении строительства. Для середины XVIII в. характерно было частичное усовершенствование или рекон-

¹ W. Neumann. Die lutherischen Kirchen der Neuzeit. В кн.: Riga und seine Bauten, стр. 174.

² Rīgas reformātu baznīca. В кн.: Latviešu konversācijas vārdnīca, XVIII sēj. Rīgā 1938—1939, столбец 36064.

³ Первоначальная композиция внутреннего пространства церкви не сохранилась. В 1805 г. церковь была перестроена — нижняя часть ее была переоборудована под склад, тогда как помещения для богослужений были устроены в верхнем этаже.

Ул. Марсталоу от бывш. дома Рейтерна до реформатской церкви.

струкция старых построек, возведение хозяйственных сооружений, в основном амбаров для купеческих товаров и т. п. Ответственной и трудоемкой задачей было разве что восстановление сгоревшего в 1721 г. шпиля церкви Петра, осуществленное в 1743—1746 гг. мастером И. Вюльберном под наблюдением К. Мейнерта, но оно, понятно, не вносило в архитектуру Риги нового элемента. Незначительные изменения средневекового облика застройки города были связаны со стремлением отдельных рижских бюргеров украсить свой дом новым порталом, вытесанным из естественного камня в формах барокко или рококо¹.

Не считая ряда мастеров строительных цехов, работавших в Риге в середине XVIII в. и не внесших в развитие архитектуры города ничего существенного, в некоторых новейших исследованиях упоминается также один связанный с зодчеством Риги этого периода архитектор-профессионал — Николай Федорович Васильев². О его творчестве сохранились лишь немногие скудные данные, однако они имеют, бесспорно, определенное значение для выявления постоянно крепнувших связей между зодчеством России и Риги. Установлено³, что Н. Васильев (род. в 1706 г.) с 1726 г. работал в Канцелярии от строений в Петербурге у архитектора М. Земцова; в 1731 г. его взял к себе В. Растрелли «для рисования чертежей и показания работ строениям ее величества домов», позднее он вместе с Растрелли участвовал в строительстве курляндских дворцов Бирона, а с 1743 г. работал в Риге, ведая перестройкой и ремонтом царских летнего и зимнего дворцов.

Обнаруженные нами некоторые новые данные позволяют более конкретно говорить о деятельности Н. Васильева в Риге. Он работал здесь непосредственно под руководством Растрелли, от которого получал инструкции, а также проекты реконструкции некоторых частей дворцов. В частности, когда в 1745 г. Васильев приступил к ремонту городского (зимнего) царского дворца в Риге, то Растрелли предписал ему: «по данному тебе от меня плану в Риге, что касается до переделания и поправления во дворце, и то тебе переделать, как показывает на плане и что тебе от меня изъяснено, не убавляя и не прибавляя собою ничего, разве что особливым указом повелено будет». Конкретно Васильев должен был на маленьком дворе дворца «сделать два покоя, как показано на плане», а также в некоторых существующих помещениях пробить новые двери и окна⁴.

В дворцовом строительстве, как видно из процитированного выше

¹ См. А. Вигзениекс. Vecās Rīgas portāli. Rīgā 1955.

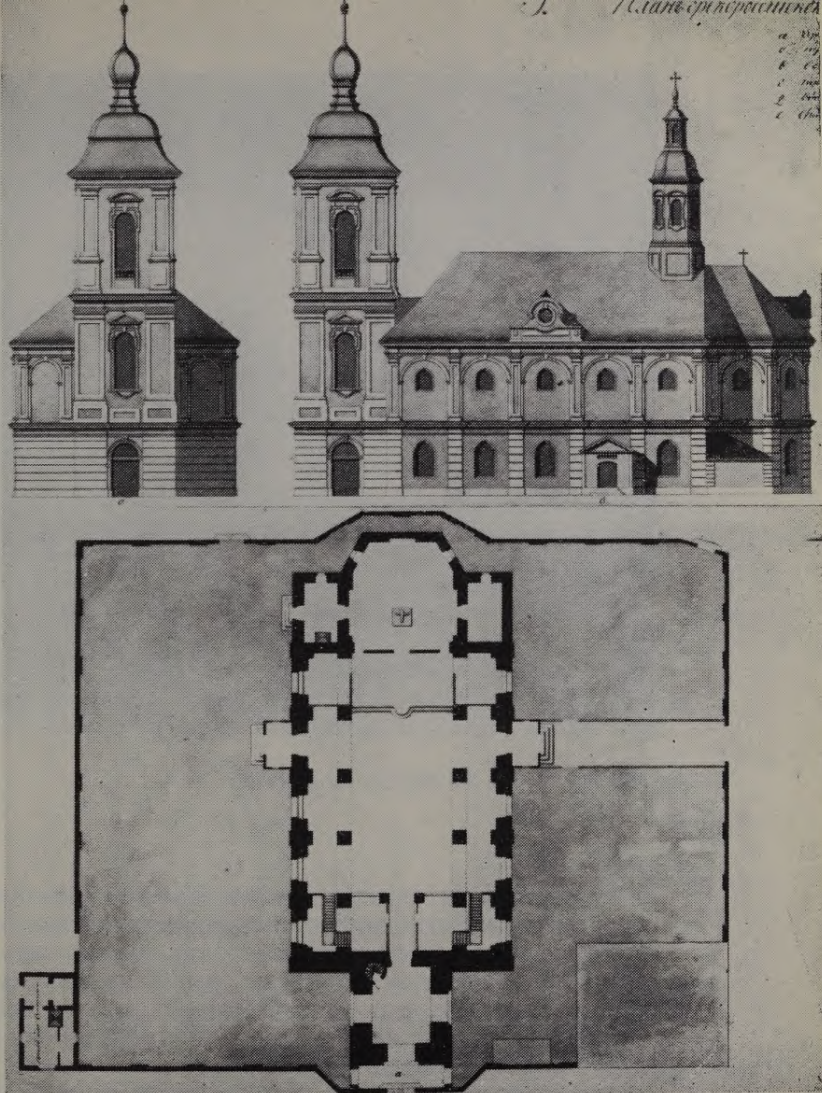
² А. Н. Петров. С. И. Чевакинский и петербургская архитектура середины XVIII века. В кн.: Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы, стр. 346.

³ Там же.

⁴ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 838, ч. 2, л. 61.

Фасады и план церкви
Алексея.

Фрагмент чертежа
М. Шонса конца XVIII в.

документа, Н. Васильев осуществлял главным образом надзор за воплощением в жизнь замыслов Растрелли, который лично на месте установил все то, что необходимо было сделать. Констатация факта участия Растрелли в некоторых строительных работах, выполнявшихся в Риге

Панорама Риги и цитадели около 1720 г.

в середине XVIII в., имеет немаловажное значение для оценки развития архитектуры Риги данного периода, хотя выяснение роли Растрелли в этом развитии еще требует дополнительных исследований. Что же касается Н. Васильева, то в некоторых случаях он мог действовать и самостоятельно. Так, в ноябре 1745 г. Растрелли особым письмом поручил ему «осмотреть и еще летней и протчия имеющия там дворцы, в тех дворцах все ветхости и починки и, ежели где надобно, ветхости оные починить и переделать, где что надлежит, по вашему усмотрению, только вновь ничего не делать»¹. К началу 1746 г. все эти работы Васильевым были закончены и он вернулся в Петербург. Как Васильев сообщал Растрелли, в строительстве участвовали «для поспешания всё иноземцы, и к ним для пособления даются солдаты»².

¹ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 838, ч. 2, л. 86.

² Там же, лл. 96—97.

Гравюра по рис. И. Вольфа.

Однако на этом работа Н. Васильева в Риге не окончилась. Он, очевидно, сумел хорошо зарекомендовать себя, и ливляндский генерал-губернатор граф П. П. фон Ласси (в документах той поры он обычно именуется Лесси) просил послать его в Ригу, когда возникла необходимость произвести ремонт и реконструкцию некоторых рижских православных церквей. В феврале 1746 г. Ласси писал в Петербург в Контору от строений барону И. Черкасову, что по сенатскому указу следует «имеющиеся здесь в Риге церкви греческого исповедания немедленно починкой исправить; а в городе каменную церковь Алексея Человека божия вновь построить; то как здесь архитектура, который при том строении был, не имеется, а хотя и есть каменщицы мастера, но оно строения так окуратно знать не могут; того ради Ваш. прев., государя моего, прошу приказать сюда к тому строению отпустить бывшего здесь архитектурного гезеля Васильева хотя на одно будущее лето, ибо он в том, как я известен, искусство имеет и церквам разные чертежи, будучи

здесь, показывал и с собою, как отсюда поехал, взял и о том меня уведомил»¹. В том же 1746 г. Васильев, по имеющимся данным, был определен в Ригу «к строению дворцов и для исправления церкви греческого исповедания»². Это дает основание полагать, что осуществленная в середине XVIII в. радикальная перестройка расположенной в Старой Риге (рядом с церковью Якова) православной церкви Алексея была произведена по проекту, разработанному Н. Васильевым.

В настоящее время трудно с твердой определенностью сказать, что именно было внесено Н. Васильевым в облик церкви Алексея, поскольку нам неизвестно, как она выглядела до этой перестройки (впервые церковь была перестроена в православную из готической монастырской церкви XV в. еще при Петре I³). Однако ряд деталей церкви, особенно убранство и кровля колокольни, люкарны, башенка над алтарной частью и т. д., по характеру своих форм явно тяготеют к середине XVIII в. и вполне могли быть нарисованы рукой ученика Растрелли. Особенностью композиционного решения церкви Алексея, сохранившей, правда, отдельные элементы готической постройки (например, стрельчатую форму окон, ритм основных членений и др.), является то, что она, в отличие от зданий, возведенных или перестроенных в Риге в XVI—XVII вв., не обладает какой-либо одной ярко выраженной фасадной плоскостью — ширмой. Ее убранство одинаково богато со всех сторон. В этом чувствуется определенное влияние русского зодчества той поры.

С именем Н. Васильева связывается, кроме того, строительство церкви Успения богородицы⁴, которая была расположена в Рижском замке. По имеющимся у нас данным, к этой церкви в середине XVIII в. была пристроена придельная церковь вместе с иконостасом и жертвенником. Эти работы были завершены в 1756 г.⁵ Возможно, именно их следует связывать с творчеством Н. Васильева.

Все изложенное выше показывает, что если в первой половине XVIII в. в Риге и продолжалось какое-то развитие архитектуры, то происходило оно прежде всего за счет связи с русским зодчеством, за счет выполнения заказов центральной власти. Экономическое положение города было еще сравнительно тяжелым, и горожане не могли производить каких-либо крупных строительных работ, да и те работы, которые

¹ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 838, ч. 2, л. 119.

² См. А. Н. Петров. С. И. Чевакинский и петербургская архитектура середины XVIII века. В кн.: Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы, стр. 346.

³ К. Меттиг. По Риге и ее окрестностям. Иллюстрированный путеводитель. 6-е издание. Рига 1914, стр. 68.

⁴ Сборник Императорского русского исторического общества, т. 60. СПб. 1887, стр. 86.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 37, д. 355, л. 1.

выполнялись, не несли с собой кардинальных изменений приемов архитектурного мастерства.

Такова в общих чертах картина развития архитектуры Риги до середины XVIII в. К началу эпохи, связанной с распространением идей просветительства и художественных принципов классицизма, город во многом сохранял свое средневековое лицо. Учет этой особенности облика Риги весьма важен для правильной оценки тех крупных изменений в архитектуре города, которые произошли в конце XVIII и в начале XIX в.

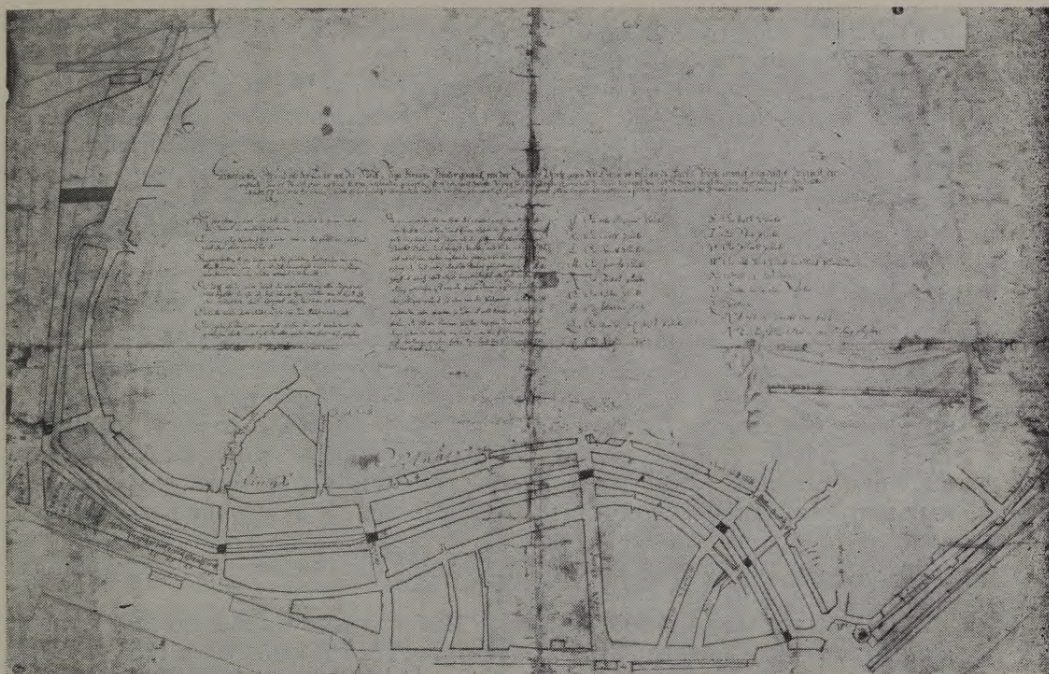
II

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ 50—60-х ГОДОВ XVIII в.

Определенное значение для развития архитектуры Риги в XVIII в. имели работы, связанные с изменением фортификационной структуры Рижской крепости. Они во многих отношениях предопределили характер планировки уличной сети города, т. е. непосредственно повлияли на решение ряда градостроительных вопросов.

Рассмотрение градостроительных работ середины XVIII в. имеет в данном случае немаловажное значение, поскольку все архитектурно-планировочные мероприятия, относящиеся к этому периоду, создавали определенную основу, фон, на котором выросло зодчество Риги второй половины XVIII в. — эпохи просветительства. В этой области строительной деятельности особенно наглядно проявилось то принципиально новое, что внесло в облик города зодчество рассматриваемых десятилетий. Наконец, не следует забывать, что сильные стороны классицизма вообще, и особенно классицизма России, состояли в ансамблевых градостроительных свойствах архитектурных произведений, ибо зодчие стремились подчеркнуть единство частного и общего.

Нужно отметить с самого начала, что рижский магистрат имел к проводившимся в городе фортификационным работам далеко не непосредственное отношение. Он, согласно резолюции Сената от 3 марта 1731 г., должен был нести все расходы по содержанию крепости, но практически почти не влиял ни на проектные, ни на строительные военно-инженерные работы. В этом отношении весьма характерно, что направленный в Ригу для устройства палисадов вокруг форштадта инженер-майор де Кулонг, ставший первым командиром Рижской инженерной команды, в 1728 г. просил контору Инженерного правления Военной коллегии издать указ, чтобы «без его в фортификацеском рижском строении и прочее тому касающееся магистратом и прочими — ни кому не повелено вступать, дабы ево исправности к лучшему не было поме-

Планировка района Риги, расположенного между старой городской стеной и валами крепости (binnen Walles).
Чертеж начала XVIII в.

шательства»¹. В дальнейшем это требование исполнялось весьма строго.

Магистрат осуществил лишь одно градостроительное мероприятие: это было начатое в 1731 г. уничтожение русла Ридзини внутри Старого города; «в оной мало по малу вода убывать и иссыхать стала, так что на конец осталась только вонючая лужа по близости Карловских ворот», поэтому «оную совершенно засыпали»² согласно плану, составленному в 1735 г. городским инженером Цибровиусом и строительным мастером Шельшлегером. Речку заключили в узкий деревянный канал, на месте которого в середине следующего столетия был выстроен большой канализационный коллектор³. В 1739 г. часть свободной территории, обра-

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 106, § 2.

² Там же, д. 136, л. 6.

³ См. J. Straubergs. Vecā Rīga, стр. 20.

зовавшейся вдоль засыпанного русла Ридзини, была спланирована и отведена под застройку частными домами¹.

Принципы военно-инженерного укрепления Риги в XVIII в. были весьма изменчивыми. Они зависели от качественного роста профессионального мастерства военных инженеров, а также от общего совершенствования фортификационного искусства. Во времена Петра I Рига была оценена как «фортеция регулярная и готовая»². Однако вскоре стало очевидным, что состояние крепости далеко не может считаться удовлетворительным³.

В середине XVIII в. появляется целый ряд проектных предложений по усилению обороны крепости Риги, которые так или иначе повлияли на изменение плана города. Анализ этих предложений показывает, что они были направлены на решение трех главных проблем: во-первых, их целью было способствовать усилению цитадели как важного самостоятельного оборонительного узла в системе обороны города, созданию таких условий, чтобы цитадель господствовала в этой системе; во-вторых, они ставили своей целью реконструкцию укреплений, расположенных напротив Якобовской горы (Kubbesberg), и включение этой горы в систему обороны города, наконец, в-третьих, предусматривали расчистку перед крепостью «оборонительной дистанции», или эспланады, от жилых и хозяйственных построек.

В 1746 г. был разработан проект перестройки Якобовского бастиона в полубастион. Согласно этому проекту, осуществленному в 1751 г., были уничтожены части укреплений бастиона, обращенные в сторону цитадели, и, напротив, усилены те части, которые были обращены в сторону форштадта. Тем самым Старая Рига оказалась полностью открытой со

¹ ЦГВИА, ф. 3, оп. 3, д. 331, лл. 49—50.

² Там же, д. 125, л. 6.

³ В 1752 г. по указу и инструкции Канцелярии главной артиллерии и фортификации бригадиром инженер-полковником Н. Людвихом (Лудвих) были обследованы лифляндские, эстляндские и ингерманландские крепости. В составленной Людвихом реляции о Рижской крепости было написано: «Как город, так и цытодель по прежним фортификационным правам изрядно укреплены и потому ж свои рвы и покрытой путь обороняют, но против обыкновенной нынешней отаки потребными контрбатареями недостаточны... сверх того они ради лежащих перед ними Якубс и других гор весьма высоки построены... а что до речной стороны принадлежит, она находится в худой дефензии...» (ЦГАДА, госархив, ф. 20, д. 186, л. 14; эта же реляция хранится в ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 119). В 1754 г. Н. Людвих подал особый рапорт начальнику Канцелярии главной артиллерии и фортификации генерал-фельдцейхмейстеру А. П. Ганнибалу, где, сравнивая Ригу с некоторыми новейшими французскими крепостями, которые были неспособны противостоять атаке противника, писал еще более определенно, что «как Рига ни сильных наружных дел, также никакой дефензии не имеет, к тому ж и ситуация оной с теми ошибками, кои по заложении учинены, великую пользу неприятелю дать может, то лехко внять можно, что она еще менее устоять может, нежели вышепомянутых сильных крепостей» (ЦГАДА, госархив, ф. 20, д. 186, л. 72).

стороны цитадели, что повысило роль цитадели не только в военном и политическом, но и в градостроительном отношении.

На стыке укреплений цитадели и Старой Риги был запроектирован особый равелин, построенный в 1754 г., но он лишь частично прикрывал эту наиболее уязвимую часть оборонительного пояса города, так как напротив этого места находилась высокая песчаная Якобовская гора, которая вызывала наибольшие опасения военных инженеров¹. Поэтому в 1747 г. в Канцелярии главной артиллерии и фортификации был составлен особый проект, «каким образом оные рижскую и цытодельскую крепости вокруг со укреплением вышеписанной Якобовской горы з двойным покрытым путем фортифицировать»². В том же году этот проект был подан генерал-фельдцейхмейстером князем В. Н. Репниным на «высочайшее» утверждение, однако, по всей видимости, утвержден не был, поскольку вскоре в той же канцелярии был разработан более обширный проект, который заключался в том, чтобы «второй покрытой путь на гласисе окружить»³. Этот последний проект в 1751 г. был подтвержден Государственной военной коллегией, но, как сообщал в 1754 г. бригадир инженер-полковник Н. Людвиг, в тот период из Сената «на то еще ни резолюции, ни денег и работных людей не последовало»⁴. Поэтому Людвиг, допуская, что проект приведения Риги в оборонительное состояние так и останется неутвержденным, считал, что «чрезвычайно надобно» построить перед Якобовской горой ряд укреплений — контргард, батардо, засыпать мельничный ров на Якобовской горе, устроить двойные и тройные палисады на набережной Даугавы⁵. Именно эти мысли и были реализованы в военно-инженерной практике Риги в середине XVIII в.⁶

В связи с осуществлением этих работ возникла насущная необходимость произвестти изменения в размещении застройки, окружавшей укрепления Риги. Как упоминалось выше, в проектах планировки рижских предместий, разработанных в середине XVII в., все улицы форштадтов, а также участки, которые намечалось отвести под строительство жи-

¹ «С помянутой горы, — указывал в 1754 г. Н. Людвиг, — можно фасобрей, тенали, весь вал и часть воды во рву видеть, следовательно со оной через две или три батареи всю оборону крепости раззорить, а в покрытом пути ни кто безопасен быть не может . . . , ибо та гора продолжается почти до самого гласиса. К зделанию сих батарей подает немалое способство на той горе лежащий форштадт и через гору зделанный мельнишной ров, ибо когда из сего рва воду выпускают . . . , через оной до самого гласиса дойти можно» (ЦГАДА, госархив, ф. 20, д. 186, л. 72).

² ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 838, ч. 1, л. 99.

³ Там же, ф. 20, д. 186, л. 75.

⁴ Там же, л. 74.

⁵ Там же, л. 75.

⁶ В 50-х годах был засыпан мельничный ров (что привело к нежелательным результатам, ибо нарушило водный режим во рвах крепости), а в 1756 г. по проекту, разработанному в 1754 г. начальником Рижской инженерной команды фон Эттингером, был построен контргард напротив Якобовской горы.

лых домов, примыкали непосредственно к валам и валам Старого города. В первой половине XVIII в. такое размещение жилых построек считалось недопустимым. В 1733 г. были начаты работы по созданию вокруг укреплений так наз. эспланады, или свободной от застройки полосы земли, шириной в 130 саженей¹. 1 июня 1746 г. Военная коллегия издала указ, по которому вокруг «крепости Риги» официально устанавливалась «оборонительная дистанция», где «одне огороды иметь можно, огораживая оные тонкими кольями и решетинами»², а следовательно, должна была быть уничтожена застройка, расположенная в пределах запланированной эспланады.

В 1749 г. было отмечено, что военные инженеры завершили составление плана крепости и предместий «с описанием находящихся там строений»³, но, тем не менее, очистка «оборонительной дистанции» не была проведена еще даже в 1752 г. Командированный для осмотра крепостей, расположенных на северо-западе России, бригадир инженер-полковник Н. Людвиг в 1754 г. писал о рижских предместьях, что поскольку застройка форштадтов примыкает к валам крепости почти со всех сторон, постольку оборонительная мощь Риги значительно снижается. В частности, он указывал, что «под домами лежащего на Пещаной (Якобовской. — Ю. В.) горе форштата, из которых некоторые гораздо близко гласиса стоят, находитца по большей части погреба и дома стоят друг подле друга»⁴. Аналогичное положение имело место и в части форштадта, расположенной вдоль берега Даугавы к юго-востоку от Старой Риги: «Тамошний форштат, — писал Н. Людвиг, — также простирается до самого гласиса, а особливо русские лавки, под которыми домами тако ж погреба, как в форштате перед Зант портом (Песочными воротами. — Ю. В.), которые неприятель в свою пользу, при сожжении у оных, употребить может»⁵.

До приезда Н. Людвига в Ригу представители военно-инженерных властей фактически не препятствовали жителям предместий строить и содержать здания вблизи крепости. Людвиг по этому поводу писал в 1752 г., что «подполковник Эттингер не токмо в силе Канцелярии главной артиллерии и фортификации указов о недопущении нового, но и починки старого строения от гласиса в сто тридцати саженях противность чинил,

¹ Архив главного архитектора Риги (АГАР), землемерный архив, д. 47.

² ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 26, д. 1314, пояснение на чертеже.

³ ЦГВИА, ф. 3, оп. 3, д. 331, лл. 50—51. — Кстати говоря, указом Военной коллегии от 8 мая 1751 г. было предписано «при Рижской городской крепости иметь особого инженерного капитана на сумме тамошних городских доходов» и определена на исправление крепости сумма в размере 10 000 руб. ежегодно (ЦГВИА, ф. 349, оп. 2, св. 20, д. 869, л. 39).

⁴ ЦГАДА, госархив, ф. 20, д. 186, л. 72.

⁵ Там же, л. 74.

но и более, некоторым обывателям дозволил новые и большие строения блись гласи строить, взяв с них реверс, чтоб оные, егда вознадобно, их построенные дворы снести»¹. Людвих лично предписал, чтобы инженерная команда строго придерживалась указаний Канцелярии главной артиллерии и фортификации о запрещении строить новые и чинить старые постройки на эспланаде. Он даже принял некоторые практические меры по переносу существовавшей близ крепости застройки в другие места: «а понеже пред Карловским воротам находится большая часть лавок, — писал Людвих, — которые необходимо при заложении вышеописанного прожекту (относительно выравнивания и нивелировки территорий, лежащих перед гласисом крепости. — Ю. В.) снести должно, чего для по требованию магистратскому другое место от меня показано, где впредь лавошникам и магистрату прямой гостинный двор строить и все форштатские лавки уместить можно»². Вполне допустимо, что согласно этому предложению Людвиха был составлен первый известный проект перепланировки предместий Риги, связанный с расчисткой эспланады, который относится к 1757 г., — «План части рижского форштадта с показанием, на которое место подлежит перенести хоромное строение, состоящее в указанном от крепости расстоянии за Рагутские (Раунские. — Ю. В.) ворота»³.

Осуществлению этого проекта, очевидно, помешала Семилетняя война, начавшаяся в 1756 г., которая сразу же отозвалась на налогоплательщиках⁴ и экономически обескровила менее зажиточных рижан. И поскольку застройка новых участков, освоение вновь распланированных районов зависели только лишь от экономических возможностей самих рижан, постольку в этот тяжелый период нельзя было серьезно говорить о воплощении в жизнь проекта 1757 г. Но, с другой стороны, правительство в связи с войной было вынуждено серьезно задуматься об общей реконструкции крепостей пограничных районов. Это в очень сильной мере относилось и к Риге, которая продолжала сохранять большое военное значение⁵.

¹ ЦГАДА, госархив, ф. 20, д. 186, л. 28.

² Там же.

³ АГАР, землемерный архив, д. 68.

⁴ См. Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига 1946, стр. 270—271.

⁵ «Рига, — писал в 1752 г. бригадир инженер-полковник Н. Людвих, — ныне единая пограничная крепость против Курляндии и Польши, которая должна целую провинцию от неприятельского нападения прикрывать и ворвавшегося неприятеля так долго останавливать, пока войско соберется оной крепости в помощь предупредить может...» (ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 119, л. 1). Еще до начала перепланировки рижских предместий в городе осуществлялись различные фортификационные работы, которые касались главным образом частичных улучшений укреплений. Однако работы эти не были непосредственно связаны с развитием архитектуры Риги, они продолжались в Риге постоянно, пока существовала крепость; их придется рассматривать лишь постольку, поскольку они оставили след в архитектуре Риги.

Проект расширения предместий Риги и создания площади за Раунскими воротами.
Чертеж 1757 г.

В интересах целенаправленного осуществления реконструкции пограничных крепостей были обновлены также и инженерные кадры. Так, например, в 1759 г. генерал-фельдцейхмейстер граф П. И. Шувалов доносил императрице Елизавете, что он, исходя из потребностей военного времени, «как в фортификации новыми верками самонужнейшей Рижской и других близ оной лежащих крепостей и постов, так и тех неспособных к артиллерийской и инженерной службе, а особливо незнающих принадлежащих к тому наук офицеров... вакансии сколько возможно было достойными и способными укомплектовал»¹. На плечи этих-то людей и легла основная работа по проектированию и строительству оборонительных сооружений в городах пограничных районов.

В 1756 и 1757 гг. членами Инженерного управления под руковод-

¹ Столетие Военного министерства. 1802—1902, т. VII, ч. 1: Главное инженерное управление. Исторический очерк. СПб. 1902, стр. XLI.

ством генерал-фельдцейхмейстера А. П. Ганнибала были разработаны два варианта проекта общего усиления Рижской крепости — «на рижскую и цитадельскую крепость наружных пристроек временной и непрременной проекты», которые в 1757 г. были апробированы очередным генерал-фельдцейхмейстером П. И. Шуваловым¹. Эти проекты одновременно приводили к общему знаменателю также все осуществленные до тех пор фортификационные работы. Был апробирован, очевидно, и «План крепости и форштадта с показанием существующего строения в черте эспланады и места, назначенного к переноске этих строений», который упоминается в документах 1758 г.²

В 1757 г. был «высочайше» утвержден «временный проект на Рижскую и цитадельскую крепости», предусматривавший осуществление застройки только в деревянных конструкциях. Можно предположить, что в период создания проекта 1757 г., наряду с вопросами размещения новых районов застройки в предместьях, были внимательно изучены потребности и возможности исправления цитадели, что в этот период была разработана даже номенклатура и намечены места для расположения всех внутренних построек. Так, например, когда в 1758 г. «о рассмотрении крепостей комиссия», находившаяся при Канцелярии главной артиллерии и фортификации, потребовала представить сведения о рижских крепостях, инженер-подполковник Сергей Плаутин, руково-

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 180, л. 2.

² Там же, ф. 3, оп. 3, д. 331, лл. 51—52.

План предместий Риги.
По чертежу Бухгольца 1763 г.

дивший в этот период работами в Риге, писал в своем «разъяснении», что «в прибавок» к уже существующим и проектируемым «магазейнам, арсеналам, цейгаузам» и другим зданиям «при Рижской же и цитадельной крепостях мест порожних для постройки в оных вышеупомянутых крепостях не имеетца»¹. Эту фразу можно объяснить лишь в том случае, если принять, что вся территория цитадели была уже распределена между разными постройками, т. е. что уже в 1757 г. был разработан также проект размещения зданий внутри цитадели и была установлена номенклатура этих зданий². Однако проекты 1757 г., оставшиеся во многом на бумаге, фактически не привели к уменьшению потребности в серьезной реконструкции цитадели.

Все эти планы, по-видимому, имеют прямое отношение к предложениям и соображениям Н. Людвиха и к проекту перепланировки предместий, составленному в 1757 г. Характерно, что проект 1757 г. сохранял свою актуальность даже в 1763 г., когда он еще фигурировал как реальный вариант развития рижских предместий³. И хотя проект этот осуществлен не был, тем не менее он интересен хотя бы уже тем, что иллюстрирует принципиально новый подход к решению архитектурно-планировочных проблем; он оказал также известное влияние на последующие проекты планировки предместий Риги.

В отличие от проектов шведского времени, в планах 1757—1763 гг. гораздо сильнее чувствуется влияние исторических традиций развития городских предместий Риги. Здесь больше нет сухой геометричности шведских проектов. Наряду с этим в новых проектах отразился реалистический характер русского градостроительного искусства. Если проекты середины XVII в. базировались на принципах построения «идеального» города, то проекты 1757—1763 гг. основывались, отчасти, на учете конкретных топографических и исторических условий развития Риги, а не на воплощении некоей абстрактной схемы. Более того, здесь был сделан дальнейший шаг к ликвидации средневековых традиций планировки города. Если шведы втискивали предместья Риги в систему наружных укреплений, то согласно проектам середины XVIII в. рижские предместья могли развиваться свободно, не будучи ограниченными каким-либо регулярным поясом валов и бастионов.

Градостроители намечали расположить вновь запроектированный район предместий за границей бывшего форштадта вдоль дороги на Петербург, или Песчаной (Зандторской) улицы, являвшейся одним из важнейших сухопутных торговых путей города. Это предопределило воз-

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 180, л. 2.

² Кстати, в том же документе сообщается, что к нему было приложено 16 листов чертежей, изображавших как все существовавшие военные сооружения, так и вновь проектируемые здания, которые были обозначены желтой краской.

³ АГАР, землемерный архив, д. 49.

возможность образования композиционной оси в данном районе форштадта. Впервые за время существования предместий здесь планировалась большая квадратная площадь (около 150×150 м), очевидно, торгового назначения. Все улицы вновь запроектированного района намечалось провести под небольшим углом к направлениям улиц, проложенных по проектам середины XVII в.

Характерной особенностью проектов 1757—1763 гг. явилось то, что предместья в них планировались уже не как безликий район, покрытый сухой геометрической сеткой улиц, а как составная часть городского организма, имеющая свой центр. Подобный подход к перепланировке форштадтов знаменовал собой появление качественно новой ступени в развитии рижского зодчества.

Чтобы яснее представить себе, какое большое значение в условиях середины XVIII в. могли иметь проекты перепланировки рижских предместий 1757—1763 гг., следует вспомнить, в какой конкретной внутриполитической ситуации они создавались.

После присоединения Риги к России обострилась борьба лифляндского рыцарства (дворянства) с городами, т. е. прежде всего с Ригой, а также борьба между рижским немецким бюргерством и непривилегированным населением предместий Риги. Рыцарство добилось упразднения многих таких прав бюргеров, которые затрагивали интересы помещиков (например, Рига лишена была права по истечении двух лет не выдавать владельцам бежавших в город крестьян, горожанам запрещено было покупать землю вне патримониального округа и т. п.). В результате этого, как отмечал акад. Я. Зутис, «магистрат, Большая гильдия купцов и Малая гильдия ремесленников старались выместить свои обиды, притесняя латышей и русских из городских предместий»¹.

В 1738 г. городские власти начали генеральное наступление на «немецев», предписав им в течение года продать все их недвижимое имущество немецким бюргерам и начав конфискацию их земель. Магистрат мотивировал свое постановление весьма характерным образом: если, дескать, латышам позволить покупать землю в форштадтах, то «тогда должно было бы навсегда отказаться от надежды видеть когда-либо форштадты населенными гражданами, как то было в старину, ибо, при ежедневном возрастании благосостояния, а вместе с тем дерзости и гордости латышей, они присвоили бы себе все пустые места и лишили бы бедных граждан всякой возможности приобретать себе дома и снискивать себе и семействам своим пропитание»². И только правительственная администрация в лице генерал-губернатора отменила постановление магистрата.

¹ Я. З у т и с. Остзейский вопрос в XVIII веке, стр. 254.

² См. Ю. Ф. С а м а р и н. История Риги. В его кн.: Соч., т. VII. М. 1889, стр. 480.

На этом, однако, притеснение латышей и русских, проживавших в Риге, не окончилось. В 1743 г. рыцарство добилось в петербургской Камер-конторе лифляндских и эстляндских дел подписания указа, согласно которому в лифляндских городах был начат сыск «беспашпортных», т. е. беглых крепостных крестьян, составлявших основную армию рабочих в городах. Это нанесло весьма ощутимый удар развитию торговли и промышленного производства в городах губернии, а также явилось одной из причин, задержавших развитие рижских предместий.

В середине XVIII в. чрезвычайно обострилась национальная борьба первых, весьма немногочисленных еще представителей латышской буржуазии с магистратом, которая нашла свое яркое выражение в неизвестном деле семьи латышских предпринимателей Штейнгауэров, отстаивавших свое право на звание бюргеров Риги. В продолжение этой борьбы магистрат принял несколько постановлений о запрещении латышам одеваться подобно немецким горожанам, заниматься торговлей и т. п., часть которых была отменена правительственными органами. «Бюргеры, — как писал акад. Я. Зутис об этом периоде, — принужденные уступать под напором рыцарства, замыкались в свои цехи и гильдии, судорожно хватаясь за всякие мелочи и ведя нескончаемые тяжбы по случаю нарушения цеховых уставов или городских регламентов торговли. Строго соблюдался принцип кормления полноправных бюргеров, хотя бы ценою удушения хозяйственной деятельности всех «ненемцев»; он и наложил свою мертвящую печать на торговлю и промышленность XVIII века»¹.

И вот в этих-то условиях и появляется упомянутый выше проект перепланировки предместий, т. е. именно того района, который издавна был населен латышами и русскими², который в известной мере конкурировал со Старым городом в области ремесла и торговли. Более того, новый район предместий размещался вдоль основного сухопутного пути, по которому к Риге подвозились сельскохозяйственные продукты, и там даже была запланирована большая площадь, как бы специально предназначенная для торговли. Нетрудно представить себе, что появление подобного проекта в условиях середины XVIII в., в период ожесточенной национальной борьбы, а также борьбы за сохранение «исконных» привилегий рижских бюргеров, должно было иметь весьма большое значение.

Рижские городские власти несомненно должны были встретить подобный проект перепланировки предместий сугубо отрицательно. Возможно, в иной исторической обстановке, когда латышское население предместий не подвергалось бы таким гонениям, в случае, если бы име-

¹ Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке, стр. 254.

² В 1728 г. из 91 дома, принадлежавшего частным лицам в предместьях Риги, 68 домов принадлежало латышам (J. Straubergs. Rīgas vēsture, стр. 427).

лись какие-либо реальные экономические возможности для быстрой застройки нового района, проект 1757 г. действительно мог бы быть воплощен в жизнь. Однако конкретная ситуация была иной, и поэтому территории, вновь отведенные для застройки, в течение ряда лет оставались незастроенными.

* * *

Определенным рубежом в истории русского градостроительного искусства можно было бы назвать конец 1762 г., когда была создана «Комиссия каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы»¹, которая фактически превратилась в центральный орган, руководивший работами по созданию проектов перепланировки городов России.

Необходимость создания новых планов городов России была обусловлена развитием торговли и промышленности. Помимо того, города являлись оплотом государственной власти на местах, поэтому просвещенный абсолютизм екатерининской эпохи был заинтересован в расширении и преобразовании городов России. В 1768 г. Екатерина II подписала особый указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо», в соответствии с чем Комиссия каменного строения рассмотрела и утвердила более 400 проектов планировки городов России².

В практической деятельности Комиссии каменного строения постепенно выработались основные принципы русского градостроительного искусства эпохи классицизма. К числу этих принципов относятся: связь с естественно-географической средой как основой композиционного построения плана города; учет исторической планировки и застройки города и их сочетание с вновь возводимыми сооружениями; противопоставление богатого центра окраинам; применение регулярной системы планировки, создание большого числа открытых площадей, композиционно связанных одна с другой, и т. п.

Несомненно, что планировка и застройка Риги — большого губернского города, крупного торгового порта и важной крепости — не могли остаться в стороне от главного направления в развитии градостроительной мысли России второй половины XVIII в. И если до сих пор в литературе, посвященной развитию плана Риги, не было сделано попытки

¹ ПСЗ, т. XVI, № 11723. — В состав комиссии входили генерал-поручик И. И. Бецкой, генерал-аншеф З. Г. Чернышев и князь М. И. Дашков; в качестве архитектора при комиссии были: с 1763 по 1772 г. — Алексей Квасов, с 1772 по 1774 г. — Иван Старов и с 1774 г. до конца деятельности комиссии в 1796 г. — Иван Лейм; рабочий коллектив комиссии состоял из 6 геодезистов, 2 «архитекторских учеников» и 1 «архитекторского помощника».

² См. В. Шкариков. Очерк истории планировки и застройки русских городов. М. 1954, стр. 84.

раскрыть действительные связи между градостроительным искусством России и становлением новой планировки Риги, то причину этого следует искать отнюдь не в том, что подобные связи могли якобы и не существовать. Господствовавший до недавнего времени взгляд, будто «на Ригу не оказал какого-либо серьезного влияния даже XVIII в., когда, начиная с петровских времен, были заложены основы широкого применения ансамблевых принципов в строительстве русских городов и когда появились прекрасные ансамбли Петербурга и других городов»¹, объяснялся прежде всего отсутствием исследований о развитии планировки Риги в XVIII в. Изучение же архивных материалов показывает, что все градостроительные работы, осуществленные в Риге во второй половине XVIII в., были овеяны дыханием русского градостроительного искусства той поры. Это совершенно очевидно, хотя сейчас еще трудно точно восстановить последовательность и взаимозависимость отдельных работ и проектов, поскольку пока обнаружены не все материалы, касающиеся этого вопроса.

В екатерининскую эпоху к вопросам реконструкции крепостей стали подходить с гораздо большим размахом. Одновременно были забракованы многие предложения, разработанные ранее; вместе с тем был пересмотрен также и «временный» проект перепланировки Риги 1757 г. В Инженерном корпусе началась оживленная проектная деятельность, которая имела непосредственное отношение к реконструкции укреплений Риги и связанных с ними частей города.

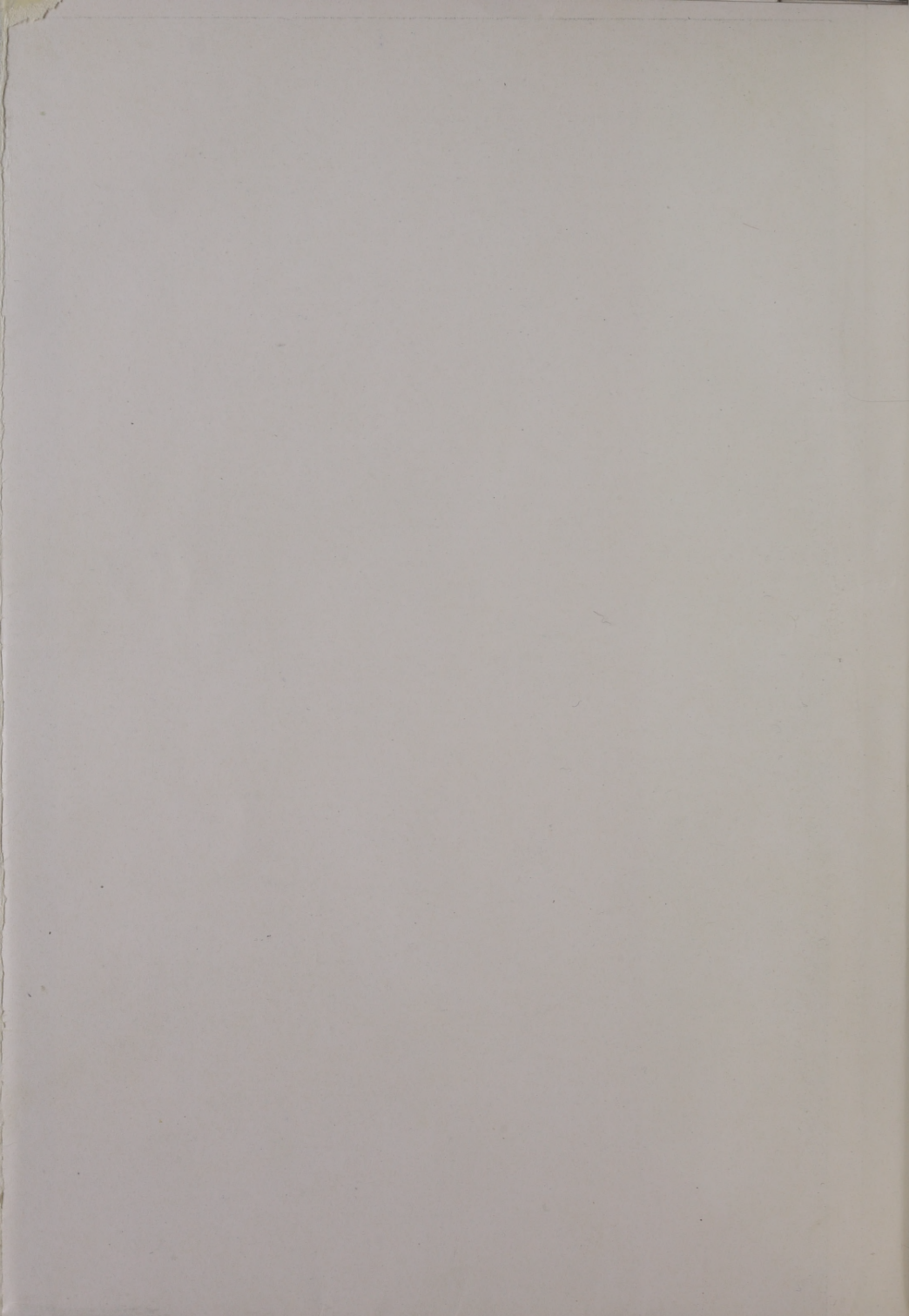
Начало работ по перепланировке Риги относится, очевидно, уже к 1763 г., когда Инженерный корпус стал «учинять» проекты крепостей, располагавшихся в Лифляндии и Эстляндии². В этом же году был составлен «План цитадели с показанием нового расположения в ней кварталов с описанием как существующих, так и проектированных строений»³, осуществление которого было задержано, по всей видимости, до тех пор, пока не были окончены общие работы над планом Риги. Недаром еще в 1767 г., когда эти работы уже были завершены, Сенат все же запретил производить строительство комендантского дома в рижской цитадели «до воследствования на поднесенный от Канцелярии главной артиллерии и фортификации план конфирмации»⁴. Неизвестно, был ли проект перепланировки цитадели «высочайше» утвержден в том же виде, в каком он было составлен в 1763 г., или же позже его переработали.

¹ Этот взгляд был высказан еще в 1953 г. автором утвержденного в 1955 г. проекта реконструкции плана Риги Е. А. Васильевым (см. J. Vasiljev s. Arhitektūras ansambļa jautājums, в газ.: «Literatūra un Māksla», 1953. g. 23. aug.

² ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 315, л. 122, из доклада инженер-генерала Боура от 1781 г.

³ ЦГВИА, ф. 3, оп. 3, д. 331, лл. 52—53. — Этот план обнаружить не удалось, о нем лишь упоминается в описании чертежей Артиллерийской экспедиции.

⁴ ЦГАДА, Правительствующий сенат, ф. 261, д. 108/5547, л. 737.

Наиболее полные данные о проекте перепланировки крепости Риги и цитадели содержатся в докладе Екатерине II, поданном в мае 1772 г. одним из членов Комиссии каменного строения — вице-президентом Военной коллегии генерал-аншефом графом Чернышевым. В этом докладе говорится: «В учрежденной при Канцелярии главной артиллерии и фортификации о рассмотрении крепостей комиссии сочинен о укреплении Ригской крепости и тамошней цытодели, с построением казарм для жительства воинским людям, прожектный план, и оной с сметою прошлого 769 г. марта 16 числа от г-на генерал-фельдцейхмейстера и кавалера графа Орлова при докладе всеподданнейше поднесен был В. и. в. с прошением всевысочайшей апробации, дабы оной единожды и навсегда был утвержден и потому форштат расположен и внутреннее строение начать было можно, а откуда на сие крепостное строение деньги и рабочих людей получить всемилостивейшего указа. Который план того ж марта 23 числа В. и. в. всевысочайше конфирмован, а по объявленной смете положено все при ригских крепостях работы исправлять в десять лет, и денежной казны потребно на материалы, припасы, инструменты и на дачу заработных денег четыреста сорок шесть тысяч девять сот шездесят пять рублей двадцать восемь копеек, да на построение в нутреннего в цытоделе разного строения сто девяносто тысяч семь сот шездесят два рубли девять копеек, а всего шесть сот тридцать семь тысяч семь сот двадцать семь рублей тридцать семь копеек, а на год придет шездесят три тысячи семь сот семьдесят два рубли семьдесят три копейки с половиною»¹.

Этот документ позволяет сделать несколько важных заключений относительно особенностей замыслов архитектурно-планировочной реконструкции рижских укреплений. В 1769 г., как видим, был утвержден «прожектный план», который касался в основном трех проблем: 1) укрепления Рижской крепости, 2) укрепления цитадели и 3) постройки внутри цитадели необходимых зданий, главным образом казарм. Этот проект был составлен с той целью, дабы «единожды и навсегда» упорядочить фортификационную систему Риги, в соответствии с чем можно было бы расположить форштадты и приступить к возведению «внутреннего строения» в крепостях. В результате этого все основные части Риги — Старый город, цитадель и предместья — связывались в одно целое. И так как этот проект касался не только чисто планировочных и фортификационных работ и вопросов размещения отдельных зданий, а возможно, и их объемного построения, то в нем, следовательно, должны были быть учтены вопросы архитектурного ансамбля.

В ряде документов конца XVIII в. проект, «высочайше» утвержденный в 1769 г., фигурирует иногда как «прожект, учиненный Ригской кре-

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 2, св. 19, д. 825, л. 1.

пости генерал-фельдцейхмейстером Вильбоаем¹ или «сочиненные бывшим до сего генерал-фельдцейхмейстером Вильбоа и высочайше утвержденные прожекты»². Это, конечно, ни в коей мере не означает, что А. Вильбоа, этот защитник интересов остзейского дворянства, придворный сановник, который сделал блестящую карьеру, будучи одним из непосредственных участников дворцового переворота 1762 г., действительно был автором проекта перепланировки крепости Риги и цитадели. Кстати, Вильбоа упоминается как «учинитель» проекта не только Рижской крепости, но и остальных крепостей Лифляндии и Эстляндии. Проект перепланировки цитадели и крепости Риги, как указывалось в цитированном выше докладе Чернышева, был «сочинен» в «о рассмотрении крепостей комиссии», которая была учреждена при Канцелярии главной артиллерии и фортификации в 1757 г. в составе генерал-аншефа Фермора, инженер-генерала Ганнибала, артиллерии генерал-лейтенанта Глебова, генерал-майоров Рязанцева и Мордвинова, полковников де Марини, Муравьева и Деденева³. Возможно, конечно, что проектирование крепостей протекало не без непосредственного участия А. Вильбоа. Однако слова, что проекты были «учинены» Вильбоа, означают прежде всего то, что проекты эти создавались в период пребывания его в должности генерал-фельдцейхмейстера (начальника Канцелярии главной артиллерии и фортификации), т. е. с 1762 по 1765 г. В дальнейшем для краткости утвержденный в марте 1769 г. проект будет поэтому условно именоваться «проектом «Вильбоа».

До сих пор не удалось обнаружить оригинальных чертежей проекта Вильбоа. Поэтому в настоящее время сравнительно трудно детально восстановить такие части проекта, которые касались, например, перепланировки цитадели или непосредственно плана «крепости Риги». О них можно говорить лишь в общем, опираясь главным образом на отрывочные высказывания, содержащиеся в архивах, и на подробнейший план Риги, составленный в 1776 г. по материалам Рижской инженерной команды рижским картографом И. Беттхером⁴.

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 125, л. 6.

² ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 315, л. 98.

³ См. ПСЗ, т. XIV, № 10705.

⁴ На этом уникальном чертеже имеется следующая надпись: «План Рижской и цитадельской крепостей с показанием во оных публичного строения и обывательского в Риге по кварталам, а в цитадельской крепости порознь всего строения, а по высочайше подтвержденному плану внутреннее вновь строение показано прожектом в кварталах, а около крепости нанесены одне главные прожектные линии. На форштадте обывательское строение назначено порознь со вновь проектированными улицами. Как в крепости, так и в форштадте сняты вновь переверены. Сочинен при Рижской инженерной команде 1776 г. в мае месяце». Кроме того, на плане указано, что он был изготовлен (т. е. вычерчен) И. Беттхером. Этот план был обнаружен нами в ЦГВИАЛ (ф. 3, оп. 26, д. 731). На нем изображена вся Рига (Старый город и предместья) в большом масштабе, и он имеет выдающееся культурно-историческое значение.

Основная причина, которая заставляла торопиться с созданием проекта перепланировки Риги, и в частности цитадели, состояла, очевидно, в том, что крепость не была обеспечена прочными и удобными зданиями для размещения гарнизона и военных припасов. «Воинские казенные» здания, возводившиеся в цитадели в первой половине XVIII в. без какого-либо единого плана¹, уже в середине века стали приходить в негодность. Много участков или зданий было занято частными лицами, что иногда препятствовало осуществлению намеченного военными инженерами строительства².

Весьма яркая картина состояния цитадели до начала ее реконструкции по проекту Вильбоа нарисована в упоминавшемся выше докладе графа Чернышева, где говорится, что «унтер-афицера и редовья терпят всекрайнюю нужду, ибо прежние деревянные казармы от давнего построения в такую пришли ветхость, что не только в них жить, но и починить нельзя, и бывает в покоях мокрота и от того тяжелой воздух, так что солдатство впадают в болезни, а особливо в вешнее и осеннее время»³.

Немногим лучше были помещения для офицеров. В тяжелом положении оказался даже комендант цитадели, — о его доме, например, сообщалось в 1768 г., что «имеющейся в цитадели деревянный [комендантский] дом за ветхостью починить и исправить ни как не можно, но должен неотменно быть вновь построен, потому что коменданту без квартиры быть не можно»⁴.

Короче говоря, цитадель оказалась чуть ли не в катастрофическом положении, и полумеры здесь, пожалуй, уже не могли помочь. Прежде всего требовалось спроектировать вместо деревянных построек каменные, освободиться от частных сооружений и в соответствии с этим произвести корректировку плана. Именно эти потребности и были, очевидно, отражены в проекте Вильбоа. Во всяком случае, когда этот проект начал осуществляться, в одном из документов сообщалось, что «казенное строение, инженерные деревянные дома, также и откупленные у

¹ Так, например, в «обстоятельной ведомости о всех крепостях Лифляндского департамента» указывается, что в связи с реестром, поданным в 1730 г. графом Минихом в Правительствующий сенат, последний повелел, в частности, Рижскую цитадельскую крепость «осмотреть и, учиня прожект, прислать со мнением в Сенат, а между тем починивать и исправлять», но что даже в 1762 г. никаких перемен в отношении цитадели не последовало (ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 125, л. 6).

² В 1752 г. упоминавшийся выше Н. Людвиг сообщил, что «в цитоделе позади куртины Карл «9.» и Густав «1.» бастионами определено деревянные казармы построить, кои нынешнею весною уже нарублены, и за стоящим еще на том месте домом вдовствующей пасторши реченные же казармы поныне поставлены быть не могут...» (ЦГАДА, госархив, ф. 20, д. 186, л. 20).

³ ЦГВИА, ф. 349, оп. 2, св. 19, д. 825, л. 2.

⁴ ЦГАДА, Правительствующий сенат, ф. 261, д. 108/5547, л. 734.

обывателей строения иные в хорошем состоянии, а другие так ветхи, что с нуждою и жительство иметь не можно, почему по подтвержденному плану велено в цитадельской крепости выстроить всю каменное строение»¹.

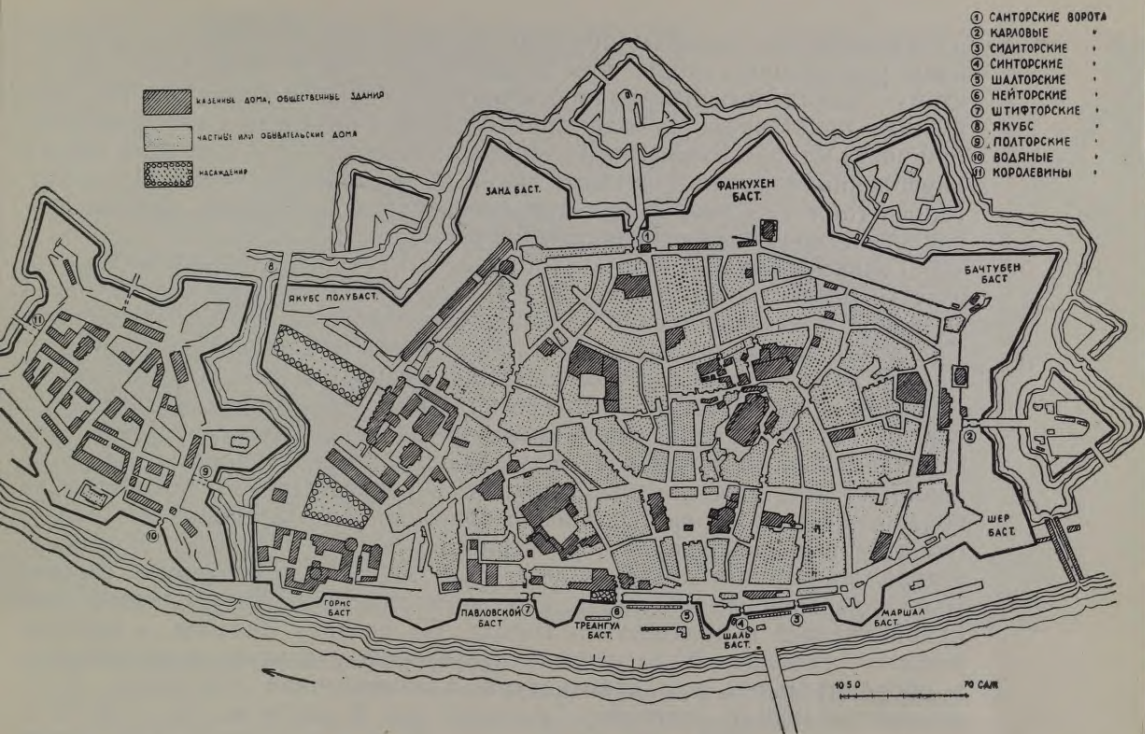
О характере архитектурно-планировочных мероприятий, предусмотренных в проекте Вильбоа, можно судить пока лишь по упомянутому плану Бетхера, на котором, в частности, имеются обозначения «в цитадельской крепости порознь всего строения, а по высочайше подтвержденному плану внутреннее вновь строение показано прожектотом в кварталах». Цитадель, которая начиная с конца XVII и до середины XVIII в. застраивалась довольно хаотично и оставалась обширным полупустым пространством, обведенным валами и рвами, должна была, согласно проекту Вильбоа, приобрести вид законченного полноценного военного городка. Она трактовалась как цельный организм, имеющий особое композиционное построение.

В центре цитадели проектировалась большая квадратная площадь, на которую должны были выходить все основные улицы и где намечено было разместить основные здания. Главные улицы, по проекту, были ориентированы почти точно по странам света — с востока на запад и с севера на юг. Их трассы шли вдоль основных осей, деливших цитадель на 4 равных района, и именно на пересечении этих осей намечалось образовать главную площадь². Одновременно были запроектированы пробивки, а также уширения или выпрямления некоторых улиц, сложившихся в местах застройки цитадели в предшествующий период, в результате чего всем частям цитадели предстояло быть связанными между собой улицами одинаковой ширины.

В планировке рижской цитадели был воплощен тот же принцип дифференцированной планировки и застройки города, что и в русских городах второй половины XVIII в., согласно которому центральные районы города отводились для размещения общественных зданий и жилья именитых горожан, а окраины предназначались лишь для расселения беднейших слоев населения. Так, районы, прилегавшие к центральной площади цитадели, отводились для размещения военно-административных зданий, офицерских квартир и пр., тогда как вдоль валов крепости намечено было расположить исключительно солдатские казармы. В ци-

¹ ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 2, д. 1239, л. 47. — Кстати, остается невыясненным, в какой степени мог влиять на проект Вильбоа разработанный в 1757 г. членами Инженерного управления второй вариант к утвержденному «временному» проекту, который также предусматривал застроить цитадель каменными зданиями и получил название «непрерывного» проекта.

² Улица, делившая, согласно проекту, цитадель на две части по оси восток—запад, образовывала южную границу площади. В северном направлении площадь должна была простирается вплоть до стен Петропавловского собора, построенного в 1726—1728 гг.

- ① САНТОРСКИЕ ВОРОТА
- ② КАРЛОВЫЕ
- ③ СИДИТОРСКИЕ
- ④ СИНТОРСКИЕ
- ⑤ ШАЛТОРСКИЕ
- ⑥ НЕЙТОРСКИЕ
- ⑦ ШИФТОРСКИЕ
- ⑧ ЯКУВС
- ⑨ ПОДАТОРСКИЕ
- ⑩ ВОДЯНЫЕ
- ⑪ КОРОЛЕВИНЫ

- КАЗАРНЫЕ ДОМА, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ
- ЧАСТНЫЕ ИЛИ ОБИВАТЕЛЬСКИЕ ДОМА
- ИСАКАНДИИ

План Старой Риги и цитадели.

По чертежу 1800 г.

тадели такое размещение казарм диктовалось, помимо прочего, и военно-оборонительными соображениями. Важнейшим новшеством проекта Вильбоа было, однако, не размещение казарм по периферии, а архитектурно-планировочное выделение центра, расположение в центре зданий, предназначенных для военной верхушки. Эта особенность проекта тем более очевидна, что в предшествующие времена центральные районы цитадели вообще оставались незастроенными (в период шведского владычества в центре цитадели находились остатки рва, или канала, окружавшего некогда внешние укрепления, созданные перед рижским орденом замком в первой половине XVII в.; позднее, когда этот ров был засыпан, здесь находились просто пустыри).

Несравненно более скромной должна была быть перепланировка Старого города, поскольку эта древнейшая часть Риги была целиком застроена многоэтажными каменными домами. В проекте Вильбоа пре-

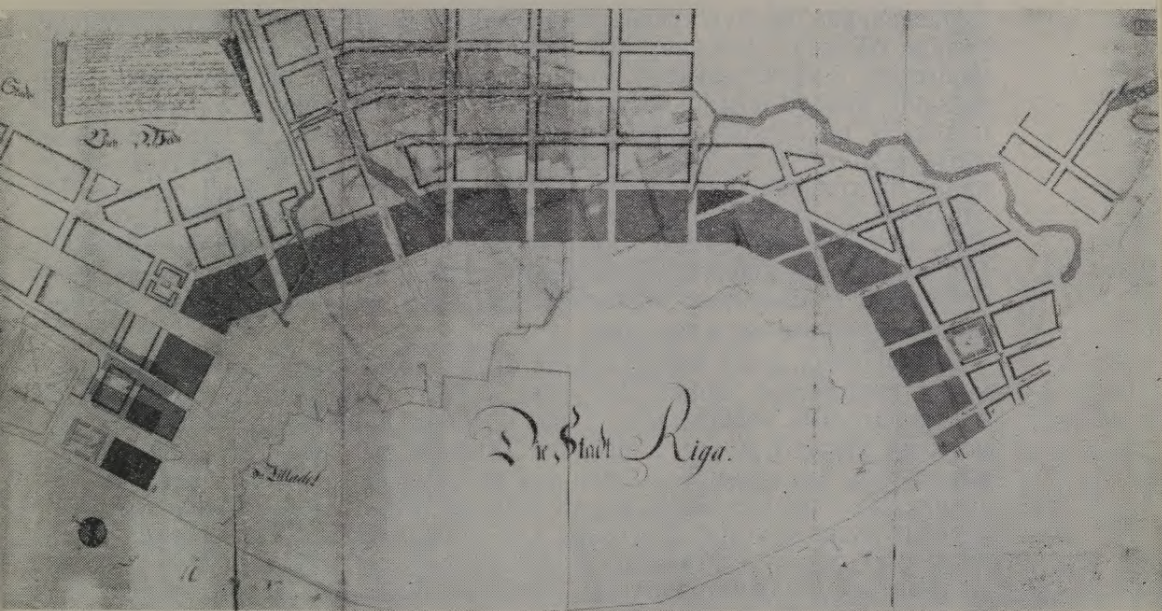
дусматривались главным образом мероприятия, связанные с улучшением укреплений города, объединением этих укреплений в единую систему с цитаделью. Было запроектировано большое число так наз. «наружных пристроек», располагавшихся вокруг цитадели и северо-восточной части Старой Риги. Здесь должна была возникнуть еще одна полоса укреплений, которая отчетливо видна на чертеже Беттхера. Предполагалось также выстроить три больших корпуса солдатских казарм, впоследствии получивших название Яковлевских, и т. п.

Только в одном месте внутри Старого города предполагалось произвести расчистку застройки, но это стремление было на первых порах вызвано преимущественно военно-оборонительными соображениями. Более того, расчистку предполагалось произвести в районе, который формально даже не принадлежал к Старому городу и был застроен только в первой половине XVIII в. Это был так наз. Замковый ров, или Шлоссграбен, где до создания Дальбергом цитадели действительно существовал наполненный водой ров, окружавший бывший орденский замок. В конце XVII в. этот ров был засыпан, в результате чего вокруг замка образовалось пространство, вполне пригодное для застройки. Но, с другой стороны, поскольку это пространство вошло в границы «оборонительной дистанции» цитадели, постольку здесь было разрешено строить только деревянные здания, т. е. в этом смысле район Замкового рва приравнивался к предместьям города. По проекту Вильбоа, в котором основное внимание было уделено повышению удельного веса цитадели в оборонительном и в архитектурно-планировочном отношении, было решено упразднить застройку Замкового рва. В одном из описаний Риги, составленном в 1777 г., это соображение было мотивировано следующим образом: «как сей замок лежит понадеку самого рва против Крестин бастиона цытадельской крепости, то может [с] сей стороны командовать и цытадельскою крепостью, ибо оный превышает крепостные валы, для чего по вновь подтвержденному от е. и. в. о Ригских крепостях плану разобрать положено и все из Шлос Грабу строение вынести для очищения пред цытадельскою крепостью эспланады»¹.

В 1769 г. в Ригу был послан инженер-генерал Канцелярии главной артиллерии и фортификации Р. Н. Гербель², который, по-видимому, должен был уточнить на месте проект Вильбоа и детально установить, каким образом необходимо распланировать заново рижские предместья, для которых на проекте было намечено направление только одной Песчаной улицы. В этой работе вместе с Гербелем участвовал «находя-

¹ ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 2, д. 1239, л. 41.

² Р. Н. Гербель — сын архитектора петровской эпохи Н. Ф. Гербеля — занимал должность инженер-генерала в Канцелярии главной артиллерии и фортификации в 1766—1774 гг. В 1772 г. он руководил укреплением русской границы в Финляндии (см. Л. Ф р и м а н. История крепости в России. СПб. 1895, стр. 147—149).

Проект планировки рижских предместий 1769 г.

Рижская копия чертежа Р. Гербеля и И. Голенищева-Кутузова.

щейся при здешней инженерной команде» инженер-капитан Иван Голенищев-Кутузов. В результате их деятельности в том же 1769 г. был составлен «Проектный план и профили по усилению обороны крепости»¹, а также «План лежащего около цитадельской Ригской крепости форштата с показанием по апробованому е. и. в. плану икъспланады с показанием, как за оною на погоревших в прочих местах быть улицам форштатского строения»². К счастью, последний план сохранился до настоящего времени. Поэтому вполне возможно проследить, в чем именно заключались архитектурно-планировочные особенности реконструкции рижских предместий, связанной с созданием проекта Вильбоа.

Согласно проекту Гербеля, форштат, появившийся в середине XVII в., фактически должен был исчезнуть, так как, с одной стороны, с

¹ ЦГВИА, ф. 3, оп. 3, д. 331, лл. 53—54.

² ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 26, д. 1314. — Кроме того, копия этого плана с пояснениями, переведенными на немецкий язык, хранится в АГАР (землемерный архив, д. 60). Этот проект в дальнейшем будет именоваться «проектом Гербеля».

образованием вокруг крепости эспланады должна была быть ликвидирована большая половина бывших предместий, с другой — оставшиеся кварталы, в значительной степени пострадавшие от бывшего перед тем пожара, давали возможность не считаться с ними при создании нового плана. И проектировщики, действительно, сохранили в новом проекте лишь небольшую часть предместий, созданных в середине XVII в. и стихийно застраивавшихся вплоть до середины XVIII в. Одновременно со стремлением упразднить влияние проектов середины XVII в., или, вернее, не повторять схему планировки предместий шведского времени, Гербель и Голенищев-Кутузов, создавая свой проект, очень внимательно отнеслись к проектам середины XVIII в., фактически лишь развив дальше заложенные в них идеи.

Во-первых, была использована идея о возможности свободного развития предместий вширь. Но если в 1757 г. расширение предместий предполагалось осуществить лишь в одном направлении — вдоль дороги на Петербург, то в проекте Гербеля для развития предместий, кроме того, были намечены еще два направления — вниз и вверх по течению Даугавы, или вдоль дорог, которые вели в сторону Полоцка и городских лугов к устью Даугавы. Так сложилась так наз. система «трилистника», в соответствии с которой предместья получали возможность развиваться по трем радиусам, расходящимся от Старого города как от своего центра. В промежутках между лучами, или радиусами, «трилистника» находились болотистые территории, непригодные для застройки, — обширные городские луга и выгоны, расположенные за Ротенбургским рвом.

Во-вторых, в проекте Гербеля был использован прием, примененный еще в 1757 г., когда трассы улиц во вновь планируемом районе не намечались как простое продолжение трасс шведского плана, а получали излом, шли параллельно направлению Песчаной дороги за Раунскими воротами и т. д. Теперь этот прием был использован также и для двух других вновь запроектированных районов; кроме того, новую трассировку улиц получил весь выгоревший участок предместий в районе Песчаной улицы. В результате основные направления улиц перестали совпадать здесь с трассами улиц, проложенных в середине предыдущего XVII в.

Впервые пытаясь найти объяснение факту изменения направления трассировки улиц в районе Песчаной улицы, архитектор Э. Пучин высказал предположение, что «основной смысл такой трассировки, по всей видимости, состоял в том, что Песчаная улица, которая, согласно проекту, должна была приблизиться к своей древней трассе, отклонялась в ту же сторону, что и улица, шедшая вдоль Мельничной речки (дорога из Милгрависа и Саркандаугавы), т. е. в сторону «главного центра», расположенного между городом и цитаделью, — в район Замковой пло-

щади»¹. Такое объяснение можно было бы принять в том случае, если бы речь шла об изменении трассы одной только Песчаной улицы, либо если бы эта улица была выделена среди остальных своими размерами, или же если бы в тот период уже была создана Замковая площадь. Но в действительности было запроектировано изменение трасс трех улиц, которые превращались в совершенно равноценные как по своим размерам, так и по отводившемуся для них функциональному значению. Тем не менее с Э. Пучиным можно согласиться в двух явно подразумевавшихся им предпосылках, — что это изменение не было продиктовано только военно-оборонительными соображениями и что оно было связано с изменением взглядов на центр города, да и на самое понятие «город Рига».

Важнейшая градостроительная особенность Риги состояла в том, что городом, в собственном смысле слова, являлась старая ее часть, а не предместья. В русских городах-крепостях, напротив, именно форштадт-посад являлся городом в современном смысле слова, тогда как укрепленная цитадель включалась в городской организм лишь косвенно и в лучшем случае обогащала силуэт города какой-либо вертикалью (подобно Петропавловской крепости в Петербурге). Рига, как об этом говорилось выше, состояла из трех частей — Старого города («Рижская крепость»), цитадели и предместий («форштадтов»). Первые две части находились внутри крепостных валов и рвов, т. е. в оборонительном отношении они приравнивались к цитаделям русских городов и были поэтому отделены от предместий 400-метровой «оборонительной дистанцией», или эспланадой. Но, с другой стороны, в них находились общественный и административный центр всего города, в них проживала большая часть жителей Риги, в силу чего форштадты играли в городском организме подчиненную роль.

В середине XVII в., когда рождалась первая регулярная уличная сеть предместий, Старая Рига была единственным центром форштадтов, на который и были ориентированы их улицы. Во второй половине XVII в. положение изменилось, рядом с «городом Рига» выросла весьма крупная цитадель, которой в 1760-х годах было уделено основное внимание. После этого фронт (или протяженность) города, обращенный к предместьям, увеличился чуть ли не вдвое. Иначе говоря, в прямом и переносном смысле расширилось понятие центра Риги по отношению к ее форштадтам. А следовательно, Гербель и Голенищев-Кутузов были вынуждены изменить ориентацию ряда улиц предместий именно потому, что в новых условиях улицы перестали быть ориентированы на центр города в широком смысле слова. Цитадель оказывалась

¹ E. Pučiņš. Rīgas pilsētas centra attīstības posmi feodālajā laikmetā. В кн.: Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I, ср. 47.

сбоку от основной направляющей оси улиц форштадтов. Элементарный графический анализ проекта Гербеля показывает, что улицы, расположенные по направлению дороги на Петербург, были спланированы заново из такого расчета, чтобы их средняя ось совпадала с математической границей, делившей общий фронт Старого города и цитадели на две равные части: предместья как бы «сделали полуоборот» в сторону цитадели.

Итак, в отличие от большинства русских городов, центром композиции которых являлась общественная площадь или система площа-

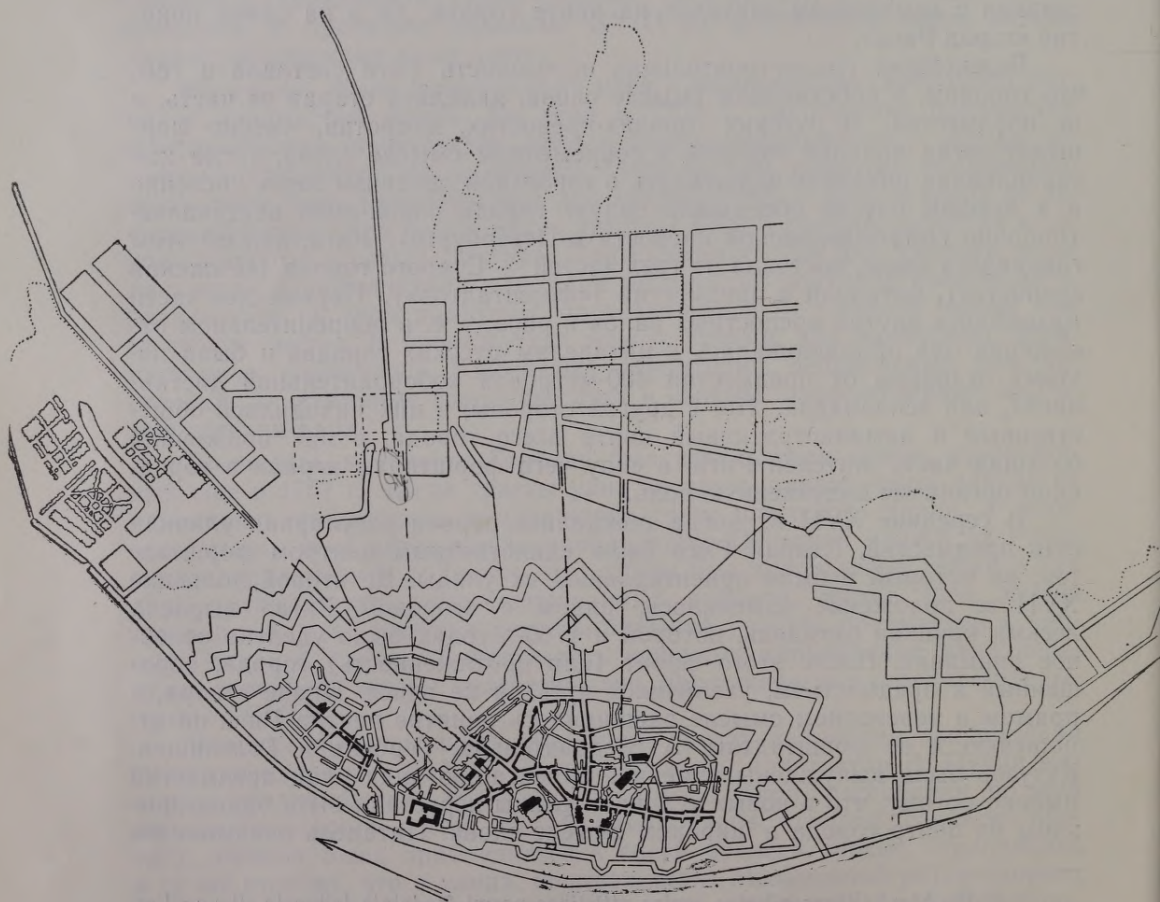

Схема композиционного построения плана Риги конца XVIII в.

дей, памятник архитектуры или общественное здание, — композиционный центр Риги или, вернее, рижских предместий образовывался всем Старым городом в целом, а также вновь застраивавшейся цитаделью. Этот центр занимал столь большую площадь, что любая широтная улица предместий, не будучи ни лучевой, ни радиальной, но являясь просто одной из параллельных улиц форштадта, была обязательно ориентирована на какую-нибудь часть центра композиции города.

Далее, внутри этого общего для рижских предместий центра начался процесс перемещения архитектурно-планировочных доминант из собственно Старой Риги, где были сосредоточены органы местного управления, в район цитадели, где размещались представительства органов русской абсолютистской монархии. При этом сохранение исторически сложившейся сети улиц и застройки Старой Риги исключало возможность пространственной увязки локального центра Старого города — Ратушной площади с вновь создаваемым центром, расположенным в районе цитадели. Это также нашло свое отражение в проектах 1769 г.

По сравнению с проектами 1757 г. произошел сдвиг и в вопросе о размещении площадей в предместьях. Теперь здесь планировалась уже не одна, а несколько площадей, или, точнее говоря, архитектурно-планировочных акцентов. Их намечено было разместить вдоль эспланадной линии в каждой из трех частей предместий. В центральном районе предместий была запроектирована квадратная площадь, открытая со стороны эспланады. Размеры этой площади были такими же, как и площади по проекту 1757 г. (около 150×150 м). Площадь должна была размещаться непосредственно за Якововской горой на месте старицы, оставшейся от русла Ридзини. Это было, с одной стороны, практически необходимо, так как место, отводившееся под площадь, было неудобно для застройки, и, с другой стороны, площадь превращалась в элемент, акцентировавший начало так наз. Лазаретенгассе (ныне ул. Горького). В других частях предместий акценты располагались также близ каких-нибудь важных улиц: один — «гостиный двор на лугу» — у начала Ивовой плотины (Weidendamm — ныне ул. Свердлова), другой — русский гостиный двор — у Иоханнес-улицы, выводившей на Иоханнес-дамбу (ныне Московская улица)¹.

Наряду с этим в проекте Гербеля имелись элементы, которые в проектах предшествующего времени никогда не встречались.

Во-первых, перспективное расширение предместий намечалось по этому проекту не только в районе Песчаной улицы, но также вниз по течению Даугавы вдоль Ивовой плотины. Оба эти района должны были

¹ Следует иметь в виду, что появление ряда площадей и торговых центров в предместьях стало возможно, очевидно, в результате введения в 1765 г. «Устава о рижской коммерции». Этот устав изъяс торговлю Риги из компетенции магистрата, а также ликвидировал многие ограничения, касавшиеся предместий.

быть связаны несколькими полукольцевыми улицами. Вообще в проекте имелись известные резервы для объединения в будущем отдельных частей предместий.

Во-вторых, в проекте Гербеля впервые были архитектурно выделены отдельные улицы предместий. Это были Ивовая плотина и Лазаретенгассе, начало которых было особо акцентировано. Они имели большую по сравнению с другими улицами ширину (ширина Лазаретенгассе, по которой шел так наз. Мельничный ров, должна была, например, составлять 17 саженей, или примерно 35 м), а также сохраняли свое старое направление. Обе улицы вели прямо к проезду на Якобовский полубастион, т. е. в район замка и цитадели, где появилась возможность создать военно-административный центр города.

В-третьих, проектом Гербеля устанавливалась новая ширина для всех улиц предместий (исключая упомянутые выше). Она увеличивалась по сравнению с проектом 1757 г. с 5 до 10 саженей (21 м), т. е. до размеров, принятых за стандарт в русском градостроительном искусстве конца XVIII в.

В-четвертых, в проекте предусматривалось укрепление берегов Даугавы и расширение набережной приблизительно с 10—12 до 17 саженей на отрезке между Петергольским царским садом и окончанием Иоханнес-дамбы. Эта часть проекта Гербеля была, очевидно, разработана в связи с проектом, составленным в 1764 г. капитаном Густавом Вейсманом для общего регулирования русла Даугавы, которому во второй половине XVIII в. уделялось большое внимание.

Проект Гербеля был шагом вперед по сравнению со схемами середины XVII в. и 50-х годов XVIII в. Это был достаточно серьезный замысел, который открывал широкие перспективы для будущего развития предместий. В нем были воплощены многие градостроительные идеи второй половины XVIII в., на основе которых была переосмыслена архитектурно-планировочная структура Риги.

Однако проект Гербеля остался, по сути дела, лишь градостроительной мечтой. Местные власти в Риге, игнорируя этот проект, разрешили погорельцам восстанавливать свои дома вдоль старых трасс улиц. По распоряжению генерал-губернатора графа Ю. Ю. Броуна в том же 1769 г. появился новый вариант планировки предместий. Рижская инженерная команда (возможно, даже с ведома Гербеля) нанесла в выгоревшем районе по трассам прежних улиц новые красные линии¹. Одновременно кое-где были намечены новые пробивки; некоторые мелкие кварталы объединялись в большие массивы. Чтобы сохранить общую площадь предместий такой же, какой она была установлена в

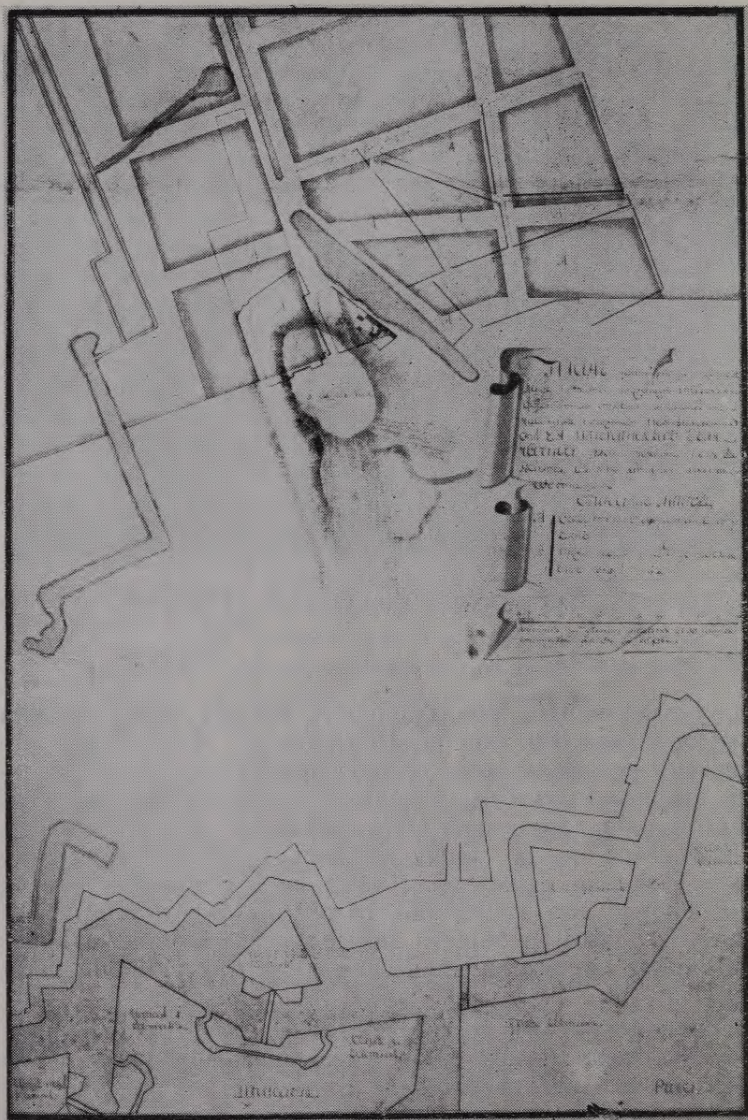
¹ Результаты этой работы видны по упоминавшейся выше копии проекта Гербеля, которая сохранилась в Риге (АГАР, землемерный архив, д. 60).

Проект планировки предместий Риги, составленный Рижской инженерной командой.
Чертеж Н. Буртнова 1771 г.

проекте Гербеля, увеличивалась протяженность старых улиц, ширина которых также устанавливалась равной 10 сажням. Итак, центральный район предместий сохранял свою старую ориентацию в направлении Старой Риги. Наряду с этим были упразднены некоторые запроектированные Гербелем площади; в частности, площадь, запроектированную в районе Якововской горы, предполагалось отвести под жилую застройку. И если Рижская инженерная команда в остальных частях оставила проект Гербеля без изменений, то тем не менее новый вариант уже не имел ни четкости общего замысла, ни стройности художественной композиции. Они были принесены в жертву рационализму и экономичности.

Вариант перепланировки предместий, составленный Рижской инженерной командой, был подан графу Орлову, который сразу же, в том же 1769 г., представил его на утверждение Екатерине II, поясняя при этом следующее: «По подтвержденному В. и. в. об Рижской крепости плану Санторовская (Песчаная. — Ю. В.) в форштадте улица положена была по проекту вновь против прежнего с некоторою к регулярству отменою; но в рассуждении бывшего пред сим в тамошнем форштадте, а особливо по означенной улице сильного пожара и через то зго-

Проект перепланировки жилых районов, прилегающих к Якововской горе.
Чертеж второй половины XVIII в.

ревших обывательских домов, назначенных в плане покрытием тушью, до воследствования высочайшей В. в. опробации, по бедности обывателем и неимением жительство от генерала ацшефа ригского генерал губернатора Броуна по тем же старым линиям дозволено строитца, ис коих многие по сие время и устроились твердыми и порядочными домами; и дабы не могли они через ломку и переноску понести наивящего убытку и раззорения, сея части форштадта учинен ныне другой прожект по прежним улицам с таким изъяснением, чтоб улицы учреждать прямые и впредь, когда оные строения обветшают, то б уширение помянутых улиц наблюдаемо было, как в плане показано; и для того помянутый прожектной план при сем В. и. в. всеподданнейше подношу».

Этот доклад и новый план предместий были утверждены Екатериной II 21 августа 1769 г.¹

Таким образом, была сохранена трассировка улиц, проложенных в центральной части предместий еще в середине XVII в. Правда, в связи с намеченным выпрямлением, расширением и удлинением старых улиц одновременно с созданием новых улиц облик предместий должен был измениться. Общее увеличение площади предместий вело к ликвидации замкнутости их планировки и привносило в них новые архитектурно-планировочные качества. Стремление к учету особенностей топографии города отразилось при планировании районов, прилегающих к берегам Даугавы. Здесь трассы улиц были прочерчены параллельно и перпендикулярно берегу реки, они не являлись механическим продолжением системы улиц, проложенных по проектам шведского времени.

Новый проект должен был систематизировать и упорядочить застройку в тех местах предместий, где население начало стихийно строить свои дома, — невдалеке от важных частей города — сухопутного пути Рига—Псков—Петербург и района, примыкавшего к русскому гостинному двору, и т. д.

В целом проекты перепланировки 1769 г., т. е. проект Вильбоа, проект Гербеля (который, по всей видимости, входил как составная часть в проект Вильбоа) и вариант планировки предместий, созданный Рижской инженерной командой, были тесно связаны между собой. Каждый из них в той или иной степени определял особенности другого: военно-оборонительные соображения проекта Вильбоа повлияли на проект планировки предместий, созданный Гербелем, а проект Гербеля — на вариант Рижской инженерной команды. И тем не менее между положенными в основу для реализации проектом Вильбоа и проектом Рижской инженерной команды не образовалось полного архитектурно-планировочного единства.

Сравнительная скромность проектов 1769 г. зависела от особенно-

¹ ЦГВИА, ф. 410, оп. 1, д. 103, л. 52.

стей местных политических и экономических условий. В этот период рижские предместья играли в жизни города еще незначительную роль. Их население составляло лишь 30—40% общего числа жителей Риги¹. Более того, предместья были заселены преимущественно латышами и русскими, лишенными права участвовать в городском управлении. В них разрешалось строить только деревянные здания, тогда как основной административный, общественный и торговый центр, а также многоэтажная каменная застройка располагались внутри Старого города.

Старый город, таким образом, оказался важнейшей частью композиционного центра новой планировки предместий. Другой частью центра явилась сросшаяся со Старой Ригой в оборонительном отношении цитадель, которая во второй половине XVIII в. приобрела большое политическое и художественное значение.

Предместья города были подчинены этому композиционному центру, что подчеркивалось, во-первых, контрастно-спокойным архитектурно-планировочным построением предместий, во-вторых, созданием так наз. «трилистника», наконец, размещением вокруг этого центра вдоль эспланадной линии ожерелья (правда, весьма скромного) из площадей и немногих зданий торгового и общественного назначения. Можно сказать, что в проектах 1769 г. предместья являлись своеобразным фоном, созданным с большим художественным чутьем, фоном, который оттенял и усиливал выразительность центра города — Старой Риги и цитадели.

Проекты перепланировки Риги 1769 г. имели большое значение для архитектурно-планировочного развития города не только потому, что в какой-то степени должны были ограничить стихийное формирование облика Риги. Значение этих проектов заключалось одновременно в том, что в них отразились градостроительные принципы эпохи классицизма.

Итак, можно заключить, что в первый период развития классицизма в Риге градостроительная деятельность была сконцентрирована главным образом в руках военно-инженерных властей. Отношение к планировке города в этот период во многом изменилось по сравнению, например, со взглядами предыдущего столетия. Если в период шведского владычества как Старый город, так и цитадель и рижские предместья трактовались как одна большая крепость и были заключены в кольцо оборонительных укреплений, то в XVIII в. функции крепости сохраняются только за Старым городом и за цитаделью, а предместья

¹ По данным, приводимым Страубергом в его «Истории Риги» (J. Straubergs. Rīgas vēsture, стр. 416—418), в Старом городе в 1728 г. проживало 6193 человека, в 1806 г. — 11 197 человек. В 1770 г. число жителей Старого города составляло, очевидно, 9—10 тыс. человек, тогда как общее число жителей Риги в эти годы колебалось около 19—20 тыс. (сюда включено около 3 тыс. жителей патримонийного округа). Следовательно, можно принять, что в 1770-х годах в предместьях Риги проживало 6—7 тыс. человек.

освобождаются от укреплений¹. Градостроительные мероприятия впервые перестают служить узко фортификационным потребностям, — это проявляется и в стремлении создавать торговые площади, и в непосредственном включении в состав городского организма первых общественных садов и парков, где, по свидетельству О. Гуна, «бывают собрания, танцы, а иногда освещение и потешные огни»².

Следует, конечно, констатировать и определенную историческую ограниченность, скромность этих начинаний, но нельзя забывать, что основная цель градостроительных проектов 1769 г. состояла в том, чтобы произвести реконструкцию города, но не в том, чтобы выработать для Риги принципиально новую систему планировки.

¹ Правда, в XVIII в. предместья были окружены палисадом, но он играл в основном роль административной границы.

² О. Гун. Топографическое описание Риги с присовокуплением врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 году, ч. I. СПб. 1803, стр. 111.

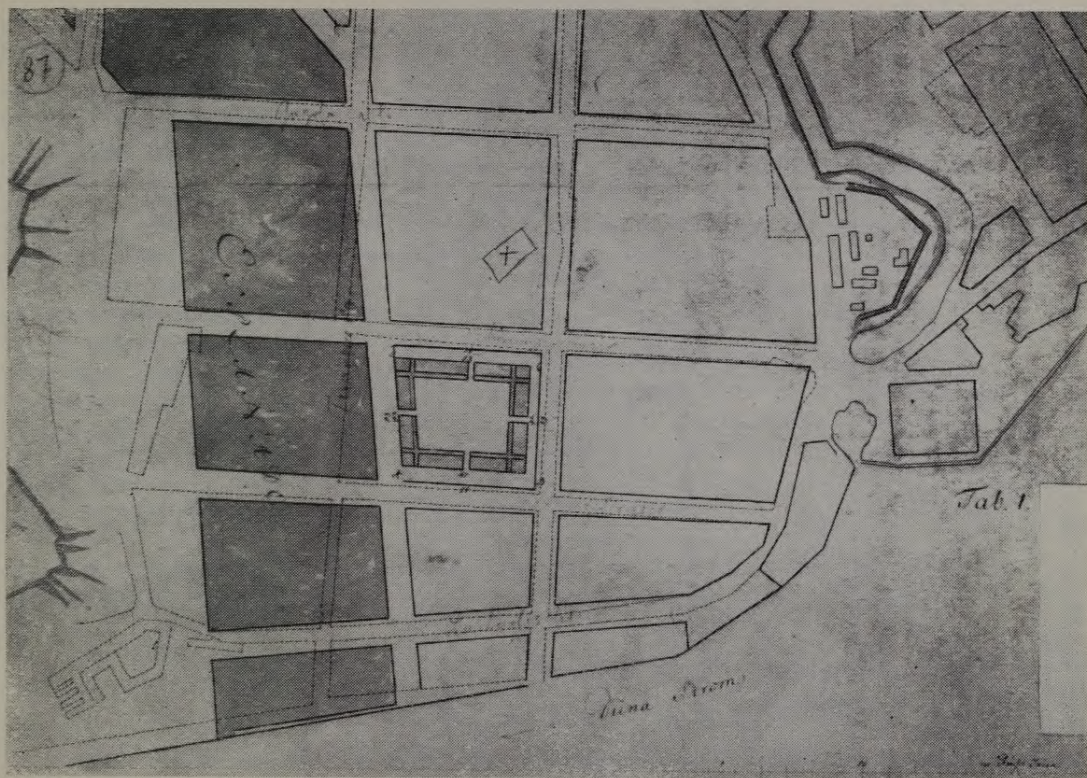
III

ЗАСТРОЙКА РИГИ ПО ПРОЕКТАМ 1769 г.

В 1769 г. были начаты работы по осуществлению некоторых частей проекта Вильбоа. Правда, на первых порах они касались, очевидно, только не требовавшего специальных ассигнований упорядочения застройки в рижских предместьях. В частности, в то время, когда один из ведущих деятелей Канцелярии главной артиллерии и фортификации Р. Н. Гербель находился в Риге, был сделан первый практический шаг в этом направлении: было намечено конкретное место, «которое для строения росискому купечеству гостиного двора с устройкой семидесят двух лавок и при углах четырех пакгаузов назначено»¹, и был разработан, по всей видимости, также проект, по которому намечалось строить гостиный двор.

По этому поводу рижский генерал-губернатор Ю. Ю. Броун доносил в 1771 г., что «по причине нового прожектированного и потом высочайше от е. и. в. опрабованного о здешней рижской крепости плана и что по оному торгующего здесь российского купечества имеющиеся в форштадте у Карловских ворот по близости крепости лавки назначены все в ломку; в бытность здесь в прошлом 1769-м г. господина инженерного генерала и ковалера Гербеля для постройки новых российских пристойного числа лавок и четырех анбаров на подобие гостинного двора прежде показывано было от меня и от помянутого г-дина инженерного генерала и кавалера Гербеля за экспланадою при улице Кирхенгасе такое место, где большого строения нет и где шестдесят две лавки построить можно, но торгующие здесь российские купцы выбрали другое

¹ Надпись на упоминавшемся выше плане Гербеля (ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 26, д. 1314), на котором изображен также план гостиного двора и пакгаузов (лит. С). О плане, разработанном Гербелем для размещения гостиного двора, сообщается в отношении генерал-губернатора Броуна Сенату от 17 июня 1769 г., хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту (ЦГИА ЭССР), ф. 279, оп. 1, д. 228, л. 168.

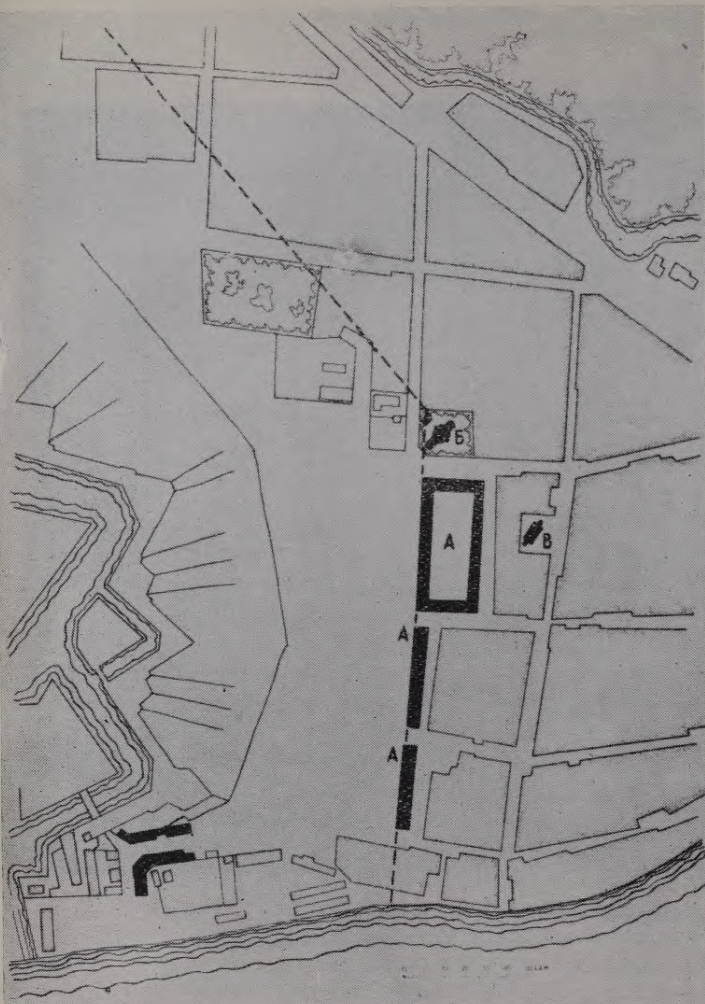

Проектное предложение Р. Гербеля по размещению русского гостиного двора в Риге
Копия конца XVIII в.

место, состоящее в обывательском строении в форштадте между Иоганнес и Бетхер улицами при эспланадной линии третий квартал, которое по их прошению им и отдано»¹. Именно это последнее место, выбранное самими купцами, зафиксировано на проекте Гербеля².

¹ ЦГАДА, Правительствующий сенат, ф. 261, д. 147/5586, л. 437.

² Установленное вначале Гербелем место для размещения гостиного двора находилось, очевидно, в следующем за ул. Кирхенгассе квартале. Во всяком случае, купцы мотивировали свой отказ от него тем, что оно якобы удалено от города, окружено жильем и поэтому опасно в пожарном отношении (ЦГАДА, Правительствующий сенат, ф. 261, д. 147/5568, л. 443). Это показывает, какие именно соображения влияли на образование композиционной структуры плана Гербеля.

Размещение зданий русского
гостиного двора в Московском
предместье Риги:

- А — русский гостиный двор,
- Б — церковь Николая Чудотворца,
- В — церковь Иисуса.

По чертежу 1810 г.

Однако купцы не сразу приступили к строительству, так как не могли собрать необходимых сумм для очистки участка от находившихся там строений. Не помогали и повторные указания, «дабы оне на прежнем отведенном месте, которое оне сами просили, по заплате за имеющиеся на том месте обывательское строение и по расчистке оногo, надлежащее строение лавок по данному им образцу неотменно строить начали»¹. Строительство было начато лишь тогда, когда купцам уда-

¹ ЦГАДА, Правительствующий сенат, ф. 261, д. 147/5568, л. 439.

лось добиться разрешения построить основной массив лавок с двором в 4-м квартале перед церковью Иисуса и отдельные торговые ряды — вдоль эспланадной линии, во 2-м и 3-м кварталах, где не требовалось сносить большое количество существующих зданий.

Таким образом, при реализации проекта Гербеля были сделаны известные коррективы. Выстроенный в 1772 г. русский гостиный двор хотя и находился примерно в том районе Риги, где было намечено его возвести, однако значительно отличался от упоминавшегося выше «обрасца». Лавочные ряды образовали «фасад» трех кварталов предместий. Вместо торговой площади, окруженной рядами лавок, которая предусматривалась Гербелем, здесь были созданы длинные ряды лавок. Градостроительное значение этого изменения состояло в том, что приземистые здания лавок, которые находились на эспланадной линии, закрыли со стороны Старого города всю старую жилую застройку, расположенную в районе ул. Кирхенгассе. Неплохим композиционным дополнением к гостиному двору, дополнением, которое внесло известную динамичность в монотонный новый «фасад» Московского форштадта, явилось сооружение в 1774—1778 гг. церкви Николая Чудотворца¹, раз-

¹ W. v. Gutzeit. Die griechisch-katholischen Kirchen Riga's. В кн.: Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, Bd. XI, H. 2. Riga 1868, стр. 33.

Церковь Николая Чудотворца близ русского гостиного двора в Риге.

Рис. И.-Х. Бротце 1792 г.

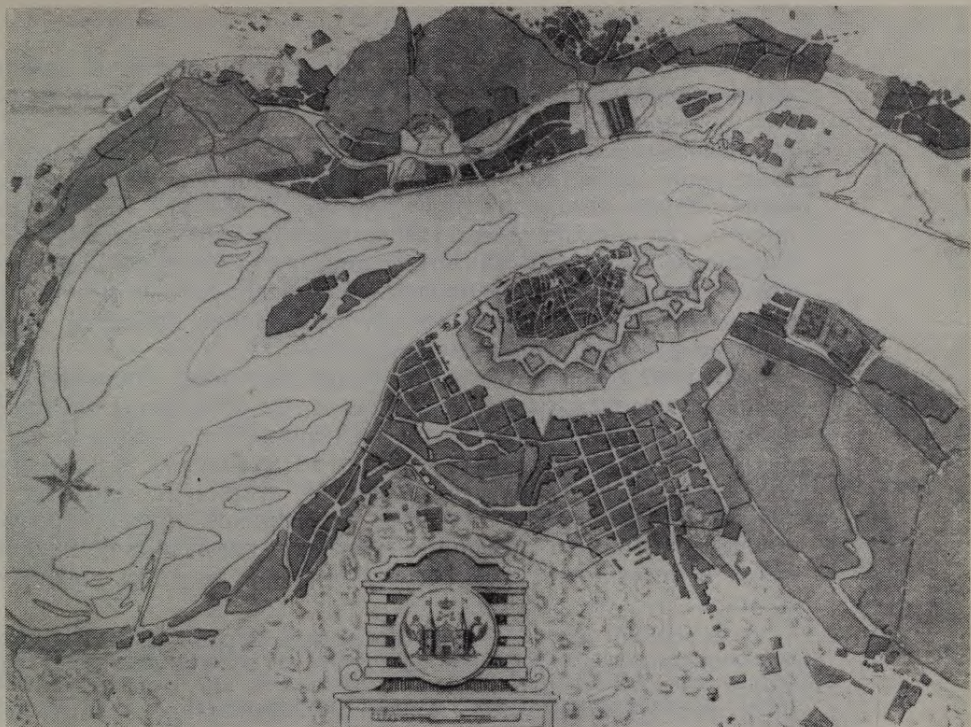
мещавшейся также на эспланадной линии рядом с гостиным двором. Эта деревянная церковь, повторявшая композицию одноглавых храмов, и ее колокольня не отличались особой изысканностью форм, но силуэт церкви являлся оправданным контрастом к спокойной горизонтали торговых рядов.

После утверждения проектов 1769 г. были предприняты также первые реальные шаги по расчистке эспланады от находившихся там приблизительно ста частных домов. Владельцам этих зданий было предложено освободить занимаемое постройками место, причем, по издавна установившейся традиции, за постройки, которые уничтожались в предместьях исходя из военно-оборонительных соображений, не полагалось какого-либо вознаграждения. Очевидно, поэтому владельцы зданий, намеченных к сносу, отнюдь не спешили с выполнением предписаний инженерной команды и губернских властей. Так продолжалось вплоть до 1772 г., когда по указанию генерал-губернатора Броуна все расположенные на эспланаде здания были сломаны солдатами в течение нескольких часов¹. В результате этой акции, получившей название «холодного пожара», вокруг Старой Риги была создана свободная зона, где позднее образовалось прекрасное парковое полукольцо.

Тем не менее работы по воплощению в жизнь проектов, утвержденных в 1769 г., протекали, в целом, весьма медленно. Сказывалось общее расстройство дел в Инженерном корпусе: значительные денежные средства изымались в этот период из ведомства инженерного в пользу артиллерийского (Канцелярией главной артиллерии и фортификации управлял фаворит императрицы граф Григорий Орлов). Кроме того, постепенное расширение границ Российской империи вызвало необходимость пересмотра систем укрепленных районов, часть которых оказалась в глубоком тылу и потеряла свое военно-оборонительное значение. Оказалось, например, что нецелесообразно продолжать широко задуманные при Вильбоа работы по созданию Тартуской (Дерптской) крепости. После прочного утверждения русского влияния в Курляндии в 60-х годах стало очевидным, что не следует больше уделять столько внимания укреплению ливонских крепостей, что гораздо важнее укрепить западную границу государства в других местах. Инженер-генерал Р. Гербель, который фактически руководил Инженерным корпусом, в 1772 г. направил все свое внимание на укрепление границы в Старой Финляндии (так называлась часть Финляндии до р. Кюмени, приобретенная Россией согласно Абоскому миру 1743 г.).

В очерке истории Главного инженерного управления, составленном в 1902 г., относительно этого периода сделаны некоторые весьма пра-

¹ W. v. Gutzeit. Zur Geschichte der rigaschen Vorstädte. В кн.: Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, Bd. X, H. 2. Riga 1863, стр. 376.

План Риги.

Гравюра конца XVIII в.

вильные замечания: «время управления гр. Орловым отмечается полную безрезультатность трудов инженеров», «было составлено для разных мест огромное число проектов . . . , но и они остались на бумаге; для их осуществления требовались слишком большие суммы», «эта работа оказалась напрасною, потому что не было общей руководящей мысли»¹.

В этих условиях, как было показано выше, военно-инженерное начальство не всегда оказывалось достаточно настойчивым в точном выполнении мероприятий, намеченных в проектах 1769 г. Работы по реализации этих проектов осуществлялись лишь от случая к случаю. Так, например, хотя все работы по реконструкции рижских крепостей предусматривалось завершить в 1779 г.², Рижская инженерная команда только в 1775 г. закончила трассировку улиц по новому плану предме-

¹ Столетие Военного министерства, т. VII, ч. 1, стр. XLIX.

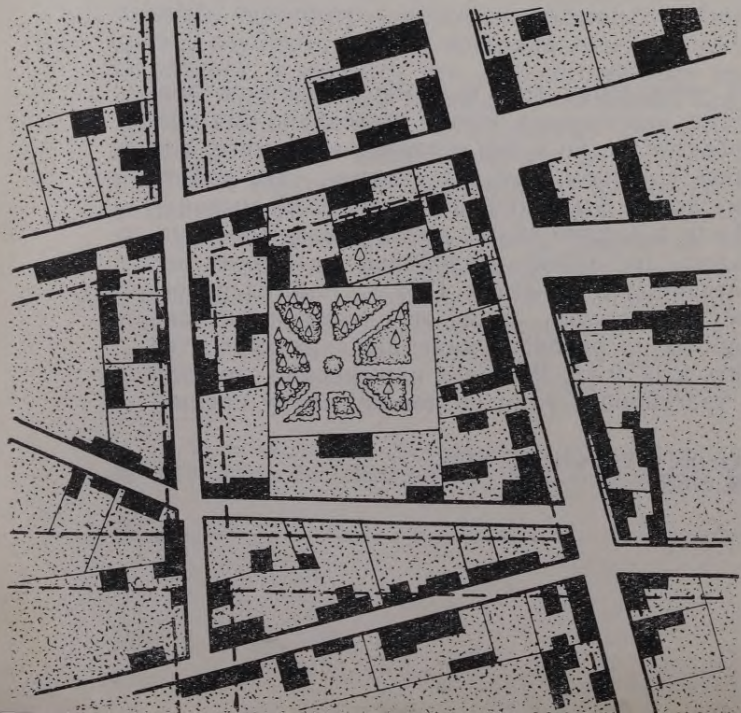
² ЦГВИА, ф. 349, оп. 2, св. 19, д. 825.

стей¹. Пробивка новых улиц была осуществлена в действительности только в небольшом районе Песчаной улицы, а район Ивовой плотины так и остался незастроенным.

Расширение уже существовавших улиц до 21 м также было проведено лишь частично. Старые улицы, пробитые и застроенные по шведским планам, были довольно узкими (7—14 м). Только главная улица предместий — Песчаная (ныне ул. Ленина) достигала иногда 18 м. Трудность реконструкции этих улиц при существовавшей застройке привела к тому, что многие из них оказались в разных местах неодинаковой ширины, то сохранявшей габариты шведских проектов, то увеличенной до норм русского градостроительства.

За счет расширения улиц были несколько сокращены участки отдельных домовладельцев, а вместе с тем и размеры внутриквартальных садиков, принадлежавших, по всей видимости, жителям того или иного квартала. Эти садики, состоявшие из цветников, кустарников и боскетов, являлись, очевидно, проявлением старинной традиции располагать в предместьях сады и огороды. Помещаясь внутри кварталов, они во многом улучшали санитарно-гигиенические условия жизни в предместьях и восполняли в некоторой степени бедность архитектурно-художественно-

¹ В годовом отчете Рижской инженерной команды за 1775 г. говорится, что «у снятия через крепость профилей и у размеру по прожектному плану форштадта люди находились» (ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 2, д. 623, лл. 9, 10). В дальнейшем Рижская инженерная команда об этих работах в отчетах не упоминает.

План жилого квартала в предместьях Риги.

По чертежу И. Беттхера 1776 г.

жественного убранства этих районов Риги. Внутриквартальные садики были окончательно уничтожены уже в XIX в.

В 1770-х годах были осуществлены также и некоторые санитарно-гигиенические мероприятия. Сюда относится, например, запрещение хоронить покойников внутри церквей и около них и создание в соответствии с этим специальных кладбищ вне городской черты.

Все это показывает, что на первых порах после утверждения проектов 1769 г. были осуществлены только те мероприятия, которые не требовали затрат государственных средств. Поэтому-то, очевидно, часть проектов была значительно откорректирована на месте. В результате произошло сплывание двух тенденций в развитии зодчества Риги — «государственной» и местной.

Вполне естественно, что только там, где реализация проектов 1769 г. финансировалась правительством, могли воплотиться в жизнь замыслы создателей этих проектов, а также и идейно-художественные принципы, характерные для зодчества России второй половины XVIII в. Таким местом была цитадель.

* *
*

Во второй половине XVIII в. цитадель, которую, согласно проектам 1769 г., предполагалось объединить со Старой Ригой в единую систему обороны, оставалась все же замкнутым, самостоятельным элементом Риги. Она отделялась от Старого города и предместий глубокими рвами, наполненными водой, и валами цитадельских укреплений, облицованными снаружи на половину их высоты естественным камнем серо-розового цвета. Территория, которую занимала цитадель, равнялась чуть ли не $\frac{1}{4}$ территории Старого города. В какой-то степени цитадель еще сохраняла свое оборонительное и политическое значение, которое определялось следующими потребностями: 1) доставить убежище гарнизону, чтобы он в случае оставления основной крепости имел возможность вновь собраться с силами для обороны, 2) иметь в городе определенный центр, само существование которого было бы опорой и символом государственной власти на месте¹.

¹ В этом отношении характерно определение цели создания цитаделей, данное в учебнике по фортификации, изданном в 1864 г. Там говорится, что цитадель «имеет назначение доставлять убежище гарнизону, где бы он мог после упорной обороны главной крепостной ограды заставить атакующего снова прибегнуть к действиям постепенной атаки или, по крайней мере, — к заключению более выгодной капитуляции. Кроме того, цитадели употребляются как опорные пункты в городах открытых, заключающих в себе промышленное, торговое и многочисленное народонаселение... Наконец, 3-я и последняя цель цитадели заключается в удержании жителей в повиновении, что в особенности необходимо во вновь завоеванной стране, где правительство не всегда может положиться на верность и преданность к себе жителей» (Ф. Л а с к о в с к и й и Н. Б о л д ы р е в. Курс фортификации, ч. I: Долговременная фортификация. СПб. 1864, стр. 213).

Работы по реконструкции цитадели были начаты после утверждения проекта 1769 г. не сразу. Правда, как указывалось в упоминавшемся выше докладе графа Чернышева, «лифляндский генерал губернатор и кавалер Броун в том же 769 году присланным сообщением между прочего требовал от объявленного господина генерал фельдцейхмейстера и кавалера (имеется в виду граф Орлов. — Ю. В.) на первой случай для заготовления материалов и припасов и на заплату заработанных денег к построению в Ригской цытодельской крепости каменных одному гарнизонному баталиону с ево штаб афицерами казарм и квартир и для коменданта дому пятидесяти тысяч рублей, изъясняя притом, что по зделании оных и другое строение одно за одним производимо будет». Однако одновременно с этим Броун был вынужден сделать какие-то объяснения «касательно до городского укрепления и в нем некоторых строений, несходствующих с высочайше конфирмированным планом». В условиях общего расстройтва дел в инженерном ведомстве это «несходство», очевидно, и явилось поводом к тому, что разрешение на выплату сумм для строительства зданий в цитадельской крепости было дано не сразу. Граф Орлов, видимо, стал оппонировать Броуну («а учиня из сообщения ево экстракт и положи на всякой пункт свое мнение»); во всяком случае, после доклада Орлова Екатерине II (12 октября 1769 г.) «высочайшей резолюции невоспоследствовало»¹.

Однако плохое состояние цитадели все же заставило графа Чернышева обратиться в 1772 г. к Екатерине с докладом, в котором указывалось, что ко времени подачи доклада, т. е. в 1772 г., «в цытодельской крепости не только комендантского дому и афицерских квартир, ниже солдатских казарм строением не начато»². Этот доклад 19 июня 1772 г. был, наконец, апробирован императрицей. Однако вместо необходимых для реализации всего проекта 1769 г. 637 тыс. руб. было разрешено отпустить только 190 тыс. руб., т. е. ту сумму, которая требовалась для возведения зданий в цитадели. Сумму эту предполагалось выплатить в течение 10 лет, и то с оговоркой: «в нынешнем году десять тысяч, а в последующия, буде бог даст мир, по двадцать тысяч рублей»³.

Это решение практически означало, что, во-первых, откладывалась реализация тех предложений проекта 1769 г., которые касались улучшения фортификации и планировки предместий и Старого города, во-вторых, срок реализации проектов строительства зданий внутри цитадели продлевался при благоприятных обстоятельствах до 1782 г., при неблагоприятных — на неопределенный срок⁴.

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 2, св. 19, д. 825, лл. 1, 2.

² Там же, л. 2.

³ Там же, резолюция на докладе Чернышева.

⁴ Деньги на строительство зданий в цитадели отпускались весьма нерегулярно. Через 9 лет после принятия решения об отпуске 190 тыс. руб. на строительство в цита-

После утверждения Екатериной представления об отпуске сумм на строительство зданий в рижской цитадели граф Чернышев 26 июня 1772 г. довел до сведения Броуна жесткую программу использования полученных средств. В частности, Чернышев писал, чтобы «никуда сих денег ни под каким видом, кроме назначенного в цитаделе нужного строения, неупотреблять, к господину ж инженер генерал поручику и ковалеру Гербелю посланным ордером велено: 1-е. Чтоб приложено было старание в самой скорости заготовлять на сии наличные деньги материалы и припасы к начатию строением солдатских казарм, офицерских квартир, кортергардиев и так далее приступать наперед к нужнейшему строению. 2-е. Настрожайше находящемуся в Риге штап офицеру предписать, дабы он о всех покупках и подрядах, незаключая договоров, докладывался вашему высокопревосходительству (т. е. Броуну. — Ю. В.), и что вами опробовано будет, оное б покупал и деньги платил без потеряния времени, но не выше цен, показанных в смете, а особливо при вступлении в работу наиприлежнейше смотрел, дабы материал употребляем был самый годный и работа производилась с наилучшей прочностью, под неукоснительным ответом и штрафом, если что непрочно или несходно устроено будет, которую работу наблюдать департаментному господину генерал майору, осматривая ее по крайней мере по третям года...» Далее Броуну предписывалось оказывать необходимую помощь инженерной команде и направить нужное количество солдат «для рытья подлежащих под вышеупомянутое строение рвов и битья свай», а также «на первой случай сколько можно плотников и каменщиков»¹. Иными словами, для ускорения застройки цитадели и обеспечения высокого качества работ была, наконец, пущена в ход вся сложная бюрократическая машина.

Приведенное предписание Чернышева Броуну показывает, что в проект застройки цитадели, утвержденный в 1769 г., в последующем не были внесены никакие коррективы, — напротив, были приняты некоторые меры, чтобы от него не было сделано каких-либо отступлений. По мере осуществления намечавшегося ранее строительства было составлено несколько новых планов цитадели, но в них, видимо, лишь фиксировалось состояние выполнявшихся работ. В 1774 г. был составлен «План цитадели с описанием находящихся в ней казенных и частных строений и нового расположения кварталов», а в 1776 г. инженер-генералом М. И. Мордвиновым, который к тому времени заменил в Канцелярии главной артиллерии и фортификации Гербеля, был подписан

дели было отпущено всего 120 тыс. руб. В 1778 и 1780 гг. деньги вообще не отпускались. Когда же в 1781 г. Броун просил Сенат ассигновать задержанные за 2 года 40 тыс. руб., то ему было сообщено, что «ныне сенат вдруг таковой суммы определить в отпуск не может...» (ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 250, л. 118).

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 235, лл. 9, 10.

«План цитадели с описанием как находящихся, так и предположенных внутри ее строений»¹.

После утверждения сумм на строительство зданий внутри цитадели работы развернулись сравнительно широко. Так, например, только в продолжение 1775 г. на работах в цитадельской крепости было занято около 18 тыс. человек, т. е. ежедневно более 50 человек². Они, кстати, использовались не только для строительства зданий, но и для исправления валов и рвов.

В отчетах за 1777 г. уже сообщается, что в цитадели имеется «одна линия вновь построенных каменных солдатских казарм..., еще две линии солдатских казарм ныне во окончание приводятся» и, кроме того, «линия заложена для артиллерийских служителей»³. Солдатские казармы, выстроенные в это время, располагались у бастиона Карла IX, артиллерийская казарма — неподалеку от Королевских ворот. В том же году «за ветхостью» были снесены «связь» в обер-офицерских квартирах, инженерный дом, фахверковая казарма, деревянная гауптвахта, была начата также починка некоторых купленных «обывательских домов», выемка земли под фундамент нового инженерного дома⁴. В 1779 г. начали рыть котлован, очевидно, для другого инженерного дома⁵, а в 1781 г. инженерная команда уже сообщала, что уплачено «подрядчику Шелопаяу за выстройку инженерного каменного дома достальных за вычетом пошлин и процентов 1336 р. 93 к.»⁶. В 1782 г. было закончено строительство также и обер-комендантского дома, поскольку именно

¹ ЦГВИА, ф. 3, оп. 3, д. 331, лл. 54—55. — Оба упомянутых выше плана обнаружены не были; о них можно судить лишь по описи. План 1776 г. был, очевидно, составлен как отчетный документ согласно требованию Сената от 17 апреля 1776 г. о составлении справки, «какие гражданские строения ныне производятся (в цитадели. — Ю. В.) и какая на каждое строение сумма назначена и прежде начатые войны ежегодно отпускалась и ныне отпускается... до какого состояния те строения доведены и могут ли достальным противу сметы числом денег достроены быть или еще требуется прибавка...» (ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 242, л. 150).

² Судя по отчету Рижской инженерной команды (ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 2, д. 623, л. 10), в 1775 г. «на работах было занято:

Инженерных служителей	дерноклатчиков	— 103,
	мастеровых	— 1341;
Ригских баталионов солдат	мастеровых	— 2795,
	работных	— 5738;
Вольнонаемных	каменщиков	— 2099,
	работных	— 2888;
Арестантов за штраф	балтийских	— 2104,
	из солдат	— 199,
	из крестьян	— 569».

³ ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 2, д. 1239, л. 47.

⁴ Там же, д. 635, лл. 57, 135.

⁵ Там же, д. 671, л. 14.

⁶ Там же, д. 728, л. 144.

Бывший каменный хлебный магазин близ Королевских ворот.

тогда были уплачены деньги некоторым его строителям, занимавшимся, по сути дела, окончательной отделкой здания¹. В 1784 г. был заложен фундамент второго корпуса обер-офицерских квартир², велись работы в священническом доме, начатом в 1783 г. и оконченном в 1785 г.³ После того как в 1786 г. был закончен второй обер-офицерский дом, было начато строительство плац-майорских служб⁴, а также еще одного инженерного дома⁵. Даже в 1787—1789 гг. еще велось строительство дома «для артиллерийских гарнизонных штаб и обер афицеров... с погребями, о двух этажах, со службами»⁶. На этом, по сути дела, крупное строительство жилых зданий в цитадели было закончено.

¹ ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 2, д. 762, л. 3. — Здесь говорится, что деньги получили участвовавшие в строительстве обер-комендантского дома мастера, среди них «немецкий стекольный мастер; Ригский печной мастер; блестящий мастер Гойян; слесарный мастер, сделавший перила и замки; рижский житель Корнев, сделавший крючки и прочее...»

² ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 2, д. 818, л. 3.

³ Там же, д. 847, л. 71.

⁴ Там же, д. 874, л. 4.

⁵ Там же, д. 873, л. 2.

⁶ Там же, д. 902, л. 39; д. 926, л. 98.

Вряд ли можно считать, что ансамбль цитадели тем самым был полностью завершен. Многие участки в цитадели так и остались незастроенными (свободные территории имелись даже близ главной площади). Сохранились также некоторые старые здания, которые, очевидно в целях создания единой по архитектурному облику застройки, были в проектах 1769 г. намечены на слом. Была, например, оставлена старая шведская каменная казарма, позднее известная как дом Рижского военно-сиротского отделения, а также два каменных хлебных магазина, возведенных в 1722 и 1724 гг. около Водяных и Королевных ворот и превращенных в 1777 г. в провиантские магазины. И все же в какой-то степени программа, намеченная в 1769 г., в отношении цитадели оказалась выполненной. В 1800 г. осматривавший Ригу инженер-генерал П. К. Сухтелен в своем рапорте Павлу I хотя и указал, что Рига слаба в оборонительном отношении, тем не менее дал высокую оценку сооружениям, возведенным по проекту 1769 г. Он писал, что «гауптвахта и все караульни, комендантский, также инженерный и артиллерийский дома, также ворота и мосты суть вообще таковы, каковых желать должно»¹.

Эти здания обладали определенным архитектурно-планировочным единством, что способствовало формированию в цитадели цельного архитектурного комплекса. Все основные постройки цитадели были двухэтажными, а венчающие карнизы их находились примерно на одной высоте. Фасады зданий имели довольно скупое убранство — преимущественно плоские лопатки (иногда рустованные), пилястры и т. п., они были одинаково оштукатурены и выкрашены. Подъем кровли, в отличие от подъема кровли сооружений, возводившихся в Старой Риге, был низким. Все это свидетельствует о том, что цитадель застраивалась в соответствии с требованием Комиссии каменного строения — «по возможности стараться, чтобы везде был в строениях порядок и совершенное между оными соответствие»².

Разница в убранстве отдельных сооружений зависела главным образом от назначения здания и от места его расположения в плане цитадели. Здесь можно разграничить три основные группы построек. Первая — это казармы и подсобные сооружения, почти лишенные архитектурного убранства и расчлененные только лопатками и междуэтажными тягами; они, как указывалось выше, были расположены преимущественно по периметру цитадели и образовывали фон основных сооружений. Вторая — это, например, две «связи» обер-офицерских квартир и дом священнослужителей, «закрепившие» углы главной площади цитадели; они

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 2, св. 19, д. 834, л. 5.

² См. Н. Коваленская. История русского искусства XVIII века. М.—Л. 1940, стр. 97.

Обер-комендантский дом и Петропавловская церковь
в застройке центральной площади рижской цитадели.

Реконструкция автора.

были решены несколько богаче: по вертикали они членились широкими каннелированными лопатками, по горизонтали — междуэтажным поясом и т. д. Наконец, третья группа — это дом артиллерийских и гарнизонных штаб- и обер-офицеров и дом обер-коменданта; общее у этих зданий заключалось в том, что они располагались в композиционно важных местах, имели ясное ордерное членение фасадов (центральный вход в эти здания был акцентирован четырьмя пилястрами римско-дорического ордера).

Дом артиллерийских обер-офицеров был расположен близ Королевских, или, как их называли позднее, Полторских, ворот — главного въезда в цитадель со стороны Старого города. Первым зданием, которое привлекало внимание при входе в цитадель, был именно этот дом. На его фасаде как бы начиналась некая композиционная тема, которая

достигала своей кульминации и обрывалась на главной площади цитадели (пилястровый «портик», широкий карниз, симметричное решение композиции и т. п.), короче — здесь было все то, что характеризует облик здания, который во второй половине XVIII в. становится типичным для так наз. казенных сооружений, возводившихся в России в эпоху классицизма.

Более выразительным и интересным по архитектурно-планировочному решению был, несомненно, обер-комендантский дом, расположенный на оси симметрии южной стороны главной площади. Его план несколько напоминал план домов усадебного типа — с анфиладами чередующихся больших и малых покоев, с парадным крыльцом и т. д. Однако убранство обер-комендантского дома хотя и являлось развитием главной композиционной темы застройки цитадели, все-таки отличалось определенной противоречивостью. Так, фасады дома имели некоторые детали, типичные для архитектуры первой половины или середины XVIII в., — лопатки-лизены, расчленившие фасад здания, разорванные барочные сандрики над окнами, фланкирующими главный вход в здание, своеобразные наличники остальных окон и т. п. В то же время многие элементы фасада — невысокий фронтон над портиком, триглифы на антаблементе карниза, дорические пилястры, геометрически ясная простота объемов, четкий пропорциональный строй и т. п. — были типичны для классицизма¹.

Идентичная обработка фасадов зданий цитадели говорит о том, что один из основных приемов создания этого ансамбля базировался на применении одинаковых элементов убранства, на согласовании высоты построек, на единстве применявшихся отделочных материалов. Другой прием состоял в наращивании средств выразительности в узловых точках композиции цитадельского ансамбля, в подчинении убранства всех зданий характеру главного сооружения, или, точнее говоря, идейно-художественной доминанте этого комплекса сооружений. Такой доминантой в цитадели стала колокольня воздвигнутой здесь Петропавловской соборной церкви.

* *
*

Соборная церковь Петра и Павла в рижской цитадели явилась одним из лучших произведений эпохи классицизма, созданных в Риге в конце XVIII в. Однако до сих пор она оставалась фактически неизученной. Почти во всех без исключения работах, в которых эта церковь

¹ Некоторая раздвоенность форм обер-комендантского дома указывает на то, что его проект, как и проекты остальных зданий цитадели, очевидно, был составлен в переходный от барокко к классицизму период, т. е. около 1765 г., когда создавался проект Вильбоа.

упоминается, повторяется одна и та же неправильная версия относительно истории создания этого памятника — что церковь была якобы построена в 1776—1786 гг. по указу Екатерины II на деньги, отпущенные из казны¹. Только в одном издании указывается, что строительство церкви было начато в 1780 г. и окончено в 1785 г. (церковь была освящена 3 января 1786 г.)². Характерно, что во всех этих работах отсутствуют какие-либо ссылки на источники и документальные материалы, поэтому невозможно было судить о достоверности сообщаемых их авторами сведений.

Весьма разноречивые мнения, зачастую основанные лишь на догадках, высказывались также и по вопросу об определении автора проекта церкви Петра и Павла. В большинстве работ, изданных во второй половине XIX и начале XX в., указывалось, что автором проекта церкви был известный рижский зодчий Кр. Хаберланд³ (о творчестве Хаберланда подробно см. ниже, в главе IV). Несколько позднее начали полагать, что Хаберланд был лишь исполнителем проекта, а автором его называли то Доменико Трезини⁴, то его сына Пьетро-Антонио Трезини⁵, живших и работавших в Петербурге в первой половине XVIII в. (первый Трезини умер в 1732 г., а второй в 1754 г. покинул Россию). Затем некоторыми исследователями имя Хаберланда вообще перестало упоминаться, — автора проекта стали искать среди петербургских зодчих круга Фельтена и Ринальди⁶. Наконец, в самое последнее время было высказано предположение, что «автором проекта является известный русский архитектор Старов»⁷.

Архивные документы, недавно обнаруженные нами после долгих поисков, пролили совершенно иной свет на историю строительства Петропавловской церкви в рижской цитадели. Бесспорно, далеко не все оказалось установленным до конца, пока еще остаются некоторые нерешенные вопросы, однако в общих чертах картина создания Петропавловской церкви в цитадели может быть восстановлена.

¹ См., например, W. v. Gutzeit. Die griechisch-katholischen Kirchen Riga's, в кн.: Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, Bd. XI, H. 2, стр. 25; A. Reinberg. Die griechisch-orthodoxen Kirchen, в кн.: Riga und seine Bauten, стр. 180; П. Синайский. Исторический очерк Рижского кафедрального собора, стр. 6, и многие другие.

² Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии, вып. 1, стр. 172.

³ См., например, упомянутые работы П. Синайского, А. Рейнберга и др.

⁴ См., например, Mākslas vēsture, 1. sēj., стр. 214; O. Gerich. Christoph Haberland und seine Bauten, стр. 135.

⁵ P. Sampe. Lexikon . . ., Bd. I, Nr. 2071. — Кстати, упоминание одного из Трезини в качестве автора проекта Петропавловской церкви можно было бы связать лишь с постройкой церкви в цитадели, осуществленной в 1726—1728 гг.

⁶ V. Vīrērs. Latvijas māksla baroka laikmetā, стр. 135.

⁷ Рига и Рижское взморье. Краткий путеводитель. Рига 1954, стр. 68.

В «высочайше» утвержденном проекте Вильбоа было предусмотрено, что в рижской цитадели должна быть построена каменная гарнизонная церковь. На строительство этой церкви предполагалось затратить 20 тыс. рублей из сумм, которые намечалось ассигновать на сооружение зданий внутри цитадели¹. Однако со строительством гарнизонной церкви не спешили, ибо, как указывалось выше, Броуну было предписано «приступить наперед к нужнейшему строению», т. е. к строительству солдатских казарм и т. п. и лишь затем — зданий административных и общественных. Проекта этой церкви пока обнаружить не удалось, но сравнительно небольшая сумма, отпущенная на ее строительство, показывает, что церковь эта, по всей видимости, должна была, согласно замыслу авторов проекта Вильбоа, занять в общем комплексе цитадели довольно скромное место.

Между тем сразу же после утверждения в 1769 г. плана размещения зданий в цитадели Броун, очевидно совершенно независимо от этого плана, стал изыскивать возможности для строительства в цитадели новой соборной церкви. Вот что писал об этом сам Броун в 1781 г.: «как бывшая здесь в цитодельской крепости старая российская соборная каменная церковь во имя святых апостолов Петра и Павла от долговременного стояния в такую пришла совершенную ветхость, что к починке оной ни каким образом приступить было невозможно (и подвержена была крайней опасности к падению), то о построении оной вновь зделан план и фасад со сметою, по коей полагаема была сумма по примерным ценам за материалы и за работу иностранною манетою 47 424 талера пятьдесят три с половиною гроша (а на российской шот, полагая талер только по рублю по двадцати по пяти копеек, обходилась 59 280 рублей 72 копейки), кроме и коностаса и других потребных к тому нужных не которых пристроек; и тот план с фасадом и со сметою от здешней губернии еще в 1770 году представлен был в экономическую кантору»².

Следовательно, согласно предложению Броуна на строительство церкви требовалось в три с лишним раза больше средств, чем на строительство гарнизонной церкви согласно проекту Вильбоа. Броун не приводит других причин появления столь обширного проектного предложения, кроме того, что старая соборная церковь в цитадели пришла в ветхость. Он, конечно, не мог не знать, что в цитадели запроектировано строительство гарнизонной церкви, но, судя по всему, придерживался

¹ В докладе Сената, поданном на имя Екатерины II в 1781 г., по этому поводу говорится: «По высочайше подтвержденному от В. и. в. в 1769-м году о внутреннем в цитодельской крепости цивильном строении плану и ведомости в числе 190 762 руб. 9 коп. положено на гарнизонную в цитоделе церков со всем украшением 20 000 руб.» (ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 252, л. 248).

² ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1303, л. 20.

мнения, что гарнизонная церковь никак не сможет заменить соборную. Появление проекта новой соборной церкви определенно должно было быть связано с какими-то особыми соображениями, которые только и способны объяснить, почему в Риге, независимо от «высочайше апробованного» проекта застройки цитадели, создается еще один проект строительства церкви, причем проект гораздо более грандиозный, почему первоначальный проект гарнизонной церкви оказался не соответствующим требованиям, которым церковь должна была удовлетворять. Соображения эти, очевидно, коренились в обстановке, сложившейся в Прибалтике в 70-х годах XVIII в., в той конкретной политике, которая осуществлялась правительством Екатерины II по отношению к прибалтийским губерниям, в частности по отношению к правящей верхушке этих губерний.

В первые годы царствования Екатерины II, как было показано исследованиями акад. Я. Зутиса, в России возникает так наз. остзейский вопрос. Русское дворянство начинает открыто выражать свое недовольство привилегиями, которыми пользовались немецкие бароны в Прибалтике. Так, например, князь М. М. Щербатов говорил об остзейских немцах: «сей народ поражен недоверчивостью на все то, что к ним из российских правительств идет, и упорствует во всем, что их прежним обычаям, часто уже несовместимым с нынешним состоянием, утверждено»¹. Особенно много подобных замечаний было высказано русскими депутатами екатерининской законодательной комиссии 1767 г., которые жаловались, имея в виду прибалтийских помещиков, что «лифляндцы и эстляндцы не несут многих таких тягостей, которым подвержены русские подданные других губерний», и неоднократно высказывали мысль, что «Лифляндия и Эстляндия не есть иное царство; климатом же, земледелием и другими упражнениями не разнится с русскими жителями, следовательно и под законами одинаковыми с нами быть могут и должны быть»².

В этих условиях Екатерина II, как замечает Я. Зутис, «ловко подлаживаясь под национализм среднего русского гвардейца»³, должна была прислушаться к мнению русского дворянства и осуществить в конце XVIII в. ряд реформ, ограничивавших привилегии остзейских немцев⁴. Это означало одновременно борьбу против средневекового уклада жизни, против ограниченности правового статута Риги. В 1765 г. Екатерина II была вынуждена ввести новый «Устав о рижской коммер-

¹ См. Я. З у т и с. Остзейский вопрос в XVIII веке, стр. 372.

² См. там же, стр. 367.

³ Там же, стр. 310.

⁴ Я. Зутис приводит характерное высказывание Екатерины II о Лифляндии и других западных провинциях: «Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу» (см. Я. З у т и с. Остзейский вопрос в XVIII веке, стр. 290).

ции», поскольку права Риги вступили в противоречие с общими потребностями Российской империи. В 1783 г. в Лифляндии были осуществлены давно готовившиеся реформы губернского управления, введено наместничество, в 1786 г. было распространено на Ригу «Городовое положение» 1785 г. и т. п. Лифляндия и Рига были во многом уравнены в правах с остальными губерниями и городами России. Короче говоря, в конце XVIII в. просвещенный абсолютизм России выступил в качестве реальной силы, которая уже не могла мириться с сохранением всех средневековых привилегий чванливых остзейцев, считавших себя чем-то вроде «государства в государстве».

Если с этой точки зрения подойти к созданию проекта большой Петропавловской соборной церкви в Риге, то можно сделать вывод, что проектирование новой церкви уже само по себе должно было служить свидетельством стремления правительства напомнить о том, что Рига и Прибалтика — не немецкие провинции, а составная часть Российской империи. Известно, что Екатерина II могла исходя только лишь из политических соображений начинать или прекращать строительство отдельных зданий и тратить на их сооружение значительные суммы. Например, в период первой турецкой войны (1768—1774 гг.), чтобы подчеркнуть экономическую мощь России, было начато строительство грандиознейшего дворца в московском Кремле, которое должно было обойтись в 50 млн. руб. золотом, но как только война окончилась, все строительные работы в Кремле были прекращены, а великолепный проект дворца, созданный выдающимся представителем русской архитектуры второй половины XVIII в. В. И. Баженовым, был предан забвению. С достаточными основаниями можно было бы предположить, что в период острой внутривосточной борьбы между русским дворянством и лифляндским рыцарством лифляндский генерал-губернатор Броун (вероятно, не без согласия высших властей империи) своим планом строительства новой православной соборной церкви в рижской цитадели стремился подчеркнуть идею утверждения абсолютистской монархии, ту идею, которую Екатерина II выразила в связи с попытками лифляндского дворянства отстоять свои привилегии, заметив, что «они подданные Российской империи, а я не лифляндская императрица, но всероссийская»¹. Во всяком случае, ясно, что Броун, сам не являвшийся православным, не мог требовать строительства нового православного собора в Риге, руководствуясь собственным рвением в делах чисто «божественных».

Однако как только напряжение политической ситуации спало, вопрос о строительстве нового православного собора в рижской цитадели был отодвинут на второй план. В течение 6 лет после того, как был

¹ См. Я. З у т и с. Остзейский вопрос в XVIII веке, стр. 372.

создан проект новой соборной церкви, не было сделано никаких реальных шагов к его осуществлению. Проект соборной церкви был отослан на рассмотрение в Коллегию экономии, но так и остался нерассмотренным, ибо помощником архитектора коллегии К. Паульсеном якобы не были внесены в планы и сметы небольшие дополнения, без которых-де нельзя было утверждать проект. Это показывает, что с осуществлением проекта явно не спешили. Только в 1776 г. Броун по просьбе священников Петропавловского собора сделал новое представление в Сенат по этому поводу (кстати, разве не странно, что Броун терпеливо ожидал целых 6 лет, если старая церковь действительно разваливалась?). Он просил выяснить, имеется ли какая-либо резолюция Канторы экономии о проекте соборной церкви 1770 г., а если таковой не имеется, то «приказать немедленно представить и, ежели повелено будет по тому присланному плану и фасаду церковь вновь строить, то бы ассигновать для того заблаговременно надлежащую сумму..., или не соизволено ль будет за неимением тамо (в Риге. — Ю. В.) архитектора отсюда (из Петербурга. — Ю. В.) прислать, который бы мог на месте оной церкви план и фасад сделать и, применяясь к продажным ценам материалов, смету учинить»¹. Сенат в ответ на ходатайство Броуна принял 22 сентября 1776 г. весьма энергичное решение: «предписать Канторе экономии, чтоб она понудила своего архитектора учинить прибавляемому строению план и смету (здесь речь идет о некоторых дополнительных помещениях, которые требовал пристроить к церкви протопоп собора. — Ю. В.) в непродолжительном времени и по учинении оного отослала бы на рассмотрение в коллегию экономии; а коллегия экономии, по получении оного, по тому ж, немедленно рассмотря оной обще с генеральным той церкви планом, нужна ли таковая прибавочная пристройка и во что она, так, как и вся та церковь с колокольнею, в какую сумму стать может, представить Сенату»².

Это решение, однако, осталось только на бумаге, поскольку никакого дальнейшего хода делу дано не было. Сам Броун писал в 1781 г., что «по оным указам в экономической коллегии и оной канторе ни какова исполнения не учинено, а между тем помянутая старая соборная церковь ветхостию своею наиболее приходила к падению в крайнюю опасность»³. В настоящий момент трудно утверждать с полной достоверностью, что именно заставило Коллегию экономии уклониться от выполнения указа Сената, но можно предположить, что коллегия по каким-то причинам не могла ни забраковать или отклонить представленный Броуном проект Петропавловской соборной церкви, ни ассигновать необходимую сумму на его реализацию.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 243, л. 92.

² Там же, л. 93.

³ Там же, ф. 291, оп. 1, д. 1303, л. 21.

Начиная с 1776 и вплоть до 1780 г. Броун ежегодно делал представления в Сенат, прося выделить средства на строительство новой соборной церкви в рижской цитадели. В этот период Броун отказался от проекта соборной церкви, составленного в 1770 г., и ходатайствовал о разрешении строить в рижской цитадели такую же церковь, какая была сооружена в Даугавгривской (Динамюндской) крепости, расположенной близ Риги при устье Даугавы. Кстати, строительство этой церкви, созданной по проекту известного петербургского зодчего А. Ф. Виста¹, было закончено в 1776 г.² (проект церкви Вист разработал в 1771 г., деньги на строительство были отпущены в 1772 г.), т. е. именно тогда, когда Броун снова подал ходатайство о постройке Петропавловской церкви. Церковь в Даугавгриве была меньше, чем запроектированная в 1770 г. цитадельская соборная церковь; правда, она оценивалась современниками как «знатное... церковное строение изрядной архитектуры»³, что, очевидно, и дало Броуну основание просить разрешение вторично использовать проект Виста (к сожалению, нам не удалось обнаружить этот проект).

25 апреля 1780 г. Броун писал в Сенат: «оставя прежней план и фасад (т. е. отказавшись от них. — Ю. В.) с таковым уже моим мнением: не соизволит ли Правительствующий сенат повелеть помянутую новую каменную соборную церковь, также и коностас, зделать по плану учиненной сенатским архитектором Вистом о построении Динамендской каменной церкви, с таковою при том только отменою, чтоб внутри церкви зделать пространнее, а олтарь в длину и ширину с пристойным украшением гораздо больше, потому что в высокаторжественные праздники в той соборной церкви збор всем священникам и служба во оные дни при многолюдном собрании отправляется с приумножением священства, и таковое построение возложено [бы было] на старание Лифляндской генерал губернской канцелярии; и естли оное Правительствующему сенату благоугодно будет, то б на построение вышеписанной соборной каменной церкви осигновать на первой случай хотя ту сумму, что и для

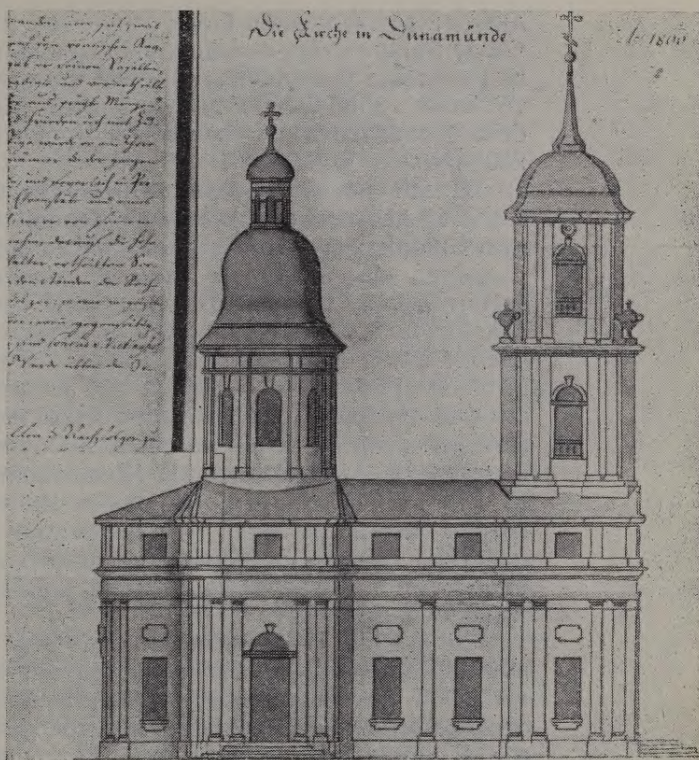
¹ Относительно создания А. Ф. Вистом проекта Даугавгривской церкви имеется много архивных данных, которые еще ждут своего обобщения. Вист не сразу получил заказ на проектирование церкви в Даугавгриве. Первоначальный проект, составленный на месте в Риге, утвержден не был. После этого было предложено «сенатскому архитектору Висту по числу находящихся в Динаментской крепости веры греческого исповедания людей... зделать каменной церкви, какого пространства быть, вновь план и представить на рассмотрение Сената. В следствие того от оного архитектора и представлен был Сенату план, фасад и профиль, а по рассмотрению Сената оной аправован и отослан был в Рижскую губернскую канцелярию для учинения по оному на месте сметы» (ЦГАДА, госархив, ф. 18, д. 261, л. 2). Между тем, на основе данных, приводимых И.-Х. Бротце, принято было считать, что эта церковь была построена в 1785—1796 гг. по проекту Кр. Хаберланда (см. Р. Сапре. *Lexikon* . . . , Vd. I, Nr. 2701).

² ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 243, л. 44.

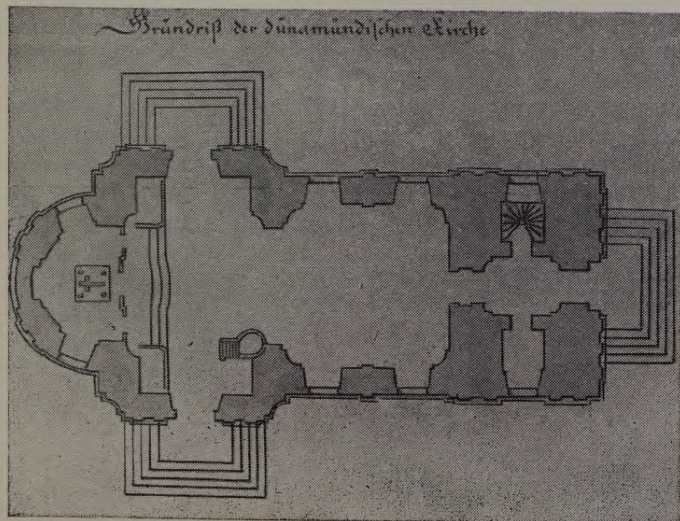
³ Там же, л. 45.

Православная церковь в Даугав-
граве (Динамюнде).

Чертеж И.-Х. Бротце 1800 г.

Фасад.

План.

динамендской церкви было отпущено, а именно 24 206 рублей, а к тому числу можно старую соборную церковь разобрать и годной из оной кирпич в стены употребить, а естли помянутой суммы доставать не будет, то можно прибавочное число впредь требовать»; кроме того, на иконостас и разного рода украшения Броун просил выделить дополнительно 2500 руб.¹

И вот после неоднократных представлений генерал-губернатора, через 10 лет после того как первоначально возникла мысль строить новую соборную церковь в рижской цитадели, 21 мая 1780 г. наконец последовал «высочайший» указ об отпуске просимых Броуном сумм на строительство церкви. Екатерина II приказала «отпустить из доходов ведомства канторы экономии в четыре года двадцать четыре тысячи двести шесть рублей да на иконостас и прочее украшение две тысячи пять сот рублей в распоряжение епархиального архирея и тамошнего генерал-губернатора»². Весьма характерно, что Броун получил просимые им деньги отнюдь не обычным путем, т. е. не через Сенат, а непосредственно от Екатерины II (Сенат констатировал факт отпуска средств на строительство новой церкви в Риге лишь 20 июня 1780 г.³). Это, кстати, указывает на то, что, возможно, все предыдущие и последующие действия Броуна, связанные с подготовкой к сооружению Петропавловской церкви в Риге, осуществлялись им непосредственно с благословения императрицы.

Еще одна небезынтересная деталь: когда Броун просит Сенат отпустить деньги для строительства церкви в Риге по подобию Даугавгривской крепостной церкви, он все время подчеркивает, что, кроме отпускаемых денег, возможно, потребуются еще и дополнительные суммы. В указе же, подписанном Екатериной II в 1780 г., говорится лишь об отпуске просимых Броуном для строительства церкви денег, но нигде не требуется, чтобы церковь была построена по проекту Виста, составленному для Даугавгривской церкви. Поэтому создается впечатление, что проект Виста был использован в основном лишь как повод для получения денег. И действительно, как только Броун получил средства для строительства собора, он принял все меры для того, чтобы был создан новый проект церкви, причем гораздо более обширной, чем сооруженная в Динамюнде.

Вот что сам он пишет об этом в 1781 г.: «И понеже к построению объявленной соборной церкви плана и фасада ни откуда не прислано (т. е., очевидно, из вышестоящих инстанций, из Петербурга. — Ю. В.), то приказал я, соображаясь с планом и фасадом, полученным мною от преосвященного архиепископа Иннокентия Псковского и Ригского (мо-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1303, л. 21.

² Там же, ф. 279, оп. 1, д. 248, л. 152.

³ Там же.

жно полагать, что это был план и фасад Даугавгривской церкви, но, возможно, и какой-нибудь другой. — Ю. В.), здесь на месте по положению грунта, по неимению здесь архитектора, сделать новый план и фасад находящемуся в Риге при инженерной команде г-ну инженер-полковнику Зеге. И по сделании оной новой план с фасадом послан был от меня ко усмотрению его преосвященству Иннокентию архиепископу, и, так утвердя сей план, сделана по оному по примерным здесь ценам реченным инженер полковником з городским мурмейстером и с коронными мастерами смета, по которой показана сумма сорок шесть тысяч рублей»¹.

Новый проект церкви, созданный Сигизмундом (Семеном) Зеге фон Лауренбергом², казалось бы, явно должен был быть отклонен, поскольку для его реализации требовалось на 20 тыс. руб. больше, чем было отпущено, но оказывается, что такое превышение сметной стоимости было отнюдь не случайным. Заказывая проект соборной церкви, губернские власти рассчитывали с самого начала, что удастся получить те самые «положенные на гарнизонную в цитаделе церковь со всем ее учреждением 20 000 рублей, которые по сему высочайшему повелению уповательно в другой расход иначе поступить не должны, как на построение объявленной церкви»³. Именно эти деньги и просил в 1781 г. Броун выделить для строительства соборной церкви, именно из-за них и предпринималось жонглирование различными проектами. Очевидно, именно потому, что Броун совместно с архиепископом Иннокентием⁴ предполагали использовать деньги, ассигнованные на гарнизонную церковь, для строительства соборной, они не стали обращаться в Петербург с просьбой прислать для создания проекта церкви опытного архитектора (как это обычно бывало), но использовали подчиненного Броуну инженера.

Просьба Броуна о выделении дополнительных 20 тыс. руб. на строительство Петропавловской соборной церкви в рижской цитадели была поддержана также и Сенатом, который в своем докладе на имя импера-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1303, л. 22.

² П. Кампе сообщает, что полное имя его было Siegmund (Semion) Gottlieb Lebrecht Seege v. Laurenberg (Lexikon..., Bd. II, Nr. 1255; Bd. I, Nr. 2068). В «Сборнике Императорского русского исторического общества» (т. 60, стр. 273) Зеге назван Сигизмундом Христофоровичем.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1303, л. 22.

⁴ О том, что Иннокентий был в курсе всех замыслов Броуна и даже сам активно участвовал в их осуществлении, свидетельствует его письмо к Броуну от 1 апреля 1782 г., в котором говорится: «Что касается до прибавления суммы в строении церкви соборной в Риге: я о том наведывался неоднократно, есть ли и какое в Правительствующем сенате о том рассуждение? Но получаю, что еще не было. Я при случае, где должно напоминание делать о том, неоставлю» (ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 264, л. 186).

трицы указывал, «что назначенная в ригской цитадели гарнизонная церковь строением еще не начата и что при теперешнем уже построении соборной нет более надобности делать гарнизонную, потому что гарнизонных и прочих находящихся в ригской цитадели воинских команд жители духовными требами исправляться удобно могут находящимися при соборной церкви священниками, почему и рассуждает полагаемую к тому строению гарнизонной церкви сумму, согласно представлению лифляндского генерала губернатора, обратить на соборную»¹. 31 мая 1782 г. доклад Сената был «высочайше» утвержден. На этом закончилась эпопея создания проектов новой Петропавловской соборной церкви в Риге и изыскания сумм на ее строительство.

Следует подчеркнуть, что если начало проектирования новой Петропавловской соборной церкви в рижской цитадели невольно связывается с первыми попытками как-то ограничить автономию лифляндского дворянства, то отпуск сумм на строительство этой церкви совпадает с периодом, непосредственно предшествовавшим введению в Лифляндии наместничества. Вряд ли это совпадение было случайным, — напротив, гораздо правильнее было бы видеть в нем определенную закономерность. Недаром Броун в своем представлении Сенату об отпуске дополнительных средств на строительство церкви указывал, что они нужны «на построение в ригской цитадели соборной новой каменной церкви с принадлежащим по здешнему пограничному городу украшением»². Эта фраза явно указывает на то, что, планируя строительство новой церкви в Риге, Броун выходил за узкие рамки культовых потребностей. В том же самом представлении Сенату Броун подчеркивает, что ждет распоряжения об отпуске дополнительных денег, чтобы «к совершенному построению объявленной в цитаделе соборной каменной церкви учинить надлежащее распоряжение без всякого сумнительства, ибо если по смете прибавочной суммы определено не будет, то в строении той церкви не только противу зделанного плана быть может великая перемена и последует в том случае крайняя остановка»³. Иными словами, строительство новой церкви, по всей видимости, приурочивалось к какому-то конкретному событию, поскольку даже возможность переработки проекта расценивалась как «крайняя остановка». Все это невольно наводит на мысль, что новая соборная церковь в цитадели строилась, очевидно, не только как обычное культовое здание, но и как архитектурный памятник, как монумент, по всей вероятности, в честь осуществления в Прибалтике так наз. губернской реформы, которая должна была лишить остзейское дворянство его исключительных привилегий и утвердить могущество центральной власти в Прибалтике.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 252, л. 249.

² Там же, ф. 291, оп. 1, д. 1303, л. 22.

³ Там же, л. 23.

Проекта, созданного С. Зеге для Петропавловской соборной церкви, как и остальных ее проектов, до сих пор обнаружить не удалось. Поэтому трудно с полной достоверностью судить о замыслах Зеге, о его личном почерке как архитектора. Зеге был известен до настоящего времени лишь как один из начальников Рижской инженерной команды, который в 1776 г. прибыл в Ригу и заменил здесь И. Голенищева-Кутузова¹. К этому следовало бы добавить, что инженер-полковник Зеге был именно тот человек, на плечи которого легла основная часть строительных работ, осуществлявшихся в рижской цитадели в период с 1776 по 1784 г. Однако до сих пор с его именем связывали только создание эскиза перестройки так наз. Штифторских ворот Рижской крепости², вообще же в научных исследованиях он никогда не именовался проектировщиком. Тот факт, что Броун именно ему поручил создание проекта соборной церкви — проекта, к которому предъявлялись особые требования, заставляет по-новому подойти к оценке роли Зеге в развитии архитектуры Риги. Следует полагать, что Зеге вполне удовлетворительно справился с поставленной перед ним задачей и создал столь удачный проект, что он был беспрепятственно утвержден заинтересованными инстанциями и для его осуществления даже были выделены дополнительные суммы.

В настоящий момент остается не вполне ясным вопрос, как именно на проект Зеге повлияли проекты, созданные для других православных церквей, строившихся в городах Лифляндии в тот же период. Ясно, что Зеге не мог полностью игнорировать упомянутый выше проект А. Виста, по которому строилась церковь в Даугавгривской крепости. Однако, насколько можно судить по рисункам плана и фасада церкви в Даугавгриве, сделанным И. Бротце в 1800 г.³, Зеге мог заимствовать из проекта Виста только принципы общего объемного или, вернее, силуэтного построения церкви, а также приемы тектонического решения колокольни. Что же касается плана собственно церкви и приемов обработки ее фасадов, то здесь следовало бы искать другие источники.

Зеге, по всей видимости, использовал проект православной церкви во имя Успения богородицы в городе Пярну (Пернов), «коей план, — как сообщалось в 1779 г. из города Курессааре (Аренсбург), — высочайше от е. и. в. опрабован и против оного строить повелено и в прочих здешних городах»⁴. По типу церкви в Пярну в конце XVIII в. были по-

¹ P. S a m p e. Lexikon . . . , Bd. I, Nr. 2068.

² Там же.

³ J. Ch. B r o t z e. Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente etc., Bd. IV, стр. 221. — Кроме того, изображение фасада церкви в Даугавгриве (правда, весьма примитивное) хранится в Рижском государственном историческом музее (РГИМ), № 35425.

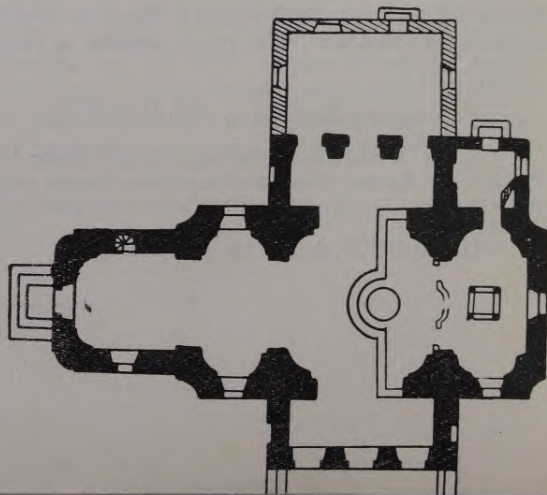
⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 344, л. 2.

Фасад. Чертеж И.-Х. Бротце.

Православная церковь в Пярну.

План. По чертежу И.-Х. Бротце.

строены, например, православная церковь в Тарту («с увеличением» отдельных параметров плана Пярнуской церкви) и церковь в Курессааре («з гораздым уменьшением» ее величины)¹. Это показывает, что Пярнуская церковь являлась таким образом для строительства церквей, который оставался обязательным при сооружении культовых зданий независимо от их величины.

Проект церкви в Пярну, при составлении которого была сделана одна из первых попыток создания православного пятиглавого храма в формах античной архитектуры, был создан в 1763 г. Как явствует из архивных документов, Екатерина II лично обещала («обнадежила») построить эту церковь, когда проезжала через Пярну. В 1764 г. комендант Пярну, бригадир Поссиет, в соответствии с этим просил, чтобы была выделена «сумма, положенная в смету бывшим здесь архитектуры помощником Петром Егоровым по примерным ценам, всего 16 347 р. 62¹/₂ копейки . . .». «Сочиненные же оной церкви означенным архитектуры помощником план и фасад» предлагалось «для апробации представить от коллегии Экономии, ибо сии чертежи и смета оным помощником в ту коллегию . . . с описанием всей церкви отосланы в 1763 г. ноября 13 дня»². Проект этот был «высочайше» утвержден 25 марта 1765 г.³ Талантливый русский архитектор П. Егоров, который, как было недавно установлено, принимал во второй половине XVIII в. непосредственное участие в создании ряда выдающихся произведений архитектуры Петербурга, в частности знаменитой решетки Летнего сада на берегу Невы и Мраморного дворца⁴, по каким-то причинам не смог лично участвовать в постройке церкви в Пярну. Вместо него в 1765 г. был «для построения в городе Пернове церкви заархитектор Иван Яковлев от экономической канторы отправлен»⁵. Основные строительные работы в этой церкви были выполнены «выписанными из России разного художества людьми»; ее строительство было закончено в 1768 г.⁶

Сравнение Петропавловской церкви с церковью, построенной в Пярну⁷, показывает, что эти сооружения имеют много общих черт. В частности, бросается в глаза сходство очертаний их планов (крестообразных у обеих церквей), композиции фасадов собственно церкви и некоторых других деталей. Однако в общем и целом Петропавловский собор в рижской цитадели все же явился достаточно самобытным произ-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 344, л. 1.

² ЦГАДА, госархив, ф. 18, д. 209, лл. 5, 6.

³ Там же, л. 13. — До сего дня от проекта П. Егорова сохранились ситуационный план Пярнуской церкви и изображение фасада ее иконостаса (там же, д. 236).

⁴ См. История русской архитектуры, изд. 2. М. 1956, стр. 349.

⁵ ЦГАДА, госархив, ф. 18, д. 209, л. 3.

⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 294, л. 6.

⁷ Рисунки в фондах РГИМ, №№ 35444, 35426.

ведением архитектуры, которое качественно находится на более высокой ступени, нежели остальные культовые постройки, сооруженные в Прибалтике в тот же период.

Роль С. Зеге в создании Петропавловской соборной церкви в цитадели заключалась прежде всего в том, что он сумел творчески переработать существующие проекты культовых построек и создать такую церковь, которая удовлетворяла всем многогранным требованиям, предъявлявшимся к этому сооружению. Однако Зеге сам не руководил осуществлением своего проекта. В тот период, когда шли основные строительные работы в церкви, — в 1783 г. — он назначается в Нарву¹ (однако, как можно судить по ряду архивных документов, продолжает постоянно жить в Риге²). Для наблюдения за строительством церкви необходимо было найти другого знающего человека. Этим человеком оказался Кр. Хаберланд. Как писал Броун в 1781 г., в сметной стоимости церкви была даже предусмотрена специальная сумма на жалованье «мурмейстеру Габерланту, которой при строении смотрение иметь будет»³.

Кр. Хаберланд в процессе строительства Петропавловской церкви, бесспорно, не мог оказать влияния на формирование общего облика сооружения; он не имел права менять утвержденные план или фасад здания. Все же при выполнении отдельных деталей постройки Хаберланд, по всей видимости, вложил немало своего, личного. Именно в этом следует видеть то самое «духовное участие» Хаберланда, о котором пишет О. Герих, касаясь строительства Петропавловской соборной церкви⁴. Не следует, однако, забывать, что Хаберланд в период строительства собора был еще начинающим строительным мастером, которого губернские власти, как это вытекает из цитированного выше отношения генерал-губернатора Броуна Сенату в 1781 г., даже не считали архитектором.

Строительные работы на отведенном участке были начаты до того, как на реализацию проекта Зеге были ассигнованы средства. 25 августа 1781 г. Броун писал, что к этому времени старая соборная церковь «уже за совершенную ветхостью сломана и по плану место расчищено, и производится теперь под фундамент земляная работа и

¹ Р. Сапге. *Lexikon . . .*, Bd. I, Nr. 2068.

² Так, в 1784 г. Зеге подает на имя Броуна несколько рапортов из Риги, сообщая в них, в частности, что посещает Нарву лишь наездами. В этот период Зеге был сильно болен. Он писал Броуну: «Здоровьем я так слаб, что едва в день на один час с нуждою вставать могу, для чего по немецки к Вашему сиятельству и писать не мог, а принужден уже по русски» (ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1273, л. 7). Зеге умер в 1788 г. в Нарве (Р. Сапге. *Lexikon . . .*, Bd. II, Nr. 1255) в чине генерал-майора. Службу он начал 1 марта 1749 г. (ЦГАДА, госархив, ф. 20, д. 252).

³ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 1303, л. 22.

⁴ O. Gerich. *Christoph Haberland und seine Bauten*, стр. 45.

Колокольня Петропавловской соборной церкви в рижской цитадели.

бьются свай»¹. Начиная с 1782 г. на строительство церкви стали регулярно поступать ассигнования, а в конце 1785 г. она была готова.

Здание Петропавловской церкви было запроектировано на месте старой соборной церкви. Южная сторона отведенного для строительства участка выходила на вновь создававшуюся главную площадь цитадели, тогда как западная — на улицу, ведущую от площади к северным, или Королевиным, воротам цитадели. Подобная ориентация участка, предназначенного для строительства новой Петропавловской церкви, предопределила особенности ее общей композиции. Главный вход в церковь должен был располагаться с западной стороны, т. е. со стороны улицы, ведущей к Королевиным воротам, а следовательно, церковь могла быть обращена к площади только боковым южным фасадом.

Центральная площадь цитадели имела в плане почти квадратную форму, которая сама по себе довольно статична. Но когда над западным входом в церковь была размещена высокая колокольня, то тем самым, во-первых, была закреплена одна из осей симметрии данной площади, перпендикулярная оси, закрепленной обер-комендантским домом, и, во-вторых, был создан высотный ориентир для улицы, ведущей к площади со стороны Старого города. Тем самым Петропавловская церковь приобрела определенную градостроительную значимость.

Колокольня Петропавловской церкви разработана весьма тщательно. Ее формы и силуэт отличаются изысканностью, особой стройностью и логичностью перехода одних частей в другие. Профилировка форм, точный силуэт и точная масштабная характеристика, делающая высотное сооружение соразмерным человеку, придают колокольне ту особую жизненность, которой отличались лучшие произведения русского классицизма конца XVIII в. Стройность форм колокольни позволила ей прекрасно вписаться в исторически сложившийся силуэт Риги, в котором она являлась крайней северной вертикалью. Колокольня оказалась родственной ажурным иглам шпилей рижских средневековых церквей.

Собственно церковь, напротив, приземиста и как бы нарочито распластана по земле. В ней ничто не вздымается ввысь настолько, чтобы конкурировать с колокольней. План церкви был решен в виде греческого креста, что позволяло наиболее активно включить объемы храма в застройку центральной площади цитадели и при этом создать внутри церкви достаточно просторное помещение, которое, кстати, имело весьма сдержанное, даже бедное архитектурное убранство. Торцы ветвей креста, лежащего в основании плана, были оформлены в виде плоского «портика», увенчанного фронтоном. Этот «портик» был совершенно идентичен расположенному рядом, под углом, «портнику» обер-комен-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 1303, л. 22.

Планы и фасады Петропавловской соборной церкви и священнического дома в рижской цитадели.

Чертеж М. Шонса 1800 г.

дантского дома. Тем самым в застройку площади был внесен типичный для оформления площадей эпохи классицизма элемент убранства.

Сила воздействия Петропавловской церкви обуславливалась мастерским сочетанием традиционных приемов русского национального зодчества с формами, заимствованными из античной классики, а также умелым использованием ясной пропорциональной системы. Основное

внимание в Петропавловской церкви было направлено на объемное построение здания, на равноценное восприятие его со всех сторон. В отличие, например, от церкви Петра в Риге и от Петропавловского собора в Петербурге, где явно противопоставлены друг другу величественный главный и более скромные боковые фасады, в Петропавловской церкви рижской цитадели все фасады почти одинаково выразительны. О главном фасаде здесь можно говорить лишь относительно расположения здания на площади. Следовательно, не фасад как таковой, а общий объем играет решающую роль в композиции этого сооружения.

Колокольня Петропавловской церкви имеет ярко выраженное ярусное построение. Каждый из четырех ярусов своеобразен по своему объему: над нижним параллелепипедом находится так наз. «восьмерик», выше опять возведен параллелепипед, но объемно более богатый, чем нижний (его углы усилены диагонально расположенными контрфорсами-волютами), и, наконец, — барабан, или цилиндр. Взаимное расположение отдельных ярусов напоминает композицию, излюбленную в древнерусских деревянных и каменных храмах, — «восьмерик на четверике». Более того, для колокольни Петропавловской церкви характерно также обычное венчание таких храмов — шатер: колокольня завершается выложенным из кирпича шатром-шпилем. Богатое объемное, ярусное построение колокольни и церкви являлось, можно сказать, ведущим началом, основой композиционного решения здания¹.

В теснейшей связи с объемным членением Петропавловской церкви находилась вторичная художественная система — ордерный строй сооружения. Он играл второстепенную роль хотя бы потому, что не отражал конструктивной основы здания. Однако, с другой стороны, ордеру как художественной системе, иллюстрирующей тектоническую основу здания, помогающей внести в абстрактные геометрические формы определенную масштабную характеристику и, наконец, позволяющей усилить идейно-художественное воздействие постройки, было отведено в композиции Петропавловской церкви важное место. Ордер помогал

¹ Нередко высказывавшееся до сих пор мнение, будто Петропавловская церковь, в частности колокольня, воспроизводит формы барокко (см. O. Geigich. Christoph Haberland und seine Bauten, стр. 45), было, вероятно, основано на том, что истоки богатства ее объемов искали не в древнерусском, а в западноевропейском зодчестве. Возможно, было просто сознательно забыто родство композиции Петропавловской церкви и русских культовых построек, хотя оно явно ощущалось рижанами еще во второй половине XIX в. В. Гутцайт, например, в 1868 г. писал, что Петропавловская церковь построена в «московско-византийском стиле» (W. v. Gutzeit. Die griechisch-katholischen Kirchen Riga's, в кн.: Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, Bd. XI, N. 2, стр. 26). Эта формулировка страдает очень большими погрешностями хотя бы потому, что понятие «московско-византийский стиль» абсолютно неопределенно, но она интересна тем, что Гутцайт чувствовал художественную близость Петропавловской церкви и русского зодчества.

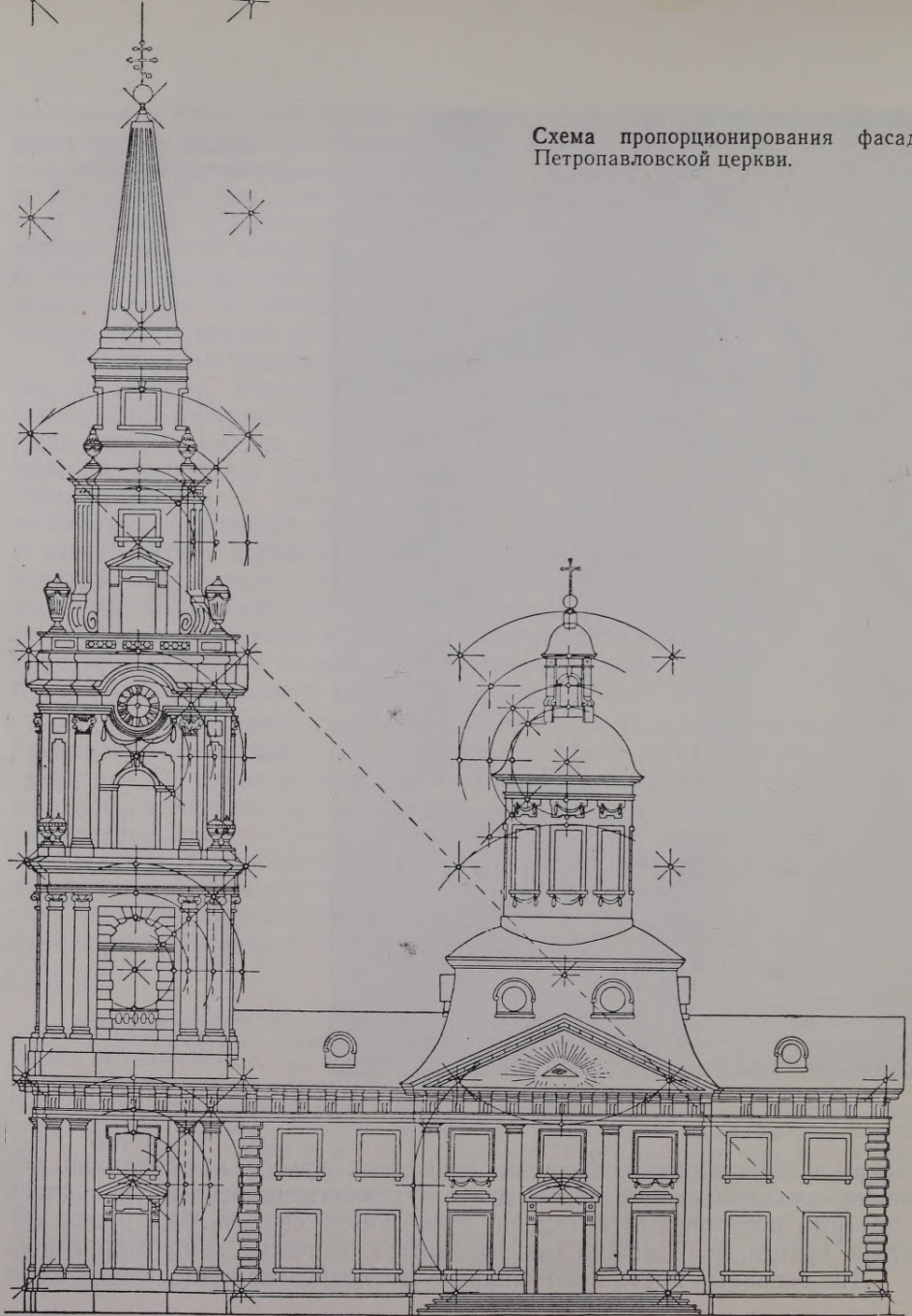

Главный портал Петро-
павловской церкви.

раскрыть внутреннее построение отдельных ярусов и объединял все здание церкви в единое целое, даже художественно связывал церковь с другими постройками цитадели, хотя сам по себе он был решен довольно сухо и, если можно так выразиться, чересчур канонизированно.

Два основных яруса колокольни — восьмерик на четверике — были

Схема пропорционирования фасада
Петропавловской церкви.

расчленены на три тектонических пояса, соответствующих конструктивной и объемно-пространственной системе церкви. Нижний ярус — четверик — членился на два пояса: один — объединенный по высоте с остальными частями церкви и решенный в дорическом ордере, и другой — решенный в ионическом ордере. Третий тектонический пояс, по высоте соответствующий восьмерике, имел пилястры коринфского ордера. Иначе говоря, здесь весьма последовательно были применены принципы взаимного сочетания различных ордеров, впервые разработанные в древнеримском зодчестве. Это, кстати, означает, что архитектурный облик Петропавловской церкви, бесспорно, явился результатом использования приемов раннего классицизма¹.

Большое значение имел ордер в качестве масштабной мерки. Во-первых, он, как это обычно бывало в сооружениях, построенных на основе применения классической ордерной системы, способствовал созданию впечатления соразмерности всего здания человеку. Во-вторых, в Петропавловском соборе ордер помогал создать иллюзию большей высоты колокольни, нежели она была на самом деле. Эта иллюзия основывалась на своеобразных отношениях ордера. Обычно самым грузным был дорический ордер, ионический был более легким и коринфский — самым стройным, т. е. в том случае, если колонны или пилястры этих ордеров имели одинаковую толщину ствола, то высота дорической колонны должна была быть самой малой (по Палладио, отношение толщины ствола к высоте колонны — 1 : 7), ионическая была выше (1 : 9) и коринфская — самой высокой (1 : 10). В колокольне Петропавловской церкви пилястры ордеров, в действительности имеющие одинаковую ширину, получили прямо противоположные пропорции: дорический — 1 : 9,5, ионический — 1 : 8,5 и коринфский — 1 : 7,5. Соответственно этому было изменено также и традиционное расстояние между пилястрами (интерколумний) — ближе всего пилястры расставлены внизу, шире всего — наверху (пилястры коринфского ордера). В результате казалось, что коринфские пилястры, например, лишь выглядят более низкими и получили перспективное сокращение, а значит, поставлены очень высоко. Широкое расстояние между ними создавало впечатление легкости конструкции.

Важная роль в гармоническом объединении всех составных элементов здания была отведена пропорциональной системе, которая строилась на применении простых математических соотношений. За единицу измерения, или за модуль, положенный в основу пропорциональной системы плана, был принят диаметр подкупольного пространства

¹ Б. Р. Виппер еще в 1937 г. вполне обосновал принадлежность Петропавловской церкви к произведениям, в которых произошел «окончательный переход от барокко к классицизму» (B. V i p e r s. Latvijas māksla baroka laikmetā, стр. 135).

Фрагмент сводов Петропавловской церкви.

церкви. Так, длина ветвей греческого креста, положенного в основу плана церкви, была равна: в поперечной ветви — диагонали квадрата, в который был вписан купол, а в продольной ветви — производной от этой диагонали. Модулем размеров ярусов, как и ордера колокольни, а также вертикальных размеров церкви является диаметр подпружной арки, на которую опирается купол. Общая высота колокольни равняется 6 таким диаметрам, высота башенки, расположенной над средокрестием церкви, составляет примерно 3,5 диаметра. Остальные, более мелкие членения соответствуют частям сторон квадрата, в который вписалась подпружная арка, или соответствуют его диагонали и производным диагонали.

Таким образом, все части Петропавловского собора связаны единым пропорциональным строем, единой ордерной системой и единым методом объемного построения здания. Это было первое крупное сооружение в Риге, где столь последовательно применены художественные основы создания архитектурного произведения, характерные для эпохи классицизма.

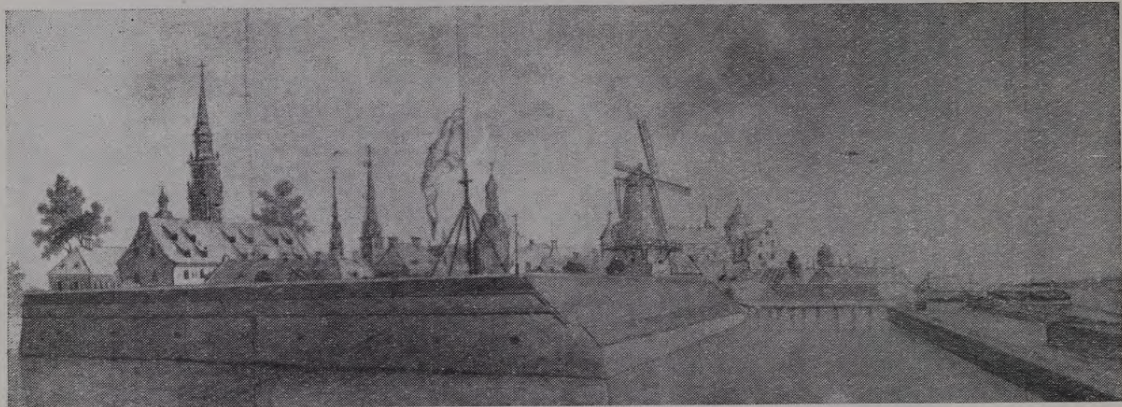
При строительстве Петропавловского собора в рижское зодчество не только были внесены новые методы художественного построения архитектурного организма, но и были введены некоторые конструктивные

новшества. Так, например, шпиль Петропавловской церкви выложен из кирпича. Средокрестие церкви перекрыто чрезвычайно интересным слегка приплюснутым куполом, неизвестным дотоле в архитектуре Риги. Этот купол покоится на четырех полуциркульных арках, высота которых, взятая, как говорилось выше, за модуль высот церкви, представляет собой диаметр круга, вписанного в эти арки. Над опайоном — отверстием, оставленным в вершине купола, — надстроен высокий каменный барабан — башня, увенчанная, в свою очередь, двойным куполом и небольшой башенкой — так наз. световым фонариком¹. Эти формы говорят о смелости конструктивной мысли их создателя, позволившей сочетать в одном и том же внутреннем помещении церкви спокойную величавость и даже некоторую грузность основного подкупольного пространства со взлетом его верхних частей, открывающихся в круглом отверстии опайона.

Принципиальное отличие Петропавловской церкви в рижской цитадели от остальных культовых зданий, строившихся в Латвии во второй половине XVIII в., новые художественные и конструктивные методы построения архитектурного организма, которые проявились в этом сооружении, — все это, конечно, не могло остаться незамеченным современниками и не могло не оказать определенного влияния на развитие зодчества Латвии.

Если начало строительства Петропавловской церкви совпало с введением наместничества, то завершение ее строительства и образование ансамбля рижской цитадели совпали с введением в Риге «Городового положения» 1785 г., по которому русские и латыши приобрели равные с немцами возможности получения бюргерских прав и вытекавших отсюда прав свободно заниматься ремеслом и торговлей, участвовать в городском самоуправлении и т. п. Царское правительство, ограничив в значительной степени привилегии немцев, добились укрепления позиций русской абсолютистской монархии в Прибалтике. В архитектуре этот довольно болезненный процесс утверждения «государственной идеи» отразился главным образом в реконструкции цитадели и в строительстве Петропавловского собора, которые тем самым стали своеобразным памятником просветительству екатерининской эпохи. Тот же самый процесс заставил, где это было возможно, внести известные коррективы в составленные ранее проекты. В частности, пришлось отказаться от строительства небольшой гарнизонной церкви в цитадели, как это было предусмотрено проектом Вильбоа. Различные политические реформы,

¹ Кстати, смелость конструкции этого барабана, кирпичного шпиля, а также мощных фундаментов отмечались еще в прошлом веке как особая достопримечательность Петропавловской церкви (см. W. v. Gutzeit. Die griechisch-katholischen Kirchen Riga's, в кн.: Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, Bd. XI, H. 2, стр. 26).

Общий вид рижской цитадели с северо-западной стороны.

Рис. И.-Х. Бротце конца XVIII в.

осуществлявшиеся в Риге в 80-х годах XVIII в., дали толчок к формированию новых ансамблей, они имели, можно сказать, непосредственное влияние на развитие архитектуры.

* *
*

В круг проблем, связанных с подготовкой к осуществлению так наз. губернской реформы, кроме чисто административных, политических и хозяйственных вопросов, входила также необходимость изыскания достойного места для расположения здания, в котором размещались бы вновь создаваемые «присутственные места». Этому вопросу уделялось столь большое внимание, что он специально обсуждался Броуном с Екатериной II в 1782 г., когда Броун был вызван в Петербург для разработки мер, которые способствовали бы безболезненному учреждению наместничества в Риге. «В бытность мою в нынешнем году в С. Петербурге, — писал 26 октября 1782 г. Броун на имя императрицы, — В. и. в. при всемилостивейшем рассуждении о бытии здесь в Лифляндии наместничеству словестно мне всевысочайше указать соизволили, чтоб к приуготовлению оного для построения казенных домов, в коих быть должно присутственным местам, имеющееся при замке в Шлос грабене обывательское строение сломать с заплатою из казны»¹. От-

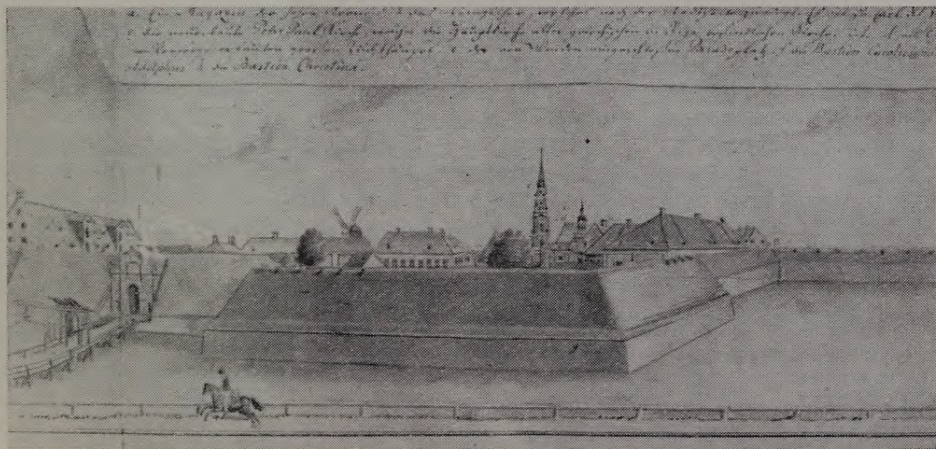
¹ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 20, л. 16.

сюда видно, что в 1782 г. было намечено прежде всего расчистить место, т. е. создать площадь, где в дальнейшем должны были быть построены здания «присутственных мест».

Решение о создании площади перед замком знаменательно именно в том отношении, что оно было связано с воплощением принципиальных требований архитектуры эпохи просвещенного абсолютизма. Главным здесь было создание общественной площади или, вернее, создание нового общественно-политического центра Риги, который был бы непосредственно связан с ансамблем цитадели. Около замка должен был возникнуть некий архитектурно-планировочный узел, куда была бы ориентирована главная улица цитадели — ось север—юг, куда должен был бы подключиться также район плац-парадной площади, расположенной на Якововском полуострове. Если в 1769 г., как указывалось выше, район, прилегавший к замку («Шлоссграбен», или Замковый ров), предполагалось расчистить от застройки главным образом из военно-оборонительных и политических соображений (замок, дескать, «может сей стороны командовать и цитадельскою крепостью»), то в период, предшествовавший осуществлению губернской реформы, стали выдвигаться другие мотивы. В 1781 г. одно из доверенных лиц Екатерины II инженер-генерал Боур доносил, что «по нынешнему политическому положению кажется, что оборона цитадели против города уже не нужна; почему то место, которое ныне с сей стороны верками и рвом

Общий вид рижской цитадели со стороны
Замковой площади.

Рис. И.-Х. Бротце конца XVIII в.

занимается, могло бы для купечествующего города, каков Рига, послужить весьма многою пользою, в протчем же она и по прежнему остаться может, лишь бы только обывателей не столь много, как ныне, ограничивать в рассуждении еспланады»¹. Следовательно, в этот период возникла мысль о полном объединении ансамбля цитадели с районом замка путем упразднения разделявших их укреплений, что могло иметь немалое значение для дальнейшего развития Риги.

Правда, царское правительство все же не пошло на столь кардинальную реконструкцию этой части города². В условиях упорной борьбы немецкой верхушки Лифляндии за сохранение старого правопорядка правительство, очевидно, не слишком доверяло своим лифляндским подданным. Только поэтому, по всей вероятности, в Риге не была осуществлена коренная реконструкция района, призванного стать центром правительственных учреждений. Власти ограничились расчисткой примыкавших к замку территорий, чтобы позднее там можно было построить новые здания для «присутственных мест». Окружавшие замок «строение деревянное и мазанки», всего 45 сооружений, были по указанию Броуна оценены «коронными прилежными мастерами» и прикомандированным к ним «знающим в том строении инженерное искусство стаб офицером» «со всякою справедливою, — как сообщал в 1782 г. Броун, — не сделав обывателям по их бедности ни какой обиды»³. Из государственной казны за эти постройки было уплачено жителям 37 775 талеров. В числе разобранных сооружений находились также деревянная католическая церковь и деревянный инженерный дом. Однако, начиная расчистку территории близ замка, губернские власти еще точно не представляли себе, какими именно будут новые здания присутственных мест и в каком точно месте они будут расположены. Часть старых зданий в Замковом рву была сохранена — всего 13 домов, «кои хотя и оценены в 10 000 талеры, — как писал Броун Екатерине II, — ... но однако ж оные я оставлю впредь до рассмотрения: ибо теперь я при первом случае надобности в тех местах еще не предвижу»⁴.

Вслед за расчисткой Замкового рва губернские власти стали подыскивать человека, которому можно было бы поручить строительство новых присутственных мест. Власти предъявляли к нему весьма серьезные требования и, по всей видимости, были уверены в том, что никто из

¹ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 315, л. 123.

² В 1784 г. было «высочайше» разрешено в районе бывшей еспланады цитадели, т. е. Замкового рва и плац-парадной площади на Якобовском полубастионе, всего лишь «не возбранять обывателям строиться», с существенной оговоркой, «что бы укрепления той цитадели сохранены были в исправности и прочности» (ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 4, д. 149, л. 1).

³ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 20, л. 16.

⁴ Там же.

местных, рижских зодчих с поставленной задачей справиться не может (по их мнению, в Риге в тот период вообще не было ни одного архитектора). Не было особого доверия и к иностранцам. «Как мне известно, — доносил Броун императрице, — есть один француз, принятой господином действительным тайным советником Бецким (президентом Петербургской Академии художеств и начальником Комиссии каменного строения. — Ю. В.) архитектором, который к строению здесь казенных каменных домов хотел быть и охотно приступил; но я в рассуждении ево наци имею в нем сумнительство, потому чтоб не мог он тогда, будучи при том строении, о всех здешних крепостях дать планы соседним государствам»¹. Пока неизвестно, кто был этот француз, который, как видно из сообщения Бруна, даже «приступил» к созданию новых сооружений; неизвестно, насколько основательными были опасения Бруна, но характерно то, что требовался именно такой архитектор, которому власти могли бы полностью доверять и который, следовательно, мог бы проводить в Риге, а также во всей Лифляндской губернии государственную строительную политику.

Не обнаружив на месте подходящего кандидата, Броун был вынужден обратиться к Екатерине II за помощью. В 1782 г. Броун писал ей: «В прочем, как о построении вышеописанных казенных домов подлежащих планов и фасадов я в присылке ни откуда еще не имею и надлежащего к сему строению архитектора здесь не находится, то всеподданнейше прошу В. и. в. помянутые планы и фасады и хорошего архитектора, знающего немецкий язык, всемилостивейше повелеть прислать ко мне в незамедлительном времени»². Эта просьба Бруна была исполнена быстро, но не полностью. Он не получил планов и фасадов намечавшегося к постройке здания присутственных мест, но зато уже в январе 1783 г. императрица лично сообщила Броуну: «По представляемой вам при сем архитекторского помощника Петра Бока, о которого знании в чертежах и практике здешние (т. е. петербургские. — Ю. В.) архитекторы свидетельствуют, с тем, что вы можете употреблять его, определя губернским архитектором с жалованьем из тамошних доходов против того, как оное по штату С. Петербургской губернии назначено»³. Это был первый назначенный на службу в Ригу «казенный» архитектор.

31 января 1783 г. Петр-Иоганн Бокк явился в Ригу⁴, а 7 февраля был официально назначен лифляндским губернским архитектором⁵. К сожалению, его творчество почти совсем не изучено. Мы не знаем, что он делал до прибытия в Ригу, где учился; неясно даже, до каких пор он

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 20, л. 17.

² Там же.

³ Там же, д. 148, л. 5.

⁴ Там же, д. 386, л. 2.

⁵ Там же, л. 3.

оставался лифляндским губернским архитектором¹. Однако именно Бокку, по-видимому, принадлежит идея перестройки Рижского замка и объединения его с вновь создававшимся корпусом присутственных мест.

Как указывалось выше, губернские власти до приезда Бокка в Ригу весьма смутно представляли себе, какие здания следует построить для присутственных мест. Еще в декабре 1782 г. Броун сообщил князю Ал. Вяземскому, что ему еще неизвестно, сколько нужно будет денег для строительства «потребных каменных судебных домов» (т. е. присутственных мест. — Ю. В.), но что он известит об этом «по прибытии из С. Петербурга Архитектора и по учинении сметы»². Вскоре же после появления Бокка Броун, донося Екатерине II о ходе работ, очевидно, изложил соображения относительно использования замка для размещения присутственных мест. Эта идея императрице явно понравилась, и указом от 3 марта 1783 г. она сообщила Броуну: «Мы с особливым удовольствием получили разные донесения ваши о приуготовлениях к открытию Рижского наместничества. Согласны мы с представлением вашим как на построение присутственных мест в замке рижском, так и на помещение оных временно в тамошнем дворце... Что принадлежит до двадцати тысяч рублей, на публичные строения ежегодно определяемых, оное учинено сообразно с другими губерниями, но ежели для поспешения делу на первое время нужно будет и более сей суммы, мы поднесениям вашим не преминем дать повеления наши»³. Все это дает основание считать Бокка инициатором перестройки замка. Ему же пришлось воплощать эту идею в жизнь.

Образование новой площади перед замком не было связано с какими-либо существенными преобразованиями планировочной структуры всего города. В плане новая площадь сохранила старые очертания Замкового рва и получила форму неправильной трапеции, открытой в сторону цитадели своей широкой стороной. Главным зданием на этой площади был бывший орденский замок, который до начала реконструкции площади был окружен со стороны Старого города и цитадели различными пристройками. В основном это были сооружения, возведенные в середине XVII в. шведскими властями, в том числе и неказистый цейнгауз, пристроенный к замку с той стороны, где была создана площадь.

Во второй половине XVIII в. неполноценность облика замка, очевидно, осознавалась вполне. Например, в 1771 г. Сенат согласился с предложением Броуна построить для Успенской церкви, располагав-

¹ Как губернский архитектор П.-И. Бокк упоминается в адресных книгах за 1784—1790 гг. (см. *Liefländischer Adress- und Post-Kalender auf das Jahr Christi 1784*. Mitau, стр. 47; *Rigisches Adressbuch vom Jahre 1790*, стр. 26). Новый губернский архитектор был назначен в 1798 г. Это был М. Шонс, уже в 1792 г. подписывавший как «губернский механик» чертежи, которые должен был бы исполнять губернский архитектор.

² ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 376, л. 5.

³ Там же, д. 148, л. 14.

шейся в замке, каменную колокольню, избрав при этом самый дорогостоящий вариант, который лучше всего подходил якобы для данного случая «по великости города для украшения»¹. Однако лишь задуманная Бокком² перестройка замка, в результате которой был разломан полутораэтажный склад военных припасов (цейхгауз), имевший очень высокую кровлю, и вместо него пристроен к замку с восточной стороны еще один трехэтажный тракт, дала весьма ощутимые результаты в смысле общего изменения облика здания.

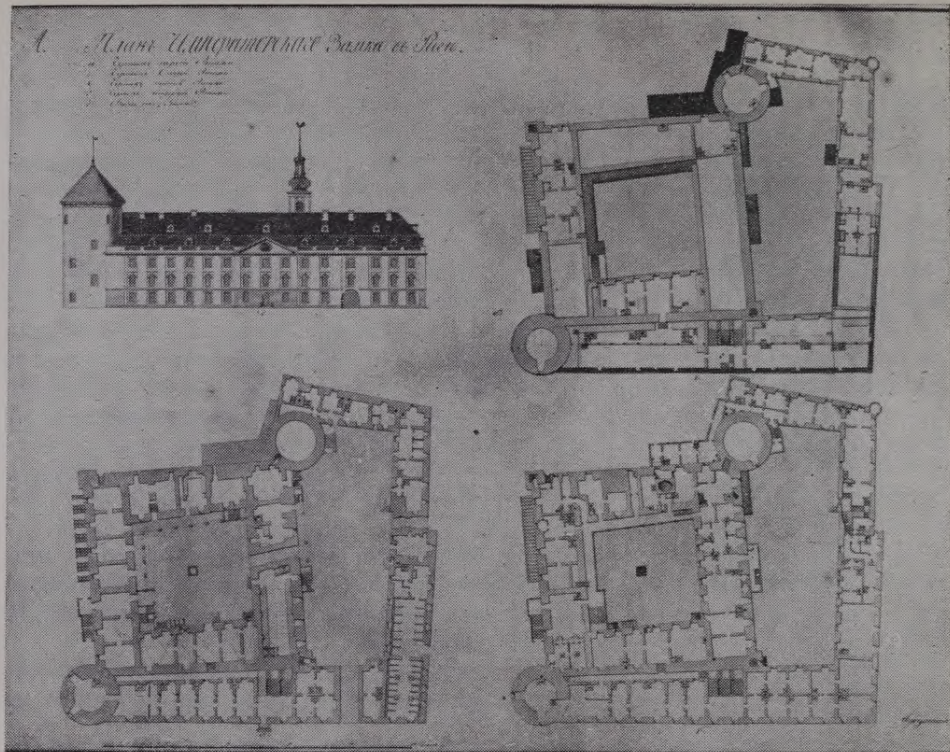
Бокк, по всей вероятности, стремился сохранить крепостной характер сооружения, поэтому новый фасад замка был подчеркнута суровым, как бы замкнутым в себе. Фасад был решен в крупном масштабе, без каких-либо элементов, которые дробили бы его. Художественная композиция фасада базировалась только на ритме оконных проемов и плоских лопаток. Такое решение в условиях застройки Старого города должно было, бесспорно, создавать впечатление величественности и, очевидно, вполне соответствовало требованиям, предъявлявшимся к этому зданию. Правда, новый трехэтажный фасад замка, расчлененный широкими лопатками и горизонтальными поясами, увенчанный балюстрадой и высокой черепичной крышей с мансардой, не отличался ни особой красотой, ни тонкостью художественного вкуса.

Во время перестройки были переделаны также внутренние помещения замка. В частности, чтобы создать третий этаж, были разобраны старые готические своды бывшего второго этажа, более чем на 1,5 м повышены старые замковые стены и т. п.

Перестройка Рижского замка была связана с различного рода неожиданностями, с необходимостью постоянно корректировать на месте ранее намеченные планы. Она тянулась на протяжении ряда лет. Строительство финансировалось нерегулярно. В 1788 г., например, в связи с началом русско-шведской войны (1788—1790 гг.) отпуск сумм на строительство был вообще прекращен. Сообщая о трудностях, связанных со строительством замка, Броун в конце 1787 г. доносил Екатерине II, «что продолжающееся до сего времени строение старого рижского замка про-

¹ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 838, ч. 2, л. 438. — Из документов видно, что колокольня должна была быть построена для размещения в ней вновь приобретенных колоколов, весивших 113 пудов, которые были подвешены «на первой случай в низу на наружности только под крышей». Сенат был вынужден просить «высочайшего» утверждения своего решения, так как стоимость строительства колокольни достигала 620 талеров, а самостоятельно распоряжаться такими суммами Сенат не мог.

² Как указано в недавно изданном обширном справочно-биографическом словаре строительных мастеров и архитекторов, работавших в Лифляндии и Курляндии, в 1785 г. обмерные чертежи замка были составлены Матиасом Шонсом, который в последующем стал лифляндским губернским архитектором (см. Р. С а т р е. *Lexikon...*, Bd. II, Nr. 1330). Возможно поэтому, что Шонс принимал участие в проектировании нового фасада замка.

Планы и новый фасад замка в Риге со стороны Замковой площади.

Чертеж М. Шонса 1800 г.

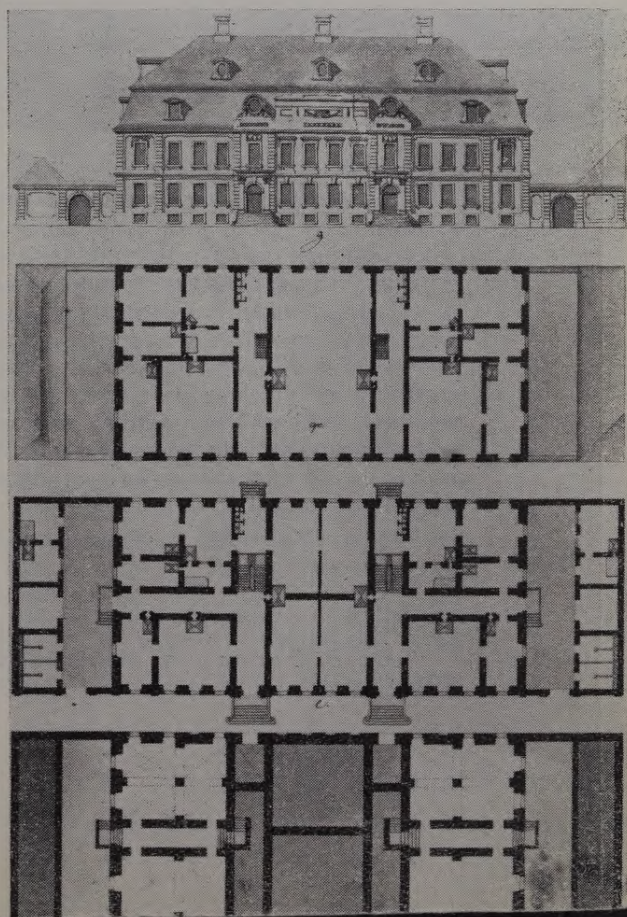
изводимо было не через подряд, но на счет казны под моим смотрением от бывшей генерал губернской канцелярии и по тому от казенной палаты, со всевозможным сбережением казенного интереса, ибо до сломки старые в гермейстерские и шведские времена построенные стены точно определить не можно было, сколько оной стены и фундамента оставить можно. При сем таким образом производимом строении случилось в сем году, что как одну сторону старого замка перестроить должно было, то не прежде как при съемке старых стен оказалось, что как оные, так и фундамент вновь вывести должноствовало, и как сия сторона примыкалась к своду, на котором уже три этажа выведены, то и был я в крайней опасности, что часть готового сего строения (т. е. старая часть. — Ю. В.) не упала, а потому по расуждению я был в предупреждение сей опасности [вынужден] приказать как возможно поспешнее произвесть и кончить вновь предполагаемое строение, выведя оное в четыре этажа (оче-

видно, здесь речь идет о восточной стороне замка. — Ю. В.). Сия необходимость заставила употребить в расход более отпущеной на 1787 год строительной суммы...»¹ Отсюда видно, что основные строительные работы к 1788 г. были закончены, но полностью строительство, видимо, так и не было завершено, — во всяком случае, в документах ничего об этом не говорится.

Строительство новых присутственных мест при замке осуществлялось в период известного строительного бума в Риге. Поэтому испытывалась нехватка материалов и мастеров². Броун отмечал в 1783 г., что «в Риге сего году не только необычайно много производится партикулярного строения, но и в рассуждении подлежащего открытия Рижской губернии по высочайшим учреждениям весьма знатная постройка при-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1785, л. 5. — Указанный в этом документе дополнительный расход средств на строительство замка был утвержден Екатериной II в 1788 г. (там же, д. 1824, л. 9).

² О состоянии производства строительных материалов и условиях найма рабочих в Риге в описываемый период см. ниже в приложении 2, стр. 364—365.

Планы и фасад лицея на
Замковой площади в
Риге.

Чертеж М. Шонса 1800 г.

Общий вид Замковой площади в Риге в конце XIX в.

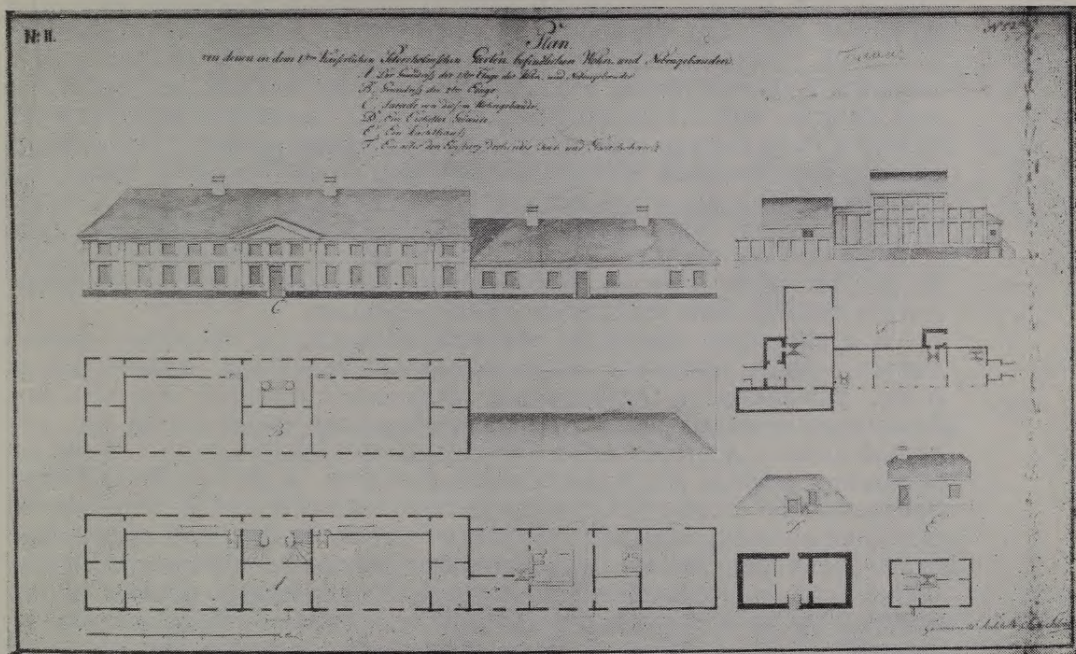
судственных мест происходит, так что кирпич в цене состоит ныне по 20 рублей тысяча и то великою трудностью доставляется малым количеством...»¹ Все это, конечно, затрудняло быстрое осуществление строительных работ, заставляло повсеместно экономить расходуемые средства и наложило свой отпечаток на облик замка.

Параллельно со строительством присутственных мест при замке на противоположной стороне площади в 1785—1787 гг. по проекту Матиаса Шонса было возведено новое двухэтажное здание Императорского лицея², рядом с замком — здание новой каменной католической церкви (1785 г.)³ и, наконец, в глубине площади рижским зодчим Хабберландом был построен новый трехэтажный дом. Все эти здания, окружившие площадь почти одновременно (лишь одно здание, включенное в застройку площади, — так наз. Петербургский отель, который располагался рядом с лицеем, — было построено в первой половине

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 384, л. 23.

² П. Кампе указывает, что лицей был построен М. Шонсом по указанию гражданского губернатора А. Беклешова (P. Campe. Lexikon..., Bd. II, Nr. 1330).

³ См. Н. Hartmann. Die römisch-katholischen Kirchen. В кн.: Riga und seine Bauten, стр. 184.

Планы и фасады жилого дома, оранжереи и вспомогательных сооружений в Петергольском саду.

Чертеж М. Шонса 1800 г.

XVIII в.), не были, однако, возведены по единому проекту. Их фасады были слишком измельчены, а масштаб деталей не соответствовал размерам площади. Единственным невольным достижением архитекторов, застраивавших площадь, можно считать то, что мелкий ритм членений зданий, возведенных вокруг площади, оказался весьма благоприятным для возвеличивания облика самого замка. Последний только выиграл от такого соседства и даже стал казаться торжественно суровым монументальным сооружением, что вполне соответствовало его назначению.

Замковая площадь создавалась примерно через 15 лет после «высочайшего» утверждения проектов реконструкции Риги 1769 г. За это время произошли многие глубокие изменения в экономическом развитии, в политической ситуации и в культурной жизни Риги. С осуществлением военно-оборонительных мероприятий их роль, а в связи с этим и роль военно-инженерных властей в развитии архитектуры Риги сократилась. Центр тяжести в становлении классицизма в Риге пере-

стился, так сказать, во внутрь самого города. Характерно, что даже Замковая площадь застраивалась фактически зданиями, созданными местными, рижскими архитекторами и строителями. Их участие в формировании облика города стало решающим начиная с середины 80-х годов XVIII в., когда параллельно завершению строительных работ в цитадели в Риге широко развернулось строительство частных домов, обладавших определенной художественной ценностью. Однако в конце 70-х и в начале 80-х годов для зданий (в том числе и «казенных»), строящихся в городе вне сферы деятельности военных инженеров, была обычной стилистическая непоследовательность архитектурно-планировочных решений. В процессе возведения этих зданий только еще происходило практическое знакомство с классицизмом.

В архитектуре некоторых объектов, созданных в это время, наблюдаются явные признаки провинциальной трактовки архитектурных форм, упрощение и непонимание ведущих принципов классицизма. Весьма характерным в этом отношении является новый жилой дом, или летний дворец, построенный в Петергольском саду вместо старого деревянного дворца, разобранный «по ветхости» в 70-х годах XVIII в. Расположение этого здания было плохо увязано с общей планировкой сада, оно имело чрезвычайно скупое, но в то же время несколько аляповатое убранство, весьма отдаленно напоминавшее обычное убранство зданий эпохи классицизма. Зато в планировке интерьера летнего дворца можно было проследить ряд черт, характерных для архитектуры именно конца XVIII в., — доминирующее центральное расположение парадной лестницы, строгую симметрию в размещении просторных зал и покоев и т. д.

Тем не менее анализ рассматриваемых выше объектов показывает, что во второй половине XVIII в. в Риге появились произведения архитектуры, отличавшиеся органическим единством глубокого идейного содержания и высокохудожественной формы. Вместе с тем в рижское зодчество проникли принципы ансамблевого подхода к решению каждого значительного объекта. Архитектура основных сооружений начала приобретать большую общественную значимость и в силу этого стала отражать рационалистические устремления эпохи просветительства. Перед важнейшими зданиями начинают создаваться большие открытые площади, застройка которых обладала стилистическим и образным единством, зодчество очищается от излишней расточительности средств архитектурной выразительности, типичной для барокко, и становится сдержанным и даже величественным. В целом же строительство в Риге, связанное с деятельностью правительственных органов, отличалось известной реалистичностью, определенной силой художественного воздействия.

IV

«БЮРГЕРСКИЙ КЛАССИЦИЗМ»

Проекты реконструкции Риги 1769 г., строительство Петропавловского собора, застройка цитадели и создание Замковой площади раскрывают только одну сторону развития рижского зодчества во второй половине XVIII в. В конце столетия в Риге укоренилось особое архитектурно-художественное течение, которое базировалось на принципах, непосредственно вытекавших из взглядов рижского бюргерства и отнюдь не совпадавших с принципами русского зодчества.

Возможность образования в Риге направления в архитектуре, отличного по художественному содержанию от общего содержания зодчества России, коренилась в сохранении городом его старых привилегий, выделявших Ригу среди остальных городов России как в отношении уклада жизни, так и в отношении состава городского общества. После присоединения Риги к России рижане сумели уберечь многие элементы былого «республиканского» самоуправления, что ставило этот крупный город в особые условия даже среди остальных бывших ганзейских городов. В Риге имелся «круг образованного и политически независимого немецкого бюргерства, положение которого отличалось в выгодную сторону от приниженности бюргера в немецких феодальных княжествах»¹. Это, с одной стороны, вело к тому, что Рига представлялась германскому бюргерству привилегированным городом, заставляло рижских немцев кичиться своими правами и бороться за их сохранение, но, с другой стороны, вызывало стремление абсолютистской монархии России к ликвидации автономии Риги, к уравниванию ее в правах (вернее, в обязанностях) с остальными русскими городами.

Бесспорно, что в общеисторическом плане сохранение древнего

¹ В. М. Жирмунский. Жизнь и творчество Гердера. В кн.: И. Г. Гердер. Избранные сочинения. М.—Л. 1959, стр. XIV.

уклада жизни в Риге в конце XVIII в. было анахронизмом, явно противоречившим всему ходу общественного развития. В Риге, как и в других городах Лифляндии, полноправными гражданами могли быть главным образом немцы и пришельцы из западноевропейских государств; лишь в отдельных случаях в привилегированное сословие проникали немногочисленные латыши, которые, по словам Гарлиба Меркеля, превратившись в господ, зачастую становились «жестокосердее и корыстолюбивее самих немцев»¹. Все они составляли замкнутую корпоративную группу, которая не только была оторвана от широкой масс фактически бесправного населения города, но и противопоставляла свои узкоклассовые интересы интересам общегосударственным. Это выражалось преимущественно в упорном отстаивании старинных привилегий города. В силу старых традиций в Риге осуществлялась также своеобразная строительная политика, полностью зависевшая от магистрата; магистрат проводил ее через камер-контору, в ведении которой находились все вопросы частной застройки города. В одной из рукописей середины XVIII в. указывается: «Все городское строение состоит под ведомством сей канторы. Она определяет все, что надлежит строить, и все до строения принадлежащие дела во оной яко в нижнем месте решимы бывают, и под ее дирекциею городской архитектор имеет смотрение над всем приватным строением»².

Все это представляло собой определенные предпосылки для того, чтобы в Риге в развитии зодчества начало формироваться особое направление. Однако это были только предпосылки. Конкретные условия становления такого направления в рижском зодчестве определялись иными факторами — во-первых, политического и, во-вторых, экономического характера.

Укрепление политики просвещенного абсолютизма в России вело к росту противоречий между государственными интересами и частными интересами рижских бюргеров. Начиная с 60-х годов XVIII в. старые привилегии немецких бюргеров все чаще стали подвергаться ощутимым ударам со стороны государственной власти. Эти удары подкреплялись борьбой русских и латышских купцов и ремесленников, проживавших в Риге, за приобретение равных прав с зажиточными рижскими немецкими бюргерами. Наконец, в 1786 г., как уже отмечалось выше, ряд общегосударственных, политических и экономических соображений привел к полной ликвидации привилегий Риги и к распространению на Ригу общего для всех городов России «Городового положения». Больше всего в Риге от этого выиграли те, кому раньше был закрыт доступ в сословие рижских бюргеров, но, кроме того, введение «Городового

¹ Г. Меркель. Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия. М. 1889, стр. 33.

² См. приложение 1, стр. 358.

положения» приветствовали и так наз. «литераторы» — наиболее просвещенные горожане Риги («интеллигенция»), а также представители рижского ремесленничества.

Постепенное исчезновение привилегий и, наконец, полная их ликвидация не могли, конечно, не наложить определенного отпечатка на идейные взгляды рижской знати. Больше стали цениться утраченные права, и одновременно стало усиливаться стремление подчеркнуть «аристократизм» и «изысканность» «истинно немецкой» бюргерской культуры, а также противопоставить эту культуру (часто, возможно, бессознательно) всему, что шло из России. Иными словами, автономия, утраченная рижским бюргерством в последней четверти XVIII в. в политической и экономической областях, сохраняется и даже усугубляется в области культурной¹. Это можно расценивать как продолжение борьбы между общегосударственными тенденциями и частными интересами Риги — только в другой плоскости.

Как справедливо указывал русский историк и публицист — славянофил Ю. Ф. Самарин, внимательно изучавший в 40-х годах XIX в. права и привилегии рижских немцев и создавший первую научную историю Риги, — немецкие бюргеры не считали ни Латвию, ни Россию своей родиной. «Для бюргера ее (т. е. родину. — Ю. В.), — пишет Ю. Ф. Самарин, — заменяет город, в котором он пользуется правом гражданства, для дворянина — его сословная и родовая вотчина; наконец, для того и для другого существует какая-то отвлеченная отчизна, к которой влечет их сочувствие бесплодное — они знают это сами — и которое никогда не перейдет в дело. Эта отчизна не есть ни Пруссия, ни Австрия, ни Рейнский край, но вообще германский мир, или какое-то отвлечение от немецкой жизни»². Подобные настроения культивировались также среди многих иностранцев, оседавших в Риге в большом количестве, после того как в 1763 г. русское правительство обнародовало указ о дозволении иностранным купцам селиться в тех частях России, где они пожелают.

Если политическая основа особого рижского течения в архитектуре конца XVIII в. была связана с попытками усиления культурной автономии рижской бюргерской знати, а его ориентация определялась тягой этой части рижан к некоему абстрактному «немецкому миру», то художественные или теоретические корни этого течения в зодчестве уходили в идеологию просветительства. Молодая рижская буржуазия, рижские

¹ В частности, бюргеры пытались убедить в «превосходстве» рижской немецкой культуры губернатора Беклешова, на плечи которого легла обязанность осуществить реформу городского управления в Риге; в конце концов он якобы «должен был склониться перед господствующей здесь культурой» (см. С. Mettig. Geschichte der Stadt Riga. Riga 1897, стр. 403).

² Ю. Ф. Самарин. Письма из Риги. В его кн.: Соч., т. VII, стр. 33.

бюргеры жадно впитывали все новейшие течения, появлявшиеся в культуре Западной Европы, и даже разделяли идеи просветительства, если только это не грозило для них уменьшением доходов и ограничением политических привилегий. Многие объяснялось тем, что просветительство укоренилось также в «германском мире». И рижане охотно воспринимали все то, что могло служить свидетельством их якобы передовых устремлений, их «высокой» образованности, их свободомыслия и т. п. Важную роль в проповеди идей просветительства в Риге играли «литераторы».

В конце XVIII в. в Риге возникает ряд так наз. увеселительных обществ, куда допускались преимущественно представители высших слоев населения. Подобные общества располагали обширными библиотеками, в них давались концерты. Появляются также «литературное» и многие другие общества, клубы и т. д., где, по словам современников, распространялись идеи французского просветительства, а позднее — и французской революции¹. В Риге создается первый театр. В Императорском лицее начинают преподавать живопись. Просвещенные круги Лифляндии начинают в этот период коллекционировать произведения искусства, созданные лучшими художниками своего времени; в Латвии появляются скульптурные работы Гудона, Кановы, Мартоса, Шадова и т. д.² Увеличивается количество печатных изданий, в том числе и на латышском языке. Все это, несомненно, вело к постепенному исчезновению средневековых культурных учреждений, к народному рождению новой, буржуазной культуры.

В воспринятом рижскими бюргерами просветительстве таились, следовательно, многие внутренние противоречия. По существу большая часть рижской буржуазии ничуть не стремилась ни к осуществлению идеалов гражданственности, ни к достижению равенства людей, — она оставалась сословно замкнутой корпоративной группировкой, которая внутренне чуждалась широких народных масс. Эта группировка, с одной стороны, цеплялась за свои древние привилегии и восхваляла их, с другой, поддерживая просветительство и классицизм, способствовала разрушению их основы — феодальной культуры и феодальных отношений. Общая идейная противоречивость взглядов рижских бюргеров сказалась очень ярко в то время, когда представители передовой части буржуазии — Г. Меркель, Г. Яннау и др. — выступили с уничтожающей критикой жестокого крепостного права, господствовавшего в Прибалтике: рижские бюргеры не откликнулись на призывы этих просветителей, хотя экономически они должны были быть заинтересованы в отмене крепостного права и в приобретении дешевых рабочих рук. По-види-

¹ См. Я. З у т и с. Остзейский вопрос в XVIII веке, стр. 610.

² P. K a m p e. Klasicisma laikmeta tēlniecības mākslas meistardarbi Latvijā. В журн.: «Senatne un Māksla», 1940, Nr. 2.

тому, бюргеров пугала перспектива раскрепощения крестьян, так как она означала, что в Ригу будет притекать латышское и русское население, среди которого легко могла раствориться сравнительно немногочисленная немецкая прослойка.

Противоречивостью взглядов рижского бюргерства может быть объяснена и противоречивость художественного направления, зародившегося в Риге в конце XVIII в. Оттон Гун, составивший обстоятельное описание современной ему Риги, указывая, что «дворяне и знатного звания жители вообще живут с таким вкусом, который бывает плодом просвещенного воспитания», замечал при этом: «В протчем здешнее место не служит храмом для Муз и Грации имеют здесь токмо временное пребывание»¹. Если Гун имел в виду «Муз и Граций» эпохи просветительства, тех самых, которые в конце XVIII в. вдохновляли художников, поэтов и зодчих на воплощение в искусстве больших общенациональных гражданских и патриотических идеалов, то этим «Музам и Грациям» в Риге действительно было, очевидно, неуютно. Классицизм требовал большого идейного содержания, в Риге же широкие круги бюргерства заботились главным образом о своих узких интересах, их волновали лишь такие проблемы, которые касались привилегий именно рижского бюргерства; искусство рижан также должно было отражать сословное «превосходство», являться свидетельством «плодов просвещенного воспитания» узкого, замкнутого в себе круга городской знати. Но именно «сословное понятие о приличии, — как писал Г. В. Плеханов, — подрезало крылья искусству»². И на таких-то подрезанных крыльях и должен был парить классицизм, развивавшийся в Риге и отражавший взгляды рижского бюргерства.

Благоприятные возможности для воплощения принципов классицизма в архитектуре в конце XVIII в. были связаны с расцветом экономики города. С каждым годом рижскую гавань посещало все большее количество судов, в Риге вырастали мануфактуры и первые фабрики. Это вызывало усиленную концентрацию богатств в руках буржуазии. Расцвет экономики Риги привел к постоянному росту населения города. Стала ощущаться все более острая нужда в жилье. Используя эти обстоятельства, многие состоятельные рижские домовладельцы перестраивали свои дома, расширяли их. В городе появились многоэтажные здания, часть помещений которых была специально предназначена для сдачи внаймы.

В архитектуре многочисленных жилых зданий, построенных или перестроенных в этот период, явно чувствуется определенное стилисти-

¹ О. Гун. Топографическое описание Риги . . . , ч. I, стр. 73.

² Г. В. Плеханов. Французская драматическая литература и французская жизнь XVIII века с точки зрения социологии. В его кн.: Литература и эстетика, т. I, стр. 81.

ческое единство. Облик этих зданий создавался сложным сплетением форм, заимствованных из арсенала античности, с традиционными формами рижской архитектуры. Бесспорно, пластическая структура сооружений, возведенных в конце XVIII в. в Риге, имеет непосредственное отношение к классицизму, но в архитектуре России они занимали примерно такое же место, какое корпоративный уклад жизни рижских бюргеров занимал в общем правовом состоянии русских городов. Это течение в рижском зодчестве можно было бы чисто условно назвать «бюргерским классицизмом» Риги, ибо оно так или иначе выражало художественные идеи классицизма, развивалось же и поддерживалось главным образом бюргерами Риги и отражало именно их взгляды.

Таким образом, «бюргерский классицизм» Риги нес в себе самые различные тенденции. Здесь было и стремление уподобиться «просвещенному» миру далекой Германии, и попытки создать комфорт для избранных граждан, и желание извлечь из возводимых построек какие-то выгоды. «Бюргерский классицизм» характеризуется также отказом от наиболее прогрессивных требований просветительства, отказом от воплощения в искусстве каких-либо общенациональных идеалов.

Зарождение своеобразных черт «бюргерского классицизма» в зодчестве Риги следует по существу за появлением внутри Старого города первых зданий, созданных в духе классицизма. Знаменательно, что самым первым сооружением, в котором уже заметны некоторые формы, присущие архитектуре эпохи просветительства, было здание ратуши, возведенное в центре города на единственной в то время городской площади. Современники сознавали, что со строительством ратуши в облик Старой Риги был внесен какой-то свежий элемент. Это здание еще не было построено, а о нем уже писали: «между публичными строениями за первое почестья может ратуша, стоящая на рынке, которую начали строить по правилам нынешней архитектуры из дикого камня в 1750 г. . . . и сие с наружи почти со всем к окончанию приведенное здание служит главным украшением всего города»¹. Строительство ратуши было закончено в 1765 г. Проект этого здания был, как известно, разработан упоминавшимся выше выходцем из Гольштинии инженер-подполковником Иоганном-Фридрихом фон Эттингером, который, находясь на русской военной службе, руководил строительством рижских укреплений в 1747—1756 гг.

Стилистические особенности новой ратуши не получили, однако, единой оценки в трудах исследователей архитектуры Риги. В. Нейман, например, считал, что ее фасад «выдержан в формах голландско-немецкого позднего ренессанса»². Х. Пиранг отбросил это по меньшей мере странное определение и заключил, что ратуша была «архитектониче-

¹ См. приложение 1, стр. 358.

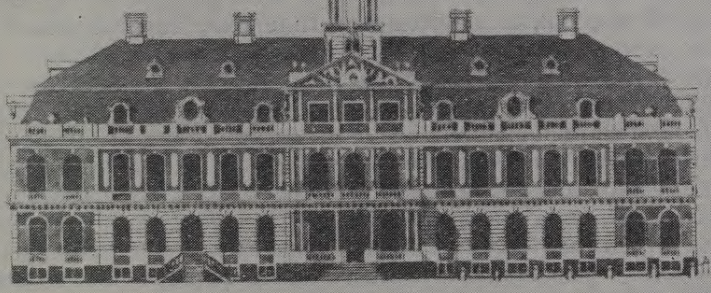
² W. Neumann. Das Rathaus. В кн.: Riga und seine Bauten, стр. 203.

Fronte des Königl. Rathhauses nach der Reparatur

Das Rathhaus ward durch die Reparatur im Jahr 1794 zu einem sehr prächtigen Gebäude umgestaltet. In demselben sind die für ein Rathhaus nöthigen Räume sehr schön und bequem eingerichtet worden. Die große Halle, in welcher die Rathversammlungen gehalten werden, ist mit einem sehr schönen Deckenmalwerk versehen. Die für die Rathmitglieder bestimmten Wohnungen sind ebenfalls sehr schön eingerichtet. Das Rathhaus ist ein sehr prächtiges Gebäude, welches die Aufmerksamkeit aller Augen auf sich zieht.

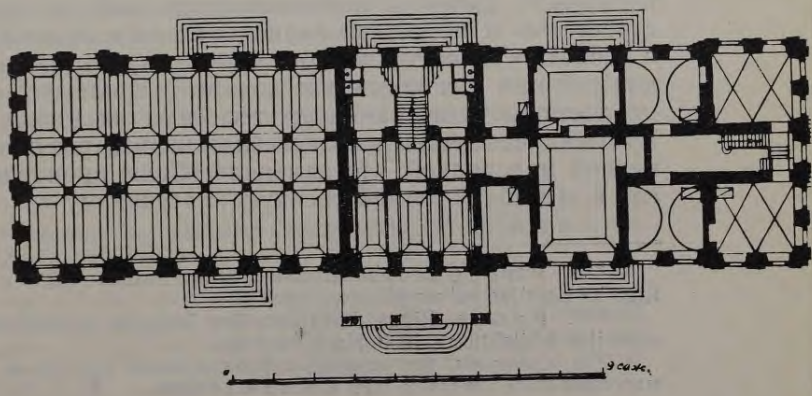
Das Rathhaus ist ein sehr prächtiges Gebäude, welches die Aufmerksamkeit aller Augen auf sich zieht. Die für die Rathmitglieder bestimmten Wohnungen sind ebenfalls sehr schön eingerichtet. Das Rathhaus ist ein sehr prächtiges Gebäude, welches die Aufmerksamkeit aller Augen auf sich zieht.

Фасад рижской ратуши.

Чертеж И.-Х. Бротце конца XVIII в.

План рижской ратуши.

ски незначительным объектом, выдержанным в духе барокко»¹. Наконец, П. Кампе, внимательно изучив документальные данные, характеризующие строительство ратуши, сделал вполне обоснованный вывод, что Эттингеру «в этом здании, с его вытесанным в известняке фасадом длиной 60 м, удалось создать достойный символ городской власти», и отметил, что этой работой Эттингер внес в развитие архитектуры Риги «выдержанную в духе классицизма обозримую диспозицию помещений и подчеркнутую парадность в решении лестничного помещения»².

Можно полностью согласиться с этим мнением, но нужно добавить, что не только в интерьерах, но и во внешних формах ратуши чувствовался дух классицизма. Впервые в архитектуре Риги здесь появился настоящий портик, или «большая галерея», образованный канонизированным римско-дорическим орденом. Окна первого этажа получили характер аркады, монументальность которой усиливалась применением сплошного ленточного руста. Объемы здания были подчеркнуты лаконичны, только поперечная ось симметрии была выделена надстройкой третьего этажа, увенчанного фронтоном и высокой башней. И, кстати, создано было это сооружение офицером русского военно-инженерного корпуса, что по существу сближает ратушу со зданиями, возводимыми представителями военно-инженерных властей в рижской цитадели. Однако ратуша была выполнена в формах, более близких скорее к французскому, нежели к только лишь зарождавшемуся русскому классицизму.

Эттингер, блестяще продемонстрировавший в проекте ратуши свои незаурядные познания в области архитектурного творчества, не мог сам следить за осуществлением проекта в натуре, и строительство проводилось различными рижскими строительными мастерами, которые еще не могли быть готовы к восприятию основ классицизма³. Очевидно, именно поэтому были допущены некоторые отступления от проекта Эттингера, и ратуша в своем окончательном виде кое-что утратила в сравнении со строгостью и простотой первоначального замысла. Так, в интерьерах, и особенно на лестнице, появились вычурные каменные вазы, типичные для так наз. рококо, легкие кованые перила над «большой галереей» и на лестнице были заменены тесаными из камня и т. д. Уже в конце XVIII в. четырехскатная железная кровля ратуши была заменена черепичной мансардной, что изменило общие пропорции сооружения и внесло в его облик несвойственную классицизму изломанность линий. Воз-

¹ H. Pirangs. Arhitektoniska stila formas Rīgas pilsētas ainavā. В кн.: Rīga kā Latvijas galvas pilsēta, стр. 118.

² P. Kampe. Rīgas dzīvojamo ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums. В журн.: «Latvijas arhitektūra», 1939, Nr. 8, стр. 243.

³ В частности, все каменные работы были выполнены городским строительным мастером И.-П. Лейхтом (P. Kampe. Lexikon..., Bd. I, Nr. 1471).

можно, именно эти отступления от проекта, которые вносили диссонанс в убранство ратуши, и явились основой для разногласий в определении стилистических особенностей здания.

Однако современники, как уже указывалось выше, отнюдь не сомневались в достоинствах нового здания. Известный немецкий просветитель Гердер, живший в 1760-х годах в Риге, написал даже специальное сочинение ко дню торжественного открытия ратуши, а один из ратсгеров будто бы даже требовал в городском магистрате, чтобы все здания, которые будут возведены близ Ратушной площади, были большими и «статными», способными образовать монументальное окружение для самой ратуши¹.

Все же широкое строительство таких жилых домов началось отнюдь не сразу после возведения новой ратуши, отнюдь не сразу завоевал право на существование «бюргерский классицизм». В самом начале второй половины XVIII в. еще не было накоплено достаточного количества средств для широкого строительства; поэто-му, кстати, и ратуша строилась в течение целых 15 лет. Рижские строительные мастера еще только овладевали новыми приемами художественного мастерства. Для них, конечно, строительство ратуши было серьезной школой. Следовательно, о фактическом зарождении элементов «бюргерского классицизма» в архитектуре Риги можно говорить только с того времени, когда строительство ратуши уже окончено, т. е. после 1765 г. Правда, уже в 1762 г. рядом с ратушей было построено родственное ей по архитектурному облику небольшое здание для взвешивания и браковки товаров; но вполне возможно, что оно также было возведено по проекту Эттингера². В продолжение примерно еще десятка лет новое направление в зодчестве Риги только устанавливалось, «притиралось». В этот период еще вызревала та особая политическая ситуация, которая наделила «бюргерский классицизм» в Риге специфическим идейно-художественным содержанием. Лишь приблизительно к началу последней четверти XVIII в. выкристаллизовались все экономические и политические предпосылки, необходимые для оформления этого течения в господствующее направление рижского бюргерского зодчества. И действительно, «бюргерский классицизм» в архитектуре Риги распространяется как ведущее течение с введением наместничества в так наз. остзейских губерниях, т. е. начиная примерно с 1780-х годов.

¹ P. Kampe. Rīgas dzīvojamā ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums. В журн.: «Latvijas arhitektūra», 1939, Nr. 8, стр. 248.

² Это соображение было высказано в упоминавшейся выше статье П. Кампе «Rīgas dzīvojamā ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums». Но в таком случае следует предположить, что Эттингер пытался создать на Ратушной площади небольшой новый ансамбль, спроектировав одновременно с ратушей несколько стоящих рядом зданий, выстроенных, однако, после его отъезда из Риги. Кроме городских весов, Эттингеру приписывается и дом Голлендера, который также находился рядом с ратушей.

Особенности «бюргерского классицизма» Риги нашли свое отражение в работах большинства местных зодчих конца XVIII в., к которым следует причислять не только мастеров цеха каменщиков Риги, не только лиц, занимавших должность рижского городского строительного мастера (Stadtwerkmeister), в частности Иоганна-Петера Лейхта и др., но также мастеров, находившихся на «казенной» службе в губернском правлении, например Матиаса Шонса. Многие из них, однако, не сумели создать сколько-нибудь заметных произведений, и поэтому их работы не могут дать полного представления о расцвете «бюргерского классицизма» в Риге.

Наиболее яркой фигурой среди местных зодчих Риги XVIII в. был мастер-каменщик Кристоф Хаберланд, который выстроил много жилых зданий, несколько общественных сооружений и церквей. Правда, некоторые историки несколько переоценивали значение Хаберланда, считая его основоположником классицизма в Риге, но все же именно в его творчестве были запечатлены наиболее характерные черты рижской бюргерской архитектуры конца XVIII в. Даже жизненный путь Хаберланда в какой-то степени объясняет отдельные особенности «бюргерского классицизма».

Кр. Хаберланд родился в Риге 1 января 1750 г.¹ Родители будущего архитектора были родом из Аннаберга в Саксонии (откуда, кстати, происходил не один мастер-каменщик, работавший в Риге в эти годы²), но почти всю свою жизнь провели в Риге. Его отец и дед по материнской линии были каменщиками, причем дед с 1734 по 1754 г. был даже рижским городским строительным мастером. Кристоф Хаберланд начал учиться ремеслу в Риге в 1765 г., работая вместе со своим отцом на обжиге извести, затем целый год проработал у упомянутого выше Лейхта, пока в июле 1768 г. не был принят в цех каменщиков в качестве подмастерья. Согласно цеховому уставу, он, прежде чем стать мастером, должен был отправиться в продолжительное путешествие, для того чтобы совершенствоваться в своем мастерстве. В настоящее время нет точных сведений о том, где именно побывал и учился Хаберланд, но известно, что в 1777 г. он после 8-летнего путешествия вернулся в Ригу, сдал

¹ Эту дату считает днем рождения Хаберланда большинство исследователей — О. Герих, Х. Пираг, П. Кампе и др., труды которых легли в основу изложения в настоящей работе биографических данных из жизни зодчего (см. неоднократно упоминавшиеся уже работу Гериха «Christoph Haberland und seine Bauten», статью Пирага «Christoph Haberland», статью Кампе «Rīgas dzīvojamā ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums» и его же «Lexikon...», Bd. I, Nr. 2071, Bd. II, Nr. 1098).

² См. A. Bērzīņa. Rīgas namdari un mūrnieki XIV—XVIII gs. В кн.: Vēstures problēmas, III. Rīgā 1960, стр. 126.

Christoph Haberland.

экзамен на звание мастера в цехе каменщиков, изготовив при этом эскизы каких-то зданий, и в 1778 г. получил права рижского бюргера.

Свежий взгляд на архитектуру, незаурядные способности, а также близкое знакомство с Лейхтом и потомственные связи с рижскими строителями, очевидно, дали Хаберланду возможность выделиться среди его коллег. Он довольно быстро «пошел в гору». Уже в 1778 г. Хаберланд назначается на должность помощника (Adjunkt) городского строительного мастера, или городского архитектора, как эта должность именовалась иногда в русских документах, а в 1789 г., после смерти Лейхта, сам становится городским строительным мастером и занимает этот пост вплоть до 1797 г. Умер Хаберланд в Риге в 1803 г.

Некоторые исследователи полагают, что наибольшее влияние на формирование творческого лица Хаберланда оказали годы учения за границей, как считают — в Дрездене и в Берлине. Имеются расхождения лишь в определении конкретного мастера или школы, где Хаберланд воспринял принципы архитектурного мастерства. Х. Пиранг¹, например, считает, что наибольшее влияние на него могли оказать дрезденский архитектор Захарий Лонгелуне (1669—1748) и прибывший в 1728 г. из Берлина в Дрезден Жан де Бодт, близкие друг к другу по своим взглядам, хотя в период пребывания Хаберланда за границей их давно уже не было в живых. В «Истории искусства», изданной под редакцией проф. В. Пурвита, была выдвинута другая, более вероятная версия, что Хаберланд следовал принципам Фр.-Авг. Курбациуса (1718—1790), ученика Блонделя и продолжателя дела Лонгелуне и Жана де Бодта².

Не вдаваясь в суть спора о том, кто именно из дрезденских зодчих повлиял на Хаберланда, важно отметить, что годы, проведенные им за границей, конечно, не прошли бесследно. В гражданской архитектуре Северной и Центральной Германии в тот период, когда туда отправился Хаберланд³, еще сохранялись отголоски архитектуры барокко, которые, в сочетании с некоторыми элементами убранства классицизма, вылились в смешанные формы переходного стиля, названного в искусствоведении «стилем косичек» (*Zopfstil*). Дольше всего барочные формы сохранялись в очертании крыши, в обрамлениях проемов и т. п. Наряду с этим в Дрездене появилась некоторая тяга к воспроизведению форм античной Греции, что всячески поддерживалось трудами Ф.-А. Курбациуса. Творчество Хаберланда базировалось на применении подобных же форм, — это и делает вероятным предположение о том, что он учился в Дрездене. Рига получила, таким образом, в лице Хаберланда не только потомственного представителя цеховых ремесленников, воспитанного в духе уважения к традициям, но также и достаточно широко образованного архитектора, которому его заграничное путешествие дало возможность приобщиться к новейшим художественным идеалам, господствовавшим в Западной Европе.

Однако все исследователи, говоря о годах учения Хаберланда, обходят молчанием один очень важный этап, связанный с его практической работой в Риге. Есть, например, ряд оснований утверждать, что Хаберланд, надзирая за строительством Петропавловской церкви в ци-

¹ Н. Pirang. Christoph Haberland. В кн.: Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen, IV. Riga 1910, стр. 8.

² Mākslas vēsture, I. sēj., стр. 225.

³ Подавляющее большинство рижских мастеров путешествовали именно по «германским землям», что во многом объяснялось употреблением одного и того же — немецкого — языка.

тадели¹, «отшлифовал» и, возможно, значительно пополнил приобретенные им ранее знания и как маститый зодчий сформировался именно в Риге. Во всяком случае, в ряде церквей, построенных Хаберландом уже после того, как было окончено строительство Петропавловской церкви в рижской цитадели, встречаются некоторые детали и элементы композиции, чрезвычайно близкие к деталям цитадельского собора.

Так, когда Хаберланд в 1788 г. завершает строительство церкви в Алуksне (1781—1788 гг.), он повторяет здесь общий характер построения колокольни Петропавловского собора, а также воспроизводит примененные в этом соборе формы убранства окон на втором ярусе и формы часов, расположенных на третьем ярусе². Однако вместо плоского об-

¹ См. выше, стр. 118.

² Если принять предположение П. Кампе (Р. Сапге, *Lexikon...*, Bd. I, Nr. 2071), что Хаберланд строил лютеранскую церковь в Выру (Эстония), то можно без труда проследить, как Хаберланд и здесь использовал формы, примененные в Петропавловском соборе. Так, венчание колокольни церкви в Выру явно повторяет венчание колокольни Петропавловского собора.

Лютеранская церковь
в Алуksне.

рамления главного портала Петропавловской церкви парными пилястрами Хаберланд ставит в Алуксненской церкви парные тосканские колонны. Он как бы «отрывает» портик от стены колокольни, сохраняя при этом основной мотив композиции портала Петропавловской церкви. Хаберланд отказывается в Алуксненской церкви от шатрового венчания колокольни, поместив на ней небольшой куполок, но и эта форма почти полностью была перенесена им с Петропавловской церкви, у которой фонарик над куполом средокрестия имеет аналогичное завершение, правда, меньших размеров.

Занимая весьма хлопотливую должность городского строительного мастера (архитектора), Хаберланд сумел не только не загубить свой талант «в сутолоке будней», в море многочисленных чисто хозяйственных обязанностей — таксаций, составления смет и отчетов, строительства многочисленных городских инженерно-технических сооружений, руководства ремонтными работами и т. п., — напротив, как на это указывал П. Кампе¹, в период усиленного строительства жилых домов в Риге эта должность открыла перед ним небывало широкие возможности для практического приложения своих способностей. Поэтому-то, очевидно, в творчестве Хаберланда, особенно в период 1784—1789 гг., наибольшее место и занимало проектирование и строительство жилых домов. В настоящее время принято считать, что Хаберланд построил в Риге жилой дом бургомистра фон Зенгбуша по ул. Яунаву, 3, дом Керковиуса на углу улиц Большой и Малой Яуна, дом Рутенберга на ул. Большой Яунаву, дом фон Зенгера по ул. Зиргу, 14, бывший «полицейский дом» на ул. Ленина и др. Эти здания не сохранились до наших дней; часть из них стала жертвой военных действий в период Великой Отечественной войны. Из сохранившихся жилых домов, построенных Хаберландом, можно назвать следующие: дом, который он построил для себя, но затем продал (ул. Калею, 4), дом ратсгера Крузе на ул. Вецригас, дом старшины Большой гильдии И.-З. Голлендера по ул. Зиргу, 28, здания по ул. Смилшу, 5, ул. Миесниеку, 1, ул. Театра, 6, ул. Библиотекас, 5, и др. Кроме того, он перестроил некоторые дома, например уже не существующий ныне дом масонской ложи на ул. Вальню и т. д. Хаберланд выработал столь четко выраженные принципы создания композиции многоэтажного дома в Старом городе, что здания, построенные им, можно узнать даже тогда, когда нет прямых документальных данных об их авторе. Таковы, например, дом № 6 по ул. Пилс и дом № 4 по ул. Иманта Судмаля, которые оба построены в 1795 г. и в которых имеется ряд деталей, характерных для творческого почерка Хаберланда.

¹ P. K a m p e. Rīgas dzīvojamā ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums. В журн.: «Latvijas arhitektūra», 1939, Nr. 8, стр. 249.

Дома, построенные Кр. Хаберландом, относятся к новому типу жилища рижских бюргеров, появившемуся в Старой Риге во второй половине XVIII в. Весьма характерно в этом отношении свидетельство Оттона Гуна, который писал: «Вкус в образе строения по сие время был древний имперских городов; но с того времени, когда здешние дома перестали служить магазинами, как то водится в Любеке, Данциге и Елбингене, совершенно переменялся оной в наружном и внутреннем расположении к собственной выгоде жителей»¹. С этого времени принципиальная грань между домом купца и зажиточного ратсгера-дворянина стирается. Но зато тем отчетливее начинают проявляться различия между жильем богатых и бедных горожан, выразившиеся в отличии застройки Старого города от застройки предместий, где жили в основном небогатые ремесленники.

В Латвии конец XVIII в. был связан с ростом товарного производства, увеличением количества денег в обращении и изменением вкусов зажиточных кругов населения. В этот период все большее распространение получают предметы роскоши, меняются условия быта горожан и помещиков. Известный в ту пору своими сочинениями пастор А.-В. Гупель (1737—1819) писал в 1795 г., что слово «столовая» (Speisezimmer) «20 лет тому назад почти не было здесь известно, так как жили и ели в одной и той же комнате. Теперь принадлежностью тонкого вкуса стали зал и комната рядом с ним, в которой незаметно может быть накрыт стол для угощения»². Такое распределение помещений должно было явиться свидетельством просвещенности, культурности домовладельцев. В убранстве парадных залов появляется гораздо больше роскоши, да и в остальных помещениях возводятся изразцовые печи, стены оклеиваются обоями и т. п.

Постепенное изменение условий жизни горожан явилось основой изменения планировочной структуры и внешнего облика городских жилых зданий. В бюргерских домах вместо одного отапливаемого помещения — «избы» — появляются теплые гостиная, столовая и спальня. Рижский историк Я. Страуберг приводит описание одного дома, построенного в 1770 г., который имел 4 погреба, 3 жилые каморы с кухней в нижнем этаже, 5 оклеенных обоями теплых камор во втором этаже и еще одну кухню. В обширном дворе этого дома были конюшни на 6—8 лошадей, людская и садик. Я. Страуберг наглядно показывает, что XVIII в. был переломным в развитии жилищного строительства в Старом городе³. Вместо распространенных ранее на территории Старого го-

¹ О. Гун. Топографическое описание Риги . . . , ч. I, стр. 44.

² А. W. Hupel. Idiotikon. В его кн.: Neue nordische Miscellaneen, Stück 11/12. Riga 1795, стр. 221.

³ J. Straubergs. Vecā Rīga, стр. 87—89.

рода небольших средневековых жилых домов с примыкавшими к ним хозяйственными постройками — хлевами для скота и т. п.¹ — во второй половине XVIII в. под воздействием развивавшихся капиталистических отношений начинают строить многоэтажные здания. Число зданий, стоимость которых превышала 9—10 тыс. руб., возросло с 31 (в том числе 11 общественных) в 1776 г. до 73 в 1790 г. В 1820 г. в Риге уже насчитывались 224 подобных дома.

В большинстве новых жилых домов появляются помещения, предназначенные специально для сдачи внаем. Покои хозяев дома отделяются от комнат, где живут подмастерья и прислуга. Оттон Гун так описывает использование помещений подобных зданий: «Что касается до внутреннего расположения здешних жилых домов, то нижний этаж большей частью состоит из лавок, кладовых и каретных сараев; погребка служат для поклажи дров, соли и льна; над лавками означаются имена купцов... Во втором этаже обыкновенно живут сами хозяева, в третьем и четвертом жильцы, кои нанимают оные, или хозяйские прикащики и подмастерья. Чердаки часто служат для хранения разных жит и других семян»².

В целях повышения доходности дома в XVIII в. строятся здания с мансардными этажами, но квартир в городе все же не хватает, они, кроме того, часто лишены ряда элементарных удобств. «В сих квартирах, — жалуется аноним, — по большей части нет сарая, конюшней, ледника, а в иной нет и кухни, кроме общей с хозяином»³. О. Гун, дополняя эту характеристику первых доходных домов в Риге, указывает, что «в иных домах живут по 40 человек. Немногие дома имеют способные для служителей жилые покои; часто многие из них спят вместе в таком чулане, которой иногда не много более двухместной кровати»⁴.

Таким образом, во второй половине XVIII в. в Риге уже сформировался жилой дом, представлявший собой совершенно новый тип здания даже в социальном смысле.

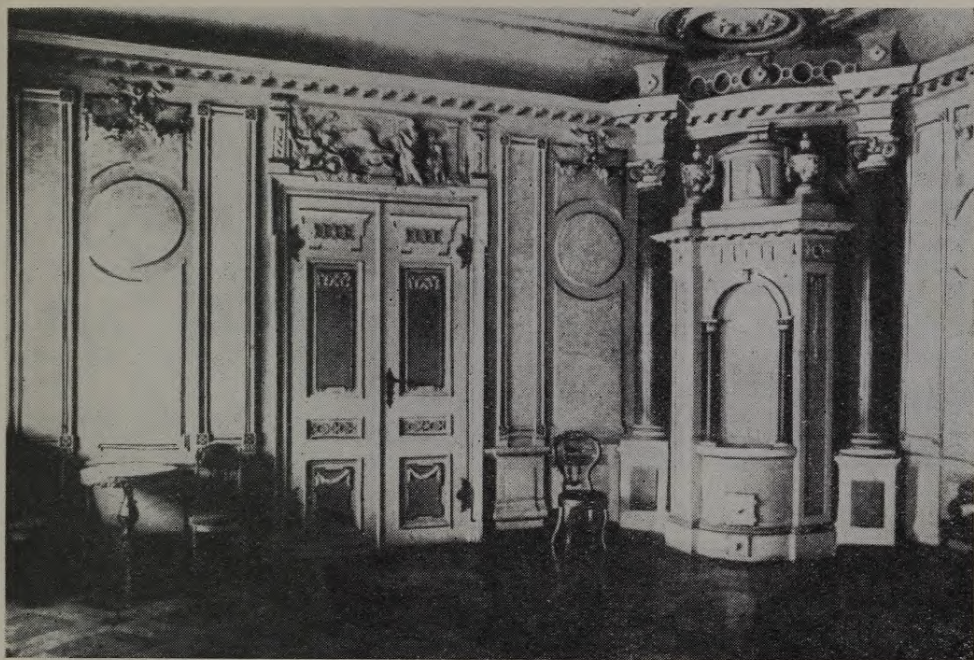
К тому времени, когда в Риге начал работать Хаберланд, здесь уже имелись подобные жилые дома, но они в большинстве случаев не обладали высокими художественными качествами и четкостью композиционного построения. Это были лишь первые опыты. Нередко новые жилые дома рижских бюргеров оказывались громоздкими и неуклюжими. Их

¹ В 1783 г., например, рижский магистрат писал генерал-губернатору Броуну, что «дома здесь в городе за недостатком мест столь близко один с другим построены и между домов находящиеся иногда для промысла здешних мещан необходимо потребные дворовые места так тесно домами ограждены, что оных весьма трудно иметь» (ЦГИА ЭССР, ф. 279, оп. 1, д. 384, л. 37).

² О. Г у н. Топографическое описание Риги..., ч. I, стр. 45.

³ Примечание о городе Риге. М. 1798, стр. 11.

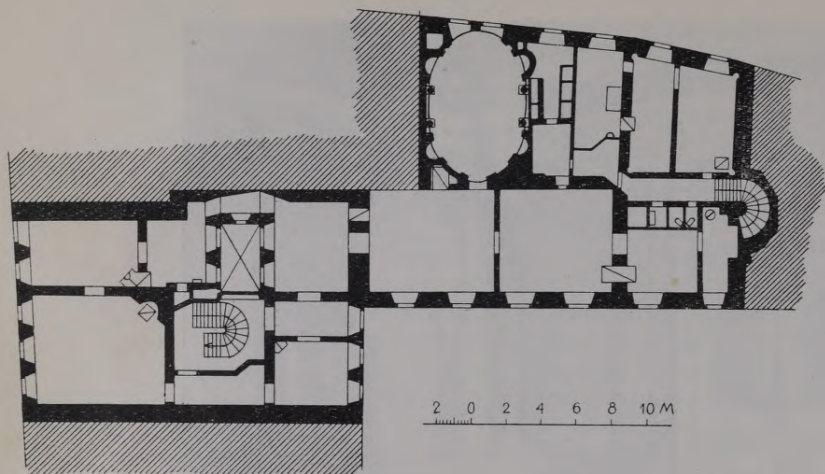
⁴ О. Г у н. Топографическое описание Риги..., ч. I, стр. 45.

Парадный зал в бывш. доме ратсгера И.-Г. Голлендера.

детали не радовали глаз изяществом. В построении убранства жилых домов еще чувствовались сильные пережитки барокко. В общем объеме сооружения значительное место занимала высокая мансардная крыша, да и вообще все помещения жилого дома располагались обычно не на одном уровне, а по вертикали, что диктовалось условиями застройки Старой Риги.

Почти во всех домах рижских бюргеров XVII и особенно XVIII в., в том числе и в зданиях, построенных Хаберландом, довольно отчетливо проявлялись две тенденции — с одной стороны, стремление к наиболее экономичному решению здания, с другой — стремление к внешнему показному эффекту. Эти тенденции особенно ярко сказались в попытках пышно украсить фасады зданий, в то время как планировка внутренних помещений оставалась иногда примитивной, а оформление интерьеров было зачастую весьма скупым. Ярким примером проявления подобных тенденций могут служить также отдельные парадные залы в бюргер-

План 2-го этажа бывш. дома И.-З. Голлендера на ул. Зиргу с овальным залом.

ских домах. Они были замкнуты в себе и нарочито изолированы от остальных помещений дома, имевших очень бедную отделку. Попав в эти залы, человек как бы переносился в иной мир: изысканная форма помещения, пилястры, ниши, лепные гирлянды заморских плодов и фруктов, — все это отражало стремление рижского бюргерства выставить напоказ роскошь главных помещений и отвлечь этим внимание от убожества остальных комнат. Такими были и созданные Хаберландом овальный зал в доме старшины Большой гильдии Иоганна-Замуэля Голлендера (1787 г.), зал в доме бургомистра фон Зенгбуша (1784—1789 гг.), ратсгера И.-Г. Голлендера (1787 г.)¹ и др. Эти парадные залы, находившиеся на втором этаже, обычно не вырастали из всей планировки здания как ее кульминационный пункт, напротив, они обнаруживались за какой-либо малоприметной дверью совершенно неожиданно, поражая посетителя хорошими пропорциями и богатством отделки².

Вообще внутренняя планировка жилого дома не только не имела какой-либо оси симметрии, но создавалась зачастую весьма произволь-

¹ Зал в бывшем доме И.-Г. Голлендера по своим стилистическим особенностям приписывается Хаберланду, хотя точных документальных данных о его авторстве не обнаружено (см. Р. Сампе. *Lexikon...*, Bd. II, Nr. 1098).

² Р. Сампе. *Rīgas dzīvojamā ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums*. В журн.: «*Latvijas arhitektūra*», 1939, Nr. 8, стр. 253, 254.

Лепная деталь овального зала-столовой в бывш. доме И.З. Голлендера.

Овальный зал-столовая в бывш. доме И.З. Голлендера.

но. Взаимное расположение жилых комнат, их форма и размеры, — все это не подчинялось одной архитектурной идее (что характерно для лучших произведений классицизма), а возникало как бы случайно, в зависимости от личных потребностей хозяина дома и в соответствии с формой и размерами участка.

Сейчас трудно полностью восстановить планировочные приемы, применявшиеся Кр. Хаберландом, поскольку почти все созданные им жилые дома были впоследствии перестроены и до сего дня сохранились лишь отдельные фрагменты их первоначального плана. По-видимому, он внес в планировку рижских жилых домов мало принципиально нового, повторяя уже известные в рижском зодчестве приемы. Поэтому можно предположить, что в архитектурном творчестве Хаберланда, связанном со строительством жилых домов, наиболее отчетливо проявлялось лишь его дарование как мастера-декоратора, сумевшего создать новый образ жилого дома почти исключительно различным сочетанием элементов его убранства. Хаберланд был, видимо, первым зодчим в Риге, который стал применять ордер в качестве основного элемента убранства внутренних помещений жилого дома, который создал новый образ парадного зала, принципиально отличавшегося от интерьеров зданий именитых горожан конца XVII в. Хаберланд одинаково тщательно обрабатывал потолок, стены, пол и т. п. Он решал их как единую, связанную систему. Контраст и противопоставления здесь образуются не на основе чисто декоративных приемов (например, богато обработанный дверной проем — и гладкие оштукатуренные стены и т. п.), а на основе художественно осмысленной тектоники помещения, где четко противопоставлены несомые и несущие части. Единственное, что Хаберланд мог воспринять в отношении убранства интерьеров от предыдущего периода, — это стремление разместить на потолке какое-нибудь скульптурное панно или просто декоративный акцент.

Создавая парадные залы домов рижских бюргеров, Хаберланд уже не удовлетворялся случайной формой помещений. Если ему не удавалось создать приемлемое прямоугольное помещение, он искусственно образовывал круглые и овальные залы, которые, обладая ясной геометрической формой, оставляли весьма благоприятное впечатление. В этих залах Хаберланд стремился к хорошим пропорциям, чаще всего к золотому сечению. Декорируя стены ритмично расставленными пилястрами и колоннами, зодчий добивался парадного, а подчас и торжественного облика помещений, которые даже как будто имитировали интерьеры неких античных павильонов, храмов, портиков и т. п. Если к этому добавить изумительно тонко сделанные барельефы аллегорического и мифологического содержания, то новый облик основных зал бюргерского жилища Риги конца XVIII в. будет достаточно ясен.

Уже первые жилые дома, созданные Хаберландом, дают определен-

Жилой дом по ул. Театра, 6.

ное представление о почерке зодчего. Можно упомянуть, например, трехэтажный дом по ул. Театра, 6 (1785 г.), который Хаберланд выстроил для себя и где он продемонстрировал свое понимание градостроительных особенностей застройки Старой Риги. Украшая это здание, расположенное на углу двух узких улочек Старого города, он избегал применения крупных пластических деталей, — напротив, он сделал детали нарочито плоскими и мелкими, явно рассчитывая на их восприятие с близкого расстояния. Дом, созданный Хаберландом на ул. Театра, явился одним из первых, хотя и не очень удачных опытов решения фасада здания, выходящего на узкую улицу. Аналогичные принципы ре-

Фасад жилого дома на углу улиц Шкюню и Зиргу

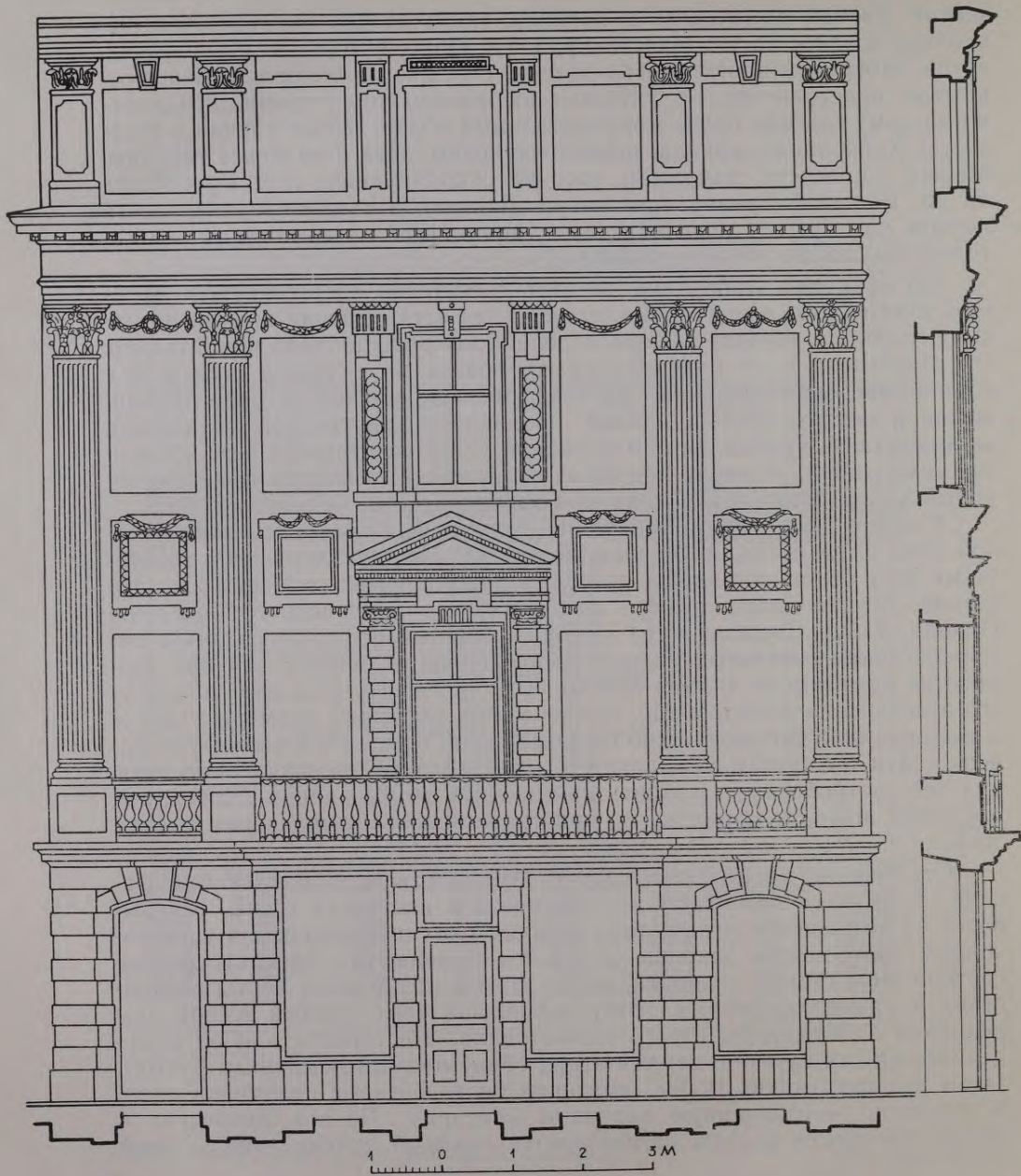
Обмерный чертеж.

шения фасада применены в зданиях, построенных архитектором несколько позднее по ул. Миесниеку, 1, ул. Пилс, 6, и др. В тех случаях, когда Хаберланд проектировал здания, стоящие на более или менее открытом пространстве, он украшал их фасады пилястрами, придававшими дому гораздо более монументальный облик. Такие случаи в творчестве Хаберланда, правда, немногочисленны, хотя и не менее типичны. Можно упомянуть, например, уже не существующие дом Рутенберга на ул. Большой Яунаву, дом на ул. Вальню, а также сохранившийся поныне дом на углу улиц Шкюню и Зиргу (1787 г.), верхние этажи которого были надстроены в конце XIX в.

Со временем Хаберланд создает достаточно сдержанную и цельную композицию жилого дома, где каждая часть фасада подчинена одному главному акценту здания, отделанному весьма тонко и тщательно. Он отказывается от равномерной обработки поверхности стен и при помощи введения различных деталей, обогащающихся по мере приближения к центру, создает здания, проникнутые внутренней динамикой, не выходящей, правда, за рамки полной уравновешенности всех элементов композиции. К числу подобных сооружений относится дом, построенный Хаберландом в 1787 г. по ул. Смилшу, 5.

Участок, на котором Хаберланд должен был построить новый жилой дом, имел очень небольшую величину. Между зданиями, стиснувшими его с боков, оставалось пространство, равное всего лишь 15 м. Это весьма ограничивало выбор архитектурно-планировочного решения. Правда, улица Смилшу, куда выходил главный фасад дома, была несколько шире остальных улиц Старого города, в связи с чем при разработке композиции здания можно было допустить большую пластику его отдельных элементов. Но, тем не менее, скромные размеры участка и желание получить возможно большее число помещений вынудили зодчего пойти по пути максимального использования площади застройки, для чего потребовалось создать компактный объем здания. Хаберланд достигает этого, отказавшись от пространственного расчленения фасада дома.

Стремясь к достижению ясности художественной композиции фасада, Хаберланд komponует все элементы в плоскости стены, основываясь на применении испытанных классических пропорций. Он устанавливает соотношение ширины и высоты здания (до крыши), равное соотношению сторон квадрата, внося этим в облик дома черты спокойствия и уравновешенности. Этот небольшой трехэтажный жилой дом решается Хаберландом строго симметрично. По горизонтали он резко делится на три части — первый этаж, обработанный ленточным рустом, затем два следующих этажа, имеющих более богатые наличники окон, и, наконец, — отделенную карнизом мансарду. По оси симметрии в центре плоскости фасада располагается главный акцент дома — цен-

Фасад жилого дома по ул. Яунаву, 3.

Обмерный чертеж.

Жилой дом по ул. Смильшу, 5.

тральное окно-дверь, ведущее на небольшой балкон второго этажа. Все основные горизонтальные и вертикальные членения фасада, размещение оконных и дверных проемов, отдельных элементов убранства, даже общие размеры окон мансарды, а также оконных переплетов и т. д., — все это было органически связано между собой применением единой системы пропорций. В данном случае Хаберланд применил соотношения золотого сечения, создав тем самым один из наиболее гармоничных фасадов в рижском зодчестве конца XVIII в. Кстати говоря, эта

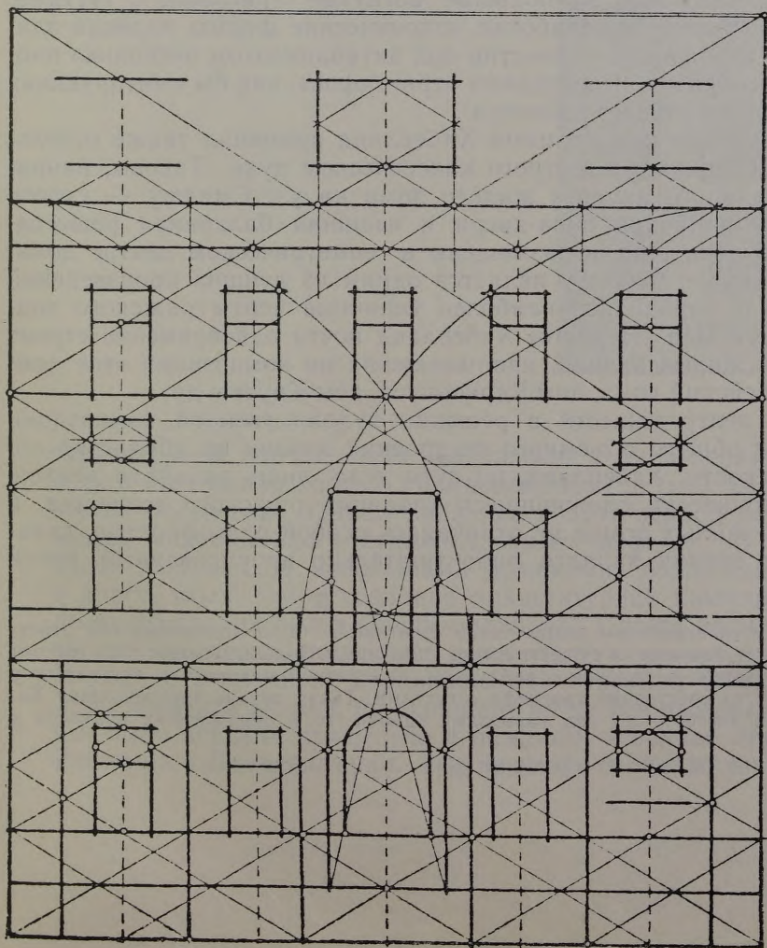
Фрагмент фасада дома
по ул. Смилшу, 5.

замечательная особенность творчества Хаберланда осталась не замеченной исследователями зодчества Риги¹.

¹ В статье А. Бирзениека, где специально разбираются разные системы композиции фасадов жилых домов рижских бюргеров, созданных в эпоху барокко и классицизма, в которой отведено много места домам Хаберланда, нет даже мимолетного упоминания о применении Хаберландом пропорционального членения в композиции фасадов. Рассматривая варианты фасадов, А. Бирзениек, к сожалению, ограничился описанием очевидных приемов убранства (см. А. Birznieks, *Rīgas baroka un klasicisma laikmeta pilsoņu namu fasādes kompozīcijas paražiemieni*, в кн.: Ученые записки Латвийского государственного университета им. Петра Стучки, т. XXI, Рига 1958).

Весьма характерно, что Хаберланд, пользуясь четким геометрическим и пропорциональным построением общей формы и членений фасада, не применил, тем не менее, какого-либо одного приема обработки отдельных элементов здания. Для обработки оконных проемов каждого из этажей он употребляет своеобразные детали. Если на главном — втором — этаже формы наличников обогащаются по мере приближения к центру, то на первом этаже, так же как и на третьем, кроме центрального окна, выделены еще и боковые проемы, с той только разницей, что центральный проем первого этажа обработан богаче крайних, тогда как боковые проемы на третьем этаже обработаны пышнее центрального, и т. д. Этими средствами зодчий достигает известной живости построения композиции здания и преодолевает геометрическую сухость, лежащую в ее основе. Путем включения дополнительных ритмов и чере-

Схема пропорционирования фасада
дома по ул. Смилшу, 5.

дованием отдельных деталей он добивается создания интимного и одновременно представительного облика жилого здания.

В разработке общей композиции жилого дома, основанной на математической строгости членений, геометрической простоте и ясности общего объема, Хаберланд твердо стоит на позициях классицизма, которые служили для него отправным пунктом, но не являлись единственными в его творчестве. Во всяком случае, когда Хаберланд переходит к разработке деталей наружного убранства здания, он нередко применяет чисто барочные приемы; кроме того, он настолько свободно пользуется формами античности, что они, пройдя через его руки, изменяются иногда до неузнаваемости.

Так, разрабатывая детали дома по ул. Смилшу, 5, Хаберланд смело изогнул вперед арку центрального окна первого этажа, что сразу же внесло в строгую систему построения художественного облика здания элемент беспокойства, а также придал барочное обрамление центральному окну мансарды. На консоли, поддерживающие балкон, Хаберланд наложил нечто похожее на большие вогнутые триглифы с гуттами. Кроме того, он сильно переработал канонические формы карниза здания, опустив в нем фриз и разместив под антаблементом несколько плоских, очень своеобразно вылепленных «триглифов», как бы имитирующих капитель несуществующего пилястра¹.

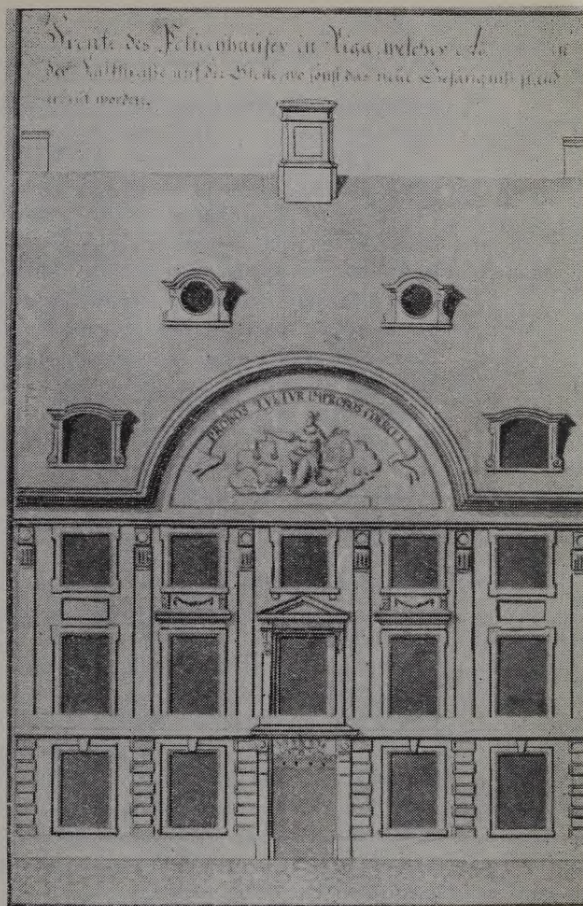
Наряду с подобными формами Хаберланд применял также отдельные детали, выдержанные в строго классическом духе. Таковы, например, формы главного акцента жилого дома на ул. Смилшу — строго прорисованный наличник окна-двери и изящная балконная решетка. Характерно, что эти детали размещены в геометрическом центре дома.

Дом № 5 по ул. Смилшу является одним из лучших произведений Хаберланда, где отразились наиболее типичные черты рижского зодчества конца XVIII в. Недаром Хаберланд почти одновременно строит еще несколько жилых зданий, напоминавших по композиции этот дом. Таковы «полицейский дом», дом Керковиуса, дом Крузе и др.

Перенося центр тяжести в решении художественной композиции жилого дома с общего объемного построения здания на убранство его фасадной плоскости, Хаберланд, по сути дела, лишь развивал дальше некоторые исторически сложившиеся традиции рижского зодчества, в котором стены жилых домов не отличались особой рельефностью, главным акцентом здания являлся либо тщательно прорисованный, почти

¹ Впрочем, в «полицейском доме» такие «триглифы» были применены как действительные капители фактически существующих пилястров. Подобный «триглиф» состоит обычно из трех частей — полочки с каблучком, квадратной пластины с вписанным в нее медальоном и из собственно триглифа с гуттами. Такая деталь употребляется Хаберландом весьма часто — то под карнизами здания, то в обрамлениях порталов и оконных проемов.

Фасад бывш. «полицейского дома».
Чертеж И.-Х. Бротце конца XVIII в.

скульптурный портал, либо украшенный тонкой лепниной шпигель сооружения. Отдельная хорошо скомпонованная деталь, но не общее пластическое построение здания являлись в этот период основой для достижения максимального художественного эффекта. В условиях Старой Риги, застроенной небольшими домиками, тесно прижавшимися друг к другу, такой метод создания архитектурной композиции каждого отдельного здания был в общем оправдан. Идя по этому пути, Хаберланд вводит в композицию жилого дома строгую геометрическую подоснову. Наряду с этим он не ограничивается отделкой только одного какого-либо элемента здания, но украшает почти все проемы, углы стен и т. д., что было впервые применено в рижском зодчестве при создании домов Рейтерна и Данненштерна. Тем не менее особенно тонко и любовно Ха-

берланд обрабатывает центр сооружения, где располагался портал главного входа.

Одним из наиболее ярких примеров подчеркнуто пышного убранства фасада жилого здания может служить второй дом, созданный Хаберландом для себя, — по ул. Калею, 4 (1788 г.). В настоящее время этот дом встроен в здание Рижского русского драматического театра; изнутри он был переделан, лишь главный фасад его почти полностью сохранился¹. Можно предположить, что это здание явилось квинтэссенцией всего того, что в каких-то намеках имеется в остальных построенных Хаберландом жилых домах. Этот дом Хаберланда еще уже, чем дом на ул. Смилшу; каждый из его пяти этажей имеет всего по четыре окна. Но убранство этого дома гораздо богаче убранства остальных сооружений, созданных Хаберландом.

Основные пропорции второго дома Хаберланда строятся, как и прежде, на применении простых отношений. Ширина его, принятая в данном случае, как и в доме по ул. Смилшу, за основной модуль, соразмерна общей высоте здания до венчающего карниза в отношении 1 : 2. Половина ширины дома равна высоте первого этажа; на высоте, равной 1,25 ширины, начинается архитрав ордера и перемычки окон третьего этажа, на высоте, равной 1,75 ширины, — подоконная тяга пятого этажа и т. п. Все остальные членения — высота и ширина окон, карнизов, размеры элементов убранства — являются определенной геометрической функцией этого основного модуля, — в отдельных случаях это была диагональ квадрата, сторона которого равнялась половине модуля, в других — так наз. соотношение $\sqrt{3}$.

В собственном жилом доме Хаберланд еще сильнее выделяет парадный характер главного — второго этажа. Для подчеркивания его значимости он применяет ряд высоких арочных окон, — прием, необычный в творчестве Хаберланда.

Как и в других своих сооружениях, Хаберланд избегает в обработке одинаковых элементов дома монотонности и единообразия, украшая эти элементы различными ритмично размещенными деталями. Руку зодчего здесь можно узнать по темпераменту, с которым он перерабатывает отдельные архитектурные формы, а также по некоторым деталям, уже использованным в других домах, построенных им же. Такова арка портала главного входа, имеющая двоякую кривизну, таковы триглифоподобные завершения лизен, таково обрамление наружного угла дома, решенного в виде пилястра, объединяющего два этажа и как

¹ Здесь имеется в виду фасадная плоскость нижних этажей дома, поскольку 4-й и 5-й этажи были, по всей видимости, перестроены в 1880 г., когда дом Хаберланда был включен в состав дома русского общества «Улей» (ныне дом Рижского русского драматического театра). До этого верхние этажи дома были, очевидно, мансардными, соответственно отсутствовал и верхний венчающий карниз.

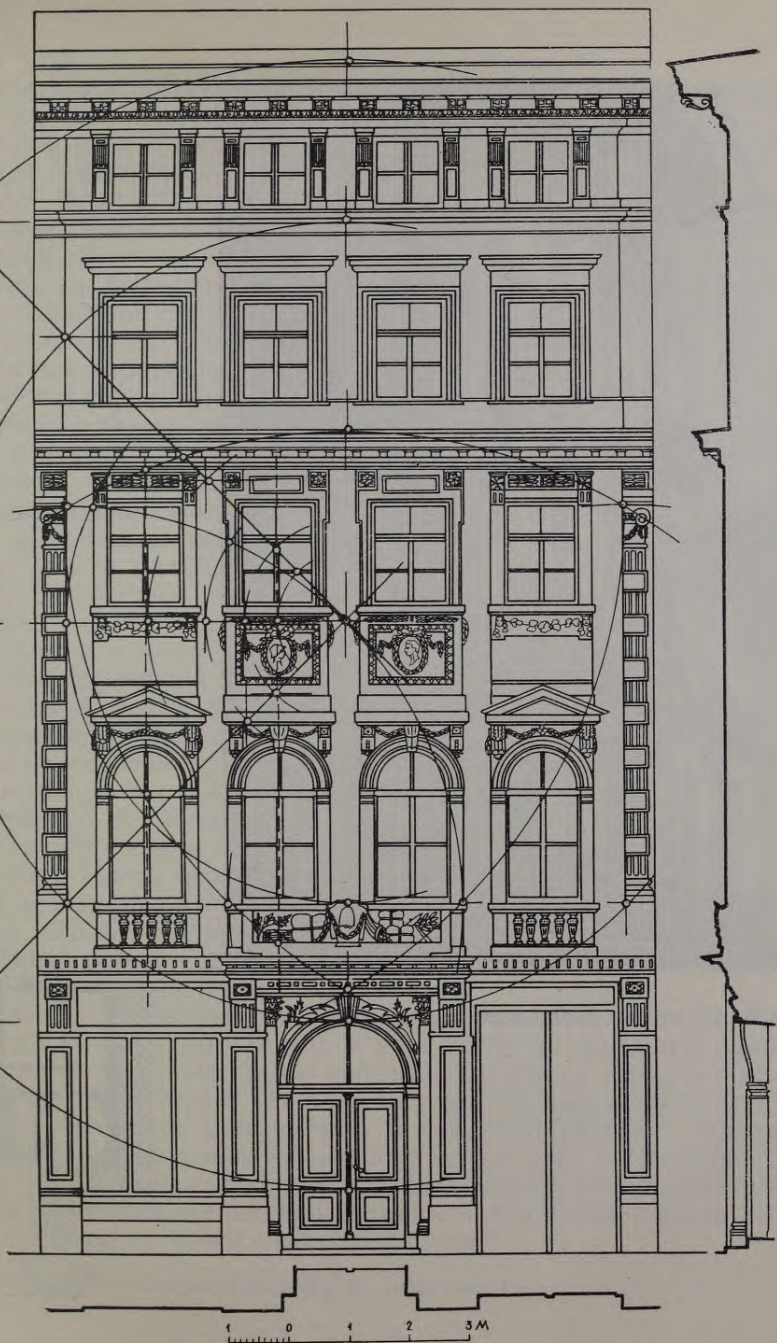
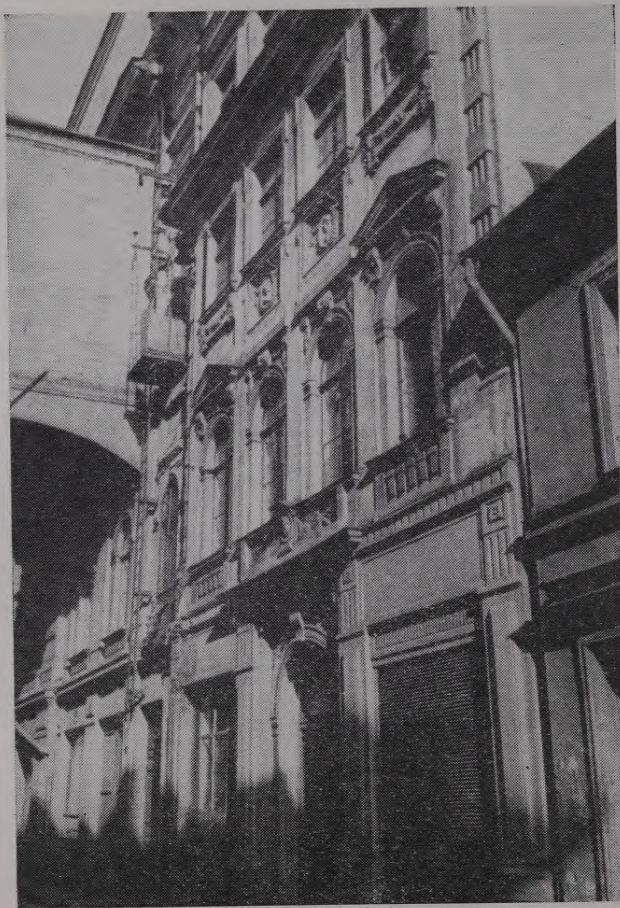
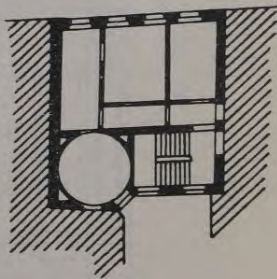

Схема пропорционирования фасада жилого дома по ул. Калёу, 4.

Бывш. жилой дом Кр. Хаберланда по ул. Калею, 4.

План дома по ул. Калею, 4.

10 0 10 ФУТ

бы связанного с фасадной плоскостью стены рустами, обработанными «в шубу».

Фасад дома Хаберланда фактически лишен свободных от украшений мест, даже плоские промежутки между деталями по контрасту с обильной лепниной кажутся своеобразными декоративными вставками. Отдельные детали своего дома Хаберланд прорисовывает особенно побарочному. Поэтому их пластика значительно усиливается: они то заглубляются в плоскость стены, то выступают из нее. Весьма характерен в этом отношении «утопленный» в плоскость стены портал. Подчеркивая его заглубленность, Хаберланд обрамляет входную дверь двумя четвертушками коринфских колонн, как бы вдавленных в тело стены, а украшенные гирляндами, тонкими архивольтами и пилястрами арочные окна второго этажа он размещает в прямоугольных нишах. Таким образом, в данном случае, когда Хаберланд не был связан с посторонним заказчиком, он полностью раскрывает свои методы художественного построения облика жилого дома.

В продолжение полутора десятков лет, когда Хаберланд играл ведущую роль в рижском строительстве, творческий метод зодчего не остался неизменным. Хаберланд постепенно отказывается от перенасыщенности фасадов архитектурными деталями. Некоторые из зданий, созданных им в конце творческого пути, приобретают черты строгости, а в отдельных случаях — даже сухости. Типичным примером подобного жилого дома, фасад которого решен весьма лаконично, является построенный Хаберландом в 1795 г. дом по ул. Библиотекаса, 5. Здесь зодчий подчиняет характер решения фасада пространственно уравновешенной композиции всего здания.

Очевидно, Хаберланд был первым в Риге зодчим, последовательно применявшим систему пропорциональной гармонизации композиции жилого дома. Много изобретательности Хаберланд проявил в пластическом и декоративном оформлении стен, а также в трактовке отдельных деталей. Однако в стремлении выделить центральный портал — главный акцент дома — он еще не полностью освободился от принципов, веками развивавшихся в архитектуре Риги.

Особенности творчества Хаберланда показывают, что он был наиболее цельным местным зодчим в Риге XVIII в., сумевшим выработать законченный по своим художественным качествам гармоничный облик жилого дома, в котором, как в призме, преломились и особенности бюргерского понимания классицизма, и традиции рижского зодчества, и воздействие западноевропейской архитектуры и т. д. Очевидно, прежде всего к жилым домам, созданным Хаберландом, следует отнести восторженный отзыв современника, отметившего, что «здания вновь построенные прекрасны, прочны и в новейшем вкусе»¹.

¹ Примечание о городе Риге, стр. 4.

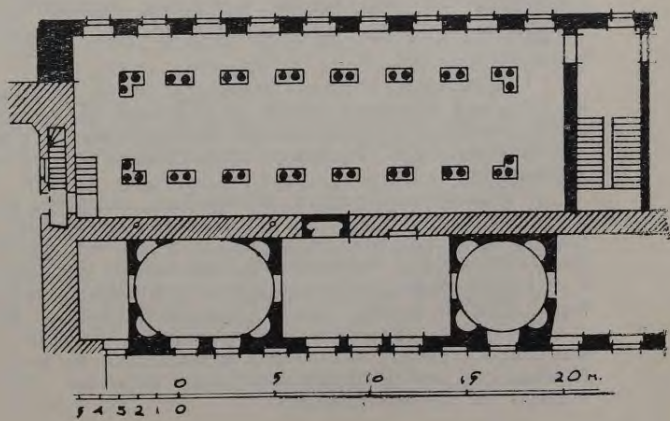
В немногочисленных общественных и культовых зданиях, построенных в Риге в конце XVIII в., легко прослеживаются аналогичные воплощенные в жилищной архитектуре идейно-художественные тенденции, особенно в тех случаях, когда общественные или культовые здания возводились по проектам местных рижских зодчих, среди которых первую скрипку играл все тот же Хаберланд, и когда эти сооружения были заказаны рижским магистратом. В конце XVIII в. рижане ограничивались чаще всего лишь небольшими дополнениями к старым зданиям, дополнениями, призванными подчеркнуть просвещенность рижского общества, но не способными изменить историческую структуру или облик древних сооружений. Так, например, в церкви Петра в Риге в 1789—1794 гг. была возведена новая мраморная канцелла (амвон), выдержанная в духе классицизма. Она была выполнена (вытесана) в Италии ливорнским скульптором проф. Джованни Баратта по эскизу, созданному Хаберландом. Аналогичным образом, т. е. не изменяя концепций старой архитектуры и лишь частично вводя новые формы, Хаберланд в 1792—1793 гг. построил для Дома Черноголовых в Риге большой столовый зал с хозяйственными помещениями и квартирой для коменданта. Весьма типична и первая самостоятельная работа Хаберланда в Риге — осущаствленная им перестройка помещений городской библиотеки, располагавшейся в восточном крыле бывшего Домского монастыря. Проект Хаберланда был принят магистратом в 1778 г.

Довольно экономично решив возложенную на него задачу, Хаберланд создал для библиотеки большой (25,50×9,15 м) двухсветный зал, расчлененный на три нефа 36 парными коринфскими колоннами, которые поддерживают широкий балкон, идущий по периметру всего помещения. Применив тонкопрофилированный коринфский ордер, Хаберланд придал главному залу библиотеки нарядный вид. Возможно, чувствуя необходимость в некотором пафосе, а может быть, следуя традиции, он в центре потолка поместил круглый медальон с барельефом, изображающим Екатерину II в виде Минервы, разворачивающей свиток «Наказа»¹, а одну из торцовых стен украсил барельефом, изображающим Петра I. Тем не менее Хаберланд не смог преодолеть несколько камерного характера убранства библиотечной залы. Колонны воспринимаются как декоративный элемент убранства, призванный изображать лишь некое подобие портиков античных агор. Иными словами, Хаберланд шел здесь тем же путем оформления интерьеров, что и в решениях парадных зал в домах богатых рижских бюргеров. Увеличение размеров

¹ «Наказ» Екатерины II — программный документ русского просвещенного абсолютизма, который был направлен законодательной комиссии 1767 г.

Зал бывш. Рижской городской библиотеки.

План зала бывш. городской библиотеки.

помещения, расстановка большого количества колонн и т. п. принципиально не изменяли идейно-художественного содержания архитектуры, которая и здесь была рассчитана лишь на внешний эффект, кстати, вполне достигнутый в данном случае. Недаром современники характеризовали это сооружение следующим образом: «Рижский магистрат выстроил в 1778 г. залу для библиотеки вновь. Девять лет продолжалось строение, делающее честь строителю Ратс-Геру Г. Беренцу. Зала и побочные комнаты великолепны»¹.

Подобно парадным залам в бюргерских жилых домах, зал библиотеки был как бы случайно включен в организм всего сооружения. Перестройка библиотеки не привела к изменению облика монастыря в целом (лишь со стороны бывшего монастырского двора крыло, где размещалась библиотека, получило новый фасад). Только узкий круг ценителей литературы наслаждался здесь плодами работы архитектора.

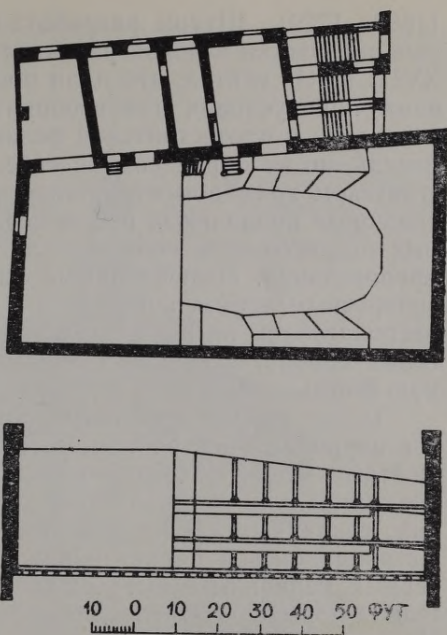
Вообще характерно, что созданные представителями «бюргерского классицизма» новые общественные сооружения не были новостройками в полном смысле этого слова. Они обычно появлялись в результате перестроек либо возводились в столь трудных условиях тесной застройки Старого города, что их композиция была заранее предрешена окружающими сооружениями. Характерным в этом отношении было принадлежавшее одному из наиболее активных деятелей эпохи просветительства в Риге барону Фитингофу здание, в котором в 1781—1782 гг. был построен городской театр². Этот театр был открыт в 1782 г.; он вмещал около 900 человек. В здании не было достаточного количества подсобных помещений — кулуаров, фойе и т. д. Несколько позднее это здание было реконструировано и приспособлено под нужды общества «Муссе»³, — над зрительным залом был создан танцевальный зал и т. п. Однако все сооружение в целом, особенно внешне, фактически мало отличалось от обычных жилых домов. Основное внимание было уделено

¹ Примечание о городе Риге, стр. 56. — Упоминание ратсгера Беренса как строителя зала библиотеки отнюдь не означает, что он являлся автором проекта либо вообще принимал в строительстве непосредственное участие. Беренс выступал скорее в роли мецената или инициатора этого строительства и наблюдал за постройкой как член магистрата.

² Первое здание театра в Риге было построено из дерева в 1768 г. на плац-парадной площади, созданной на Якобовском полуострове. Это здание было уничтожено в 1780 г., когда создавалась эспланада перед цитаделью. Строительство нового театра в доме Фитингофа некоторые исследователи связывают с именем Хаберланда (см. P. K a m p e. Rīgas dzīvojamā ēku arhitektoniskais veidojums, в журн.: «Latvijas arhitektūra», 1939, Nr. 8, стр. 252; P. S a m p e. Lexikon . . . , Bd. I, Nr. 2071).

³ «Муссе» (название это происходит от немецкого слова Musse, означающего «свободное время») назывались появившиеся во второй половине XVIII в. в городах Прибалтики культурно-увеселительные общества (клубы), где собирались преимущественно так наз. «литераторы».

План и разрез бывш. Рижского городского театра в доме Фитингофа (позднее — общества «Муссе»).

внутренней связи отдельных помещений и их отделке. Главные залы, встроенные фактически в жилой дом, были весьма низкими относительно своей площади, тогда как оформление побочных помещений очень походило на оформление парадных залов в домах зажиточных рижан.

Только в редких случаях представителям «бюргерского классицизма» удавалось создавать совершенно новые произведения, в которых могли быть последовательно воплощены концепции архитектуры конца XVIII в. Это в основном были культовые здания.

Как справедливо отмечалось большинством исследователей, касавшихся храмового строительства, осуществлявшегося Хаберландом¹, в своих церковных постройках зодчий следовал главным образом стремлению создать помещение, наиболее удобное для удовлетворения потребностей протестантского богослужения.

Программой для осуществления подобных требований явились опубликованные еще в начале XVIII в. проекты протестантских церквей, составленные немецким теоретиком архитектуры Христианом Штурмом

¹ См. упоминавшиеся выше работы Х. Пиранга («Christoph Haberland»), О. Гериха («Christoph Haberland und seine Bauten») и др.

(1669—1729). Штурм разработал ряд теоретических положений, которые послужили основой развития протестантского культового зодчества XVIII в. Он считал, что план протестантской церкви должен создавать наилучшие условия для восприятия прихожанами речи проповедника, поскольку в протестантской религии главенствующую роль играет проповедь, но не обряд сам по себе. На основе этих требований в протестантском храмовом строительстве довольно широко распространились лишённые продольных нефов церкви, во внутреннем пространстве которых отсутствовали колонны или столбы, мешавшие видеть и слышать проповедника. Излюбленными типами построек стали церкви с одним поперечным нефом, когда вход в здание и противоположащий ему алтарь располагались не по продольной, а по поперечной оси сооружения, а также церкви, имеющие Т-образную, полигональную, круглую и овальную формы плана.

Те же самые архитектурно-планировочные тенденции встречаются и в церковных постройках Латвии XVIII в. Им следовал и Хаберланд. Поэтому общее объемное решение церквей, построенных этим зодчим, принципиально отличается от объемного решения культовых сооружений, созданных представителями русской архитектуры, и в частности Петропавловской церкви в рижской цитадели. Среди наиболее характерных церковных построек Хаберланда, в которых были последовательно применены требования, разработанные Штурмом, была церковь Иоанна в Валке (1785 г.) и, по всей видимости, также не существующая ныне деревянная церковь Гертруды, построенная в 1779—1781 гг. на главной улице Петербургского предместья Риги (приписывая авторство проекта Гертрудинской церкви Хаберланду, П. Кампе основывается на общности конфигурации планов церкви Гертруды и церкви в Валке¹).

Гертрудинская церковь играла немаловажную градостроительную роль, являясь единственным крупным сооружением Петербургского предместья. Тем не менее ее объемное построение — наличие полигонального массива церкви и приставленной к ее продольному фасаду колокольни, в которой располагался главный вход, — не способствовало созданию органического единства в облике здания. Зато план этого здания, как и план церкви в Валке, был решен в духе требований, предъявлявшихся к протестантской церкви, хотя, в отличие от прямоугольных церквей с поперечным нефом, рекомендованных Штурмом, Гертрудинская церковь и церковь в Валке имели срезанные углы и представляли в плане весьма распространенную в Латвии восьмиугольную вытянутую фигуру; алтарь располагался у продольной стены против входа, а над ним помещалась канцелла. Создавая эти сооружения,

¹ См. P. K a m p e. Centrālveidīgais būvtips Vidzemes baznīcu celtniecībā no XVII gs. vidus līdz XIX gs. vidum, в журн.: «Senatne un Māksla», 1938, Nr. 2, стр. 139.

Гертрудинская церковь в предместье Риги.

Рис. И.-Х. Бротце 1792 г.

зодчий явно поступился хорошим объемным и силуэтным решением в угоду требованиям, предъявлявшимся в тот период к планам протестантских церквей.

Гораздо больше мастерства и конструктивной смелости было проявлено Хаберландом при возведении церкви в Катлакальне (1791—1792 гг.), которую современники характеризовали как постройку, «отличающуюся красотой внешней формы»¹. В этом здании наиболее отчетливо проявилось характерное для Хаберланда стремление к геометрической простоте, ясности пропорций и объемов сооружения.

¹ L. Bergmann. Zweiter Versuch eines Beitrages zur Rigaschen Kirchengeschichte. Riga 1794, стр. 13.

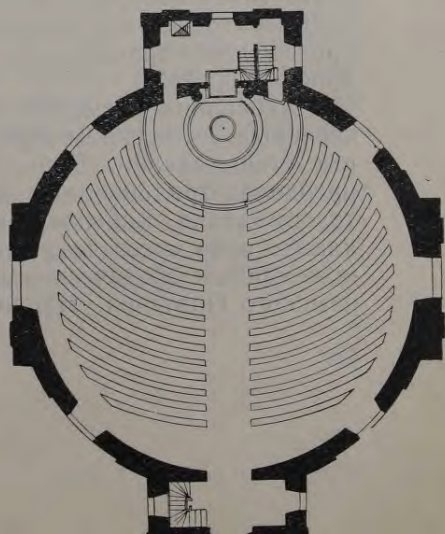

Фасад Катлакалнской церкви.
Чертеж И.-Х. Бротце 1791 г.

Участок, отведенный для строительства церкви, находился вне городской черты Риги, на полуострове у самой Даугавы. Здесь зодчий при разработке своего замысла имел редкую в условиях тогдашней Риги возможность решать композицию здания независимо от очертаний и размера участка и окружающей застройки. Он мог совершенно свободно выбирать для заказанной ему постройки любую форму, и в этом смысле Хаберландт мог полностью проявить свое дарование. Тем

Современный вид Катлакалнской церкви.

План Катлакалнской церкви.

Фрагмент интерьера Катлакалнской церкви.

не менее и здесь он недалеко ушел от требований, разработанных Штурмом. Хаберланд строит Катлакалнскую церковь круглой в плане, почти точно воспроизводя один из вариантов, рекомендованных Штурмом. Правда, на сей раз это не исключало возможности создания такого произведения архитектуры, которое органически связывалось бы с окружающей средой.

Хаберланд разместил церковь на самой высокой точке острова и перекрыл ее большим сферическим куполом, опирающимся на наружные стены здания. В результате (а это, пожалуй, самое важное) он преодолел традиционную в местном зодчестве трактовку облика культового здания. Хаберланд создает образ, базирующийся на стремлениях классицизма воссоздать некоторые античные идеалы. Перекрывая церковь единым сферическим куполом, он, очевидно, вдохновлялся образом римского Пантеона. Наряду с этим зодчий не сумел подняться до той

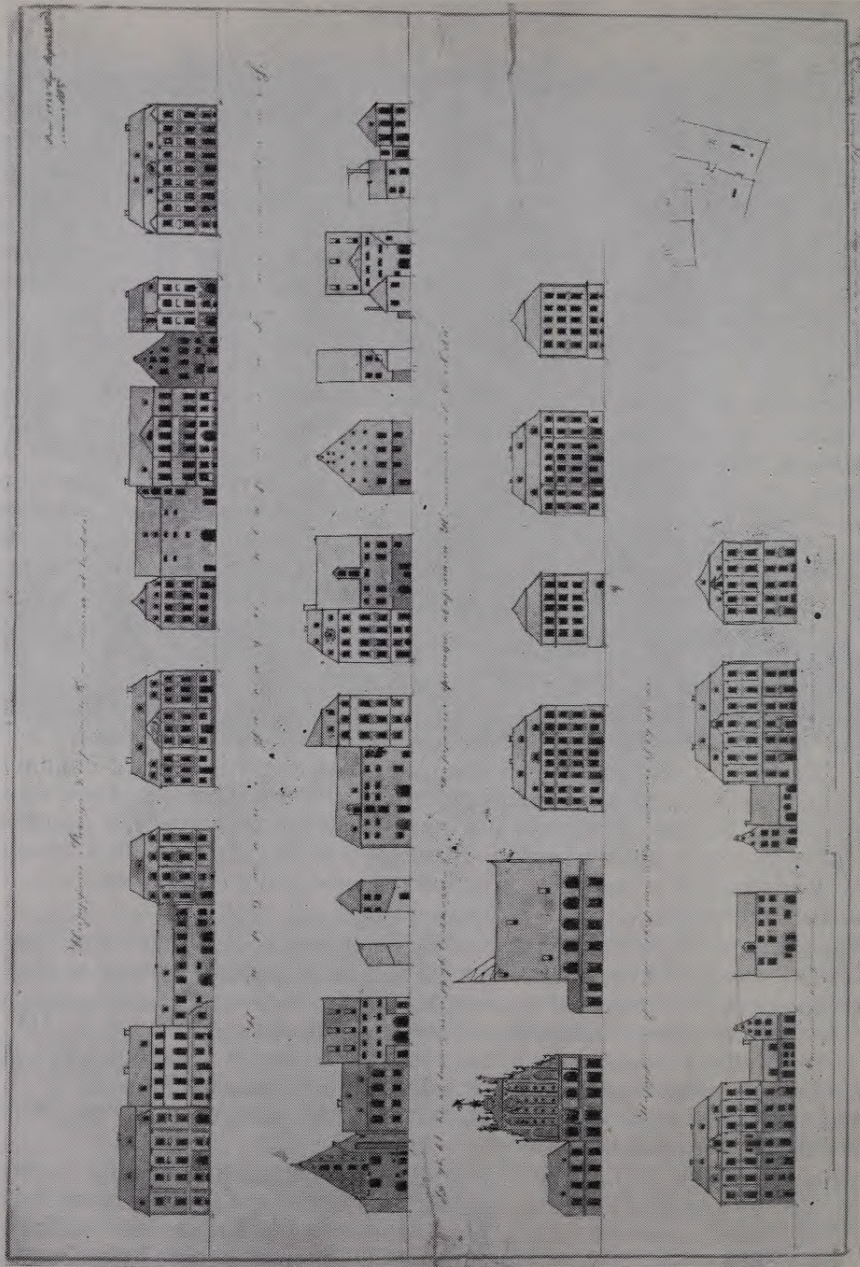
чистоты и ясности форм, которыми отличались лучшие произведения классицизма. Отдельные детали и элементы Катлакалнской церкви выделены еще в характерной для Хаберланда барочной интерпретации. Это относится прежде всего к убранству стен и верхнего фонарика церкви. Характерно, что зодчий просто повторяет уже созданные им однажды мотивы. Так, например, Хаберланд переносит в Катлакалнскую церковь формы портала своего собственного дома на ул. Калею, своеобразную рустовку углов, известную по некоторым его жилым постройкам, и т. д. Все эти детали показывают, что Хаберланд до конца своего творческого пути сохранил присущее только ему понимание архитектурной формы и в результате проводил идеи классицизма весьма своеобразно.

При создании проекта Катлакалнской церкви Хаберланд отказался от классических пропорций римского Пантеона, где величина подъема купола равна высоте стен, на которые купол опирается, а все сооружение, таким образом, вписывается в квадрат, сторона которого равна диаметру купола. Рижский зодчий попытался соорудить здание, применив излюбленные им пропорции золотого сечения. В Катлакалнской церкви, спроектированной в этом отношении безупречно, общая высота здания от земли до конца флюгера (H) так относится к высоте здания до вершины купола ($R+h$), как стрела подъема купола (R) относится к высоте стен (h), т. е. $H : (R+h) = R : h$. Эти же самые соотношения связывают и все остальные членения церкви.

Блестяще спропорционированная на чертежах, Катлакалнская купольная церковь тем не менее многое потеряла при воплощении ее в натуре, так как Хаберланд, очевидно, не учел перспективных сокращений. Если купол, точно соответствующий форме полушария, явно доминирует в общем объеме здания и в интерьере создает чувство простора и особой строгости пространства, то снаружи, возвышаясь над сравнительно невысокими стенами, он кажется несколько грузным, как бы прижатым к земле.

Все же общая лапидарность объемов здания создавала еще неданный в Риге художественный эффект и, пожалуй, свидетельствовала о проникновении в рижское зодчество тех самых тенденций рационализма и пластической ясности объемов, которые в конце XVIII в. теоретически обосновывались французскими зодчими и которые практически пытался применить знаменитый Клод Леду. Подобно Леду, Хаберланд уделял основное внимание чисто графическому пропорционированию здания, а также интерьеру.

Наряду с этим Хаберланд проявил себя здесь достаточно смелым строителем, сумевшим создать здание, перекрытое кирпичным куполом столь большого диаметра. Правда, можно предположить, что в Катлакалнской церкви, как и при строительстве других церквей, Хаберланд

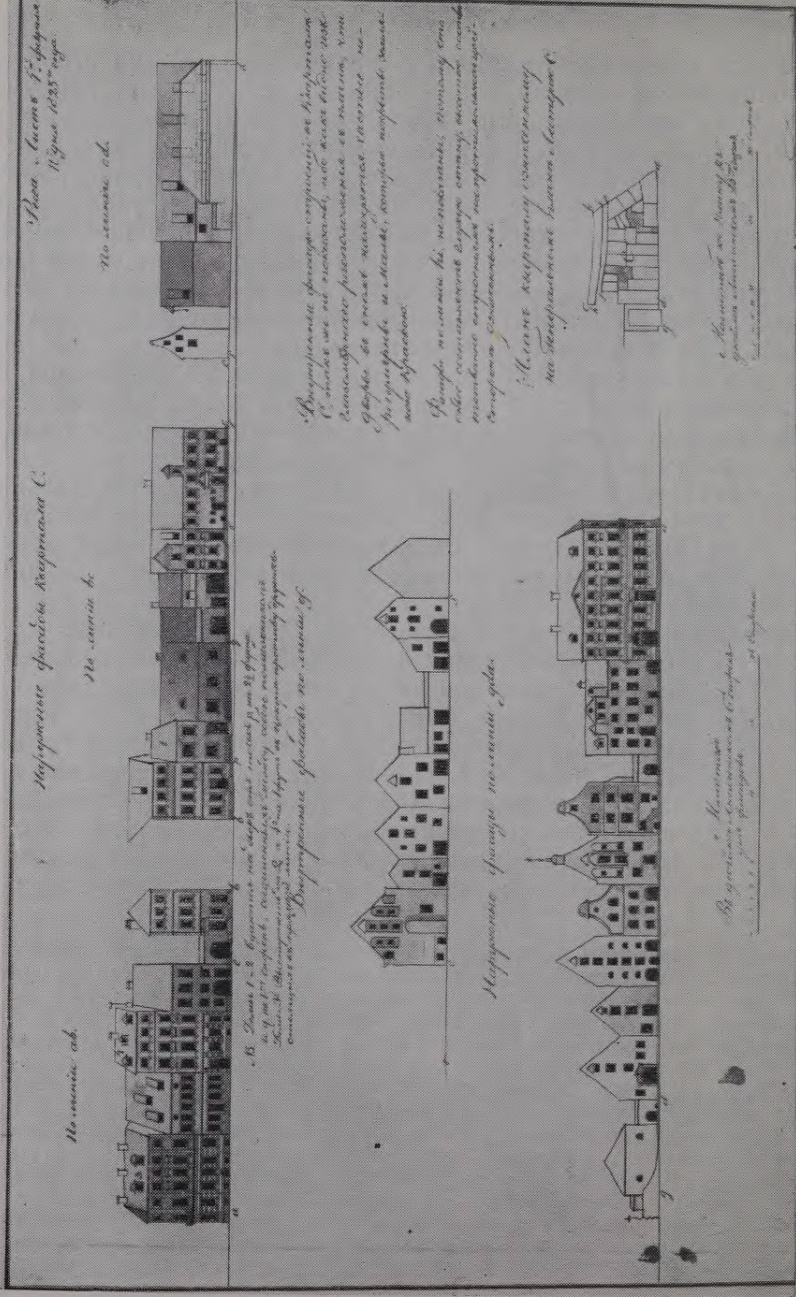
Жилая застройка близ Ратушной площади.

воспользовался некоторыми навыками, полученными им на строительстве Петропавловского собора, где купольное покрытие было применено впервые в Риге. Он, в частности, увенчал купол Катлакалнской церкви фонариком, формы которого очень напоминают форму фонарика, помещенного над наружным куполом цитадельской церкви. Правда, Хаберланд воспринял эту форму несколько механически: он не учел того, что довольно тонкий купол построенной им церкви имел больший диаметр и был другой формы, а поэтому он не мог выдержать нагрузки фонарика. Действительно, через некоторое время фонарик провалился внутрь; восстановлен он не был, и Катлакалнская церковь в связи с этим многое утратила в чисто художественном отношении.

Церковь в Катлакалне явилась последней крупной постройкой, созданной Хаберландом; вместе с тем она оказалась также последним значительным зданием, возведенным в духе того течения, которое было названо «бюргерским классицизмом» Риги. После этого зодчество города начинает развиваться по иному руслу, о чем речь будет идти дальше, а «бюргерский классицизм» как некое самостоятельное течение стал в Риге исчезать. Поэтому можно считать, что Катлакалнская церковь явилась как бы конечным результатом непродолжительного, но яркого развития этого течения.

Особенности «бюргерского классицизма» Риги показывают, что Хаберланд, этот наиболее выдающийся представитель рижского зодчества конца XVIII в., воспринял лишь некоторые самые общие принципы классицизма XVIII в. Они служили для Хаберланда отправной точкой в создании архитектурной композиции здания, были средством гармонизации отдельных частей постройки. Но никогда ведущие принципы классицизма не выступали в творчестве Хаберланда во всей полноте — как единство определенной формы и определенного содержания. Это тем более очевидно, что до конца своих дней он не мог отрешиться от барочных приемов построения архитектурных деталей¹. В то время как

¹ В связи со сказанным выше в лучшем случае странной кажется попытка доцента А. Бирзеника сопоставить Кр. Хаберланда с выдающимся русским архитектором В. И. Баженовым — виднейшим представителем русского классицизма — на том основании, что оба они в период обучения за границей испытали, по словам А. Бирзеника, влияние французского «аристократического классицизма», в связи с чем, мол, «в творениях обоих мастеров нетрудно заметить известную близость» (А. Birzēnieks. Rīgas baroka un klasicisma laikmeta pilsoņu namu fasādes kompozīcijas rašanās, в кн.: Ученые записки Латвийского гос. унив-та, т. XXI, стр. 93). При этом А. Бирзеник, правда, признает, что Баженов работал в совсем других условиях, решая «большие задачи общественного характера», круг же задач Хаберланда был значительно уже и его заказчиками выступали лишь магистрат и зажиточные бюргеры Риги. Однако констатация этих неоспоримых истин сопровождается следующим умозаключением: «Зато Хаберланду удалось за проведенные в Риге двадцать лет осуществить все замыслы, а о грандиозных планах Баженова говорят лишь рисунки и макеты» (там же, стр. 93, 95).

Жилая застройка в районе ул. Миешнику.

классицизм второй половины XVIII в. идет путем воспроизведения художественных форм античности, отвергая все созданное в эпоху средневековья как нечто «неразумное», «бюргерский классицизм» Риги, напротив, твердо придерживался многих традиционных старых приемов. Даже в Катлакалнской церкви главным декоративным пятном остается портал, имеющий почти барочную пластику; формы карнизов и наличников по-прежнему измельчены и сплюснуты. Все это характеризовало некоторую половинчатость «бюргерского классицизма» Риги конца XVIII в. даже с чисто формальной точки зрения.

Подводя итоги характеристики некоторых произведений «бюргерского классицизма», нужно отметить, что в рижской архитектуре эпохи просветительства он явился закономерным явлением. Поскольку основная масса рижских бюргеров восприняла идеи просветительства весьма поверхностно, выбирая лишь те стороны их, которые не грозили бюргерам ни уменьшением доходов, ни утратой их привилегий в пользу «необразованных» латышей и русских, постольку и в бюргерской архитектуре Риги конца XVIII в. идеи классицизма не могли найти последовательного отражения. Тем не менее многие жилые здания, построенные в духе рижского «бюргерского классицизма», послужили основой для изменения средневекового облика города и в то же время явились основным звеном, связавшим полуготическую застройку Старой Риги с отдельными выдающимися произведениями эпохи классицизма.

Немалой заслугой представителей этого направления, и особенно Хаберланда, нужно считать создание нового художественного облика жилых домов, общественных и культовых сооружений. Правда, идейно-образное содержание этих построек отличалось индивидуализмом, показным преклонением перед господствовавшей в Европе просветительской идеологией, но тем не менее в облике сооружений Риги конца XVIII в. можно видеть некоторые черты, даже перешедшие в архитектуру последующего периода. Большинство жилых зданий начало создаваться по типу доходного дома, резко отличавшемуся от типов средневекового жилища; в общественных зданиях появляются большие залы; в облик культовых построек начинают проникать черты светской архитектуры и т. п.

Однако зодчие — представители «бюргерского классицизма» еще не могли перейти к пространственной разработке произведения архитектуры и основное внимание в своих исканиях уделяли главным образом только плоскости фасада здания; это, в частности, отрицательно сказалось на таком замечательном произведении, как Катлакалнская церковь. Кроме того, в условиях тесной застройки Старой Риги зодчие были весьма ограничены в выборе композиционных приемов, и поэтому отдельная архитектурная деталь являлась основным средством выразительности. Архитекторы создавали сдержанный или

богатый, спокойный или динамичный облик здания, не пользуясь пластической обработкой стен, игрой архитектурных объемов или масс, но лишь различным образом трактуя архитектурные детали.

Наряду с этим при проектировании каждого из зданий, созданных представителями «бюргерского классицизма», решалась главным образом какая-то частная задача, поэтому по своим архитектурно-художественным качествам эти здания далеко не всегда поднимались выше уровня средних произведений эпохи классицизма.

V

ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА ПРЕДЕСТИЙ РИГИ В XVIII в.

Говоря о становлении принципов классицизма в рижском зодчестве, нельзя обойти молчанием тот факт, что в конце XVIII в. эти принципы начали проникать во все области строительства Риги. В так наз. «казенном строительстве» и в бюргерской архитектуре классицизм развивался более или менее квалифицированными зодчими и отражал взгляды господствующих классов. Но наряду с этим в Риге имелось еще одно течение в развитии архитектуры, которое было связано со строительной деятельностью средних и беднейших слоев населения. До недавнего времени эта область строительства обычно исключалась исследователями из истории архитектуры и поэтому оставалась почти не изученной¹.

Беднейшие и средние слои населения Риги жили в основном в предместьях, в небольших одноэтажных домиках, которые по своему типу напоминали жилые дома латышских крестьян и составляли основную массу зданий форштадтов. Строились они, по всей вероятности, отнюдь не самыми дорогими мастерами и подмастерьями рижских строительных цехов, а иногда, возможно, возводились и самими домохозяевами. Эти жилые дома отличались известным единством художественного облика, который оказал немалое влияние на характер рижского зодчества и в дальнейшем, а поэтому их изучение приобретает определенный научный интерес.

При застройке рижских предместий по планам, составленным в

¹ Первые работы, посвященные типам жилых домов беднейших слоев городского населения Латвии, фактически появились лишь в самое последнее время (см. упомянутую уже выше статью П. Берзкална «Развитие основных типов малого дома городов Латвийской ССР от XVII до середины XX вв.», опубликованную в 1957 г., а также появившуюся годом позже другую его статью — «Latvijas mazās dzīvojamās ēkas XVII gadsimtā», напечатанную в «Ученых записках Латвийского государственного университета», т. XXI).

Вид на Петербургское предместье Риги
со стороны Старого города.

Картина И. Шульца начала XIX в.

1769 г., здесь выростали именно такие жилые дома. Если сравнить масштабы строительства, проводившегося в последней четверти XVIII в. в Старом городе и в рижских предместьях, то можно увидеть, насколько широко распространились в Риге подобные жилые дома. В 1777 г. Рижская инженерная команда сообщала, что «в городе имеется обывательских домов 687, шпиклеров 109, а в форштате по здешней стороне реки Двины внутри полисадника до 450 домов»¹, т. е. в Старом городе жилых домов было в полтора раза больше, чем в предместьях. Но ровно через 20 лет это соотношение изменилось коренным образом. В 1797 г. О. Гун писал, что «внутри города, обнесенного стенами, с исключением церквей, казенных и публичных зданий, считается 703 частных домов, из коих 34 находятся на казенной, а 620 на городской земле»; в то же время «в предместьях, обнесенных палисадом, по сю сторону Двины считается 1246, а в предместии по ту сторону реки 613 деревянных домов»².

Следовательно, в Старой Риге с 1777 по 1797 г. было построено 16 новых домов (не считая возведенных на месте старых зданий), в предместьях же, без левобережной части, — почти 800 жилых домов. Иначе говоря, каждый год в предместьях строилось около 40 новых деревянных зданий. Естественно, что к концу XVIII в. форштадты стали играть гораздо бóльшую роль в облике всей Риги, чем прежде.

¹ См. приложение 2, стр. 364.

² О. Гун. Топографическое описание Риги . . . , ч. I, стр. 41, 43.

Таким образом, к концу XVIII в. предместья Риги в значительной степени изменили свой облик, тогда как Старый город сохранил свой исторически сложившийся характер. Это предопределило различное отношение современников к рижским предместьям и к Старой Риге. Так, например, в цитированной выше брошюре «Примечание о городе Риге», выпущенной в свет в 1798 г. в Москве, говорится: «Форштадты имеют милый вид. Дома все деревянные, небольшие, но приятного вида и чистой отделки, покрытые все (так, как и в городе) черепицею. Улицы широкие, и мостовая из мелких камней»¹. Того же мнения придерживался Оттон Гун, который, оценивая обе части Риги с точки зрения врача, указывал на удовлетворительные, по его мнению, санитарно-гигиенические условия жизни в предместьях, где «по причине длинных и широких улиц, многих садов и низких домов воздух везде свободно проходит»². Зато о Старом городе, сохранившем свой средневековый облик, Гун писал, что он «составляет не очень приятное местопребывание. Косые, узкие, короткие улицы, высокие и узкие дома, единообразие в строении и недостаток в открытых местах причиной тому, что приезжающие из деревень или малых городов чувствуют чрезвычайную тесноту»³.

Эти высказывания весьма знаменательны. Они указывают на ряд существенных моментов: во-первых, на характерную для эпохи просветительства нетерпимость к наследию средневековья и на явное предпочтение, которое отдавалось регулярно-рационалистическим системам планировки городов; во-вторых, на прямые следствия осуществления екатерининских реформ, после которых начало бурно расти население Риги, а вместе с тем и предместья стали приобретать большее архитектурно-планировочное значение; наконец, в-третьих, на то, что населенные в основном русскими и латышами предместья, к которым еще так недавно немецкое бюргерство Риги относилось с презрением и даже с ненавистью, в конце XVIII в. оцениваются (*немцем* Гуном) в некоторых отношениях даже выше, чем Старый город.

Разница в отношении современников к предместьям и к Старому городу объяснялась, как видим, прежде всего тем, что предместья имели особую, соответствовавшую передовым идеям градостроительного искусства планировочную структуру и были застроены небольшими, окруженными зеленью домами, тогда как Старая Рига сохраняла свою средневековую планировку и средневековые принципы застройки.

Интенсивное строительство, осуществлявшееся в рижских предместьях в конце XVIII в., а также положительная оценка современниками именно этих районов города заставляют остановиться на типах соору-

¹ Примечание о городе Риге, стр. 6.

² О. Г у н. Топографическое описание Риги . . . , ч. I, стр. 46.

³ Там же, стр. 47.

Жилая застройка левобережной части Риги.

Рис. И.-Х. Бротце 1796 г.

жений, составлявших в предместьях основной жилой фонд. Кстати, небольшие жилые дома такого же типа начали использоваться в XVIII в. и в качестве загородных домов рижских бюргеров. Эти «Höfchen», которые были расположены преимущественно вдоль так наз. Ивовый плотины, имели весьма привлекательный вид; они строились «внутри садов, так что они с аллеи не видны, но многие сады видны с аллеи в решетчатый забор»¹, и были значительно удалены от проезжей дороги. В конце XVIII в. некоторые из таких жилых домов превращаются в нечто напоминающее дома дворянской усадьбы, особенно в отношении художественного убранства фасадов и решения интерьеров здания².

Типы жилых домов, распространенных в застройке предместий Риги в конце XVIII в., представляют большой интерес еще и потому, что они по своей композиции тесно связаны с жилыми домами латышских крестьян и, с другой стороны, оказали значительное влияние на строительство небольших общественных зданий в конце XVIII и в начале XIX в.

Отличительными чертами зданий этого типа можно считать следующие: трехчастное построение плана; размещение отопительного центра, передней и подсобных помещений в среднем звене дома; расположение дома длинной стороной параллельно улице; небольшая этажность (один этаж, реже полтора — когда под жилые использовалось чердачное пространство или устраивался мезонин); наконец, использование в качестве основного строительного материала дерева. Самой

¹ Примечание о городе Риге, стр. 23.

² Н. P i a n g. Alt-Rigasche Höfchen. В кн.: Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen, VI. Riga 1912.

распространенной конструкцией являлся сруб, иногда применялась стоечная конструкция (фахверк); в редких случаях дома такого типа возводились из камня. В городской застройке эти здания почти никогда не ставились вплотную друг к другу; в разрывах между ними очень часто располагался въезд во двор.

Для того чтобы полнее оценить все изменения, происшедшие в предместьях Риги во второй половине XVIII в., следует полностью учитывать историческое значение этих изменений.

Как указывал, опираясь на архивные источники, Ю. Самарин, в XV в. в предместьях Риги жили латыши и немцы — ремесленники, подмастерья, домашние слуги, а также члены Ордена и духовные лица. Наряду с этим, по словам Самарина, «форштаты сделались приютом тех людей, которым строгие воспретительные меры закрывали законные меры снискивать себе пропитание, или которые предпочитали выгоды и опасности запрещенных промыслов честному труду... Ельтерманы никогда не называли их иначе как бродягами или сволочью, а дома их, амбары, бани, постоялые дворы — вредными или небывальными строениями»¹. В 1502 г. магистрат и Большая гильдия даже постановили в течение 3 месяцев уничтожить все постройки, возведенные вокруг крепостных стен. Однако выполнить это постановление тогда, видимо, не удалось. В 1582 г., когда Рига подпала под власть Польши, рижане самочинно уничтожили некоторые постройки в предместьях возле замка, однако король Стефан Баторий разрешил застраивать форштадты и впредь, но только деревянными зданиями без погребов и на достаточном расстоянии от крепостной стены. Несмотря на это, в 1621 г., в период осады Риги шведами, форштадты были в конце концов полностью выжжены рижанами.

На гравюре Н. Моллина, изображающей Ригу в 1612 г., хорошо видна застройка отдельных частей предместий, появившихся, очевидно, после 1582 г. и просуществовавших до 1621 г. Здесь было расположено много зданий, почти не отличавшихся от жилых домов, возведенных внутри собственно города. Эти здания располагались вдоль нескольких длинных улиц в основном в так наз. Ластадии — там, где позднее сложилось Московское предместье. Большинство этих зданий не было окружено забором: по всей видимости, это были те амбары, о которых упоминает Самарин. Строения, огражденные палисадами и имевшие небольшие участки, очевидно, были жилыми². Характерно, что почти все

¹ Ю. Ф. Самарин. История Риги. В его кн.: Соч., т. VII, стр. 342.

² По мнению П. Ю. Берзкална, эти здания и здания бюргеров внутри Старого города должны были иметь также и родственную планировочную структуру — это был тип двухкамерного дома с входом в торцевой части, в котором переднее помещение служило для торговли или работы, а заднее — жильем (см. P. Bērzkalns. Latvijas mazās dzīvojamās ēkas XVII gadsimtā, в кн.: Ученые записки Латвийского гос. унив-та, т. XXI, стр. 73).

Застройка левобережной части Риги домами «крестьянского» типа.

Фрагмент гравюры Н. Моллина 1612 г.

такие здания имели два этажа, причем верхний этаж, судя по большим окнам, был жилым. Некоторые постройки увенчивались ступенчатыми щипцами.

Отдельные районы предместий, судя по гравюре, отличались другим характером застройки. Здесь здания стояли на окруженных частоколом изолированных участках, размеры, форма и взаимное расположение которых были весьма разнообразными. На участках без определенного порядка располагалось по нескольку построек. В большинстве случаев (как это видно по отдельным сооружениям, изображенным на первом плане гравюры Моллина) это были деревянные здания, рубленные из круглого леса, крытые дощатой двускатной кровлей. Часть жилых зданий имела дымоход, другие, видимо, были курными. Окна у этих домов были небольшими. Три-четыре расположенных рядом меньших здания предназначались, вероятно, для хозяйственных нужд (клетки, бани, хлева). Вместе с тем характерно, что некоторые подобные постройки примыкали одна к другой. Они имели одну общую продольную стену, но каждая — свою крышу, в результате чего образовывалась композиция, родственная так наз. русской клетки-двойне и в то же время напоминающая принцип объединения средневековых бюргерских жилых домов, обращенных своим торцом к улице¹.

¹ П. Ю. Берзкалнс полагает, что такая композиция образовалась в результате последующих пристроек, хотя и являлась типичной в застройке предместий (см. P. Bērzkalns. Latvijas mazās dzīvojamās ēkas XVII gadsimtā, в кн.: Ученые записки Латвийского гос. унив-та, т. XXI, стр. 73).

В домах этого типа несомненно проявились черты латышского народного — крестьянского жилища. На это указывает не только сруб, не только маленькие окошки, дощатая кровля и т. д., но также тенденция возводить для хозяйственных нужд несколько отдельностоящих построек. Однако изображения этих зданий на гравюре Моллина не дают возможности сделать вывод, что в жилых домах уже образовалось тройное членение, характерное для зданий, распространенных в предместьях в XVIII в. В начале XVII в. в зданиях, вероятно, было лишь одно жилое помещение, примыкавшее к кухне; вход в дом располагался сбоку либо с торца.

Наряду со зданиями этих двух основных типов — родственными средневековым жилым домам, расположенным внутри городских стен, и родственными жилищам крестьян, — в предместьях имелись дома еще одного типа, занимавшие как бы промежуточное положение между зданиями двух названных типов. Для этого третьего типа жилья было характерно то, что на участке располагались лишь две постройки, стоявшие параллельно одна другой. Между постройками образовывалось более или менее значительное свободное пространство; иногда это был обширный двор, окруженный частоколом. Сами постройки были небольшими — в один этаж. Одна из них, с трубой, являлась жилой, другая, без трубы, — хозяйственной. Обе постройки были обращены к улице торцами, но, в отличие от зданий первой группы, не имели высокого щипца.

Итак, в результате анализа гравюры Моллина можно заключить, что в начале XVII в. в застройке предместий Риги господствовали два принципа, один из которых брал свое начало в городском зодчестве Риги, другой — в латышской народной архитектуре. Их взаимодействие привело к образованию промежуточного типа жилья, который, однако, до сих пор почти не был изучен.

Другие изображения Риги XVII в., как правило, не показывают застройки предместий. Это объясняется тем, что в 1621 г. предместья были уничтожены, в 1652 г. заново перепланированы, а в 1656 г. вновь подверглись опустошению во время осады Риги войсками царя Алексея Михайловича. Вероятно, именно поэтому вплоть до самого конца XVII в. на гравюрах и планах в предместьях Риги изображаются преимущественно сады и огороды горожан, и лишь на рубеже XVII и XVIII вв. отдельные изображения Риги показывают, что предместья вновь были застроены различными сооружениями. Следовательно, лишь во второй половине XVII в. началась новая полоса застройки предместий, с которой, очевидно, и следует связывать появление в Риге трехчастных жилых зданий.

Здесь небезынтересно остановиться на двух обстоятельствах. Первое относится к застройке провинциальных городов Латвии в первой

Застройка предместий Риги в районе Ластадиņи.

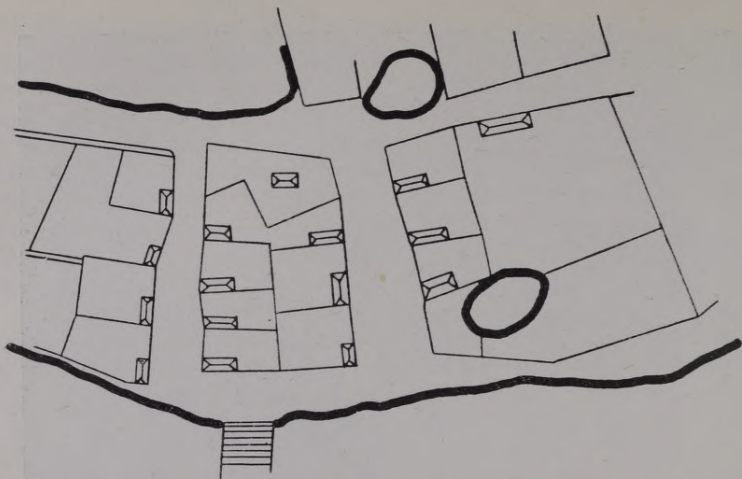
Фрагмент гравюры Н. Моллина 1612 г.

половине XVII в., второе — к изображениям частей рижских предместий на геодезических планах конца XVII и начала XVIII в.

Адам Олеарий, посетивший Латвию в 1633 г., писал, что после сильных разрушений, причиненных в период Ливонской и польско-шведской войн городу Валмиере (Вольмар), «жители поправляют его и на прежних каменных остатках разрушенных бывших домов возводят свои деревянные жилища по образцу русских и шведских изб»¹. Если учесть, что для русского жилища с древнейших времен характерно трехчастное построение плана, то можно предположить, что именно в этот период, т. е. в период восстановления городов в Прибалтике в первой половине XVII в., здесь стали появляться трехчастные жилые дома.

Конечно, трехчастные жилые дома в Латвии нельзя полностью отождествлять с русскими жилыми домами, поскольку они имели, наряду с общими чертами, и принципиальные отличия. Одним из важнейших отличий было то, что в русском доме среднее звено не было отапливаемым и представляло собой лишь связующее помещение — сени, в латышском же доме, напротив, оно было древнейшим ядром жилища

¹ А. Олеарий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию... Москва 1870, стр. 12.

Фрагмент плана предместий
Риги в районе Коброншанца.
Чертеж рубежа XVII и XVIII вв.

и именно здесь располагался очаг, а правая и левая половины — «изба» и «каморы» — появились позднее¹.

На нескольких сохранившихся в так наз. «землемерном архиве» планах частей рижских предместий, фиксирующих распределение земельных участков вне укреплений Риги в конце XVII — начале XVIII в., показано расположение многих жилых зданий. Например, на плане, изображающем застройку на левом берегу Даугавы в районе Коброншанца², можно видеть, что здесь существовали в основном два приема расположения домов на участках — жилой дом либо был обращен к улице своим торцом, либо же был расположен параллельно улице, причем в обоих случаях фасад дома примыкал к красной линии. На другом плане, показывающем застройку на окраине города вдоль дороги на Полоцк³, видны участки, на которых здания почти во всех случаях стоят параллельно улице, однако многие из них отдалены от красной линии.

Такое построение предместий свидетельствует о кристаллизации новых принципов застройки. Оно показывает, что от размещения домов по-старому, узкой стороной к улице, постепенно отказывались, рас-

¹ См. А. Bielenstein. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, I. S. Petersburg 1907.

² Charte der Land-Vogtey- und Übersetzer-Länder, bey dem Thorn (АГАР, землемерный архив, д. 8).

³ Geometr. Abriss über Kruusragge, Bartelshoff und Lepings Plättze, der Stadt Riga unter Jungferhoff gehörig (АГАР, землемерный архив).

полагая здания параллельно улице. Этот последний прием, видимо, был непосредственно связан с применением трехчастного типа жилого дома, который был наиболее приспособлен именно для такого размещения, так как в трехчастных домах обычно имеются два противоположащих один другому входа, которые оба ведут в среднее звено здания — один со стороны улицы, другой — со двора. Такой принцип размещения входов, как известно, широко распространен также в латышском крестьянском зодчестве, например в курземских и земгальских жилых домах; среднее звено дома — «namс» — здесь имеет непосредственную связь с двумя дворами — чистым и хозяйственным, которые примыкают к дому с двух противоположных сторон. Вполне понятно, что пока здания в предместьях располагались вдоль боковой границы участка и были обращены к улице торцом, где нередко размещался вход в жилой дом, — до тех пор здания, имеющие тройное членение плана, не могли найти широкого распространения в застройке города¹.

Для латвийских трехчастных жилых домов было весьма характерно применение в качестве отопительного центра трубы-кухни. Как известно, особенно широкое распространение она получила в Латвии начиная с XVII в. В городских жилых домах эта труба членила центральное звено дома («намс») на две части: в одной помещалась передняя, куда вел вход с улицы, в другой — подсобное помещение — сени, выход из которых вел прямо во двор в глубину участка.

В связи с вопросом о происхождении трехчастных жилых домов, распространенных в застройке рижских предместий в XVIII в., можно указать на несколько фактов, но окончательного суждения пока еще вынести нельзя, ибо для решения этого вопроса требуются специальные научные изыскания.

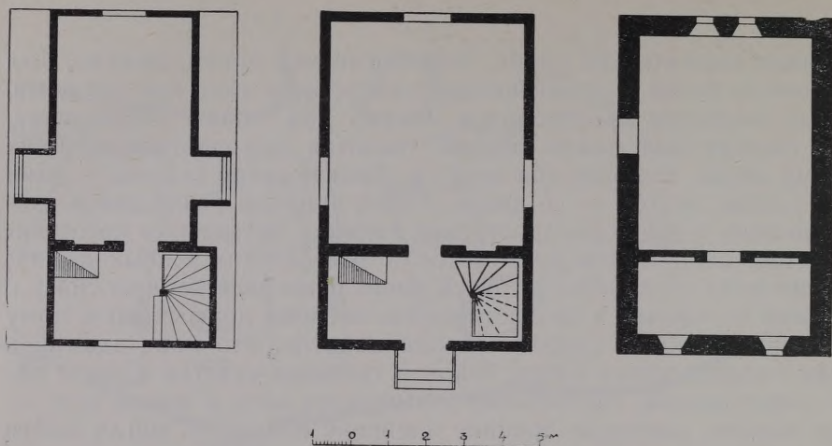
Следует отметить, что очень сходные по своей композиционной структуре трехчастные жилые дома с трубой-кухней были распространены в XVIII и XIX вв. не только в Риге и не только в малых городах Латвии. Область их распространения была несравненно шире — она охватывала также Эстонию, Литву², Восточную Пруссию³; к таким домам примыкает также так наз. нижнесаксонский подтип жилого дома⁴. Однако существенно важно и то, что трехчастный тип дома имеет не-

¹ П. Ю. Берзкалн, внимательно анализируя графические материалы и планы географической съемки Риги в конце XVII в., также пришел к выводу, что трехчастный дом появился здесь только в конце XVII в. (см. P. Bērzkalns. *Latvijas mazās dzīvojamās ēkas XVII gadsimtā*, в кн.: Ученые записки Латвийского гос. унив-та, т. XXI, стр. 76).

² Материалы о жилых домах Эстонии и Литвы см. в кн.: Прибалтийский этнографический сборник. Изд. АН СССР, М. 1956.

³ См. R. Dethlefsen, *Stadt- und Landhäuser in Ostpreussen*. München 1918.

⁴ См. H. Müt her. *Baukunst in Brandenburg bis zum beginnenden 19. Jahrhundert*. Dresden 1955.

Планы жилого дома XVIII в. (тип А) на острове Вейзаксала в Риге.
Обмерный чертеж.

которые общие принципиальные черты с развитым типом латышского крестьянского жилища. Авторитетный исследователь латвийских городских домов этого типа П. Ю. Берзкалнс сделал, например, прямой вывод, что появление «зданий с центральными сенями (priekšpams) и помещениями в обоих концах дома... было, вероятно, связано с проживанием небогатых горожан в особых отдельностоящих зданиях вне городских укреплений. Их рабочее помещение было в другом месте, и свой дом они строили по крестьянскому обычаю в отношении как плана, так и объема»¹.

Однако следует различать несколько разновидностей этих типов жилых домов, которые в одних случаях больше приближаются к латышскому крестьянскому жилищу, в других — к нижнесаксонскому и т. п. При предварительном условном разграничении этих вариантов можно выделить три основные группы.

Первая группа (тип А) характерна тем, что здесь еще не образовалось полного трехчастного членения. Здание имеет небольшую переднюю-кухню, где расположены очаг и лестница, ведущая в чердачный этаж, а также гораздо большую комнату — «избу», которая являлась основным жилым помещением. В крестьянском зодчестве к такому типу относится, например, перенесенный сейчас в Латвийский этнографический музей жилой дом с хутора Скалды². В городе дома такого типа

¹ P. Bērzkalns. Latvijas mazās dzīvojamās ēkas XVII gadsimtā. В кн.: Ученые записки Латвийского гос. унив-та, т. XXI, стр. 76.

² Государственный музей народного быта Латвии. Краткий путеводитель. Рига 1950, стр. 50.

населяли главным образом беднейшие горожане. Очевидно, именно такие дома имеет в виду О. Гун, указывая, что они «весьма малы и тесны, и большею частью состоят из двух комнат, которые... заняты частью многими людьми, а частью, как в оных наиболее ремесленники живут, служащими к рукоделиям их снарядами»¹. На древность происхождения такого дома указывает то, что вход здесь нередко располагался с торца. По этому типу строились иногда также и пригородные усадьбы (Höfchen).

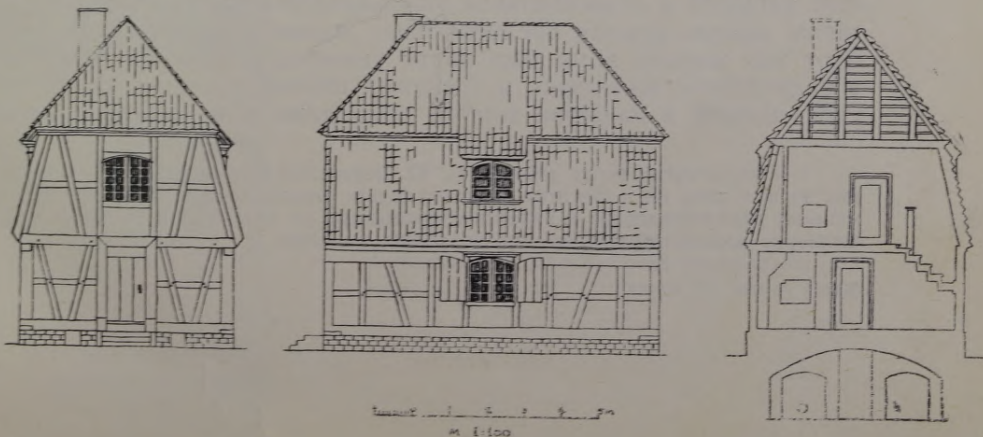
Вторая группа (тип Б) имеет трехчастное членение. В центре расположен очаг, в двух боковых частях — жилые помещения. Этот тип имеет несколько вариантов, которые следует разграничивать по большей или меньшей регулярности жилого дома, по большей или меньшей величине центрального звена. В тех случаях, когда это звено не разделено трубой-кухней на переднюю и заднюю половины, образуется жилище, примыкающее к латышскому крестьянскому типу жилого дома, в других случаях оно ближе к нижнесаксонскому типу. Однако первый случай встречался в городском зодчестве, очевидно, довольно редко — только тогда, когда одна из частей дома не являлась жилой и использовалась для каких-либо хозяйственных нужд. Основным был второй вариант, поскольку здесь обе половины жилого дома непосредственно примыкали к трубе-кухне, а следовательно, могли быть отапливаемыми и жилыми. Это решение, конечно, было более выгодным, и именно оно получило в городах Латвии широкое распространение.

Третья группа (тип В) — наиболее развитый и крупный тип жилья. Здесь по сути дела имеет место блокировка двух домов трехчастного плана. В результате изменился общий план здания: среднее звено, хотя в нем и сохраняется место для трубы-кухни, переоборудовано, так как труба-кухня стала члениться пополам, а к крайним жилым частям начали с наружной стороны пристраиваться дополнительные боковые «ка-

¹ О. Гун. Топографическое описание Риги..., ч. I, стр. 43.

Фасады и разрез жилого дома на острове Вейзаксала.

Обмерный чертеж.

Жилой дом XVIII в. (Höfchen) под Ригой.

Рисунок И.-Х. Бротце 1793 г.

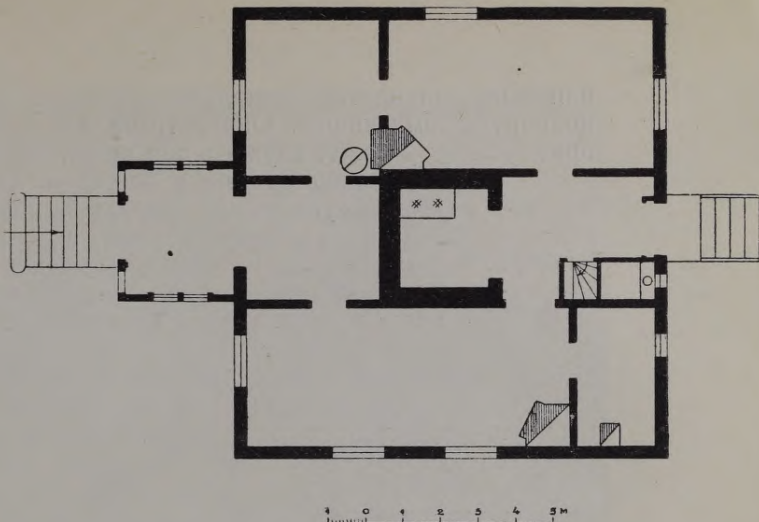
моры». Иногда такой жилой дом блокировался с административными или хозяйственными постройками. По такому плану была построена, например, так наз. Екатерининская школа в предместье Риги, являвшаяся очень интересным в типологическом отношении сооружением¹.

Важно отметить, что трехчастные жилые дома благодаря созданным в них лучшим бытовым условиям жизни, рациональному распределению внутренних помещений, сравнительной простоте конструктивного решения и относительной экономичности являлись более удобным типом жилья, нежели средневековые жилые дома рижских бюргеров. Этот тип жилого дома был почти универсальным. Он использовался и беднейшими жителями, и средними слоями горожан, более того, он употреблялся в качестве жилого дома даже в некоторых помещичьих

¹ В упомянутых выше работах П. Ю. Берзкална рассматриваются, кстати, только два первых типа (А и Б); этим, однако, нельзя ограничиваться: хотя третий тип имел меньшее распространение и являлся производным от типа Б, тем не менее он был качественно новым типом дома, что позволяет выделить его в особую группу.

План дома (Höfchen)
XVIII в. (тип В) на
ул. Буллю.

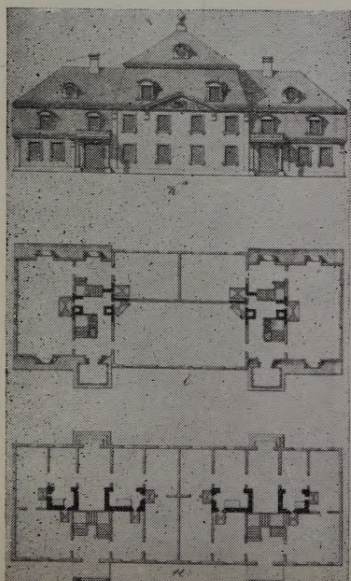
Обмерный чертеж.

усадьбах¹. Подобные здания весьма характерны для малоэтажной застройки XVIII—XIX вв. в большинстве городов Латвии.

Объемно-пространственная схема таких зданий была очень ясной. Она слагалась из почти нерасчлененного параллелепипеда стен, возвышавшихся лишь на одну треть общей высоты дома, и высокой черепичной крыши. Основным декоративным пятном жилого дома являлся портал, где двери зачастую были отделаны богато и разнообразно. Тот же самый тип сооружения сохраняется нередко не только в деревянных зданиях, но и в домах, построенных из камня. В городе Вентспилсе,

¹ См. А. Крумиņš. Par kādu teoriju Latvijas arhitektūras vēstures zinātnē. В кн. Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I, стр. 14.

Фасад и планы Екатерининской (русской)
школы (тип В) в рижских предместьях.

Чертеж М. Шонса 1800 г.

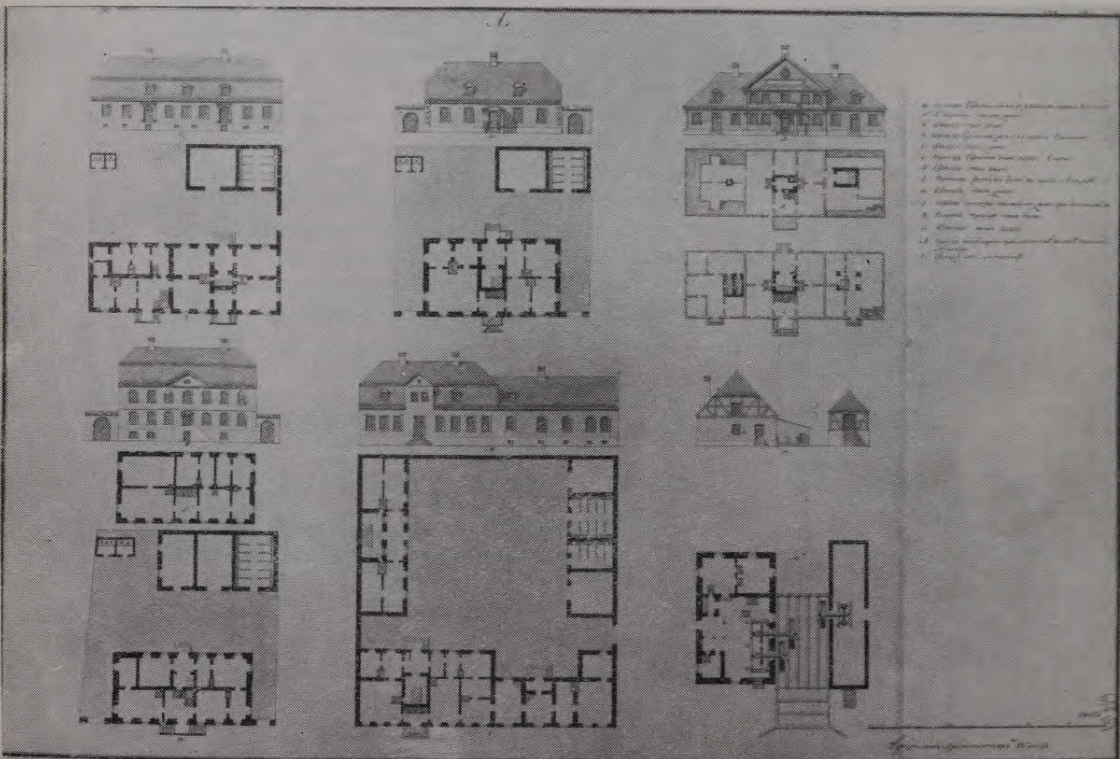
например, находится несколько каменных зданий XVIII в., имеющих подобную композицию. Она встречалась и в застройке Старой Риги, примером чему может служить дом на ул. Сенатнес.

Когда строились здания с большим числом комнат (типы Б и В), что вызывало увеличение длины здания, то при сохранении характера построения общего объема использовались иные средства, подчеркивавшие ось симметрии и роль портала в композиции дома. Здания получали небольшой навес над входом, иногда в центре сооружения над карнизом появлялся фронтонычк. Кроме того, по сторонам от центрального фронтонычка встречаются иногда симметрично расположенные слуховые окна. В результате этого каждая часть дома, соответственно его тройному членению, как бы приобретала свою композиционную ось, подчиненную главной.

Введение в декоративное убранство здания фронтона, вероятно, явилось результатом влияния классицизма, который начиная с конца XVIII в. все глубже проникает в строительную культуру Латвии. Его воздействие выражалось главным образом в новом решении отдельных элементов сооружения, тогда как основная объемно-пространственная схема здания оставалась прежней. В то же время в результате влияния классицизма обогатился язык архитектурных форм, отдельные элементы

Планы и фасады казенных зданий в Цесисе, Валмиере, Валке, Лимбажи, Даугавпилье, Слоке.

Чертеж М. Шонса 1800 г.

Жилой дом во дворе бывш. усадьбы (Höfchen) Гартмана по ул. Калнциема, 28.

композиции жилого дома приобрели большую ясность и выразительность, появилось много возможностей для образования новых типов зданий.

Тип одноэтажного трехчастного дома соответствовал невысокому уровню жизненных потребностей, когда 3—5 комнат могли полностью удовлетворить все нужды мелкого ремесленника и торговца. С развитием производительных сил, с расширением производства и торговых операций, естественно, возрастали также и бытовые потребности людей. Соответственно этому не могло не измениться жилье горожан, которое, кроме того, выполняло функции производственного помещения мелкого ремесленника или лавки купца. Производственные и жилые помещения все больше дифференцировались. Первые старались приблизить к улице, к посетителям, вторые, наоборот, — удалить от шума и от посторонних глаз, помещая их в верхних этажах и в задних частях дома. В зодчестве провинциальных городов встречается ряд очень интересных решений этой проблемы.

Простейшим выходом для устройства дополнительных жилых комнат было использование чердака. Исторически сложившийся тип жи-

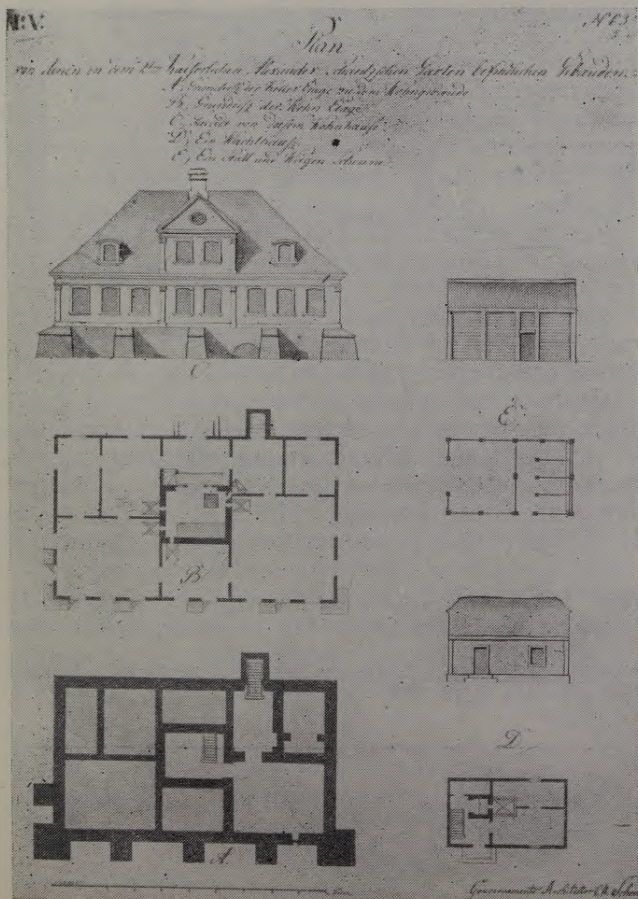
Жилой дом XVII—XVIII
вв. на ул. Сенатнес.

лого дома оказался для этого весьма удобным, ибо высокая крыша позволяла оборудовать в чердачном пространстве достаточное количество жилых помещений различного размера. Первоначально размещение некоторых комнат на чердаке не изменило общей структуры жилого дома. Чердачные помещения освещались через окна, прорубленные в щипце дома, и поэтому их появление никак не отразилось на композиции главного фасада сооружения. В сенях, рядом с центральным входом, размещалась лестница, которая вела на верхний этаж. Это лишь подчеркивало основную функцию сеней как связующего помещения при

сохранении прежней планировки здания. Тем не менее устройство жилых комнат на чердаке привело в дальнейшем к некоторым переменам в объемно-пространственном построении жилого дома.

Наличие жилых помещений, расположенных на чердаке у торцов здания, должно было вызвать появление дополнительных световых проемов для освещения темного пространства между ними. Так, в кровле над главным входом стали делать небольшое окно, освещавшее верхние части лестницы. Однако наиболее существенные изменения композиционной структуры сооружения произошли тогда, когда вместо окна, освещавшего верхние части лестницы, над сенями дома была устроена небольшая светелка, крытая на два ската. Для этого потребовалось надстроить наружную стену в центре дома, что утвердило вертикальную ось в композиции здания. В результате образовалась новая схема фасада, которая нередко встречалась в композиции жилых домов, строившихся не только в предместьях, но и в Старой Риге.

Жилые здания во 2-м «царском» (Александровском) саду.
Чертеж М. Шонса 1800 г.

Наличие центрального выступа крыши создало сильный акцент по оси симметрии здания. Убранство центра здания в период расцвета классицизма приобретает в композиции жилого дома ведущее значение. Путем последовательных изменений центральный выступ крыши объединяется пилястрами с частью стены первого этажа, расположенной под ним. Это приводит к включению классического портика в исторически сложившуюся композицию сооружения¹. В Риге было построено несколько пригородных усадеб именно этого типа.

Здесь нет необходимости останавливаться на подробном описании отдельных стадий развития этой новой схемы фасадной композиции жилого дома. Важно лишь подчеркнуть, что классическая ордерная система органически вошла в исторически сложившуюся схему архитектурного оформления малоэтажного городского жилья в Латвии и явилась логическим завершением его композиции.

Включение ордерной системы в композицию дома с центральным выступом крыши было лишь одним путем развития сооружений этого типа. Другой путь привел к появлению обычного мансардного дома с соответствующей крышей, что было вызвано стремлением наиболее полно использовать чердачное помещение для жилья. Для этого нужно было создать дополнительные возможности освещения комнат, расположенных под крышей, ибо окна в торцах дома и в центральном выступе не давали должного эффекта, если здание имело большую длину. Решение этой задачи могло быть двояким: одно привело бы к образованию полного второго этажа вместо мансардного, другое, соответствуя историческим традициям, должно было привести — и действительно привело — к обычной мансарде.

Не останавливаясь здесь на остальных типах провинциальных жилых домов, носивших преимущественно локальный характер и потому имевших меньшую связь с зодчеством Риги, нужно отметить, что небольшой трехчастный жилой дом явился ведущим типом жилья в рижских предместьях точно так же, как и в провинциальных городах. Правда, в Риге нельзя достаточно отчетливо проследить его эволюцию; возможно, что она и не протекала именно в том плане, в каком была здесь представлена. Но это не имеет решающего значения, поскольку наиболее существенным является установление общих типологических черт в жилье латышского крестьянства, зодчестве латвийских провинциальных городов и застройке рижских предместий конца XVIII в.

Судя по рисункам И.-Х. Бротце², а также по архивным материалам

¹ См. Ю. М. Васильев. О происхождении некоторых художественных форм провинциального городского зодчества Латвии в XVIII—XIX вв. В журн.: «Известия АН Латв. ССР», 1955, № 1.

² J. Chr. Brotze. Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente etc.; также Senā Rīga gleznās, zīmējums un gravūrās. Rīgā 1937.

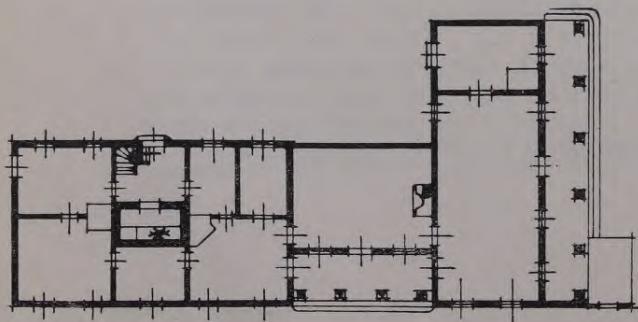

Жилой дом по ул. Калнциема, 28.

«большая труба», а объемное построение базировалось на принципах построения объема обычного трехчастного жилого дома¹. По трехчастному плану были построены в середине XVIII в. главная гауптвахта в цитадели и кордегардии при крепостных воротах.

Всё сказанное свидетельствует достаточно ярко, насколько глубоко подобный тип зданий проник в строительную культуру Латвии и Риги. Это позволяет говорить о нем как о весьма существенном явлении в архитектуре второй половины XVIII в. В нем, очевидно, наиболее полно сказались традиции народного зодчества.

¹ См. рисунки, приложенные ко второй части неоднократно упоминавшегося выше сочинения О. Гуна.

План жилого дома в бывш усадьбе Гартмана по ул. Калнциема, 28.

Итак, в то время как в Старой Риге происходит процесс формирования первых доходных домов, а в цитадели начинает складываться новый ансамбль, рижские предместья, застроенные трехчастными домиками, приобрели свой специфический облик. Лишь отдельные сооружения, особенно пригородные усадьбы (Höfchen), получили здесь формы, роднящие их с произведениями классицизма¹. Интересна в этом отношении так наз. усадьба Гартмана (ул. Калнциема, 28), где к старому типичному трехчастному дому с трубой-кухней в начале XIX в. были пристроены галереи-портики тосканского ордера, придавшие новое звучание всему сооружению². В целом общая композиция трехчастного жилого дома, особенно в случаях, когда он имел центральный мансардный выступ, была довольно близка к композиции небольших интимных особняков, создававшихся многими русскими зодчими эпохи классицизма. Это обстоятельство предопределило органическое включение типов жилища, развитых в народном зодчестве Латвии, в архитектуру классицизма, что особенно сильно начало ощущаться после того, как в Риге появились жилые здания, возведенные по «высочайше» утвержденным «образцовым» фасадам.

Таким образом, в конце XVIII в. зодчество Риги развивалось не только в русле господствующих идей классицизма, но в нем продолжали существовать и исторически сложившиеся народные традиции, которые в процессе длительной эволюции привели к естественному формированию принципов объемного построения здания, идентичных отдельным принципам пространственного решения сооружений эпохи классицизма.

Наконец, надо отметить, что распространение форм классицизма в Риге послужило основой для художественного переосмысления народных традиций. Включение в композицию трехчастного жилого дома пилястров, фронтонов, наличников и т. п. давало новое образное содержание жилищу, приводило к появлению новых художественных традиций. Поскольку эти традиции развивались главным образом народными мастерами, постольку они начали сравнительно быстро распространяться вширь и проникали в городское зодчество всей Латвии.

¹ H. Pirang. Alt-Rigasche Höfchen. В кн.: Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen, VI. Riga 1912.

² Усадьба Гартмана сохранилась поныне, однако портики в настоящее время застроены.

VI

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЛАНИРОВКИ И ЗАСТРОЙКИ РИГИ

По мере постепенного изменения общественных и экономических отношений художественная культура России вступает на рубеже XVIII и XIX вв. в новый этап своего развития. Прокатившаяся по всей стране в конце XVIII в. волна крестьянских восстаний, в том числе и восстание латышских крестьян в 1802 г. в Каугури, показала силу народных масс и выдвинула «крестьянский вопрос» на одно из первых мест. Даже лифляндское рыцарство было вынуждено обсудить на ландтаге 1795 г. проблемы, касавшиеся судеб крепостного права в Лифляндии. После вступления на престол Александра I русское самодержавие пыталось лавировать, прикрывая крепостническую сущность своей политики показным либерализмом. В целях создания в деревне опоры из среды более зажиточных крестьян, которые стали бы помощниками чиновников и помещиков в укреплении внутреннего «порядка», царское правительство издало в 1804 г. закон, несколько ограничивший произвол помещиков в Лифляндии. В дворянской культуре появляются попытки «приближения к народу», завершившиеся восстанием декабристов в 1825 г. Все это не могло не сказаться и на развитии искусства и архитектуры.

В начале XIX в. сознание связи каждого отдельного человека с обществом и с отечеством начинает ощущаться в России гораздо сильнее, чем в конце XVIII в. В передовых кругах России к искусству перестают относиться только как к «предмету украшения» и «увеселения глаза», возникает требование, «чтобы художества проповедовали нравственность и укрепляли дух народный»¹. Художники начала XIX в. ищут наиболее существенные элементы идеальной красоты в «величии» или «простоте». В этот период вызревает сознание общественной значимости искусства, что вместе с ростом национального самосознания русского

¹ См. Н. Н. Коваленская. История русского искусства первой половины XIX века, стр. 7.

народа и огромным патриотическим подъемом, вызванным борьбой против наполеоновского нашествия в 1812 г., обусловило развитие основных черт искусства начала XIX в. Черты гражданского подъема нашли свое отражение и в архитектуре России первой трети XIX столетия. Они проникли также в рижское зодчество, что было связано с рядом внутренних изменений в укладе жизни в Риге.

Раньше «просвещенное» рижское бюргерство и его идеологи упорно стремились доказать, что именно они являются проводниками культуры в Латвии. Это косвенным образом отражалось в стремлении подражать просвещенному западному миру, культура которого являлась далеким идеалом для прибалтийских помещиков и зажиточных бюргеров. Идея культуртрегерской миссии немцев использовалась господствующими классами Прибалтики для оправдания жестокой эксплуатации латышского и эстонского народов. Однако с распространением среди просветителей конца XVIII — начала XIX в. прогрессивных и даже революционных идей весь институт крепостничества в России был подвергнут уничтожающей критике, а в работах К. Снелля (1794 г.) и Г. Меркеля (1796 г.) была наглядно разоблачена и гнусная роль немецких завоевателей в ограблении и порабощении народов Прибалтики. Позднее, когда развернулась деятельность декабристов, П. И. Пестель писал о латышах в своем «Наказе Временному верховному правлению», что «находятся они в состоянии, гораздо менее благоденственном, нежели крестьяне русские», тогда как остзейские бароны, по его словам, являются лишь пришельцами, разделившими между собой «имущество и мызы народа, ими побежденного»¹. Критика со стороны просветителей нанесла тяжелый урон культуртрегерским позициям прибалтийских немцев, подчеркнув несостоятельность их притязаний.

В самом конце XVIII и в начале XIX в. произошли определенные сдвиги и во внутривластной обстановке в Прибалтике. После восшествия на престол Павла I немецкой верхушке удалось добиться осуществления своей программы-максимум — были отменены узаконения екатерининской эпохи и восстановлены старые привилегии лифляндского и курляндского рыцарства и древних городов Латвии и Эстонии. Возможно, что именно это обстоятельство сыграло далеко не последнюю роль в том, что начали ослабевать тенденции к искусственному подчеркиванию культурной автономии немецких господствующих групп. Как указывалось выше, обособление, например, художественной культуры бюргеров Риги и противопоставление ее культуре, господствовавшей в России, могло расцениваться как особая форма борьбы за возвращение утраченных политических прав. Когда же эти права были восстанов-

¹ П. И. Пестель. «Русская правда». Наказ Временному верховному правлению. СПб. 1906, стр. 42.

лены, потребность в такой борьбе должна была отпасть, теряли свой смысл и отдельные формы ее проявления. Следовательно, иссохли и политические корни, питавшие, в частности, такое направление в зодчестве Риги, как «бюргерский классицизм».

В то же время на процесс развития идейных устремлений и культуры господствующих сословий Риги не мог не оказать своего влияния и 10-летний период действия реформ в конце XVIII в. Это выразилось хотя бы в том, что изменился, несколько «разжижился» состав немецкой верхушки города. В Риге поселилось гораздо большее число русских, латышей, иностранцев, нередко довольно зажиточных, которых уже нельзя было полностью игнорировать, например при осуществлении деятельности магистрата. Известный раскол произошел даже в такой «твердыне немецкого духа», как Большая гильдия, которая была упразднена в 1786 г., а после восстановления в 1796 г. пополнилась за счет новых лиц, записанных в купеческое сословие на основе «Городового положения» 1785 г. После этого, как отмечается в «Истории Латвийской ССР», «в Большой гильдии появилась, с одной стороны, значительная группа купцов, которым были чужды старые немецкие традиции, а с другой — привилегированное немецкое купечество, которое... по всем основным вопросам поддерживало реакционную политику магистрата и немецких ремесленников»¹. Новая прослойка в гильдии была столь значительной, что в начале XIX в. смогла поднять вопрос о восстановлении в Риге «Городового положения» 1785 г.

В этих условиях не могли не произойти определенные изменения в господствовавшей в Риге культуре. Вместо ориентации на Германию, на немецкие образцы некоторые рижане начинают отмечать достижения русских и даже рекомендуют использовать эти достижения в Риге. Немало подобных рекомендаций имеется в работах Оттона Гуна.

Некоторые из замечаний О. Гуна непосредственно относятся к архитектуре. Так, говоря о церкви Петра и Домской церкви, он отмечает, что обе они «по причине тесноты места, которая везде находится в Риге, столь застроены небольшими смежными зданиями, что токмо по башням можно приметить оные». Далее Гун, как бы советуя исправить этот недостаток, замечает: «В С.-Петербурге все церкви отделены от строений, а по сей причине весьма много содействуют к украшению сего города»². В другом месте О. Гун высказывается еще более определенно; описывая шедшую вдоль Даугавы узкую улицу, на которой «две кареты не могут разъехаться без опасности», он восклицает: «Сколь желательно было бы иметь здесь набережную, подобную Санктпетербургской, которая кажется быть вечною»³. Даже касаясь строительства больничных

¹ История Латвийской ССР, т. I, стр. 434.

² О. Гун. Топографическое описание Риги..., ч. I, стр. 40.

³ Там же, стр. 15.

зданий (а в этой области Гун, бесспорно, являлся незаурядным специалистом), он не забывает отметить, что по сравнению с рижскими больницами «гораздо лучше устроены залы в С.-Петербургских гошпиталях, кои не столь широки и следовательно светлее, а сверх того снабжены высокими окнами с большими окошечными стеклами»¹.

По всей вероятности, упомянутые выше моменты и явились теми факторами, которые привели к исчезновению «бюргерского классицизма» и предопределили появление благодатной почвы для более тесного срастания зодчества Риги с ведущими тенденциями русской архитектуры начала XIX в. Этому, очевидно, способствовало также и то обстоятельство, что в конце XVIII в. в Риге появилось первый губернский архитектор, призванный проводить общегосударственную политику в архитектуре². Правда, губернские архитекторы поначалу мало влияли на развитие архитектуры частных зданий, занимаясь в основном вопросами строительства «казенных» сооружений. Однако в начале XIX в. это положение в значительной степени изменяется. Местные строительные мастера, выступавшие иногда даже в качестве авторов проектов, постепенно превращаются в обычных подрядчиков, а проектирование зданий в этот период начинает осуществляться преимущественно архитекторами-профессионалами. Проекты всех без исключения значительных казенных сооружений уже не могли осуществляться без предварительной «апробации» соответствующих властей³. Они разрабатывались обычно видными столичными зодчими и осуществлялись под непосредственным наблюдением губернских архитекторов.

В силу всего этого развитие в русском зодчестве начала XIX в. черты патриотизма и гражданственности нашли свое отражение и в образе архитектуры рижских зданий, построенных в течение первой трети XIX в. Ансамблевое строительство, первые проблески которого появились еще в конце XVIII в., превращается в этот период в основной принцип застройки города. В Риге начинают проводиться весьма существен-

¹ О. Гун. Топографическое описание Риги . . . , ч. II, стр. 69.

² Должность лифляндского губернского архитектора, как отмечалось выше (стр. 131), была утверждена в 1783 г., при утверждении «штата Рижского наместничества». Первым губернским архитектором Лифляндии был назначен уже упоминавшийся Петр-Иоганн Бокк, которого в конце XVIII в. сменил выходец из Саарбурга Матиас Шонс, сначала числившийся губернским «машинным или мельничным мастером». Шонс, однако, не был столь последовательным проводником государственной политики в архитектуре, как его предшественник и его преемники Брейткрейц (с 1805 г.) и Шпаиц (с 1820 г.), о чем можно судить по построенному им зданию Императорского лицея на Замковой площади в Риге.

³ В 1804 г., например, рижский военный губернатор, «управляющий гражданской частью в губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской», граф Буксгевден сделал предписание «о недозволении без апробации как в городах, так и в форштадтах никакое строение, ниже каковые либо перемены или поправки домов, производить» (ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1193, л. 18).

ные работы по благоустройству. Проектируются новые зеленые насаждения, на площадях появляются памятники и т. п. Все это, конечно, обогатило идейно-художественную направленность зодчества Риги и имело определенное прогрессивное значение.

Строительство Риги в начале XIX в. проходило в обстановке дальнейшего расцвета экономики города. Еще в конце XVIII в. в Риге уже имелось мануфактурное производство, была частично упразднена средневековая цеховая замкнутость, расширилась торговля и появились первые признаки нарождающегося капиталистического производства. Но континентальная блокада, а затем война 1812 г. приостановили процесс развития. Новая полоса экономического расцвета Риги началась после окончания войны. В 20-х годах XIX в. здесь возникают, при поддержке губернских властей, фабрики и другие промышленные предприятия. В конце первой трети XIX в. новые формы производства укрепились настолько, что в этот период можно говорить о начале промышленного переворота в Латвии¹. Этому не мог не сопутствовать определенный рост населения Риги. Если в 1794 г. в Риге насчитывалось 28 800 жителей, то в 1806 г. в ней проживало уже 33 665 человек. После войны 1812 г. население Риги возрастало особенно быстро². Уже в 1816 г. число жителей города увеличилось по сравнению с 1806 г. на 20%. В 1818 г. население Риги составляло 41 000 человек.

Естественным результатом всего этого процесса явилось расширение городских предместий как на правом, так и на левом берегу Даугавы. И когда в 1812 г. предместья Риги были сожжены, в городе возник настоящий, и притом весьма острый, жилищный кризис. Вдобавок к этому лежали в развалинах многие торговые и складские помещения в предместьях, от чего особенно пострадало русское купечество. Духовенство, в свою очередь, добивалось восстановления сожженных церквей.

Новый этап развития архитектуры Риги распадается на две основные фазы, которые, с одной стороны, определялись особенностями чисто практических задач, решавшихся в различные периоды строительства города, с другой, — соответствовали процессу формирования новых элементов классицизма как художественного стиля. Эти фазы не были равноценными в отношении количества и качества осуществленных архитектурно-строительных работ. В то же время каждая из них не была каким-то законченным, замкнутым в себе явлением, — напротив, она

¹ См. История Латвийской ССР, т. I, стр. 530—532.

² Исходя из данных о числе жителей Риги, приводимых Я. Страубергом (J. Straubergs. Rīgas vēsture, стр. 480), можно воссоздать картину роста населения города в период с 1813 по 1829 г. С 1813 по 1816 г. население Риги увеличивалось ежегодно на 3000 человек, с 1816 по 1818 г. — на 1000 человек; затем рост населения приостановился, и с 1819 по 1824 г. он составлял всего 80 человек в год. Но когда появились первые признаки промышленного переворота, ежегодный рост населения города снова увеличился, достигнув в период 1824—1829 гг. 2000 человек.

органически вытекала из предшествовавшего ей периода развития архитектуры и влияла на все дальнейшее развитие зодчества.

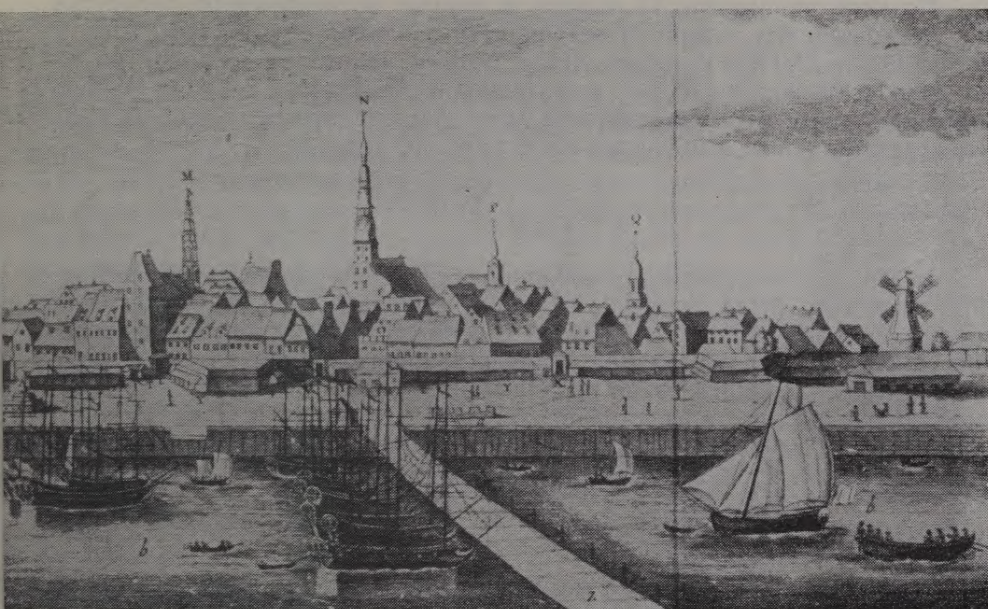
Первая фаза могла бы одновременно расцениваться и как завершающий этап в развитии архитектуры Риги конца XVIII в., и как первый этап в зарождении и становлении новых черт в архитектуре классицизма. Эти черты можно увидеть даже в творчестве Хаберланда, особенно в Катлакалнской церкви, где простота и цельность общей формы церкви создавали впечатление гораздо большего пафоса, нежели измельченные фасады бюргерских домов. Известная монументализация облика Катлакалнской церкви была отражением рационалистических устремлений классицизма в Риге в последнее десятилетие XVIII в., которые начали сближать произведения «бюргерского классицизма» Риги с русской архитектурой того же периода, и означала, что в «бюргерском классицизме» уже появились признаки его распада как особого художественного направления. Однако первым подлинным свидетельством отхода от некоторых принципов, воплощавшихся и в проектах реконструкции Риги 1769 г., и в застройке цитадели, и во всех остальных областях строительной деятельности, где классицизм во второй половине XVIII в. стал отвоевывать все более важные позиции, — следовало бы считать появление серьезных критических замечаний, направленных в адрес военно-инженерных властей, проводивших реконструкцию укреплений Риги. Подобные замечания высказывались уже в 1780-х годах. Характерно, что в этот период каждое отдельное явление в области строительства и архитектуры начинают расценивать не изолированно, а как часть некоего единого комплекса. Именно с этих позиций стали подходить к оценке крепости Риги, ее планировки, ее инженерно-технического состояния. Задачи реконструкции Риги были поставлены в зависимость от общих задач по укреплению границ Российской империи. В дальнейшем к попыткам исправить допущенные ошибки добавилась чисто военная необходимость усиления обороноспособности Риги в связи с началом наполеоновских войн, что, в свою очередь, снова поставило во главу угла рижского зодчества военно-инженерные работы. Конец этого подготовительного, или переходного, периода можно связывать с 1812 г.

Вторая фаза в развитии архитектуры Риги в рассматриваемый период, начавшаяся после Отечественной войны 1812 г., соответствует периоду восстановления, когда на протяжении второго и третьего десятилетий XIX в. проводилась реконструкция сгоревших в 1812 г. районов Риги, а также велось весьма интенсивное строительство жилых домов, хозяйственных, общественных и других зданий. В этот период образы и формы классицизма начала XIX в. достигли в своем развитии апогея. Классицизм стал всеобъемлющим, единственным и, если можно так выразиться, «окончательным» способом выражения художественных идей в архитектуре Риги.

Панорама Риги около 1780 г.

Между тем в искусствоведческой науке Латвии установилось неправильное мнение, будто новый этап развития архитектуры Риги начался не на рубеже XVIII и XIX вв., а позднее. При анализе развития зодчества Риги исследователи обычно вообще игнорировали тот период, который назван здесь первой фазой развития новых черт в архитектуре Риги. Отнюдь не случайно, что даже такой знающий исследователь, как проф. П. Кампе, отмечая появление первых признаков новой направленности творчества зодчих, писал, что распространение «ампирных строительных форм» началось в период восстановления рижских предместий после их сожжения в 1812 г. «Объяснение этого, — говорил Кампе, — нужно искать в том обстоятельстве, что царь поручил многим талантли-

AÜSSICHT VON DER STADT RIGA

<i>Kapitelkirche</i>	Q. <i>Die Reformirte Kirche</i>	V. <i>Die Sander Spitze</i>
<i>Redlhaus</i>	R. <i>Die Neu Spitze</i>	X. <i>Die Schwamm Spitze</i>
<i>Peters Kirche</i>	S. <i>Die Kapelle</i>	Y. <i>Diese russische Juden</i>
<i>Wasser Kanal</i>	T. <i>Die Haus für ostpreukone zu sehen</i>	Z. <i>Die fluss Bencke oder Schiffs Bencke</i>
<i>Schwamm Kirche</i>	U. <i>Die Schwamm Spitze</i>	a. <i>Batterie — b. Damm Platz</i>

Гравюра.

вым архитекторам разработать эскизы фасадов для различных возможных случаев...» и что «при восстановлении домов рижских предместий их фасады делались по этим образцам»¹. Таким образом, не говоря уже о том, что Кампе подходит к решению вопроса формально, поскольку отрывает развитие архитектуры от конкретной социально-исторической обстановки, он, кроме того, ошибочно связывает начало нового этапа развития в рижском зодчестве с застройкой по образцовым фасадам, т. е. с началом второй фазы.

¹ P. Kampe. Centrālveidīgais būvtipis Vidzemes baznīcu celtniecībā no XVII gs. vidus līdz XIX gs. vidum. В журн.: «Senatne un Māksla», 1938, Nr. 2, стр. 140.

По всей видимости, П. Кампе и другие исследователи зодчества Риги оставили без внимания особенности развития архитектуры Риги в самом конце XVIII и в начале XIX в. потому, что в этот период в городе не было построено ни одного значительного «частного» здания. Однако изучение архитектуры именно этих лет делает понятным многое из того, что стало типичным в зодчестве послевоенного периода.

* *
*

В 1781 г. комиссия, возглавлявшаяся инженер-генералом Ф. В. Боуром, которому было поручено составить предложения об укреплении границ России¹, впервые выступила с довольно резкой критикой проектов реконструкции укреплений, осуществлявшихся в Риге. Выводы комиссии и предложения Боура касались прежде всего общего стратегического расположения крепостей на западных границах империи и обосновывали ряд организационных мер по реконструкции старых и строительству новых крепостей. Боур, в частности, предлагал не расплывать средства на ремонт или реконструкцию всех крепостей сразу, а сначала полностью осуществить работы в одной крепости и лишь затем переходить к ремонту остальных.

Первой крепостью, которую Боур думал реконструировать, была Рига. Указывая, что осуществление проектов, составленных еще при генерал-фельдцейхмейстере Вильбоа, сопряжено «с великими расходами», Боур просил «дозволить надлежащую ныне в крепостях починку и исправление фортификационных верков учреждать по наилучшей моей совести и искусству, не держась тех помянутого генерал-фельдцейхмейстера Вильбоа планов»². 15 февраля 1782 г. предложения Боура были утверждены Екатериной II и на него было возложено как руководство «водяными работами» в Риге, так и «сочинение плана укреплений сего города и крепости Динаминды»; при этом Боуру было «высочайше» разрешено, «отменя из прежде назначенных работ все те, кои неудобными признаны будут, определить другие по лучшему вашему усмотрению и нам оные на утверждение представить»³.

В проектах Вильбоа в вопросе реконструкции укреплений Риги основное внимание было направлено «на высоту Якубовской горы, против которой для защиты прожектирован весьма обширный с двойным гласисом анвелоп», хотя состояние остальных укреплений также было весьма неудовлетворительным. Критикуя эти проекты, Боур предложил вообще срыть Якововскую гору и добытую таким образом землю

¹ См. Столетие Военного министерства, т. VII, вып. 1, стр. LII—LIII.

² ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 315, л. 98.

³ ЦГВИА, ф. 410, оп. 1, д. 103, л. 200.

использовать для надсыпки существующих укреплений. Для архитектуры города это имело бы то значение, что в случае уничтожения Якововской горы «не нужно будет сламывать лежащего тут ближнего форштатского строения, которое бы при занятии Якововской горы укреплениям неминуемо далее относить долженствовало»¹. Предложения эти были практически осуществлены уже не самим Боуром, который скончался в 1783 г.: как сообщалось из его личной походной канцелярии, «о зделании на приведение Ригской и Динаментской крепостей в исправное состояние прожектов и о съемке Якововской горы предписано инженер генерал майору Голенищеву-Кутузову», от которого в 1783 г. поступил проект («присланы планы и смета») лишь о «съемке» (срытии) Якововской горы². Согласно этому проекту гора была срыта.

Для характеристики нового этапа в становлении архитектуры Риги наибольшее значение имеют предложения Боура, связанные с некоторыми работами по благоустройству города. Сюда относятся уже упомянутые выше³ соображения его о ликвидации укреплений между городом и цитаделью и застройке освободившихся территорий, а также предложения об очистке каналов и превращении их в проточные бассейны, после чего должны были улучшиться условия жизни в Старом городе и цитадели. Это последнее предложение было отнюдь не ново. Даже в проекте 1769 г. предполагалось «идуший из города в крепость канал для прочищения во рвах воды непременно возобновить»⁴. Но, очевидно из-за недостатка средств, эта часть проекта 1769 г. осуществлена не была. Характерно, что Боур вообще больше не вспоминает об этих сделанных раньше предложениях; он ставит вопрос об очищении каналов заново, указывая, что «весьма нужно течение сего канала на казенный и городской кошт возобновить и через то доставить обывателям и гарнизону чистый воздух»⁵. Следовательно, к 1781 г. «высочайше» утвержденный проект 1769 г. частично был уже забыт и перестал быть руководством к действию. Другое дело, что предложения Боура по существу своему не выходили за пределы тех принципиальных требований, которые были выдвинуты в 1769 г. Важен сам факт критики старых проектов, игнорирование их и поиски новых решений.

В результате того, очевидно, что именно Боур, пользовавшийся значительным влиянием при дворе, вмешался в вопросы регулирования водного режима в каналах Риги, здесь в дальнейшем действительно были

¹ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 315, л. 123.

² Там же, л. 113. — Это был тот самый И. Голенищев-Кутузов, который совместно с Р. Н. Гербелем разработал проект перепланировки предместий Риги и продолжительное время являлся начальником Рижской инженерной команды.

³ См. стр. 129—130.

⁴ ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 136, л. 6.

⁵ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 315, л. 124.

осуществлены многие работы, которые вполне соответствовали разумным началам эпохи просветительства и отражали другую сторону такого явления, как классицизм, — стремление к благоустройству городов. Несомненно, что в Риге конца XVIII в. важнейшей задачей в этом направлении являлась очистка крепостных рвов и их реконструкция.

Крепостные рвы в Риге оказались местом скопления нечистот и расадником болезней в силу двух причин: во-первых, потому, что в 1750-х годах, когда были начаты работы по созданию наружных укреплений — анвелоба, по предложению Н. Людвиха был засыпан канал, по которому в рвы притекала чистая вода из озера Шмерль; во-вторых, потому, что через проход, оставленный в Песчаном бастионе, «вся нечистота не только с улиц, но из обывательских устроенных в оной же (т. е. в Рижской крепости. — Ю. В.) нужников-труб проходит в крепостной ров, и тем недовольно, что заплывает ров, но и наполняется несносным дурным запахом», причем, как поясняла Рижская инженерная команда, «в городе ж для стечения воды во всякой улице выкладены подлежащие из булыжного камня каналы, по которым дождевая и прочая вода имеет стечение в крепостные рвы»¹. Уже в 1777 г. инженер-генерал-майор Голенищев-Кутузов предлагал для отвода грязи из рвов, кроме предусмотренного в проекте 1769 г. восстановления старого канала, подводившего воду из Шмерля, «поделать трубы через ров и пристань до самой реки»².

Вопрос этот на первых порах был решен самым элементарным образом — в 1784 г. указом Екатерины II было велено «находящаяся с набережной стороны сей крепости в некоторых местах небольшой ров в отвращение нечистоты и тесноты на бирже, согласно мнению покойного генерала инженера Боура и канцелярии артиллерии и фортификации, засыпать во всем землею»³. Таким образом, был сделан первый шаг по пути улучшения гигиенических условий в Риге и, кроме того, практически расширена пристань перед городом.

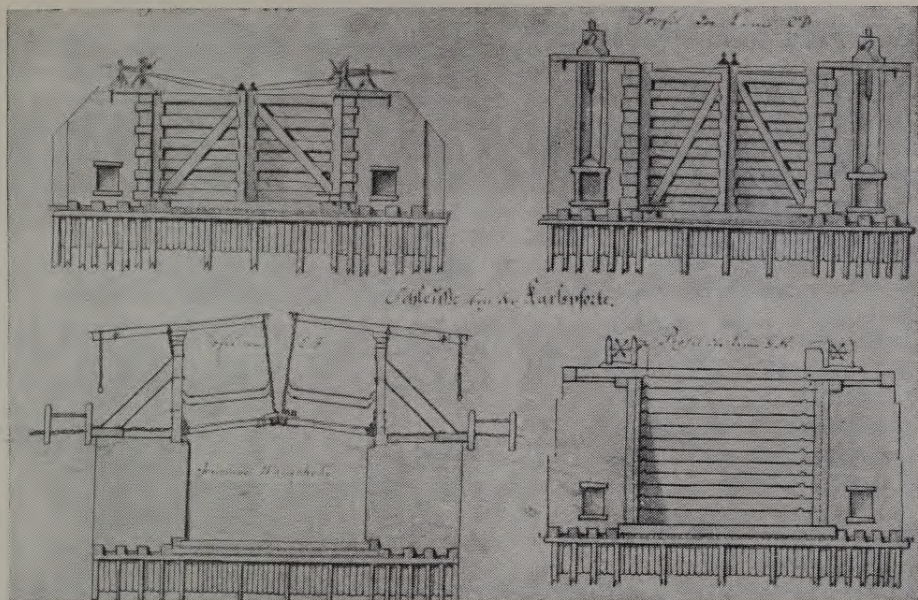
Другое, гораздо более значительное начинание, которое, кстати, служило решению тех же двух задач, относится приблизительно к тому же периоду. В 1785 г. в Ригу был направлен инженер-майор Я.-Э. де Витте, который разработал план восстановления канала, соединявшего рвы с озером Шмерль⁴, а также нашел, что шлюзы, соединявшие рвы города с Даугавой, никуда не годятся, и составил проект перестройки их, причем с таким расчетом, что шлюз перед Шер-бастионом, расположенный приблизительно там, где некогда располагалась древняя рижская гавань, «столь широк зделан будет, что купеческие корабли сво-

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 136, л. 4.

² Там же.

³ Там же, св. 4, д. 149, л. 1.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 3, д. 331, лл. 57, 58.

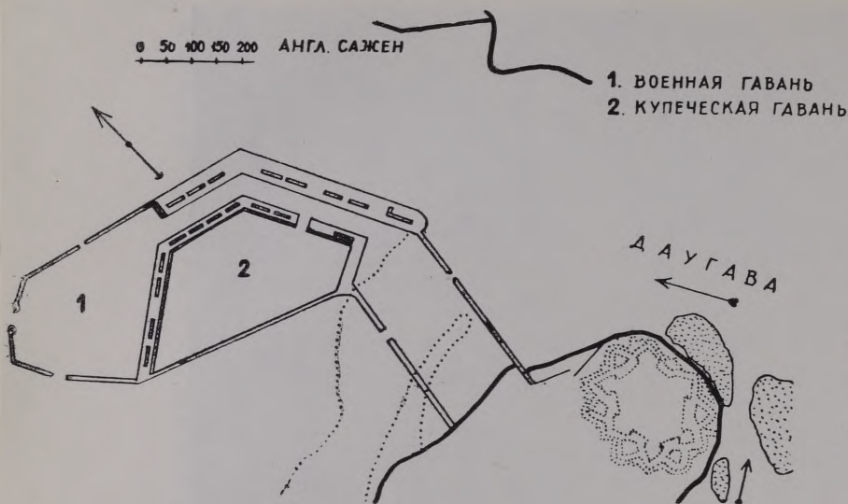
Фасады и разрезы шлюза близ
Шер-бастиона в Риге.

Чертеж И.-Х. Бротце конца XVIII в.

бодно пройти могут», а ров крепости «перед Карловскими воротами служить может для купеческих кораблей, барок и проч. бассейном», в котором они смогут укрываться во время ледохода¹. На все это строительство предполагалось израсходовать 60 тыс. руб. в течение 3 лет.

Предварительные расчеты де Витте оказались, однако, неточными. В этом отношении весьма интересно донесение очередного рижского генерал-губернатора князя Н. В. Репнина, который писал в 1793 г., что «начатая уже работа около крепости Ригской весьма важная и полезная, а состоит она в том, чтобы вычистить рвы крепостные и пустить в них воду из реки. Один шлюз, к тому служащий, уже окончен будет нынешним годом. Достальное, как и еще шлюз для выпуска воды, станет по смете сто тридцать тысяч рублей; а тогда вся флотилия В. и. в., у Риги находящаяся, все мелкие транспортные городовые суда, которые на 9-ти футах воды ходить могут, весь лес, который пригоняется на продажу

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 4, д. 174, л. 1; этот же документ на французском языке — д. 164.

Проект создания военной и торговой гавани близ Даугавгривы (Динамюнде).

По чертежу
И.-Х. Бротце 1782 г

в Ригу, могут введены быть в крепостные рвы, в них зимовать и даже в военное время стоять без опасности под защитою крепости, имея воду чистую, речную»¹. Эти сооружения, практическое создание которых было начато де Витте и его помощником инженером Вейде в 1789—1790 гг.², произвели на современников большое впечатление. Так, например, даже инженер-генерал Сухтелен после личного осмотра Риги в 1800 г. доносил Павлу I, что «шлюзы перед шанцом Шер-бастиона есть пиеса, делающая честь своему построителю; и ее польза для зимования нарочитого числа кораблей в сей части рва, прикрытого от прохождения льдов, ни есть сумнительна»³.

Вообще для 90-х годов XVIII в. в Риге было характерно расширенное строительство инженерных сооружений именно такого типа. Продолжались начатые еще Г. Вейсманом работы по расчистке и регулированию русла Даугавы, строились молы, дамбы. Самой крупной по своему размаху была попытка создания огромной военной гавани в устье Даугавы. Ее постройка, начатая в 1787 г. согласно проекту Вейсмана, должна была обойтись по смете более чем в 12 млн. руб., что составляло огромную для того времени сумму. Работами по созданию этой гавани, или «широкой каменной хорошо построенной и тесанным камнем одетой дамбы» с поставленной на ней батареей, названной «форт-Комет», ру-

¹ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 883, л. 142.

² Р. С а м р е. Lexikon . . . , Bd. II, Nr. Nr. 1358, 1260.

³ ЦГВИА, ф. 349, оп. 2, св. 19, д. 834, л. 5.

ководил один из лучших «гидравлических инженеров» России XVIII в. Иван Герард.

Строительство военной гавани было весьма трудоемким делом и требовало огромных средств. По всей видимости, оно, как и строительство Балтийского порта под Таллином (Ревель), было во многом вызвано чисто политическими соображениями и не основывалось на реальных возможностях. Поэтому уже в 1793 г., когда «сия работа еще до того места далеко не доведена, где по прожекту, пред сим сделанному, гавани быть положено», как писал князь Репнин¹, стало очевидным, что продолжение строительства гавани нецелесообразно. По предложению Репнина «на сей шириною в сорок сажен уже построенной дамбе» было начато создание купеческой гавани взамен существовавшей на левом берегу Даугавы напротив Старого города, где «анбары, как казенные, так и купеческие, построены на деревянных столбах...»². Однако и строительство купеческой гавани в устье Даугавы не было завершено.

В результате переосмысления осуществленных проектных предложений 1769 г., а также в связи с наплывом в Ригу новых жителей возникла необходимость переработки проектов планировки предместий. В 90-х годах появляются проекты расширения предместий за счет освоения территорий, расположенных между так наз. 1-й и 2-й частями форштадта³. Если в 1769 г. расширение предместий проектировалось преимущественно близ цитадели, то теперь было отдано предпочтение районам, тяготевшим к созданной де Витте гавани и расположенным неподалеку от низменного «Гусиного пастбища», причем уличная сеть тут была образована путем механического продолжения трасс улиц, намеченных в проектах 1769 г. Это была первая попытка отхода от принципа «трилистника», в результате которой предместья должны были получить более компактные очертания.

Наконец, весьма знаменательно, что на рубеже XVIII и XIX вв. идея о необходимости благоустройства Риги настолько овладела умами людей, что рижане выдвинули предложение о превращении пустынной эспланады, окружавшей крепость, в парк. Они обратились к коменданту генерал-майору Эмме с просьбой «дать позволение на эспланаде расстоянием от гласиса в 44 и в 99 саженях места, лежащие между Санторских и Якубовских ворот, для обыкновенной прогулки, где и учение воинским чинам бывает, усадить деревьями на собственный их счет»⁴.

¹ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 883, л. 141.

² Там же, л. 142. — Здесь имеются в виду склады (так наз. Пеньковые амбары), построенные в 1760-х годах русскими купцами Фатовым и Лелюхиным.

³ АГАР, землемерный архив, д. 158. — В 1791 г. рижские предместья были разделены на 6 полицейских участков (частей).

⁴ ЦГВИА, ф. 5, оп. 77, св. 290, д. 2424, л. 1. — Приводимые далее цитаты заимствованы из этого же документа (лл. 1—2).

Проект расширения рижских предместий.

Чертеж 1792 г.

Это предложение было поддержано начальником Рижской инженерной команды инженер-полковником Брискорном, который добавлял, что от этого «сугубая будет польза в том, что отвлечет жителей от прогулки по крепостному валу, коих по обширности крепости удержать до селе возможности не было, да и в случае неприятеля сей лес послужит казне на фашины, туры и на прочее нужное для временных крепостных построек». На это мероприятие была согласна даже Артиллерийская экспедиция, с той лишь оговоркой, чтобы в местах рассадки деревьев «ни какого строения не было; да и место огородить не забором, а обыкновенным балюстрадом регулярною фигурою»; при этом Артиллерийская экспедиция требовала прислать чертеж проектируемого парка. Наконец, 29 апреля 1802 г. Военная коллегия приказала по этому поводу выяснить, «не будет ли сие противу положения правилам фортификационным, по точности которых и поступлено быть долженствует».

Дальнейшая судьба этого предложения пока неизвестна. Однако существенно важно, что на рубеже XVIII и XIX вв. впервые возникла мысль об использовании некоторых необходимых с точки зрения обо-

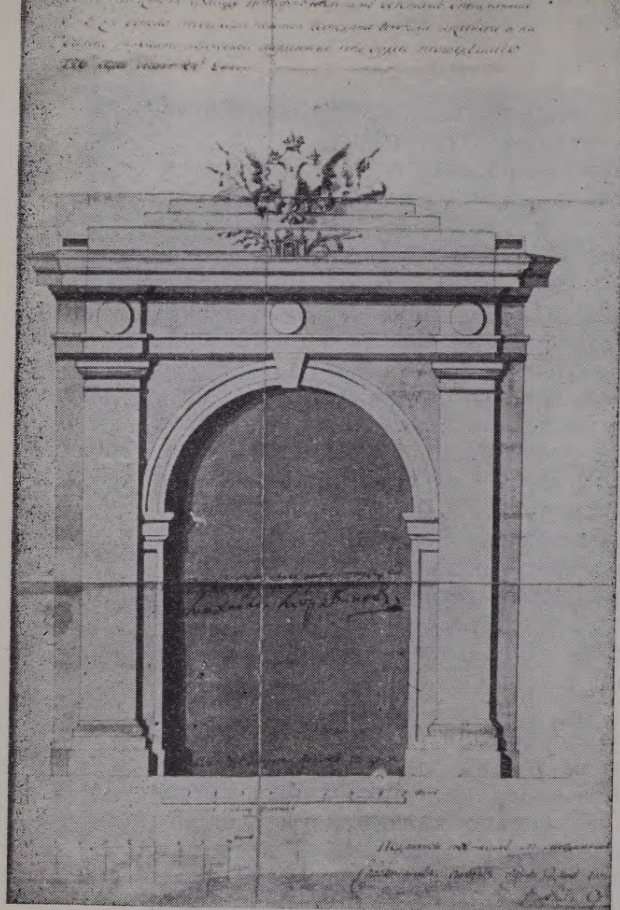
роны частей города в общественно-полезных целях, что, конечно, могло иметь место только на новом этапе развития архитектуры.

Таким образом, инженерно-технические работы, осуществлявшиеся или задуманные в Риге в конце XVIII в., в конечном итоге преследовали две основные цели — во-первых, благоустроить город, во-вторых, способствовать развитию рижской торговли. Но, кроме этого, они имели и еще одно косвенное значение — они показывали, что создание сооружений, играющих большую практическую роль, может быть основано и на применении простых геометрических форм, ясных объемно-пространственных решений, при отсутствии богатого убранства.

Именно в этот период местные специалисты стали в некоторых случаях без боязни браться за решение трудных технических вопросов строительства. Так, например, механик Антон Лер в 1804 г. разработал проект, «каков может быть через Неву мост, не имеющий ни каких через ширину реки подпор, а основывающийся лишь на берегах», и собрался даже ехать в Петербург для представления своего проекта министру внутренних дел¹. Правда, в целом инженерно-техническая мысль, господствовавшая в Риге, была не слишком гибкой и смелой и зачастую основывалась на традиционных приемах строительства.

Постепенное изменение эстетических вкусов, тесно связанное с укоренением рационалистического подхода к решению архитектурных проблем, было продиктовано в отдельных случаях необходимостью поисков наиболее экономичных и целесообразных решений. Упрощение архитектурных форм, их унификация и т. д. не только соответствовали изменению художественных взглядов данной эпохи, но и приводили к уменьшению стоимости строительства, а это играло далеко не последнюю роль при осуществлении общегосударственной строительной политики. Если художники связывали простоту произведений искусства с нравственностью и этикой, то ревностные государственные чиновники видели в ней прежде всего соблюдение интересов имперской казны. Вот, например, как в 1805 г. военный губернатор граф Буксгевден отзывался о присланном к нему на заключение проекте, разработанном в Петербурге для строительства православной церкви в Таллине: не очень возражая против планировки здания в целом, он критиковал в основном фасады, которые, по его мнению, неизбежно будут «подвержены починкам», «поелику хотя колонны составляют видное украшение, но оные подвержены частным поправкам, а галдареи (т. е. галереи. — Ю. В.) с балюстрадами по наружности церкви тем не удобны, что зимою на галдареи будет падать снег, который беспрестанно надобно сметывать, и буде по нерачителности или по неусмотрению оставляемо сие будет до того, что снег станет таять, то сырость проникать будет в стены ко вреду оных; естли же таковые галдареи покрыть свинцом, то сие было бы дорого...

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1002, л. 184.

Проект перестройки наружного фасада Штифторских ворот в Риге.

Чертеж 1776 г.

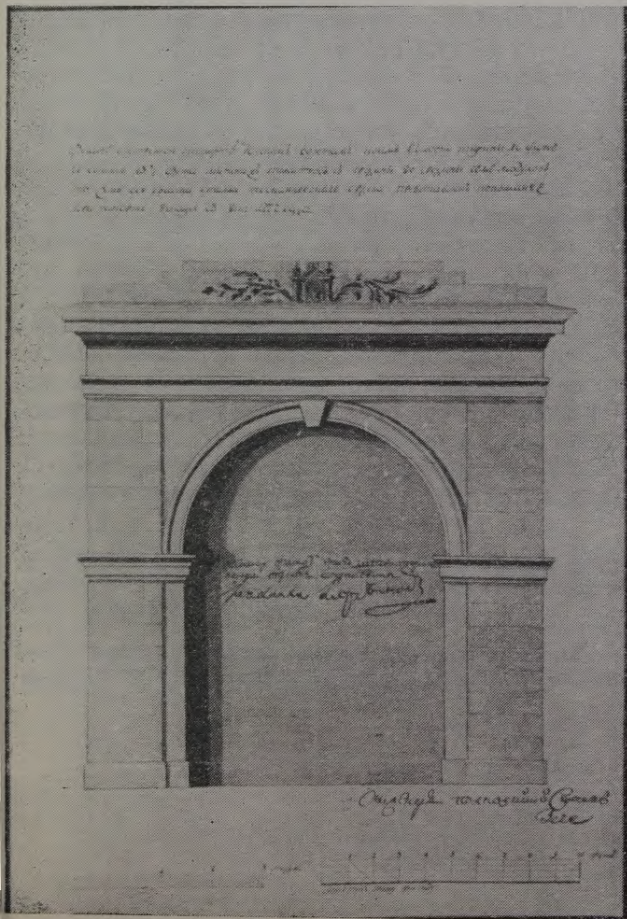
Если внутри церкви отклонить излишество стен и сделать как снутри, так и с наружи фасад гораздо легче, но со вкусом, то, конечно, можно бы в цене иметь выигрыш. По мнению моему, господин архитектор Гваренди (Дж. Кваренги? — Ю. В.) имеет в том перед многими другими преимущество...»¹. Эта цитата дает наглядное представление о новом подходе к оценке архитектуры, который проявлялся в действиях лиц, влиявших на пути развития зодчества в Прибалтике.

Для формирования новых стилистических черт в архитектуре Риги большое значение имела перестройка рижских городских ворот. Вопросами расширения и модернизации городских ворот Рижская инженерная

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1004, л. 113.

команда занималась на протяжении всего XVIII в., поэтому отношение к старому облику ворот и приемы их перестройки в конце XVIII в. наглядно показывают, каким именно образом изменялись взгляды на архитектуру. Еще в 70-х годах XVIII в. Рижская инженерная команда, приступая к перестройке крепостных ворот, отнюдь не стремилась к изменению их старых барочных форм, хотя и пыталась в соответствии с духом времени придать городским воротам некоторое единство облика, т. е. учесть ансамблевые тенденции. Например, при перестройке ворот в Песчаном равелине, начатой в 1776 г., были всего-навсего изменены пропорции: ворота сделали выше, стройнее, но полностью были сохранены старые барочные формы — и пологая арка, и разорванный фронтон, и т. п.¹ Точно так же в том же году инженер-генерал М. Мордвинов и С. Зеге при составлении проекта создания новых Штифторских ворот,

¹ См. P. Campe. Die Stadttore Rigas im 17., 18. und 19. Jh. und deren Meister, стр. 276.

Проект перестройки
внутреннего фасада
Штифторских ворот.
Копия чертежа 1777 г.

возведенных затем в 1777—1779 гг.¹, использовали приемы композиции, примененные при создании расположенных неподалеку старых Сидиторских ворот (Sündertor), построенных в конце XVII в.

Совершенно иной подход к реконструкции главных ворот крепости и цитадели наблюдается в самом конце XVIII — начале XIX в., когда были основательно перестроены главные, Карловские ворота, соединявшие Старую Ригу с Московским предместьем, и Королевские, или Полторские, ворота, которые вели из цитадели в Старый город. Теперь старые фасады этих ворот были попросту разобраны. Сам факт уничтожения старых и создания новых фасадов Карловских и Полторских ворот имеет немаловажное значение для понимания изменений, которым подвергалась архитектура Риги в период перехода к строгому классицизму.

Архитектуре рижских городских ворот посвящено большое исследование П. Кампе — упоминавшаяся уже работа «Die Stadttore Rigas im 17., 18. und 19. Jh. und deren Meister». Давая описание ворот в их историческом развитии, Кампе восстанавливает историю их строительства и называет многих мастеров, участвовавших в их возведении. Однако, когда Кампе рассматривает судьбу городских ворот в конце XVIII — начале XIX в., он начинает кое-что путать и не вскрывает смысла изменений архитектурного облика ворот. В частности, П. Кампе обрывает историю Карловских ворот 1745 годом и не дает анализа наиболее важной их перестройки, происшедшей в конце XVIII в. Помимо того, описывая облик ворот, сложившийся после их перестройки в конце XVIII в., Кампе полагает, что такими ворота были созданы в XVII в. Еще больше неточностей Кампе допускает, касаясь Королевских, или Полторских, ворот: он, очевидно, не учел, что оба эти названия принадлежат одним и тем же воротам. Поэтому в работе Кампе об отдельных этапах развития архитектуры этих ворот говорится в двух разных местах — там, где излагается история Королевских ворот (стр. 301), и там, где разбираются некие «Павловские ворота» (стр. 310—312), причем о перестройке Королевских (Полторских) ворот в начале XIX в. Кампе пишет в разделе, посвященном «Павловским воротам», которые он ищет на набережной в районе замка, рядом с Павловским бастионом, даже не предполагая, что речь идет о главных воротах цитадели².

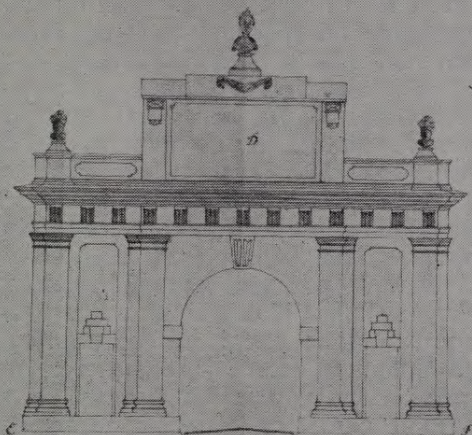
Старые фасады Карловских ворот были созданы в 1685—1687 гг., Полторских — в 1670-х годах; как отметил П. Кампе, по своему облику

¹ См. Р. Кампе. Die Stadttore Rigas im 17., 18. und 19. Jh. und deren Meister, стр. 315—319. — М. Мордвинов спроектировал «наружный» фасад ворот, т. е. фасад, обращенный в сторону Даугавы, а Зеге — «внутренний», обращенный в сторону Старого города (РГИМ, №№ 32661, 32998).

² «Павловскими» П. Кампе называет эти ворота, видимо, потому, что слово «Полторские» он производит от немецкого Paultor (хотя такого названия нет ни в одном документе).

Новый фасад Королевских, или Полторских, ворот рижской цитадели

План и перспектива фасада Королевских, или Полторских, ворот рижской цитадели. Проект архитектора И. П. Шварца. 1802 г.

И. П. Шварц архитектор

Масштаб 1:1000

Новый фасад Королевских, или Полторских, ворот рижской цитадели.

Чертеж 1802 г.

они напоминали ворота в Нарве и в Таллине¹. Будучи построенными по типу римских триумфальных арок, они очень походили друг на друга. Плоскими пилястрами римско-дорического ордера ворота членились на более широкую центральную часть, где располагался перекрытый аркой проезд, и две боковые более узкие части. У Полторских ворот в этих узких частях находились небольшие проходы, у Карловских — ниши, где стояли скульптуры; выше были помещены круглые медальоны с

¹ P. Campe. Die Stadtthore Rigas im 17., 18. und 19. Jh. und deren Meister, стр. 301. — См. также выше рисунки на стр. 35.

изображениями Карла XI и его супруги. Кроме того, фасады обоих ворот были одеты плоским ленточным рустом. Карловские ворота были увенчаны треугольным фронтоном, на котором возлежали две фигуры воинов. Венчание Полторских ворот было более сложным и более барочным; над антаблементом, украшенным триглифами и гирляндами, у них располагался аттик, имевший над центральной частью возвышение и увенчанный в этом месте сегментным фронтоном. В воротах совпадало не только ордерное построение, но даже число рядов руста. Пропорции обоих ворот также были очень сходными.

К концу XVIII в. наружные фасады рижских ворот пришли в неважное состояние; облицовка во многих местах выкрошилась, некоторые детали обвалились, разошлись швы кладки и т. п. Можно было, конечно, как это делалось и раньше, попросту восстановить некоторые поврежденные детали и сохранить старый облик ворот. Тем не менее в 1792 г. началась кардинальная перестройка фасада Карловских ворот, а в 1800 г. — Полторских. Подробные данные об этих работах можно найти в годовых отчетах Рижской инженерной команды¹.

Новые фасады Карловских и Полторских ворот были закончены через несколько лет после начала работ — соответственно, в 1796 и в 1802 гг. Старая композиционная схема ворот была сохранена. Коренной переработке подверглось лишь убранство фасада. У ворот были сколоты все барочные детали, сняты скульптуры, замурованы ниши, уничтожен руст, переделано венчание и т. п. В результате этих изменений фасады двух важнейших в Риге крепостных ворот получили принципиально новый облик. Трудно сказать, чтобы их художественные качества объективно улучшились — напротив, в результате этой переделки прекрасно скомпонованные фасады Карловских и Полторских ворот стали суше и «простоватее». Но не это представляется наиболее существенным.

Переделка фасадов рижских крепостных ворот прекрасно иллюстрирует новый метод решения архитектурной композиции и архитектурного облика сооружений. Ордер теперь не теряется среди массы архитектурных деталей; если раньше он был всего-навсего лишь одним из средств создания пышного убранства ворот, то теперь он становится единственным и главным мотивом их композиции. Это придало воротам рижских укреплений большую строгость, которая, очевидно, должна была способствовать монументализации их облика, как бы отражающего мощь Рижской крепости. В переработке фасадов рижских ворот сказался, таким образом, новый подход к архитектурному решению сооружения. В то же время переделка ворот служила одним из средств придания большей выразительности ансамблям, возникшим в конце

¹ ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 2, дела 1035, 1101, 1132; оп. 3, дела 202, 227; оп. 4, д. 153.

XVIII в. Например, облик Полторских ворот, соединявших Старый город с цитаделью, после их перестройки в 1800—1802 гг. стал близок к облику отдельных частей Петропавловской церкви, комендантского и обер-офицерского артиллерийского домов в цитадели.

* *
*

Наряду с осуществлением ряда инженерных мероприятий и перестройкой сравнительно мелких объектов, на рубеже XVIII и XIX вв. в Риге развернулось строительство и более значительных новых зданий. Самым крупным сооружением, в котором достаточно отчетливо отразились признаки перехода к сдержанному языку архитектурных форм, в котором прослеживается новое содержание и применена новая композиция, свидетельствующая о появлении того самого «ампира», который П. Кампе замечает в Риге лишь после войны 1812 г., — был артиллерийский арсенал, построенный в цитадели. Это здание сохранилось до сего времени, хотя оно сильно испорчено различными перестройками.

Артиллерийский арсенал, как явствует из документов начала XIX в., был построен «на отпущенную в артиллерию в 1798 и 1799 годах сумму, коей употреблено 62 927 руб. 37 коп.»¹. Строительство этого здания было осуществлено в сравнительно короткий срок. В 1798 г. упоминавшийся выше инженер-генерал-майор де Витте составил план, «где полагается устроить артиллерийские цейхгаузы с мастерскими и службами»², в 1799 г. уже был заложен фундамент арсенала³, в следующем году здание было готово вчерне⁴, а в 1801 г. — сдано в эксплуатацию⁵. Проект большого, почти 75-метровой длины двухэтажного артиллерийского арсенала был, по всей видимости, разработан архитектором академиком Ф. И. Демерцовым⁶, который в конце XVIII в. занимал должность архитектора при Артиллерийской экспедиции⁷.

Территория, отведенная в цитадели под здание арсенала, занимала целый квартал, выходивший одной стороной к Даугаве у бастиона Карла-Густава. Располагая постройку на участке, зодчие пошли по пути

¹ ЦГВИА, ф. 35, оп. 245, св. 189, д. 245, л. 4.

² Там же, ф. 3, оп. 3, д. 331, лл. 60, 61.

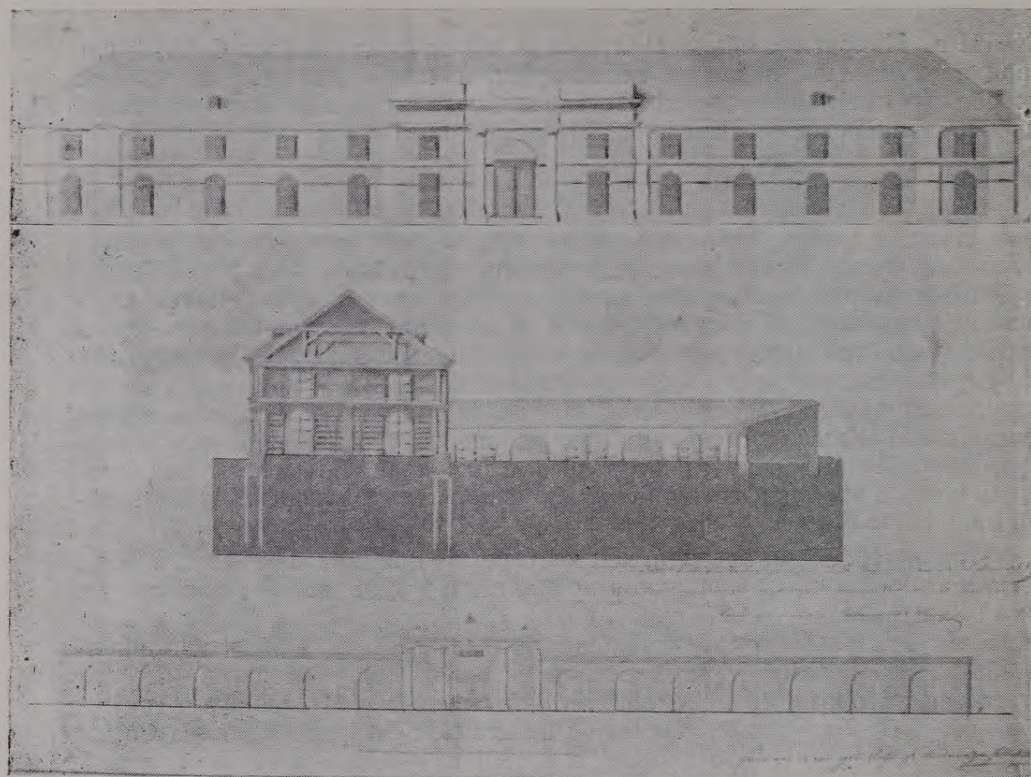
³ Там же, лл. 61, 62.

⁴ Там же, ф. 349, оп. 36, св. 1, д. 9.

⁵ Там же, ф. 503, оп. 2, д. 1019, лл. 68—78.

⁶ См. J. Vasiļjevs. Dažas piezīmes par Rīgas arhitektūru XVII un XIX gs. mija, в кн.: Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I, стр. 102, 104.

⁷ Кроме Ф. И. Демерцова, в Артиллерийской экспедиции работали «архитекторские помощники» Минут и Кутепов (см. Столетие Военного министерства, т. VII, вып. 1, стр. LXVI).

Фасады и разрез артиллерийского арсенала в рижской цитадели.

Чертеж 1832 г.

правильного градостроительного решения вопроса: окружив этот квартал с трех сторон одноэтажными корпусами, они разместили главный корпус арсенала параллельно Даугаве, и тем самым основное здание его стало одним из немаловажных звеньев, формировавших облик застройки набережной реки. Правда, фасады арсенала были частично закрыты валами цитадельских укреплений, что несколько снижало эффект подобного размещения. Тем не менее главный фасад прямоугольного в плане основного корпуса арсенала был обращен в сторону Даугавы. Центральная часть сооружения была раскрепована, чуть повышена и, согласно первоначальному замыслу, должна была завершаться скульптурными изображениями военных доспехов, знамен и небольшими пира-

мидками из ядер¹. При сравнительной простоте прочих частей арсенала его центр становился достаточно выразительным элементом убранства здания.

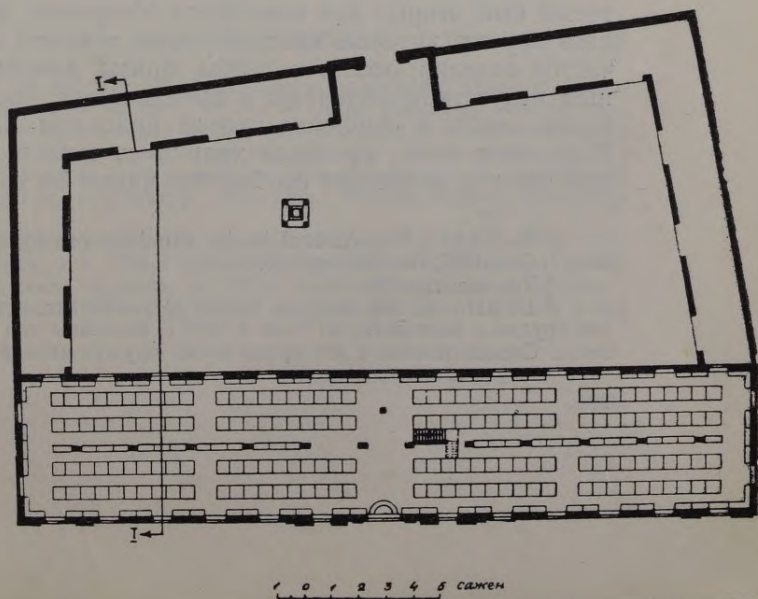
Для решения общей композиции сооружения весьма характерно, во-первых, применение единой пропорциональной системы, во-вторых, немногословие форм, использованных при разработке композиции. Подобно тому как основные горизонтальные членения, выдержанные в пропорциях убывающего золотого сечения, переходят с основного здания на постройки так наз. навесных сараев, окружавших участок, точно так же повторяется форма аркад, примененная как для обработки окон первого этажа главного корпуса, так и в качестве основного элемента убранства наружной стены сараев. Этот мотив прерывается только один раз, да и то лишь в том месте, где расположены пропилеи, оформляющие въезд на территорию арсенала и решенные в тех же пропорциях золотого сечения.

В архитектурно-художественном облике арсенала можно выделить все основные признаки, характерные для нового этапа развития рижской архитектуры. Вместо изысканных и несколько манерно разработанных форм, ставших типичными особенно для убранства жилого здания в конце XVIII в., в артиллерийском арсенале все формы предельно лаконичны. Если раньше каждая архитектурная и скульптурная деталь являлась в какой-то степени самостоятельным произведением искусства и в связи с этим общее впечатление от всего сооружения нередко нарушалось (прежде всего это относится к постройкам «бюргерского классицизма» Риги), то теперь детали начинают применяться

¹ Эти украшения изображались на чертежах Рижской инженерной команды в период строительства здания (ЦГВИА, ф. 349, оп. 36, св. 1, д. 9), но, по всей вероятности, выполнены не были, так как на чертежах 1832 г. они отсутствуют (ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 26, д. 1071).

План артиллерийского арсенала в рижской цитадели.

По чертежу 1832 г.

лишь там и лишь тогда, где и когда они помогают выразить главную идею сооружения, подчеркнуть его пропорциональный строй. Поэтому в постройках начала XIX в. деталей гораздо меньше, отдельные формы проще и выразительнее. В здании арсенала нельзя любоваться какой-либо одной аркой или каким-либо карнизом, но зато общая композиция здания, весь его облик производят весьма внушительное впечатление. Недаром современники считали, что он построен «в великолепном благородном стиле»¹.

Постройка артиллерийского арсенала в цитадели раскрыла еще одну особенность нового этапа развития рижского зодчества. По своему функциональному назначению артиллерийский арсенал должен был быть лишь складом военного имущества. Прежде подобные сооружения строились в Риге в виде больших каменных сараев, зачастую лишенных элементарного архитектурно-художественного убранства; в них даже не всегда употреблялись архитектурные детали, выявляющие тонизику сооружения. Теперь же арсенал не только художественно оформляется, но он, кроме того, активно включается в панораму города, поскольку главный фасад его, обращенный к Даугаве, явился важным акцентом архитектурного облика набережной. О том, что строители артиллерийского арсенала в цитадели сознательно ставили перед собой цель решить определенные ансамблевые задачи, свидетельствует тот факт, что они сочли возможным вход в арсенал устроить не со стороны его главного фасада (хотя там и находился большой портал), а со стороны двора, куда попадали через пропилеи, расположенные на улице, ведущей к Полторским воротам.

По углам квартала, занятого арсеналом, были поставлены железные скульптуры воинов, а около пропилей — мортиры, что, по словам современников, «издалека указывало на назначение здания»².

Следует отметить, что в начале XIX в. артиллерийский арсенал был превращен в своеобразный музей трофейного и старинного оружия, который был открыт для всеобщего обозрения. В нем, например, находились орудия, которые «достопамятны тем, что древнего литья и отменно чистой отделки, особенно гербы, фризy, дельфины и надписи с прилежным искусством обделаны и вычеканены»³. Все эти орудия были рижского литья, в основном второй половины XVI — середины XVII в. В верхнем этаже арсенала хранились запасы боевого оружия. Интерьеры здания, решенные вообще без каких бы то ни было лишних элемен-

¹ М. Thiel. Das Arsenal in der Citadelle von Riga. В газ.: «Rigaische Stadt-Blätter», 7. Dez. 1827, Nr. 49, стр. 397.

² Там же, стр. 398.

³ ЦГВИА, ф. 503, оп. 2, д. 416, л. 35. — Кстати, в этом деле указывается, что все эти орудия в количестве 53 были в 1837 г. вывезены для хранения в Петербургский арсенал. Следовательно, в это время музей оружия окончил свое существование.

тов убранства, были «со вкусом» декорированы «только самим оружием и доспехами»¹.

В артиллерийском арсенале был воплощен целый ряд новых художественных принципов, которые, однако, сочетались с некоторыми формами, характерными для архитектуры XVIII в. На это, например, указывают закругленные углы здания, не вполне строгие лопатки, имитирующие крайние ризалиты, и т. п. В дальнейшем зодчество Риги полностью освобождается от подобных форм. Интересно, что следующий шаг, сделанный в этом направлении, был снова связан с именем Демерцова, который разработал проект нового больничного здания для Рижского военно-сухопутного госпиталя².

Военно-сухопутный госпиталь, основанный в середине XVIII в. в предместье Риги в районе Саркандаугавы³, располагался на некотором удалении от жилой застройки. Строительство в нем осуществлялось почти постоянно. К началу XIX в. госпиталь мог принять 1000 больных. Он занимал довольно обширную, прямоугольную в плане, площадь с садом, церковью и т. д. Вокруг сада были расположены небольшие одноэтажные деревянные постройки, которые, как об этом уже говорилось⁴, полностью повторяли план и общий объем трехчастных жилых домов. Госпиталь как бы воспроизводил в увеличенном масштабе типичную для предместий Риги застройку жилых кварталов и отнюдь не походил на казенное учреждение, имеющее большое общественно-полезное значение.

Как известно, в русской архитектуре конца XVIII в. начинает господствовать требование, чтобы в планировке и облике больничных сооружений не только отражались представления эпохи просветительства о функциональном назначении больницы, но также были воплощены в художественных формах гуманистические идеалы времени. В Рижском же военно-сухопутном госпитале даже в выстроенных в 1790 г. четырех деревянных зданиях «новых больниц» и в двух летних корпусах, хотя

¹ M. Thiel. Das Arsenal... В газ.: «Rigaische Stadt-Blätter», 7. Dez. 1827, Nr. 49, стр. 405—406.

² В ЦГВИА (ф. 349, оп. 36, св. 1, д. 56) сохранилась копия этого проекта Демерцова, на которой сделана следующая надпись: «План и фасад Рижскому Говшпиталю, числом на 400 человек, во оном всех комнат 16 под литерою А, в каждую комнату по 25 человек. Горидор посредине под литерою В, из каторого все печи топятся. Сени и выход в нужные места под литерою С. Каморы дежурному офицеру и лекарю под литерою D. Подлинной подписал архитектор Демерцов. Копию чертил кондуктор 1 класса Миллер».

³ Как сообщает О. Гун (Топографическое описание Риги..., ч. II, стр. 70), «сия гошпиталь основана в 1750 году, а в 1754-м окончено строение оной, и начали принимать больных. В 1775-м выстроена церковь, в 1759-м вырыт и оправлен колодезь, в 1771-м основана и в 1772-м кончена аптека, в 1790-м выстроены новые больницы и два летних здания».

⁴ См. выше, стр. 207—208.

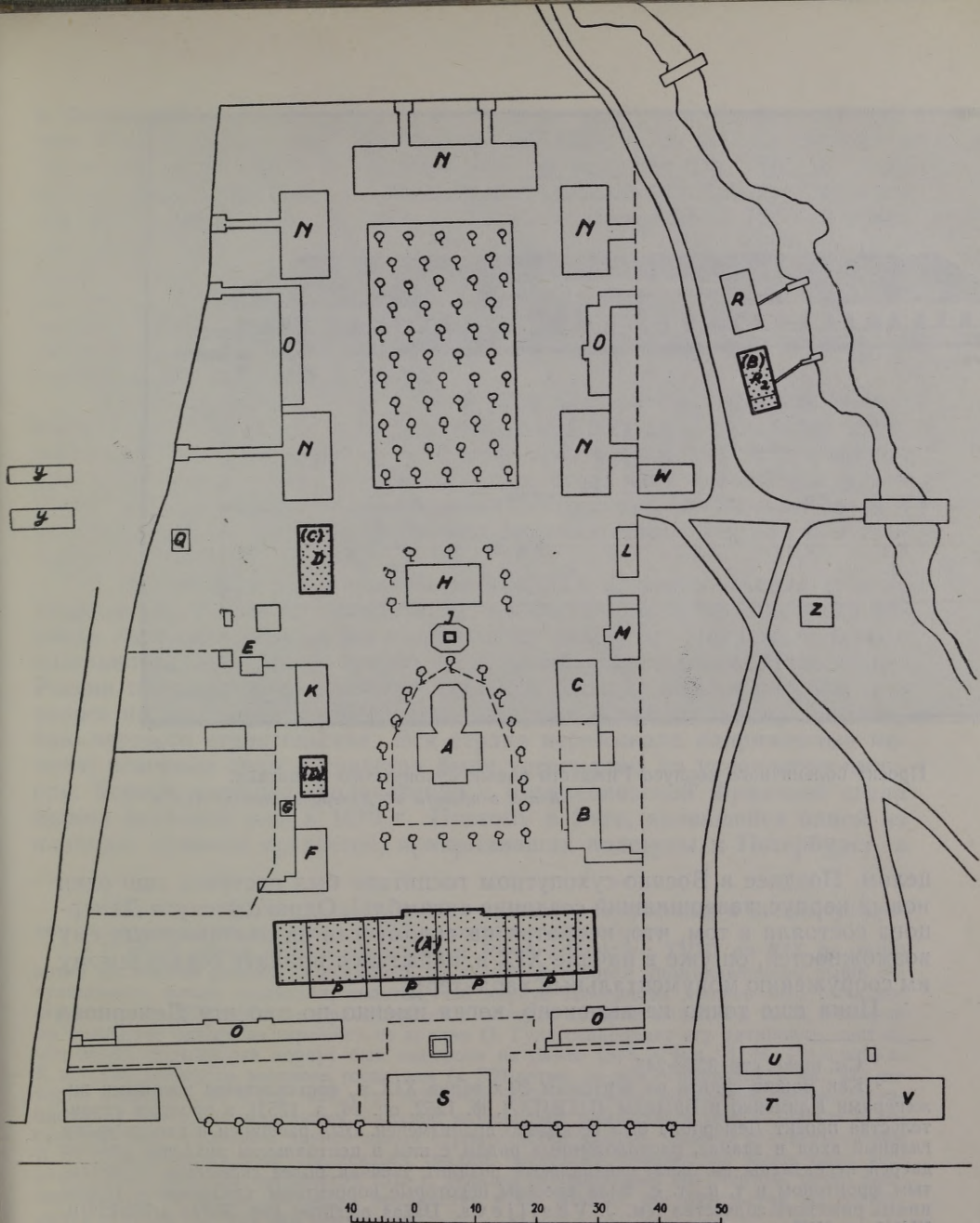
и превышавших по размерам ранее созданные там сооружения, не было и намека на попытку художественного переосмысления облика госпиталя. Правда, эти здания были возведены очень поспешно и, возможно, даже как временные сооружения, что может служить некоторым объяснением их более чем скромного решения.

В начале XIX в., когда на месте этих сооружений потребовалось возвести новое здание, кстати, из аналогичных строительных материалов и столь же простое по конструктивному решению, были применены совершенно иные методы композиционного построения. К тому времени стали господствовать тенденции максимального объединения, укрупнения объемов и форм. Поэтому вместо отдельностоящих небольших построек была запроектирована одна большая.

На плане госпиталя, составленном в марте 1809 г. Рижской инженерной командой¹, показано месторасположение проектировавшегося здания. Оно заняло всю узкую южную сторону территории госпиталя, где до тех пор стояли 4 построенных в 1790 г. больничных корпуса. В результате продольная направленность участка, занятого госпиталем, приобрела некоторое художественное обоснование, поскольку одна из его сторон была акцентирована новым зданием больницы, что подчеркивалось не только большими размерами нового корпуса, но и тем, что главный фасад его был обращен внутрь участка. Кстати, градостроительное значение вновь построенного здания тем самым нимало не уменьшалось, ибо госпиталь располагался вдали от городской застройки.

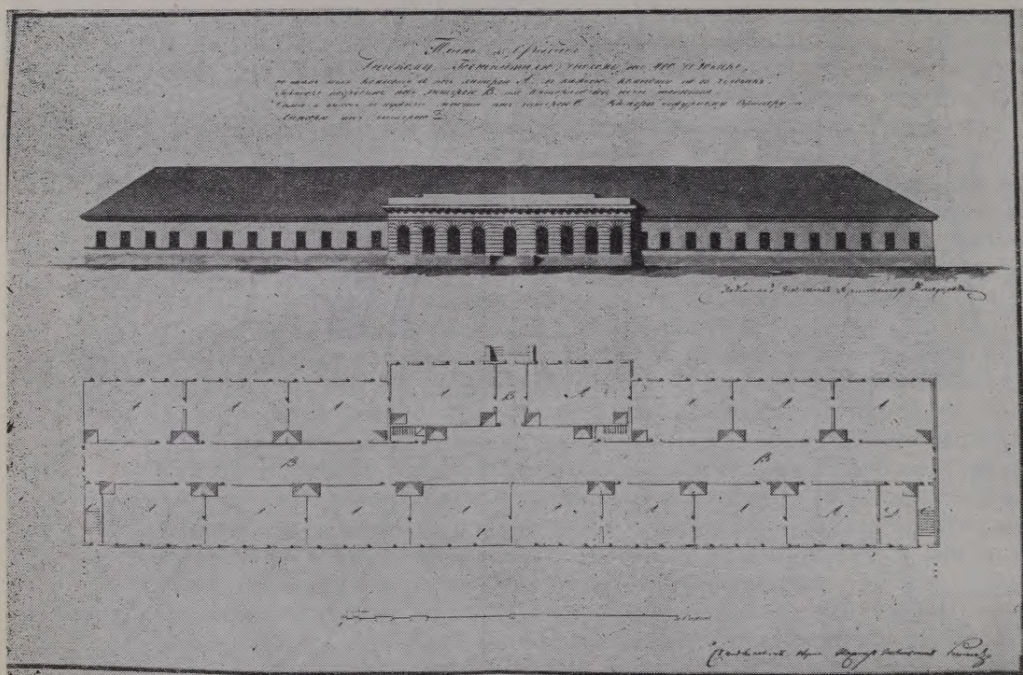
По всей вероятности, перед Демерцовым стояла очень узкая и конкретная задача — создать помещение, в котором можно было бы положить 400 больных. Сообразуясь с общей композицией госпиталя, он спроектировал здание прямоугольным в плане. Оно было очень длинным и очень узким, ибо все палаты были размещены в одном этаже. В центре постройки за счет расширения коридора, идущего по продольной оси, был сделан небольшой выступ, увенчанный ступенчатым фронтоном. Выступ был обработан более богато; размещенные в нем окна получили арочные очертания, поверхность стены была обработана ленточным рустом и т. д. Как и в артиллерийском арсенале, Демерцов для всех горизонтальных и вертикальных членений применил здесь пропорции золотого сечения. Каждая отдельная архитектурная деталь, каждая отдельная форма стали играть в здании больничного корпуса еще меньшую самостоятельную роль, и общее композиционное построение было еще больше подчинено стремлению создать монументальный, цельный облик общественного сооружения. Удачно выбранная композиция нового больничного корпуса позволила Демерцову всего лишь одной, не очень крупной постройкой изменить лицо всего госпиталя в

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 36, д. 55.

Генеральный план Рижского военно-сухопутного госпиталя с обозначением запроектированных к строительству объектов (по чертежу 1809 г.):

(A) — больничный корпус на 400 человек, (B) — баня, (C) — контора, (D) — лаборатория.

Проект больничного корпуса Рижского военно-сухопутного госпиталя.

Копия с проекта Ф. Демерцова начала XIX в.

целом. Позднее в Военно-сухопутном госпитале был построен еще один новый корпус, завершивший создание ансамбля¹. Однако заслуга Демерцова состояла в том, что, несмотря на скромность предоставленных ему возможностей, он уже в начале XIX в. попытался придать создаваемому им сооружению монументальный характер².

Пока еще точно не выяснено, когда именно по проекту Демерцова

¹ См. ниже, стр. 339—345.

² Как можно судить по чертежам 20-х годов XIX в., составленным военными инженерами Клименко и Бальцем (ЦГВИАЛ, ф. 1252, оп. 26, д. 1253), в процессе строительства проект Демерцова был несколько видоизменен. Был расширен и сделан выше главный вход в здание, расположенные рядом с ним в центральном ризалите проемы дверей переделаны на окна, центральный ризалит увенчан более скромным ступенчатым фронтоном и т. п., т. е. были внесены некоторые коррективы, связанные с традициями рижского зодчества (см. J. Vasiļjevs. Dažas piezīmes par Rīgas arhitektūru XVIII un XIX gs. mijā, в кн.: Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I, стр. 109).

в Военно-сухопутном госпитале было возведено новое больничное здание. Оно не могло быть построено ранее 1809 г., когда был составлен упоминавшийся выше ситуационный план госпиталя, в 1815 же году оно, очевидно, уже эксплуатировалось, поскольку на проекте перепланировки предместий после пожара 1812 г., датированном 1815 г., новое здание Демерцова обозначено как существующее¹. Есть все основания полагать, что оно было выстроено перед войной 1812 г. или же сразу после нее, когда в Риге было размещено большое число раненых русских солдат². Но даже если оно и было возведено после Отечественной войны, его все же следует всецело относить к периоду становления новых архитектурных форм в зодчестве Риги.

Даже краткий обзор архитектурно-художественных качеств нового больничного корпуса показывает, что в методах создания архитектурной композиции сооружений за первое десятилетие XIX в. произошли дальнейшие изменения. На первый план стала еще больше выступать общая композиционная идея постройки. Простота, величественность и ясность архитектурно-планировочного решения становятся важным критерием в творчестве зодчих.

В архитектуре Риги самого начала XIX в. новое течение еще не проявлялось в широких масштабах, но отдельные постройки этого периода заложили основы его дальнейшего развития. Пока же в городе возводилось еще мало новых сооружений. Навязанное Наполеоном России присоединение к континентальной блокаде весьма пагубно сказалось на торговле Риги и привело на время к значительному сокращению частного строительства. Вся страна переживала напряженный момент; основные силы и средства были устремлены на укрепление империи. Угроза военного столкновения с наполеоновской Францией стала весьма реальной уже в 1810 г. Поэтому в Риге, являвшейся одной из наиболее сильных крепостей, прикрывавших подступы к Петербургу, в

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 36, св. 1, д. 149. — Здание это простояло в Военно-сухопутном госпитале вплоть до середины XIX в., когда было разобрано.

² В своей статье «Dažās piezīmes par Rīgas arhitektūru XVIII un XIX gs. mijā» автор настоящей работы, основываясь на точной датировке упоминавшегося выше ситуационного плана госпиталя, полагал, что корпус Демерцова должен был быть построен около 1809 г. Однако работающий в области истории медицины В. Н. Реморов на основании одного из чертежей из архива О. Гуна оспаривает эту датировку, считая, что новый больничный корпус был выстроен не ранее 1818 г. [см. В. Н. Реморов. К истории Рижского военного госпиталя (к 250-летию со дня основания), в кн.: Из истории медицины, II. Рига 1959, стр. 142—143]. Действительно, по одному только ситуационному плану, составленному Рижской инженерной командой в 1809 г., нельзя с достоверностью установить точное время строительства здания. Однако с утверждением В. Н. Реморова в целом согласиться трудно, поскольку упомянутый выше план восстановления рижских предместий 1815 г. являлся официальным документом, точно фиксировавшим состояние застройки предместий в тот момент, обстоятельства же составления чертежа О. Гуна нам неизвестны.

эти годы особенно интенсивно ремонтируются старые и строятся новые оборонительные сооружения. На левом берегу Даугавы, например, восстанавливается и значительно расширяется старое шведское укрепление Коброншанц. Работы по укреплению Риги, проведенные в этот период под руководством Я.-Э. де Витте и позднее — инженер-полковников И. Х. Трузсона 2-го и Обручева, имели широкий размах и превратили Ригу в хорошо оснащенную крепость.

Обзор военно-инженерных работ, осуществленных в Риге в конце XVIII — начале XIX в., показывает, что именно в этой области строительства на рубеже двух веков появились произведения архитектуры, открывшие новый этап в развитии рижского зодчества. Лаконичный язык архитектурных форм, суровый, даже несколько суховатый облик возводимых зданий, — все это как нельзя лучше отражало дух и потребности периода, предшествовавшего войне 1812 г.

VII

ПРОЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ РИГИ

1813—1815 гг.

В период Отечественной войны 1812 г. городу Риге был причинен большой ущерб. Наполеоновские войска (корпус Макдональда) оккупировали Курляндскую губернию и приблизились к Риге. Правда, военные операции в этом районе, как и вообще продвижение в сторону Петербурга, имели для французов второстепенное значение. Они не смогли создать здесь достаточного перевеса сил, чтобы захватить Ригу, являющуюся хорошо оборудованной крепостью¹. Тем не менее нависшая над городом опасность продолжительной осады дала рижскому военному генерал-губернатору Эссену повод отдать приказ о сожжении предместь, окружавших Старую Ригу.

Сожжение рижских предместий, последовавшее в ночь с 11 на 12 июля 1812 г., оценивается историками по-разному. В «Истории Латвийской ССР», например, указывается: «Предместья Риги считались очагами сторонников Французской революции, поэтому Эссен, отдавая этот приказ, руководствовался не столько военной необходимостью, сколько соображениями политического характера»². По другой версии, этот приказ объясняется, напротив, военной необходимостью, а также излишней осторожностью самого Эссена³. Не углубляясь в вопросы о конкретных причинах, побудивших военные власти сжечь рижские предместья при приближении наполеоновских войск к Риге, нужно заметить, что соображения политического характера, если таковые и имели место, сыграли здесь далеко не основную роль. Во всяком случае, та же самая «История Латвийской ССР» отмечает, что латышские ремесленники, населявшие предместья, стали вместе с русскими солдатами

¹ См. История Латвийской ССР, т. I, стр. 463—464.

² Там же, стр. 464.

³ См. H. Schröder. Riga im Wandel der Zeiten. Riga 1942, стр. 10.

в первые ряды защитников города. Находясь на боевом посту, «они наблюдали, как были сожжены их дома, расположенные в предместьях города, но ни один из них не тронулся с места, чтобы спасти свое имущество»¹. Можно усомниться в том, чтобы военные власти согласились доверить «политически неблагонадежным» жителям предместий оборону города да еще выдали им свидетельство о безупречной службе, после того как опасность миновала². А кроме того, сожжение «очагов сторонников Французской революции» едва ли способствовало бы их умиротворению, — скорее всего, оно могло только возбудить их.

Рижские предместья, как указывалось выше, всегда имели ту особенность, что они, располагаясь поблизости от городских укреплений, находились под постоянной угрозой уничтожения. Их существование допускалось лишь постольку, поскольку город не подвергался непосредственной опасности нападения. Но как только такая опасность назревала, предместья полностью или частично уничтожались либо разорялись в ходе военных действий. Сожжение рижских предместий в 1812 г. отличалось от предыдущих подобных «операций» лишь тем, что оно оказалось излишним, ибо наполеоновские войска так и не решились на осаду города. Но даже позднее, когда в 1813 г. был разработан Регламент о восстановлении предместий, то в примечании к одному из его параграфов было отмечено, что «форштадтские постройки» не гарантируются от уничтожения в случае осады города, а их владельцы предупреждаются «о неимении нималейшего права к отыскиванию вознаграждения»³.

Эта особенность положения рижских предместий сказывалась на их планировке и застройке. Недаром в предместьях разрешалось возводить только деревянные здания. Планировочные работы, осуществленные в 70-х годах XVIII в., были направлены, кроме всего прочего, на такую организацию уличной сети предместий, которая способствовала бы более успешной обороне города и не позволяла бы противнику сосредоточиться поблизости от крепостных рвов и бастионов.

Уничтожение рижских предместий в 1812 г. следовало бы поэтому объяснять особенностями военной стратегии того времени, психологическим напряжением момента, в какой-то степени и просто паническим состоянием, в которое впал Эссен, окончательно растерявшийся при из-

¹ История Латвийской ССР, т. I, стр. 466—467.

² В «Истории Латвийской ССР» приводится текст свидетельства, выданного командующим рижским артиллерийским округом Третьяковым латышскому цеху браковщиков пеньки в том, что он «обще с настоящими фронтowymi артиллеристами все принадлежащие к тому обязанности исполнял с самою большою ревностью и прилежанием без малейшего прекословия» (т. I, стр. 467).

³ Reglament über die Wiederaufbauung der Rigaschen Vorstädte und das Verhältnis der Vorstädte zu den Befestigungen von Riga, стр. 9. (Текст на русском и немецком языках.)

План рижских предместий с обозначением частей их, сожженных в 1812 г. (выделены более темным цветом).

Чертеж 1815 г.

вести о приближении неприятеля. В результате этого акта в рижских предместьях было, как известно, сожжено более 700 домов и около 10 000 жителей остались без крова. Общий убыток исчислялся в 19 млн. руб.¹

Как только напряженность положения разрядилась и непосредственная угроза осады города наполеоновскими войсками миновала, генерал-губернатор дал указание «о невозбранении возводить новые по-

¹ Сам Эссен доносил Александру I 30 июля 1812 г. следующее: «По приближении неприятеля почти к самым рижским укреплениям (в действительности войска Макдональда не решились подойти к Риге и находились приблизительно в 20 км от нее. — Ю. В.) я в необходимости нашелся приказать сжечь часть форштадтов города Риги, будучи в невозможности и не в праве отлагать тем далее, как о сем всеподданнейше В. и. в. донесено уже мною. Жители той части форштадтов, лишась домов своих, от коих имели они пропитание, соделались жертвою крайней бедности. Я священною поставил себе обязанностью пешись о пропитании и призрении несчастных сих семейств» (ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 2, д. 214, л. 1).

стройки и ремонтировать старые дома в предместьях»¹. Этот приказ, подписанный 20 августа 1812 г., мог свидетельствовать лишь о продолжающейся растерянности Эссена, о его неспособности реально оценивать факты и делать из них соответствующие выводы. Приказав полностью уничтожить большую часть предместий, он не только не выдвинул задачи реконструировать их, но, разрешая жителям устраивать здания «на свой страх и риск», затруднял тем самым осуществление такой реконструкции в дальнейшем. Строительная «политика» Эссена не становилась менее порочной оттого, что уже тогда стало проводиться в жизнь требование об обязательном применении «высочайше» утвержденных образцовых фасадов для вновь строившихся по красной линии домов (как сообщается в одной из корреспонденций, относящихся к 1814 г., в течение первых 6 месяцев после сожжения предместий там было построено 29 таких домов и, кроме того, большое число домов и сараев было построено в глубине старых участков², где образцовые фасады, очевидно, не применялись).

Серьезные работы по реконструкции рижских предместий были начаты только в январе 1813 г., после того как в Ригу прибыл назначенный вместо скомпрометировавшего себя Эссена новый генерал-губернатор маркиз Ф. Пауллуччи, итальянец по происхождению. В период его деятельности³ Рига обогатилась многими новыми зданиями, а предместья получили именно ту планировку, которая легла в основу застройки современного города.

Сожжение рижских предместий в 1812 г. отделяет первую фазу развития архитектуры Риги в конце XVIII — начале XIX в. от второй его фазы главным образом лишь как хронологический рубеж, после которого возникла острая практическая необходимость в восстановлении предместий. В то же время каких-либо принципиальных изменений в архитектуре Риги на первых порах не произошло. Так, например, приступая к разработке проекта восстановления предместий, авторы его учли проекты расширения предместий, составленные в 1790-х годах, а также указания Военной коллегии о создании в Риге оборонительных дистанций. При восстановлении предместий были учтены и требования об использовании проектов образцовых фасадов, разработанных и «высочайше» утвержденных еще в предвоенный период⁴. Наконец, только после войны оказалось возможным реализовать некоторые родившиеся

¹ Рижский городской государственный архив (РГГА), ф. 2, оп. 4, д. 23.

² Über den Wiederaufbau der Rigaschen Vorstadt. В раз.: «Rigaische Stadt-Blätter», 3. Febr. 1814, Nr. 5.

³ Ф. Пауллуччи был назначен лифляндским и курляндским генерал-губернатором в октябре 1812 г. и пробыл на этой должности вплоть до 1829 г.

⁴ Правительственным указом от 31 декабря 1809 г. до сведения всех гражданских губернаторов было доведено предписание «О строении частных домов в городах по вновь высочайше утвержденным фасадам», в котором, в частности, говорилось: «не

на месте идеи в отношении лучшей архитектурно-планировочной организации города. В частности, именно тогда в рижских предместьях были спроектированы церкви, размещавшиеся на открытых площадях, о чем мечтал еще Оттон Гун, тогда же была реализована высказанная в 1802 г. идея о создании на эспланадной линии парковой зоны.

Таким образом, только после войны 1812 г. оказалось возможным воплотить в жизнь многие предложения, появившиеся еще перед войной. Вообще же первая фаза развития зодчества Риги в конце XVIII — начале XIX в. отличается от второй не более, чем детский организм отличается от взрослого: в первом имеется в зародышевом состоянии почти все, что может проявиться особенно ярко только во втором. Именно в этом состояло основное качественное различие между развитием архитектуры Риги в до- и послевоенный период.

Большую роль в развитии Риги, и в частности ее архитектуры, в послевоенный период сыграл новый военный генерал-губернатор маркиз Пауллуччи, который, особенно в первые годы после своего назначения в Ригу, проявил много энергии и инициативы в деле восстановления города. Он, например, вполне сознавал, что, пока рижские предместья лежали в развалинах, необходимо было в очень короткий срок провести хотя бы самые элементарные градостроительные работы, которые позволили бы сразу же начать восстановление «форштадтов» не бездумно, как при Эссене, а с определенными перспективами для их дальнейшего развития. В январе 1813 г. Пауллуччи направил гражданскому губернатору О. Дюгамелю распоряжение¹, в котором писал: «По важным причинам я нахожу нужным, чтобы с наибольшей быстротой был набросан строительный план для форштадта вместе с составлением необходимых строительных предписаний. Выполнение этого дела должно быть поручено комиссии», персональный состав которой обязан был установить гражданский губернатор. Председателем комиссии Пауллуччи назначил направленного в 1811 г. в Ригу для «приведения ее в оборонительное состояние» инженер-полковника Ивана Христиановича Трузсона². Остальные члены комиссии не были ни инженерами, ни ар-

иначе давать от сего времени дозволение строить дома в городах вверенной вам губернии, как по произвольному выбору тех, кто желает строиться, одного из высочайше утвержденных фасадов» (ПСЗ, т. XXX, № 24061а). До войны 1812 г. этот указ в Риге, очевидно, не мог быть осуществлен, так как в 1810—1811 гг. здесь почти не велось частного строительства, зато после сожжения предместий он был положен в основу строительного законодательства Риги.

¹ РГГА, ф. 2, оп. 4, д. 23, лл. 4—5. — Выдержки из этого распоряжения Пауллуччи даются в переводе с немецкого языка, на котором написан документ.

² И. Х. Трузсон 2-й играл вообще видную роль в военно-инженерном ведомстве (см. Столетие Военного министерства, т. VII, вып. 1). П. Кампе (ошибочно называя И. Х. Трузсона чужим именем и отчеством) указывает, в частности, что уже в 1811 г. он наметил границы, в которых в случае необходимости следовало уничтожить форштадт (Р. С а m p e. Lexikon . . . , Bd. II, Nr. 1666).

хитекторами, — это были члены магистрата, рижские купцы и т. п.¹ Они должны были сформулировать основные требования, которые город предъявлял к новому плану рижских предместий и к порядку их застройки. Только один член комиссии — городской ревизор Г. Ринк, являясь землемером, в обязанности которого входила регуляция городских территорий, распределение и разбивка земельных участков и т. п., мог принять деятельное участие в составлении нового плана. Однако всю основную работу по составлению этого плана пришлось взять на свои плечи не ему, а Трузсону. Поэтому фактическим автором нового плана предместий следует считать именно инженер-полковника И. Х. Трузсона 2-го.

Комиссия Трузсона, согласно упомянутому уже распоряжению Паулуччи, должна была прежде всего издать воззвание с предложением «не делать попыток возводить предполагаемые постройки на форштадте», пока не будут установлены правила застройки и не будет разработан строительный план. Тем самым было отменено разрешение Эссена строить дома в форштадтах и застройка сразу же была поставлена в рамки определенных градостроительных требований.

Комиссия Трузсона обязана была установить границы, «в каких должен быть выстроен форштадт», и решить в этом отношении высказанную Паулуччи альтернативу: «либо форштадт должен быть построен совсем вне района оборонительных дистанций и на расстоянии дальности выстрела тяжелого орудия, и при этом одновременно должно быть разрешено в округе, принадлежащей к району оборонительных дистанций, закладывать сады, которые, однако, не должны огораживаться стенами и иметь прочных жилых построек, но могут иметь деревянные ограды и легкие беседки (Lust-Gebäude); либо при размещении [предместий их] прежняя граница только в наиболее важных случаях должна быть ограничена и установлена по-иному относительно крепости», т. е. предместья сохранили бы свои прежние очертания. Комиссия в разработанном ею Регламенте высказалась за второе решение: «производимы могут быть строения в Санкт-Петербургском и Московском форштадтах в прежних пределах»².

¹ В состав комиссии входили, кроме Трузсона, ратсгер фон Тороклус, ратсгер Байениш как представитель магистратской кассы коллеги, ратсгер Тимм как представитель ландфохтейского суда, аптекарь Шильхорн, купец Михаил Алифанов, старейшина Малой гильдии Лангер и городской ревизор Ринк (РГГА, ф. 2, оп. 4, д. 23, л. 6).

² Reglement über die Wiederaufbauung..., стр. 7. — Если бы было принято первое предложение Паулуччи в отношении установления новых границ предместий, то тем самым должны были бы отпасть все ограничения военно-оборонительного характера. В предместьях (за оборонительными дистанциями) оказалось бы возможным строить любые здания, они не подвергались бы угрозе нового уничтожения в случае осады Риги, т. е. предместья приобрели бы значение полноценного городского орга-

Как явствует из протоколов заседаний комиссии¹, начавшей работу 17 января 1813 г., при составлении плана города и правил его застройки были приняты во внимание также указы Военной коллегии от июля 1811 г. и от 23 января 1812 г. об устройстве укреплений Риги и правительственный указ от 31 декабря 1809 г. об обязательном применении образцовых фасадов.

На первом же заседании комиссии Трузсон изложил основную идею застройки рижских предместий. Фактически он, по-видимому, ознакомил остальных членов комиссии с готовым проектом восстановления сожженных частей предместий. Трузсон указал, как и где должны быть размещены отдельные важнейшие постройки, в частности русский гостинный двор и Екаторининское училище, как вообще застраивать предместья в соответствии с установлением оборонительных дистанций, наконец, каким образом планировать левобережную часть Риги в связи с существующими там укреплениями. Эти предложения Трузсона, несколько уточненные в ходе работ комиссии, и были положены в основу планировки форштадтов. Уже в конце февраля комиссия закончила свою деятельность, и 6 марта 1813 г. был подписан и издан Регламент о восстановлении предместий (*Reglament über die Wiederaufbauung...*), к которому был приложен разработанный комиссией план рижских предместий с новой уличной сеткой.

«По указу е. и. в., — говорилось в предисловии к Регламенту, — Лифляндское губернское правление, рассмотрев план Комиссии, составленной оною на тот конец, каким образом выстроить вновь сожженные рижские форштадты, приемля при том в соображение как самую крепость с ее укреплениями, так и выгоды обывателей и учинив на основании того плана по некоторым пунктам перемену, а по некоторым прибавления, объявляет о... правилах на выстроение вновь рижских форштадтов, касательно до укрепления Риги»².

Чертежи, относящиеся к периоду восстановления предместий, показывают, что в 1812 г. была сожжена именно та часть их, которая подверглась перепланировке согласно проектам 1769 г. Именно этот район был заново спланирован комиссией Трузсона. Кроме того, было предусмотрено осуществить реконструкцию или выпрямление уличной сети в уцелевших — «старых» районах предместий, которые были спланированы в 1790-х годах. Характерно, что направленность уличной сети в планах, составленных комиссией Трузсона, полностью повторяет трас-

низма. Однако в этом случае они лишились бы органической связи со Старым городом — если можно так сказать, «вышли бы из-под его влияния». Это последнее обстоятельство, по всей видимости, и заставило комиссию отказаться от возможности построить предместья так, чтобы им никогда больше не угрожало уничтожение.

¹ РГГА, ф. 2, оп. 4, д. 23, лл. 6—25.

² *Reglament über die Wiederaufbauung...*, стр. 3.

сировку улиц, предусматривавшуюся в проектах 1769 г. и 1790-х годов. Правда, в проекте 1813 г. число улиц было уменьшено, а размеры кварталов увеличены, особенно в районе, расположенном между Санкт-Петербургской и Лазаретинской улицами (ныне улицы Ленина и Горького). Таким образом, в целом были сохранены основные исторически сложившиеся направления улиц предместий, что позволило осуществить восстановление предместий в кратчайший срок¹.

19 марта 1813 г., после того как комиссия Трузсона закончила разработку плана восстановления предместий и Регламента, Паулуччи представил их на утверждение Александру I. В своем сопроводительном письме Паулуччи раскрывает основные требования, которые предъявлялись к новому плану рижских предместий, и говорит о некоторых обстоятельствах его составления. «В. и. в. в бытность мою в главной квартире в Полоцке, — пишет Паулуччи, — высочайше повелеть соизволили обратиться особенное мое попечение на возобновление рижских форштадтов... Естли план сей (т. е. план, составленный комиссией Трузсона. — Ю. В.) и не соответствует красе и правильности, кои легко могли быть соблюдены при заведении вновь строений (очевидно, поэтому-то Паулуччи и предлагал строить предместья на новом месте, вне района оборонительных дистанций. — Ю. В.), я осмеливаюсь однако ж надеяться, что оный удостоен будет всемилостивейшего В. и. в. одобрения; ибо справедливое участие в судьбе несчастных хозяев, лишившихся всей своей собственности от создания домов их на форштадтах, поставило мне в обязанность сколько можно оставлять им прежние их места и избегать уменьшения и раздробления оных. Стараясь таким образом исполнить высочайшее В. и. в. повеление, удостоверен я был, что согласно с высочайшею В. и. в. волею [можно] будет посредством новых зданий и заведений предать забвению истребление 800 домов и способствовать к украшениям и приятностям города, который заслуживает почитаться одним из главнейших в империи сколько по обширности своей торговле и по близости к столице, столько и по достоинству жителей. На сей ко-

¹ Работы по восстановлению рижских предместий были начаты сразу же, как только комиссия Трузсона разработала свой проект. Это оказалось возможным потому, что еще в бытность Эссена рижским генерал-губернатором он отдал приказ о разломке труб, оставшихся от сожженных домов в предместьях (ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 7, д. 1848, л. 97), в результате чего территория предместий оказалась расчищенной для нового строительства. Как явствует из отчетов Рижской инженерной команды, первые полевые работы по разбивке улиц в предместьях были начаты в январе 1813 г., т. е. параллельно работе комиссии Трузсона. «По повелению г-на рижского коменданта от 11 января за № 222, — говорится в отчете за 1813 г., — для назначения внутри на форштадтах линий, разграничивающих 3-ю и 4-ю дистанции, поставлены врытые в землю сухолины», и далее сообщается, что «по словесным приказаниям рижского военного губернатора г-на ген.-лейтенанта и кавалера маркиза Паулуччи и госп. окружного командира пред крепостью производились инженерным чиновником разбивка 1-й и 2-й линии, на оной аллей и на форштадте улиц» (ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 7, д. 1849, л. 60).

Проект восстановления рижских предместий, разработанный комиссией Трузсона в 1813 г.

нец приказал я сочинить... план о заведении места для прогулок, к произведению сего в действие в непродолжительном времени приступлено будет»¹. План и Регламент о восстановлении предместий были «высочайше» утверждены Александром I в августе 1814 г., после того как в Регламенте были сделаны небольшие редакционные изменения².

Важное место в новом плане предместий и в Регламенте о восстановлении предместий было отведено делению всей территории, прилегающей к Старому городу, на 5 «оборонительных дистанций», установленных Военной коллегией еще в 1811 г. Рига членилась на оборонительные дистанции концентрическими полукругами, расходящимися от

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 2, д. 42, л. 3.

² Там же, л. 2.

Старого города. В первых двух дистанциях вообще запрещалось какое-либо жилищное строительство и сохранялась та самая эспланада, которая была создана вокруг Рижской крепости еще во второй половине XVIII в. В третьей дистанции, или «в расстоянии на пушечный выстрел», разрешалось возводить дома «только деревянные», «в один только этаж», на каменных фундаментах, которые «не должны быть выше одного фута противу равнины улицы»; здесь требовалось «главные улицы расположить под анфиладу крепостных верок и поперечные так, чтобы главные пересекали перпендикулярно и все улицы прямолинейные без изгибов»¹. Следующие дистанции разрешалось застраивать более свободно. В них позволялось «строить всякого рода здания», «даже с фахверковыми стенами на каменных фундаментах без ограничения высоты оных» (т. е. фундаментов. — Ю. В.), «но при том весь нижний ярус (этаж. — Ю. В.) ни под каким видом не должен быть каменным»². Таким образом, забота о том, чтобы улицы, прилегающие к Старому городу, оставались простреливаемыми, и на этот раз оказала значительное влияние на характер планировки и застройки рижских предместий.

В отличие от большинства русских городов, в которых этажность зданий, плотность застройки и т. п. по мере приближения к центру все больше увеличивались, а окраины были обычно населены беднейшим людом, — в Риге, напротив, районы предместий, прилегавшие к Старому городу, отводились под одноэтажное строительство, а более удаленные могли застраиваться зданиями «всякого рода». В результате одна из серьезных социально-экономических предпосылок градостроительства XVIII — начала XIX в. была нарушена, что затрудняло реализацию проекта 1813 г. в натуре. Земельные участки в районе 3-й дистанции, которая находилась ближе к центру города, приобретали главным образом более зажиточные рижане, которые, несмотря на запрещения, возводили здесь даже двух- и полуторазэтажные здания, тогда как в 4-й и 5-й дистанциях, как того и следовало ожидать, селилось беднейшее население города. В этих районах вместо домов «всякого рода», да еще с «фахверковыми стенами», появлялись преимущественно убогие лачуги.

Таким образом, в новых условиях, когда рижские предместья стали играть важную роль в жизни города и никак уже не могли рассматриваться как случайный придаток Риги, требования военно-оборонительного характера превратились в тяжелые путы, значительно усложнявшие планировку и застройку предместий. Требования эти явились основной преградой, препятствовавшей осуществлению многих принципов градостроительства, так или иначе соответствовавших нуждам рижан.

¹ Reglement über die Wiederaufbauung . . . , стр. 7—9.

² Там же, стр. 11.

В первой трети XIX в. Рига переживает очередное оживление в своей экономической жизни, повышается роль ее во внешней торговле России¹. В 20-х годах, например, на долю Риги приходилось 12—15% всей внешней торговли империи, а экспорт из Риги составлял 15—20% всего русского экспорта. В начале XIX в. Рига являлась вторым после Петербурга торговым портом России. Рижский морской порт ежегодно посещало около 800 торговых судов. По Даугаве в город ежегодно приходило в среднем около 500 стругов. Наряду с этим в Риге развивалась промышленность. В 1820 г. здесь насчитывалось 54 капиталистических промышленных предприятия, не считая многочисленных цеховых мастерских.

Повышение экономического значения Риги в значительной степени увеличило актуальность высказывавшихся рижанами еще в довоенный период пожеланий о ликвидации «крепости Риги» и сохранении за городом лишь его торговых функций². С подобными предложениями стали выступать также и представители самих военных властей. Так, например, влиятельный деятель Инженерного департамента инженер-генерал-майор К. И. Опперман еще в 1810 г., защищая проект создания новой Даугавпилсской (Динабургской) крепости, указывал, что, когда Динабург будет отстроен, будет возможно «тогда вовсе уничтожить ригскую крепость (через что, однако, тамошняя торговля получила бы большую свободу и облегчение)³. Позднее, в 1813 г., он снова указывал, что Рига, «будучи при том богатый торговый город, наполненный тесными улицами и высокими строениями, не удобен быть крепостью»⁴.

Противоречивость основных функций Риги ясно видел и Пауллучи, понимавший, какую важную роль играет этот город в экономике России. Еще в 1813 г. он писал, что «Рига в одно время и крепость, и торговый город, две вещи между собой совсем противные, ибо первое держится большею строгостию, а второй требует свободы. Впрочем не должно почитать Ригу только губернским городом, но торговым путем и пристанью многих провинций»⁵. Всячески развивая эту мысль, Пауллучи несколько позднее пришел к выводу, что «город Рига по обширности торговли, по многолюдству своему и богатству жителей, также и по географическому своему положению, находясь при том на большой дороге из С.-Петербурга в чужие края, может быть почтен третьим в

¹ См. История Латвийской ССР, т. I, стр. 430—433.

² Эти предложения были сделаны комиссией рижских бюргеров, разработавшей проект реформы городского управления. Однако правительственными органами они были оставлены без внимания (см. С. Mettig. Geschichte der Stadt Riga, стр. 421, 428—429).

³ ЦГВИА, ф. 349, оп. 2, св. 19, д. 858, л. 3.

⁴ Там же, св. 21, д. 890, л. 33.

⁵ Там же, л. 1.

государстве городом», и в связи с этим отмечал, что «жители рижские тщатся соревновать жителям столиц в попечении украшения места их пребывания»¹.

Мнение Паулуччи и Оппермана, бесспорно, являлось прогрессивным для своего времени, поскольку оно соответствовало жизненным потребностям развития города, а также и экономики Латвии.

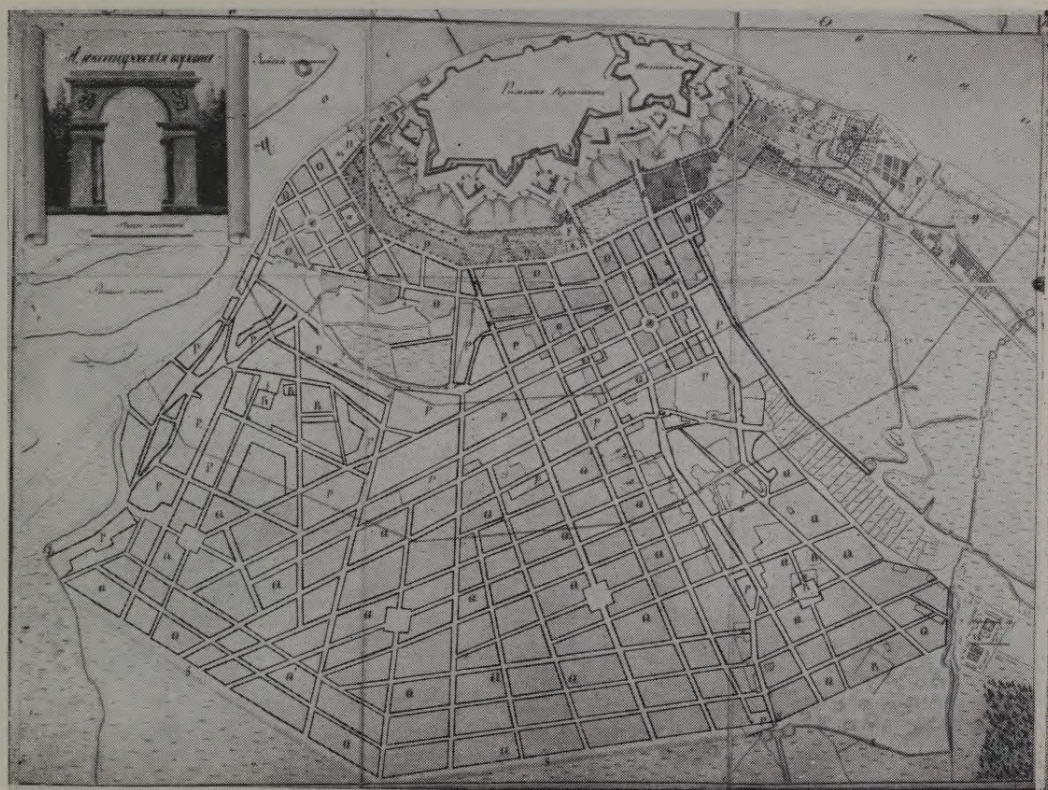
Сравнительно скромные предложения по восстановлению предметий города, утвержденные в 1813 г., не отражали, конечно, экономических тенденций развития Риги и пожеланий губернского начальства о превращении Риги в третий город государства. Проект 1813 г. являлся только программой-минимум, которая предусматривала лишь восстановление застройки в бывших границах фактически существовавших предместий. Поспешность, с которой был разработан, утвержден и опубликован этот проект, объяснялась вполне конкретными причинами. Но после того как застройщики получили реальный план, по которому они могли начать восстановление своих жилищ, возникла необходимость в продолжении градостроительных работ. Надо было осуществить программу-максимум и в спокойной обстановке зафиксировать на бумаге перспективные планы развития города, а также и тщеславную мечту губернских властей о том, чтобы Рига стала достойным конкурентом в соревновании с обеими столицами империи.

* *
* *

Работа по составлению широкого перспективного проекта развития Риги продолжалась около 20 месяцев. Есть основания полагать, что разработка этого проекта имела прямое отношение к деятельности комиссии Трузсона, которая, как уже отмечалось, должна была прежде всего «заняться установлением границ, в каких должен быть выстроен форштадт», т. е. решить задачу, с которой, конечно, нельзя было справиться, не представляя себе основных направлений дальнейшего развития предместий. Более точных указаний об авторах этого проекта пока что не имеется. Возможно, что в его разработке принимал участие также очередной лифляндский губернский архитектор Х.-Ф. Брейткрейц, поскольку проект рассматривался в губернской канцелярии. Точно известно только то, что проекты перспективного развития рижских предместий и приведения в порядок улиц Старой Риги, датированные 15 января 1815 г., были подписаны самим Паулуччи.

Проект, подписанный Паулуччи в 1815 г., особенно характерен тем, что в нем нашли полное отражение все предложения градостроительного порядка, которые были сделаны в предыдущие годы. На плане пред-

¹ ЦГВИА, ф. 35, оп. 245, св. 189, д. 82, л. 1.

Проект планировки рижских предместий 1815 г.

местий, например, различными цветами было обозначено: 1 — «как сгоревшая часть форштадта выстраивается вновь», т. е. предложения комиссии Трузсона 1813 г.; 2 — «как полагается существующие кварталы старого форштадта привести в порядок», что в них «должно отломать», а что «достроить и все сие положенным срокам не далее как в 1824 году», т. е. градостроительные предложения 1790-х годов, наконец, 3 — «каким образом впредь при возтребовании должны выстраиваться предместия далее», т. е. собственно проектные предложения 1815 г.¹ Эти составные части проекта планировки предместий Риги 1815 г. органи-

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 36, св. 1, д. 149, надписи на плане.

чески развивали одна другую. Более того, дополнения, показывающие, «каким образом впредь» застраивать предместья, сделали понятными некоторые элементы планов предыдущих лет.

Хотя проект 1815 г. в конкретных условиях России начала XIX в., без сомнения, являлся градостроительной утопией, хотя он был реализован лишь отчасти, и то лишь в границах проектных предложений 1813 г., он все же является весьма интересным историческим документом, который показывает пример типичной для архитектуры начала XIX в. широты замысла, раскрывает во всей полноте содержание градостроительных работ 1813—1815 гг., наконец, отражает господствовавшие в начале XIX в. представления об идеальной Риге.

После 1815 г. впервые в относительно широких масштабах был подвергнут реконструкции также и Старый город, хотя в этом не было никакой особой необходимости. О причинах этой реконструкции достаточно ясно свидетельствует заголовок проекта 1815 г., который был сформулирован следующим образом: «План рижской крепости и ее цитадели с показанием перемен, учиненных с 1812 по 1815 год, также с наложением проэкта, как полагается впредь улучшить и привести в порядок улицы и для украшения города произвести некоторые постройки»¹. Иными словами, период с 1813 по 1815 г. характеризуется составлением проектов, связанных с переосмыслением, а также развитием всего того, что было создано в Риге ранее. В этот период появляется стремление придать новый облик всей Риге в целом. Теперь Старый город стараются объединить с предместьями не только композиционно, но и художественно. Правда, условия застройки Старого города, как и прежде, затрудняли осуществление широких градостроительных замыслов, но одновременная разработка проектов реконструкции Старого города и рижских предместий свидетельствует о некоторых изменениях, происшедших в начале XIX в. в подходе к градостроительным проблемам.

Осуществление проектировавшейся планировки рижских предместий в границах проекта 1813 г. предполагалось закончить в 1830 г.; правда, в некоторых случаях были сделаны оговорки о возможности реализации проекта лишь тогда, «когда сыщется сумма для вознаграждения убытков», либо «по смерти нынешних хозяев»². Авторы плана рассчитывали на бурный рост населения в Риге, и, действительно, число жителей Риги с 28 тыс. в 1812 г. увеличилось к 1829 г. почти до 52 тыс.³

Наряду с этим составление плана развития рижских предместий 1815 г. было связано с надеждой, что удастся получить значительные государственные субсидии для восстановления жилого фонда Риги. Гу-

¹ ЦГВИА, ф. 3, оп. 36, св. 1, д. 150.

² Там же, д. 349, оп. 36, св. 1, д. 185, надписи на копии плана 1815 г.

³ См. J. Straubergs. Rīgas vēsture, стр. 418.

Проект реконструкции Старого города 1815 г.

бернские власти просили выделить пострадавшим рижским домовладельцам пособие в размере полутора миллионов рублей и, кроме того, 50 тыс. руб. для тех, кто никогда своих домов не имел¹. В 1815 г. был разработан специальный проект создания в Риге «вспомогательного банка», в первом параграфе устава которого указывалось: «Большая часть жителей рижских форштадтов при сожжении в 1812 году домов их лишилась всего имущества своего или по крайней мере главной части оною, а с тем вместе и средств вновь строиться. Положение сих несчастных такого рода, что не только заслуживают они особенного внимания, но и не предвидится возможности, чтобы даже в течение многих лет предместья были вновь отстроены, естли не последует знатное вос-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 2, д. 42, л. 38.

помоществование. В числе сих злополучных большею частию или мастеровые, кои, лишась собственности своей, ныне ограничены на том только, чтобы все употреблять силы для снискания себе и семействам своим дневного пропитания, или таковые, кои трудами приобретенное имущество употребили на покупку дома, дабы выручаемыми от найма деньгами себя содержать, а ныне без всяких способ претерпевают крайний недостаток, или же, наконец, чиновники, в службе состоящие, как употребили собственность свою на покупку дома для проживания, а ныне также не имеют средств вновь строиться»¹.

Меры, принятые для оказания помощи застройщикам рижских предместий, в частности создание вспомогательного банка и последовавший в 1818 г. «высочайший» указ, согласно которому «на построение вновь домов погоревшим жителям Риги, по Высочайше утвержденному плану Рижского военного губернатора», было отпущено «миллион пять сот тысяч рублей на 20 лет без процентов»², в какой-то мере способствовали осуществлению проекта 1815 г. Но в то же время эти меры почти не снимали существовавших в застройке Риги противоречий и не вели к улучшению условий жизни низших слоев населения. Характерно, что домохозяева, которые не были в состоянии представить необходимые поручительства, не могли получить ссуду, т. е. лишались возможности вновь отстроить свой дом.

По сравнению с проектами XVII и даже XVIII в. градостроительные предложения начала XIX в. имели много отличительных особенностей.

В плане 1815 г. роль рижских предместий в общей структуре города значительно изменяется. Если ранее предместья занимали сравнительно небольшую площадь и были фактически подчинены Старому городу, то теперь пространство, отводимое под «форштадты», увеличивается во много раз и уже значительно превышает площадь застройки Старого города со всеми его укреплениями. Собственно городом, согласно плану 1815 г., должен был стать как раз тот район, в котором планировались предместья, тогда как Старая Рига приобрела бы характер кремля, окруженного обширными посадками. Такое новое понимание роли предместий и Старого города было далеко не случайным явлением — оно соответствовало единственно возможному пути действительного развития Риги, приближения Риги по архитектурно-планировочным масштабам к столицам России.

Общие очертания предместий, согласно проекту 1815 г., изменялись — их форма становилась компактной, основные части некогда планировавшегося трилистника объединялись воедино. Правда, с севера

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 2, д. 42, л. 40.

² Там же, л. 56.

в кольцо предместий по-прежнему глубоко вклинивались болотистые городские луга, доходившие до цитадельских укреплений; с юго-запада очертания предместий точно следовали извилинам береговой линии Даугавы; болотистый район, примыкавший к Ротенбургскому рву, находившемуся почти в центре Московского форштадта, — так наз. «Гусиное пастбище», — предполагалось оставить свободным от застройки, и т. п.

Сетка улиц предместий была распланирована по довольно сложной системе. Почти все главные улицы, пролежавшие в 4-й и 5-й дистанциях, были расположены радиально. Они веером расходились от Старой Риги, которая по-прежнему оставалась центром композиции всего города. В ближайшей к Старому городу 3-й дистанции сохранялась регулярная система планировки со строго перпендикулярными улицами, как это было предусмотрено Регламентом о восстановлении предместий. Почти все второстепенные улицы шли в одном направлении — с юго-востока на северо-запад, что обеспечивало им удовлетворительную ориентацию относительно стран света, однако усложняло всю планировочную систему: в местах пересечения второстепенных улиц с радиальными нередко образовывались острые углы, неудобные для застройки. Кроме того, в планировке предместий отразилось стремление пробить некоторые «полукольцевые» улицы, которые шли бы по внешнему и внутреннему периметру форштадтов. В целом планировка предместий явилась результатом органического сочетания радиально-кольцевой системы с прямоугольной.

Правильно учитывая значение Старого города в формировании силуэта и художественного облика всей Риги, градостроители не пытались создать в предместьях такие новые центры, которые могли бы конкурировать со Старым городом. Правда, в предместьях появляются 4 самостоятельные квадратные площади, но они были призваны выполнять роль локальных центров отдельных районов.

Площади в предместьях, располагаясь в пределах 5-й дистанции, не были пространственно объединены одна с другой, но зато они связывались со Старым городом, поскольку каждая из них была «нанизана» на одну из радиальных улиц, которые шли в направлении к центру Риги. Только одна такая площадь, расположенная в Московском предместье, соединялась длинной прямой Кузнечной улицей (Schmiedestrasse — ныне ул. К. Маркса) с небольшой восьмиугольной площадью, на которой предполагалось построить новую Гертрудинскую церковь в Петербургском предместье. Это показывает, что рижским градостроителям не были чужды стремления организовать планировочную систему предместий так, чтобы каждая часть города объединялась с остальными. Если главные радиальные улицы пространственно объединяли предместья со Старым городом, то прямыми второстепенными улицами объединялись между собой Московский и Петербургский форштадты.

Та же самая тенденция к объединению Старого города и предместий проявилась в оформлении 1-й и 2-й дистанционных линий, или эспланады, где появляются «аллеи деревьев, положенные посадить для лучшего украшения форштадта и для составления гульбища для жителей»¹. План размещения насаждений в этом районе был составлен известным рижским садовником и теоретиком садового искусства Иоганном-Германом Цигрой в 1813 г.² Разбитые на эспланаде «променады» и насаждения объединили Старый город с предместьями³. Генерал-губернатор Паулуччи по этому поводу писал (не без известного бахвальства) в 1818 г. Александру I, что «по издании составленных мной строительных правил... сей древний город день ото дня украшается приметным образом, предместья оного обстраиваются по регулярному плану и соединены с городом гульбищами, которые доставляют удовольствие жителям тамошним, не менее того служат к удобному сообщению между городом и предместьями»⁴.

Таким образом, весь город формируется уже как единый организм, имеющий главные и второстепенные части, естественно сросшиеся одна с другой. В этом заключалось немаловажное отличие планировки рижских предместий 1813—1815 гг. от их предшествующих планировок. Цельность архитектурно-художественного замысла планировки Риги начала XIX в. отражала тенденцию создания ансамбля целого города. Единство планировочных приемов и взаимная пространственная связь всех городских районов являлись известной предпосылкой для воплощения ансамблевых принципов застройки.

Наряду со стремлениями к объединению всех частей города, в планах рижских предместий 1813—1815 гг. проявилась тенденция к выделению основных магистралей и важнейших сооружений, расположенных в пределах рижских форштадтов.

В Риге были две такие магистрали — Санкт-Петербургская улица (ныне ул. Ленина) и Московская улица, каждая из которых проходила в соответствующей части рижских предместий, носившей то же название. В начале обеих этих улиц были размещены торжественные въезды-ворота, отмечавшие новую границу предместий. Ворота, построенные в

¹ АГАР, землемерный архив, надпись на плане 1813 г.

² В ЦГВИАЛ (ф. 1293, оп. 168, д. 1, л. 3) имеется копия составленного Цигрой и утвержденного маркизом Паулуччи проекта — «Plan der um die Stadt Riga neu anzulegenden Promenaden von dem Glacis bis zu der Linie, wo die Vorstadt wieder aufzubauen ist. J. H. Zigra fecit 1813». Копия заверена 1 сентября 1814 г. «городовым архитектором» Филипповым. К сожалению, пока не удалось выяснить роль Филиппова в составлении проектов реконструкции Риги 1813—1815 гг. Данные о деятельности Цигры см. в кн.: Р. Самре. Lexikon..., Bd. II, Nr. 1476.

³ В районе 1-й и 2-й дистанций были запроектированы и созданы, кроме того, огороды, учебный плац для войск, сенной рынок и рынок для продажи скота.

⁴ ЦГВИА, ф. 35, оп. 245, св. 189, д. 82, л. 1.

Александровские триумфальные ворота. Современный вид.

1815—1817 гг. в конце Санкт-Петербургской улицы (Александровские), представляли собой большую однопролетную триумфальную арку, выполненную из белого камня. Они были украшены ионическими колоннами и скульптурными изображениями военных доспехов и лавровых

Фрагмент плана рижских предместий 1813 г.
с трассой Санкт-Петербургской улицы.

венков. В обстановке патриотического подъема, связанного с победоносным окончанием Отечественной войны 1812 г., триумфальные Александровские ворота не могли расцениваться иначе, как символ торжества русского народа в борьбе с захватчиками. Оформляя въезд в Ригу со стороны Петербурга, они придавали всей Санкт-Петербургской улице

новое идейно-художественное содержание. Ворота, расположенные в конце Московской улицы, состояли из двух поставленных по обеим сторонам проезда каменных пилонов. Они были гораздо скромнее и предназначались, очевидно, лишь для обозначения въезда в город¹.

Планировщики Риги сохранили старые извилистые трассы Санкт-Петербургской и Московской улиц, поэтому обе они, по контрасту с остальными — длинными и прямыми улицами вновь распланированных районов предместий, выделялись определенной живописностью. Композиционное построение этих магистралей отличалось постоянной сменой одних архитектурных акцентов другими. Особенно типичной была в этом отношении Санкт-Петербургская улица, которая сразу же за Александровской триумфальной аркой делала небольшой изгиб в сторону, а потом делилась на два параллельных узких проезда, соединявшихся через некоторое время снова. В месте их слияния улица приобретала наибольшую ширину и, согласно отдельным проектным предложениям, должна была получить характер бульвара, обсаженного деревьями². Далее, в районе 3-й дистанции, улица выпрямлялась и безо всяких изгибов направлялась к Старому городу. Здесь ее перспектива замыкалась башней рижской ратуши, справа в просвете короткой улочки открывался вид на небольшую восьмиугольную площадь, а слева — на возведенную к 1825 г. ротонду православной церкви Александра Невского. Затем Санкт-Петербургская улица приводила в пояс бульваров и аллей новых «гульбищ», за которыми возвышалась величественная панорама Старого города. Несколько иначе и проще формировался облик Московской улицы, однако в принципе решение ее было очень близко к решению Санкт-Петербургской улицы.

Ясность основных планировочных приемов проектов 1813—1815 гг. позволила скромными средствами достичь при перепланировке предметий определенного градостроительного эффекта. Немалую роль в этом отношении сыграло умение зодчих органически сочетать исторически сложившуюся застройку с новой планировкой, причем старая планировка и застройка получали в результате такого сочетания новый художественный смысл.

¹ Ворота, отмечавшие въезд в предместья по Московской и Санкт-Петербургской улицам, существовали в Риге и раньше. Однако при составлении планов 1770-х годов они не были запроектированы заранее и возникли в конце XVIII в., очевидно, уже в процессе застройки предместий. Об их существовании можно узнать из надписи на плане 1815 г., в которой говорится о старых Санкт-Петербургских воротах, «кои уничтожились», и о Московских, или Блейфордских (Bleipforte), воротах, уничтоженных «по ненадобности». Эти ворота располагались в начале 4-й дистанции, т. е. отмечали бывшую границу предместий. Сказать что-либо об их облике не представляется в настоящее время возможным.

² Это видно по плану рижских предместий 1813 г., хранящемуся в фондах «землемерного архива» АГАР.

В градостроительстве Риги начала XIX в. отразилось новое понимание роли жилых и общественных зданий в формировании облика застройки города. Еще в конце XVIII в. были сделаны попытки расширить перед некоторыми важнейшими общественными сооружениями обширные площади, как это имело место при перестройке бывшего орденского замка. Составляя же в начале XIX в. новый план Риги, зодчие придали общественным сооружениям еще большее значение. Архитекторы заранее наметили места для размещения их в городе — были спроектированы особые восьмиугольные площади для размещения новых зданий Гертрудинской церкви и церкви Иисуса, сгоревших при пожаре предместий в 1812 г. В планировке 1815 г. особое внимание было обращено на модернизацию или, точнее, некоторое преобразование архитектурного облика площадей Старого города.

Стремление увеличить роль общественных зданий в формировании нового художественного облика Риги привело к тонкому учету идейно-образного содержания каждой отдельной постройки и связанному с этим тому или иному размещению подобных сооружений в плане города. Так, например, в проектах 1813—1815 гг. важнейшие площади и магистрали Риги оформляются только общественными зданиями или сооружениями, предназначенными для удовлетворения каких-либо светских нужд или выражающими какую-либо значительную патристическую идею, культовые же здания, особенно лютеранские церкви, как бы отодвигаются от основных площадей и магистралей города на задний план.

Зданием, акцентировавшим до пожара рижских предместий направление Санкт-Петербургской улицы, фактически являлась Гертрудинская церковь. После того как она в 1812 г. сгорела, планировщики Риги уже не стали придавать вновь проектировавшемуся зданию Гертрудинской церкви столь большое градостроительное значение. Они отвели для нее место в конце 3-й оборонительной дистанции, т. е. вдалеке от эспланады, а небольшую восьмиугольную площадь, предназначенную для размещения церкви, связали с Санкт-Петербургской улицей коротким проездом¹ (аналогичным образом зодчие разместили лютеранскую церковь Иисуса, запланированную на Московском форштадте вблизи Московской улицы). Однако одна церковь в плане 1815 г. все же была запроектирована непосредственно на Санкт-Петербургской улице. Она

¹ Здание Гертрудинской церкви было возведено на месте, отведенном для нее в планах 1813—1815 г., лишь в 1867 г. Она построена из кирпича в псевдоготических формах и ничего общего с классицизмом не имеет, хотя крестообразная форма ее плана повторяет конфигурацию плана церкви, проектировавшейся на этой площади в 1813 г. (план площади и церкви, составленный в 1813 г. городским землемером Г. Ринком, хранится в АГАР, фонд «землемерного архива»).

была перенесена туда с Лазаретинской улицы (Лазаретенгассе, ныне ул. Горького) и стала акцентировать развилку улиц Фарманс и М. Песчаной (ныне улицы Блаумана и Лачплеша), сходящихся у Санкт-Петербургской улицы. Но эта церковь, во-первых, была православной (кстати, на плане, составленном в 1813 г. комиссией Трузсона, она отсутствовала), во-вторых, она была посвящена Александру Невскому¹ и тем самым как бы включалась в общее художественное содержание всей Санкт-Петербургской улицы. В целом же как новый архитектурно-планировочный акцент Петербургского предместья следовало рассматривать всю Санкт-Петербургскую (Александровскую) улицу.

В проекте реконструкции Риги 1815 г., как отмечалось выше, была сделана решительная попытка распространить идеи градостроительного искусства начала XIX в. и на центр города. В связи с этим возникла необходимость насытить главные площади Старой Риги новым содержанием, создать новые площади, увязать их в единое целое и, по сути дела, создать типичный для классицизма начала XIX в. центр всего городского организма. Такой центр предполагалось создать на основе развития и переоборудования территорий, примыкающих к Замковой площади.

Правда, планировщики Риги в 1815 г. не решились пойти на такую реконструкцию уличной сети Старого города, которая была бы связана со сносом существующей застройки, с пробивкой новых улиц и т. п. Они надеялись придать городу новый облик главным образом только путем размещения на площадях новых сооружений, которые были бы вполне созвучны идеалам эпохи. Образно говоря, была сделана попытка изменить фасад Старой Риги, сохранив ее прежнюю планировочную структуру. Это нашло свое отражение в размещении на Замковой площади памятника Победы, в проекте создания театральной площади вместо плац-парадной, в проектировании новых лавочных рядов на Ратушной площади и т. п.

Чтобы полнее уяснить идейно-художественный смысл этих начинаний, целесообразно остановиться на каждом из них несколько подробнее.

В 1814 г. возникла идея строительства в Риге особого памятника в память победы над Наполеоном. Рижское купечество пожертвовало на его постройку деньги, показывая тем самым, что оно-де особенно благодарно Александру I, и в его лице всему русскому народу, за изгнание неприятельских армий из России. Этому памятнику в плане города было отведено самое важное место: рижские зодчие решили поставить его в центре Замковой площади.

¹ До перенесения этой церкви на Санкт-Петербургскую улицу она называлась храмом во имя Живоносного источника божией матери, но при постройке на новом месте была переименована (см. К. Меттиг. По Риге и ее окрестностям. Иллюстрированный путеводитель. 6-е изд., стр. 84).

Этот шаг вполне соответствовал духу времени: после окончания Отечественной войны весьма сильными стали стремления увековечить в монументальных формах архитектуры героизм народа, одержавшего победу над врагом, причем колонна или обелиск, т. е. всякая вертикаль, казались одним из лучших средств для выражения подобных стремлений. Ряд проектов подобных памятников разработали в 1813—1814 гг. многие выдающиеся русские зодчие, в том числе А. Н. Воронихин¹, Тома де Томон и др., причем Тома де Томон, как бы раскрывая идейное содержание подобных сооружений, писал об одном из своих проектов: «Этот памятник, составленный из пушек, взятых у неприятеля, возглавлен триумфальной колонной, на которой возвышается фигура, изображающая Победу, раздающую венки всему русскому народу, который благодаря своим религиозным устоям, своей смелости, своей преданности государю и своей верности Отечеству сумел восторжествовать над неприятелем, который пришел с намерением опустошить империю и здесь продиктовать свои законы»².

Рижская колонна Победы была скромнее монументов Воронихина и Томона, но несомненно, что и в ней была выражена точно та же идея, предопределившая, кстати, форму и архитектурный образ памятника Победы на Замковой площади. Проект этого ответственного сооружения, очевидно, был разработан в Петербурге, там же были изготовлены все его составные части³. Согласно этому проекту, памятник получил все те символические атрибуты, о которых писал Томон. Он представлял собой высокую колонну тосканского ордера, поставленную на квадратный постамент и увенчанную бронзовой фигурой летящей Победы с лавровым венком в руках. На постаменте, кроме того, помещались бронзовые орлы, государственный и городской гербы, а также были высечены надписи на русском и латинском языках, в которых говорилось, в честь чего построен памятник. Колонна Победы достигала в высоту почти 16 м и была выполнена из темно-красного гранита, прекрасно сочетавшегося с покрытыми темно-зеленой патиной бронзовыми изваяниями.

Монтаж отдельных частей колонны Победы был закончен в 1817 г., после чего одна из важнейших площадей Старого города сразу же приобрела новый облик. И хотя в настоящий момент трудно представить себе, каким именно был этот облик, поскольку памятник был в начале первой мировой войны разобран, все же ясно, что колонна немало способствовала художественной организации застройки, окружающей пло-

¹ См. А. Н. Воронихин. Чертежи и рисунки. М.—Л. 1952, стр. 15, рис. 222—225.

² См. Г. Д. Ошепков. Архитектор Томон. М. 1950, стр. 111.

³ См. L. Bergmann. Die Feier der Befreiung Moskva's in Riga am 10. Oktober 1814 durch Legung des Grundstein zu einer Gedächtniss-Säule der unsterblichen Siege Alexander I. Riga 1814, стр. 7.

Колонна Победы на Замковой площади в Риге.

Картина начала XIX в

щадь. Более того, памятник Победы сразу же превратился в одно из главных сооружений на площади. Он концентрировал в себе идейный и художественный смысл этого уголка Риги. Рижская колонна Победы выражала в какой-то степени ту градостроительную идею, которую воплощал «Александровский столп», поставленный в 1829—1834 гг. Огюстом Монферраном в центре Дворцовой площади перед Зимним дворцом в Петербурге.

В непосредственном соседстве с Замковой площадью находилось, как известно, «плац-парадное место», расположенное на Якобовском полубастионе (ныне площадь Чернышевского). Эта плац-парадная площадь замыкалась зданием старого городского арсенала, возведенным в 1648 г. Ни арсенал, ни сама площадь не отличались какими-либо архитектурно-художественными достоинствами. Здесь был большой, заросший чахлой травой и обсаженный по своему периметру небольшими деревьями пустырь, служивший, по свидетельству О. Гуна, «для учения и наказания солдат», а также «для прогулки кормилицам, когда она выходят с детьми для наслаждения свободным воздухом»¹. Располагаясь поблизости от Замковой площади и будучи открытым в сторону

¹ См. О. Гун. Топографическое описание Риги..., ч. I, стр. 47.

Плац-парадная площадь в Риге.

Картина К. Фехгельма 1819 г.

цитадели, этот пустырь не способствовал украшению и пользе города, о которых неоднократно упоминал Паулуччи. Еще О. Гун предлагал обсадить его «березовою аллеєю», чтобы он стал местом, предназначенным «для всеобщей прогулки и поправления здоровья»¹.

Согласно проекту 1815 г., пустырь, расположенный перед старым городским арсеналом, должен был превратиться в большую театральную площадь, открытую с двух сторон (подобно площади перед замком) в направлении цитадели². Театральная площадь должна была связаться с Замковой в единую систему парадных площадей, расположенных в Старом городе. Тем самым в районе замка и цитадели образовался бы новый административный и общественный центр города, в который входили бы Замковая, цитадельная и планировавшаяся театральная площади. Застроенные зданиями, близкими одно к дру-

¹ О. Гун. Топографическое описание Риги . . . , ч. I, стр. 47.

² Как указывалось выше (стр. 174), на плац-парадной площади еще в 1768 г. было построено первое в Риге театральное здание, с трудом вмещавшее около 300 человек; это здание было разломано в 1780 г. Таким образом, сама по себе идея строительства театра на плац-парадной площади не была новой. Проект планировки 1815 г., по сути дела, восстанавливал старую театральную площадь, однако в новом качественном состоянии.

гому по своим архитектурно-художественным качествам, все эти площади как оптически, так и планировочно могли быть связаны в довольно крепкий композиционный узел.

Плац-парадную площадь, близкую по форме к вытянутому прямоугольнику, намечалось несколько расширить. Сохранялся единственно восточный фронт ее застройки, образованный несколькими жилыми зданиями, построенными во второй половине XVIII в., а также амбарами и небольшими домиками. В более узкой южной части площади было запроектировано вместо старого арсенала новое здание театра, а также предполагалось несколько изменить направленность красной линии застройки, которая после этого должна была стать строго перпендикулярной по отношению к красной линии восточной стороны Замковой площади. Подобной корректировкой и исправлениями красных линий зодчие пытались внести в застройку театральной площади принципы регулярности, которые должны были сделать более ясной общую композиционную систему нового центра города.

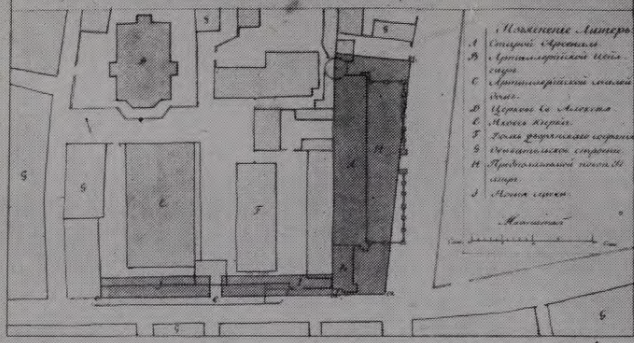
Здание театра, по замыслу градостроителей, приобретало значение важнейшего акцента площади. В отличие от обычных театральных построек, оно должно было быть обращено к площади своей длинной стороной, протянувшейся почти на 100 м, чтобы фасад театра замыкал почти всю южную сторону площади.

Как видно из чертежа 1818 г., показывающего вновь запроектированную застройку и планировку площади¹, в центре обращенного к площади двухэтажного фасада театра должен был находиться весьма торжественный восьмиколонный портик коринфского ордера, увенчанный треугольным фронтоном и тремя круглыми скульптурами, изображающими, очевидно, муз. Портик сильно выступал вперед, и под ним предполагалось сделать пологий пандус, по которому к парадным дверям могли бы свободно подъезжать кареты.

Сочетание очень строгих плоскостей стен театра, почти лишенных какого-либо убранства, с портиком, достаточно крупным, чтобы стать основным художественным мотивом всего сооружения, и достаточно ажурным, чтобы вызвать впечатление органической связи сооружения с пространством площади, было продиктовано, очевидно, только сооб-

¹ В ЦГВИА (ф. 349, оп. 36, св. 1, д. 179) сохранился чертеж, подписанный маркизом Паулуччи и пионерным (саперным) подполковником Рейнеке, на котором изображен «План части города Риги с показанием, каким образом предполагается построить на месте старого арсенала театр, а вместо малого артиллерийского цейхгауза лавки». Этот чертеж был «сочинен в Риге 1818 года февраля 9 дня» и был приложен в качестве иллюстрации к одному из писем Паулуччи на «высочайшее имя». На нем, кроме плана участка, отведенного для строительства театра, были изображены фасады театра и лавок. По всей вероятности, полного проекта театра в этот период не существовало, а чертеж фасада был сделан лишь для пояснения основной градостроительной идеи, воплощенной в планировке театральной площади.

Планъ части города Рима съ показаніемъ главныхъ образцовъ градостроительства по-
 стороны на южной стороне Аренами, Оватори и южной части Архипальского
 театральнаго лаваки. Составъ въ Римѣ 1818 года Февраль 9 дня.

- А. Монастырь Антонио
- Б. Старый Аренами
- В. Архипальский театр
- С. Архипальский театр
- Д. Улицы въ Аренами
- Е. Монахи Антонио
- Ж. Монахи Аренами
- З. Архипальский театр
- И. Архипальский театр
- К. Монахи Антонио

Проект размещения зда-
 ния театра на плац-па-
 радной площади с фаса-
 дами театра и лавок.
 Чертеж 1818 г.

Видъ театра по южной части

Мемориалъ въ римскомъ театре

Видъ лаваки по южной части

Мемориалъ въ римскомъ театре

ражениями градостроительного и идейно-художественного характера, но вовсе не функциональным решением здания. Действительно, здание театра проектировалось слишком вытянутым в длину и слишком ограниченным по ширине (стороны плана относились одна к другой примерно как 1:4). За столь протяженным фасадом трудно представить себе большой зрительный зал и сценическую коробку. Но зато театр прекрасно вписывался в общую конфигурацию площади. Его нарочито вытянутый объем и мощный портик были как бы специально задуманы для того, чтобы скрепить композицию театральной площади. Весьма

характерно, что Паулуччи, аргументируя необходимость возведения в Риге нового театра, в 1817 г. писал: «Нет сомнения, что для города Риги последует двоякая выгода; во-первых, украсится открытое место в лучшей части оного в близи замка, и, во-вторых, откроется возможность, по большей обширности строения, понизить цены за вход, ныне непомерно высокие, по причине ограниченности строения, занимаемого теперешним театром, который в новом своем виде более и чаще будет посещаем, что весьма желательно, ибо каждый хороший театр служит к образованию и утончению нравов»¹.

Эта аргументация, типичная для эпохи просветительства, во многом раскрывает замыслы, связанные с созданием проектов 1815 г. Бесспорно, что реализация проекта создания театра на плац-парадной площади могла иметь для Риги немалое значение. Однако в условиях сохранения за Ригой военно-оборонительных функций осуществлению этого проекта препятствовал ряд непреодолимых преград. Одной из них была позиция самого Александра I, этого «просвещенного государя», который, отвечая на очередное ходатайство Паулуччи с просьбой о разрешении построить театр вместо арсенала, с солдатской прямоотой, которая сделала бы честь его брату и преемнику «царственному палачу» Николаю I, заявил, что «арсенал во всяком случае полезен театру»².

Таким образом, одной из весьма интересных градостроительных идей плана 1815 г. так и не суждено было осуществиться. Правда, в 1828—1832 гг. на месте старого арсенала было построено новое здание

¹ ЦГВИА, ф. 35, оп. 245, св. 159, д. 82, л. 2.

² В фондах ЦГВИА сохранилось дело (см. предыдущую сноску), в котором содержатся сведения о трудностях, связанных с реализацией проекта нового театра. 13 марта 1817 г. Паулуччи направил царю ходатайство с просьбой о разрешении сломать старый артиллерийский арсенал, «чтобы по подносимому плану выстроены были театр и лавки». После этого были собраны различные сведения о действительной негодности старого арсенала, а Инженерный департамент сделал заключение о необходимости построить новый арсенал либо подыскать какое-нибудь строение в городе, где можно было бы разместить хранящиеся в старом арсенале орудия. Несмотря на это, 11 октября 1817 г. начальник главного штаба сообщил Паулуччи, что «государь император не находит возможным отдать оный (старый арсенал. — Ю. В.) под театр, согласно желанию жителей города Риги, замечая при том, что арсенал во всяком случае полезнее театра» (л. 11). Через 2 недели после получения отказа Паулуччи направил новое ходатайство, доказывая, что для арсенала можно найти в Риге какое-нибудь другое старое строение и использовать нижние этажи замка; при этом он отметил, что «справка сия основана на местном здесь исследовании, производимом окружными по инженерной и артиллерийской части начальниками с пионерским подполковником Рейнеке и с прикомандированием к ним губернского архитектора, так и инженерных офицеров» (л. 15). Царь, однако, не разрешил использовать подвал замка, поэтому Паулуччи направил ему новое прошение, вслед за чем опять начались обследования и дело затянулось. Все обследователи признавали, что старый арсенал никуда не годен, и тем не менее в конце 1818 г. начальник главного штаба кн. Волконский сообщил Паулуччи, «что его величество, не соизволяя на отдачу сего арсенала, повелевает все артиллерийские вещи оставить на прежнем месте» (л. 38). Этим дело и кончилось.

аналогичного назначения и получило оно другое архитектурно-пространственное решение, отличное от решения проектировавшегося театра, а потому его строительство привело к изменению замысла авторов плана 1815 г. Плац-парадная площадь так и не превратилась в театральную, сохранив свой «казенный» характер. Этому в немалой степени способствовало также то обстоятельство, что лавки, которые предполагалось построить рядом с театром на Якововской улице (ныне ул. Комъяунатнес)¹, тоже не были построены. Вместо них был возведен так наз. пакгауз², после чего район, примыкающий к плац-парадной площади, фактически оказался зоной хозяйственных построек. В результате этого общая градостроительная идея плана 1815 г. оказалась сильно урезанной и обедненной, и новый общественный центр Риги в районе замка так и не был создан.

В обстановке наполеоновских войн рельефно обозначилась общая отсталость планировки и застройки Старого города, затруднявшая организацию нормальной обороны города³. Расширение торговли и увеличение транспортных перевозок в Риге также привели к тому, что запутанная уличная сеть Старого города уже не соответствовала возросшим нуждам самих рижан⁴. Все это явилось чисто практическим обоснованием для того, чтобы в начале XIX в. были предприняты некоторые шаги по реконструкции уличной сети Старого города.

Раньше Старая Рига сохраняла свое средневековое лицо почти неприкосновенным. В облике Старого города отражался древний полупатриархальный уклад жизни — почти каждый дом имел крыльцо, где в летние дни обычно восседала его хозяйка⁵. Горожане зачастую содержали домашний скот и птицу, иногда в большом количестве. Но в на-

¹ Фасады этих лавок, как отмечалось выше (стр. 267), изображены на упоминавшемся чертеже вместе с фасадом проектировавшегося театра. Лавки намечено было построить в виде двух корпусов, объединенных между собой по второму этажу большой аркой, в которой должен был находиться проезд к дому лифляндского рыцарства (дворянства) и к зданию Якововской церкви.

² Это здание, именуемое обычно «таможенным пакгаузом», часть которого просуществовала до 1938 г. под названием «аптеки», было построено в 1823 г. (см. ниже, стр. 319).

³ Недаром управляющий Инженерным департаментом К. И. Опперман, как указывалось выше, неоднократно заявлял, что торговый город Рига непригоден для выполнения функций крепости.

⁴ Еще в книжке «Примечание о городе Риге» (1798 г.) указывалось, что в Старой Риге «улицы так тесны, что карета с каретою разбегаться не могут. Из повстречающихся на многих улицах карет одна должна поворотить в переулок, в котором ей за теснотою поворотиться нет способа, и должна выезжать на другую большую улицу. Для пешеходцев улицы крайне трудны, потому что непрерывная возка хлеба, дров и т. п. на тяжелых длинных фурах или роспусках нудят мостить улицы крупными угловатыми камнями» (стр. 5).

⁵ Эта традиция особенно долго сохранялась в рижских предместьях, где, по словам автора «Примечания о городе Риге», «у всех домов крыльца на улицу, и на них летом после полуден сидят хозяйка с детьми и вяжут чулки» (стр. 6).

чале XIX в. это положение стало коренным образом изменяться. Развитие промышленности и торговли выкорчевывало патриархальные традиции и остатки натурального хозяйства.

По проекту 1815 г. большинство улиц Старого города, насколько это позволяли условия застройки, намечалось выпрямить. Для этого, как явствует из надписей на планах, отдельные постройки и части зданий, особенно сильно выступавшие за красные линии улиц, предусмотрено было «отломать», а курдонеры, впадины и пустые места — «достроить»¹. Кроме того, предполагалось уничтожить все крыльца и спуски в подвалы, что позволило бы создать тротуары и как-то расширить и выпрямить тесные улочки средневековой Риги. Наряду с осуществлением этих работ частичной реконструкции была подвергнута Ратушная площадь, на которой в целях выпрямления фронта ее застройки предполагалось построить лавки «по хорошему фасаду».

В целом, оценивая проекты реконструкции Риги начала XIX в., нужно отметить, что они, по сравнению с проектами планировки рижских предместий, составленными во второй половине XVIII в., отличались гораздо большим размахом и оказали на рижское зодчество гораздо большее влияние. В то же время они явились логическим завершением развития планировочных принципов конца XVIII в. Проекты перепланировки города, составленные в 1813—1815 гг., внесли в рижское зодчество много существенно нового, что особенно важно учитывать для оценки сдвигов, происшедших в архитектуре Риги в начале XIX в.

Основной отличительной чертой проектов 1813—1815 гг. является то, что они предусматривали проведение широкого комплекса взаимосвязанных мероприятий. Если раньше градостроительные работы касались лишь отдельных районов города, то теперь частично или полностью изменяется планировочная структура Риги в целом.

С осуществлением проектов 1815 г. изменяется соотношение между площадью застройки Старого города и рижских предместий. Последние увеличиваются настолько, что начинают играть важнейшую роль в формировании облика всего города. Весь город, состоящий из Старой Риги, цитадели и предместий, трактуется зодчими как единый организм, несмотря на то что проекты 1813—1815 гг. еще не предусматривают уничтожения оборонительных укреплений, отделявших предместья от остальных частей Риги. Планировщики применяют, где это только возможно, радиально-кольцевую систему планировки, ориентированную на Старый город, создают зону зеленых насаждений между предместьями и крепостью, объединяют отдельные районы предместий и т. п.

Весьма тщательно сохраняя отдельные части предместий, уцелевшие после пожара 1812 г., рижские зодчие добиваются создания до-

¹ См. ЦГВИА, ф. 349, оп. 36, св. 1, д. 150, надписи на плане.

статочно экономичной и жизненно оправданной планировки города. Это позволило в кратчайший срок восстановить застройку разрушенных пожаром частей Риги.

Проекты перепланировки Риги, составленные в 1813—1815 гг., в отличие от проектов, составленных прежде, были вызваны к жизни не столько требованиями военного характера и не только утилитарной необходимостью. Многие архитектурно-художественные особенности этих проектов объясняются стремлением зодчих воплотить в застройке Риги героические образы, связанные с победой русского народа в Отечественной войне 1812 г. К тому же Рига начинает расцениваться как третий город в государстве и губернские власти стремятся реконструировать город так, чтобы его планировка и застройка находились на уровне градостроительных мероприятий, осуществлявшихся в обеих столицах. Поэтому теперь в проектах так сильно проявляются тенденции ансамблевого построения городского организма, повышается роль площадей и главных магистралей в общей композиции города, важнейшим общественным сооружениям придается большее значение в формировании облика лучших районов Риги, здесь воздвигаются памятники и т. п.

В проектах 1815 г. можно проследить стремление зодчих заранее спланировать все необходимые и возможные в условиях господства института частной собственности реконструкционные мероприятия, которые требовалось осуществить в Риге. Особенности общественного уклада начала XIX в. предопределили ограниченность проектов перепланировки Риги 1813—1815 гг. Здесь с особой силой сказалось противоречие между военно-оборонительными требованиями, предъявлявшимися к планировке и застройке города, и естественными потребностями Риги, являвшейся крупным торговым и административным центром. Это привело к тому, что отдельные проектные предложения 1815 г. оказались утопичными и не могли быть реализованы.

Существенными отрицательными чертами этих проектов являлось то, что при создании новой пространственной композиции Риги по-прежнему почти не была использована как важный градостроительный фактор река Даугава; что на первый план были выдвинуты вопросы идейно-художественного порядка и в то же время ряд инженерно-технических мероприятий был попросту забыт; что в зонировании территорий города основную роль играли военные соображения и не учитывались социально-экономические и хозяйственные факторы.

В общем проекты перепланировки и реконструкции Риги, разработанные в 1813—1815 гг., бесспорно являлись важной ступенью в развитии рижского зодчества. Они подняли планировку и застройку Риги на уровень градостроительных требований, типичных для русской архитектуры начала XIX в.

VIII

АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ РИЖСКИХ ПРЕДМЕСТИЙ

Как только комиссией Трузсона был составлен Регламент о восстановлении предместий и разработан проект реконструкции районов, сожженных в 1812 г., в предместьях Риги началось весьма оживленное строительство.

Для целенаправленного воплощения в жизнь градостроительных предложений, разработанных комиссией Трузсона, были осуществлены некоторые организационные начинания. В 1815 г. был создан из рижан особый комитет «о расположении нового форштадта», который имел в своем распоряжении значительные средства, составлявшиеся из пожертвований и из ассигнованной царским правительством в 1816 г. «на украшение рижских предместьев» суммы, отпущавшейся в размере 4 тыс. руб. ежегодно в течение 25 лет. Комитет этот ведал в основном созданием зеленых насаждений в районе эспланады, мощением и освещением улиц и т. п.¹ В тот же период при генерал-губернаторе была учреждена новая должность — адъютанта по строительной части (бау-адъютанта), в руках которого фактически полностью концентрировалось руководство строительством в предместьях Риги. Именно он давал предписания, какие работы по благоустройству Риги следует осуществлять в первую очередь, какие подлежат выполнению в дальнейшем. Бау-адъютант следил за соблюдением требований Регламента о восстановлении предместий и других постановлений о застройке города, за осуществлявшимся в городе Риге строительством, за реализацией плана, разработанного комиссией Трузсона. В отдельных случаях он мог конкретизировать некоторые частные вопросы планировки предместий, внося в нее определенные изменения.

Первым бау-адъютантом в Риге был уже упоминавшийся выше

¹ Отчеты о деятельности комитета «о расположении нового форштадта» и его расходах сохранились (ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, дела 1, 34, 89).

пионерный (саперный) подполковник В. Рейнеке. Судя по некоторым сохранившимся его предписаниям «городу» «о произведении в 1818, 1819, 1820 и 1821-м годах разных по рижским форштадам и городу работ»¹, а также предписаниям о работах на 1822 г.² и отчетам о работах за 1819—1825 гг.³, Рейнеке следил за нивелировкой городских территорий и их использованием, пробивкой и благоустройством отдельных улиц, за созданием зеленых насаждений и т. п. Кроме того, он давал заказы и, очевидно, утверждал проекты на строительство отдельных сооружений; в частности, в 1817 г. Рейнеке предписал «городу» «построить мост через Ротенбургский канал», «построить пеньковые сараи и караульни для оных», «построить деревянные Московские ворота с кордегардию — планы оным представить к 1-му генваря 1818-го года», выстроить новую корчму «вместо старой городской корчмы, желтоу называемой, ... план для сего строения представить к апрелю 1-му дню 1818-го года» и т. д.

В течение первых 10—15 лет, прошедших после сожжения предместий, в результате проведения работ, которыми руководил бау-адъютант и которые финансировались комитетом «о расположении нового форштадта», были выравнены и замощены почти все улицы в пределах района, спланированного в проекте, составленном комиссией Грузсона. Здесь были также осуществлены основные работы по благоустройству. В августе 1817 г. Рейнеке рапортовал Пауллучи «о успехе работ города Риги», что «1. Построение обывательских домов продолжается с великою скоростью, 2. Мощение улиц камнем производится успешно, 3. Работы монумента (т. е. колонны Победы. — Ю. В.) и Александровских ворот приводятся к окончанию, 4. Поправка Митавской дороги исполняется с довольной поспешностью»⁴. Особенно интенсивно в первые годы после войны протекало восстановление жилых домов. К 1 января 1814 г. в предместьях по образцовым фасадам всего было построено 245 домов, в том числе 37 двухэтажных⁵.

По планам, составленным в 1814 г. членом комиссии Грузсона рижским городским ревизором Георгом Ринком, на которых зафиксированы все вновь возведенные и восстановленные здания на Московском и Петербургском форштадтах⁶, видно, что уже за первых два года, прошедших после сожжения предместий, были застроены почти все участки, выходящие на главные улицы их — Санкт-Петербургскую и Москов-

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 1, лл. 51, 52.

² Там же, л. 250.

³ Там же, д. 34, лл. 24—27.

⁴ Там же, д. 1, л. 130.

⁵ Über den Wiederaufbau der Rigaschen Vorstadt. В раз.: «Rigaische Stadt-Blätter», 3. Febr. 1814, Nr. 5.

⁶ АГАР, землемерный архив, дела 189, 190.

скую. Только в так наз. 2-м и 3-м кварталах Петербургского форштадта (район, ограниченный нынешними улицами Кирова, Ленина, Саркан-армияс и Горького) в течение 1813—1814 гг. было построено около 120 новых зданий, т. е. было освоено почти 60% участков, отведенных для строительства.

О ходе дальнейшей застройки рижских предместий и о строительстве в Старой Риге в этот период можно судить по отчетам Лифляндского губернского правления «о числе домов, построенных по высочайше утвержденным фасадам в городах Лифляндской губернии»¹, которые в 1948 г. были обнаружены в Центральном государственном архиве Латвийской ССР Л. К. Плауцинем². Анализ сведений, содержащихся в этих отчетах, показывает, что в период с 1816 по 1829 г. застройка Риги протекала следующим образом:

Год	Число зданий, построенных в Старой Риге	Число зданий, построенных в рижских предместьях	Общее число зданий, построенных в Риге
1816	1	146	147
1817	3	148	151
1818	3	77	80
1820 ³	—	51	51
1821	4	38	42
1822	5	25	30
1823	2	38	40
1824	3	26	29
1825	3	35	38
1826	4	39	43
1827	2	39	41
1828	3	43	46
1829	4	33	37

Данные о числе зданий, строившихся в 1816—1829 гг., показывают, что наиболее бурно застройка предместий Риги протекала в середине второго десятилетия XIX в. Свертывание строительства, начавшееся в 1818 г., свидетельствует о полном восстановлении жилого фонда в районах, уничтоженных в 1812 г. И действительно, вместо 705 домов, со-

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 10, оп. 1, дела 23, 56, 85, 118, 155, 182, 208, 234, 247, 313 и 336.

² В период своей работы в Институте строительства и архитектуры АН Латвийской ССР Л. К. Плауцинь обследовал многие из сохранившихся в Риге жилых зданий, построенных по образцовым фасадам после 1812 г. При изучении этих зданий он использовал также обнаруженные им в архивах Риги материалы. Наряду с этим Л. К. Плауцинь при участии архитекторов Г. С. Роголева и А. А. Бидзана провел сравнительное изучение расположения подобных жилых домов на участке в середине XIX в. и в последующие годы. Однако материалы, собранные Л. К. Плауцинем, к сожалению, не были подготовлены к печати и остались неопубликованными (L. Plauciņš. Rīgas profānceltniecība ar paraugfāsādēm klasicisma laikmetā, в архиве АН Латв. ССР, ф. 12, оп. 3, дела 31—35).

³ Данных о числе зданий, построенных в 1819 г., не обнаружено.

жженных в 1812 г., к 1819 г. отстроили, очевидно, около 1000. Строительство зданий, возводившихся в предместьях Риги с 1820 по 1829 г., вызывалось, по всей видимости, не необходимостью восстановления форштадтов, а уже другой причиной — непрерывным ростом населения города.

Приведенные цифры дают возможность судить и о количестве зданий, строившихся в Риге из камня и из дерева, поскольку дома, возведенные в Старом городе, могли быть только каменными, а в предместьях — только деревянными¹.

Столь широкого строительства в Риге до тех пор никогда не проводилось. Это вызывало, несомненно, многие трудности с доставкой строительных материалов, и, кроме того, возникал вопрос о привлечении в город большого числа новых строительных мастеров и строительных рабочих. Квалифицированные цеховые мастера, проживавшие в Риге, не были в состоянии в короткий срок выстроить то огромное число зданий, в котором нуждался город. В строительных цехах каменщиков, плотников и столяров быстро увеличивается поэтому количество подмастерьев и учеников, фактически выполнявших все работы по возведению зданий², а квалифицированные цеховые мастера превращаются в контролеров, обычно непосредственно не участвовавших в строительстве. Наряду с этим наиболее крупные подрядчики Риги начинают концентрировать в своих руках все вопросы, связанные со снабжением и организацией строительства. Так, например, один только подрядчик — купец К.-Ф. Борнгаут в период восстановления предместий построил более 100 частных зданий³. Чтобы в этих условиях в городе было соблюдено определенное стилистическое единство, необходимо было установить особенно четкие правила застройки. Именно этой цели и служил Регламент о восстановлении предместий, разработанный комиссией Трузсона, в котором, помимо неоднократных напоминаний о том, что в предместьях «позволяется строить только деревянные по высочайше утвержденным фасадам дома», имелся специальный параграф, гласивший, что «для выполнения в самой точности предписания, чтобы при строении дома брать высочайше утвержденный фасад, не позволяется

¹ По официальным данным, всего в Риге в 1820 г. насчитывалось 997 каменных и 1833 деревянных зданий (ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 17, л. 9).

² По сведениям, приводимым в «Истории Латвийской ССР» (т. I, стр. 417), к началу 20-х годов XIX в. строительные цехи в городах латышской части Лифляндской губернии имели следующий состав:

в 3 цехах каменщиков	было 25 мастеров,	191 подмастерье,	27 учеников
в 2 „ плотников	„ 18 „	66 подмастерьев,	13 „
в 5 „ столяров	„ 35 „	50 „	105 „

Подавляющее большинство этих мастеров, а особенно подмастерьев и учеников работало в рижских цехах.

³ «Rigaische Stadt-Blätter», 4. März 1831, Nr. 9, стр. 79.

прежде строить дома, пока чертеж выбранного фасада не будет заявлен в строительной экспедиции Лифляндского губернского правления и не будет утвержден оной подлежащей скрепой»¹. Это постановление было распространено также и на Старый город.

Кроме Регламента 1813 г., в Риге появлялись отдельные дополнительные постановления, которые в конце концов были сведены в «Устав о производстве строений в городе Риге и его форштадтах», утвержденный в 1819 и изданный в 1820 г. Этот «Устав» дает возможность выяснять, какие именно требования предъявлялись к застройке города в период его реконструкции, какую роль играли архитекторы и строительные мастера при возведении жилых домов, что и где можно было строить в Риге и т. д. «Устав» был гораздо более всеобъемлющим документом, нежели Регламент, составленный комиссией Трузсона. Он являлся своеобразной строительной программой вполне зрелого классицизма начала XIX в. Многие содержащиеся в «Уставе» положения были уже проверены жизнью и стабилизировались в начале XIX в. в архитектуре России.

Как видно из предисловия к «Уставу», основное внимание в нем было уделено точному выполнению градостроительных проектов 1813—1815 гг. «Со времени восстановления рижских форштадтов, — говорится в «Уставе», — лифляндское губернское начальство изданными по строительной части постановлениями имело попечение о правильности улиц и строений, как в самом городе, так и на форштадтах»². И действительно, многие пункты «Устава», развывая основные положения Регламента 1813 г., были направлены на создание художественно цельного облика города, хотя, конечно, всегда следует помнить, что сам характер принципов застройки Риги во многом зависел от социальной дифференциации городского населения и от военно-оборонительных требований.

Важнейшие пункты «Устава» сводились к следующему:

1. Устанавливались строгие правила застройки главных и второстепенных улиц Риги. На главных улицах категорически воспрещалось «ставить вновь выстраиваемые дома узкою стороною на улицу, а длинную во двор . . . , в малых же улицах допускается строить здания и длинным фасадом на двор, если по тесноте места или по каким-либо другим причинам нельзя будет сего избегнуть . . .»³. Кроме того, в отношении Старой Риги оговаривалось, что «в главных и широких по городу улицах позволяется строить дома в три и более этажей, но в малых и тесных по городу улицах не выше трех ярусов»⁴.

¹ Reglement über die Wiederaufbauung . . . , стр. 7.

² Устав о производстве строений в городе Риге и его форштадтах. Рига 1820, стр. 47.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 29.

2. В предместьях позволялось строить здания, удаленные одно от другого не менее чем на 10 футов. Между домами застройки должны были ставиться заборы в одну линию с фасадами и одной высоты с соседними заборами, «чтоб не было по возможности никакой кривизны углов и выступов на улицу и дабы все строения и заборы по улице стояли по прямой линии»¹.

3. Вновь подтверждалось, что в третьей и четвертой дистанциях предместий «дома строить позволяется, но токмо из хорошего и прочного леса, вышиною в один этаж над нижним ярусом», а в пятой дистанции «позволяется завести всякого рода строения с погребями и с жилыми в оных покоем»².

4. Строжайшим образом напоминалось, что «все строения, заборы и ворота на улицу, как в городе, так и на форштадтах, должны делаться по высочайше утвержденным фасадам». Это правило распространялось теперь также и на пристройки к зданиям. Если же внешний вид пристроек к зданиям и переделки фасадов не могли быть согласованы с образцовыми фасадами, то разрешалось «отступать от предписанных фасадов, с тем, однако, чтоб составлен был новый по правилам архитектуры и симметрии фасад»³, который подлежал особому утверждению.

5. Четко регламентировалась зависимость между величиной здания и высотой кровли, если кровля была крыта черепицей, а не листовым железом, как это предусматривалось образцовыми фасадами: «в городе над строениями в три и более этажа делать крышу высотой в половину ширины строения, а над строениями в два этажа высотой двумя футами менее половины ширины строения; на форштадтах же делать крыши высотой в одну треть ширины строений»⁴.

6. Для окраски зданий устанавливались определенные цвета, колер которых был приложен к «Уставу»; это были преимущественно светлые тона мягких оттенков — желтые, оранжевые, зеленоватые, голубые и т. д. В «Уставе» указывалось, кроме того, что «запрещается красить дома, ставни и проч. разноцветными пестрыми красками»⁵. Этот пункт был явно заимствован из узаконений, изданных в связи с застройкой Москвы после пожара 1812 г., когда в 1816 г. по личному указанию Александра I было повелено, «чтобы впредь дома и заборы крашены были нежнее и лучшими красками, для чего и назначены колеры светлые:

¹ Устав о производстве строений . . . , стр. 45.

² Там же, стр. 37, 39.

³ Там же, стр. 15, 19.

⁴ Там же, стр. 25. — Позднее в Риге было издано особое постановление, касавшееся устройства крыши (см. ниже, стр. 292).

⁵ Там же, стр. 15.

дикой (т. е. светло-серый. — Ю. В.), бланжевой (т. е. телесного цвета. — Ю. В.), палевой и с прозеленью, а каменные могут быть выбелены»¹.

Основные положения «Устава» показывают, что губернские власти заботились главным образом о придании городу «благопристойного» вида. Чертежи фасадов вновь строящихся зданий обычно выдавались застройщику губернским архитектором, а бау-адъютант и городская полиция следили, «чтобы в постройках не допускаемо было явных противу фасаду погрешностей»². Напротив, план здания, хотя он и утверждался городским строительным мастером, не зависел от каких-либо особых предписаний; он как бы выпадал из ведения архитекторов и не подлежал контролю губернских властей. «За сделанные внутри строений ошибки, — оговаривалось в «Уставе», — полицейским чиновникам не отвечают, потому что за таковые отвечает управляющий постройкой мастер»³.

Кроме чисто административных форм воздействия на застройщиков, с тем чтобы они применяли образцовые фасады, существовали также и экономические. В частности, когда в Риге в 1817 г. был создан особый банк, выдававший ссуды на строительство лицам, потерявшим все свое имущество во время пожара 1812 г., то в одном из пунктов устава этого банка говорилось: «чтоб каждый желающий получить пособие предоставил наперед Дирекции банка план и смету тому дому, который он выстроить намерен, а губернский архитектор рассматривает смету и обязан иметь смотрение за постройкою...»⁴, иными словами — следить за тем, чтобы был применен один из образцовых фасадов.

Многие пункты Регламента 1813 г. и «Устава» были основаны на общих для всей Российской империи постановлениях. Точно так же и

¹ См. М. Будылина. Планировка и застройка Москвы после пожара 1812 г. (1813—1818 гг.). В кн.: Архитектурное наследство, I. М. 1951, стр. 166 и далее.

² Устав о производстве строений..., стр. 13. — Характерно, что функции губернского архитектора и бау-адъютанта в отношении строительства домов по образцовым фасадам были строго разграничены. Так, в 1827 г. сменивший Рейнеке новый бау-адъютант инженер-штабс-капитан Фоллендорф просил Паулуччи доставить ему «собрание высочайше апробованных фасадов», по которым бы он «мог сличать и поверять [фасады], выдаваемые для возведения по оным строений губернским архитектором господином Шпацнером и для других могущих быть случаев необходимо потребных», на что Паулуччи ответил Фоллендорфу, «что я не почитаю сие необходимым, ибо каждый строящийся снабжается от куда следует фасадом и обязанность Ваша состоит только в наблюдении за производением постройки согласно оному фасаду, почему и можете требовать таковой каждый раз от хозяина дома» (ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 52, лл. 120, 121).

³ Устав о производстве строений..., стр. 13. — Это положение распространялось и на другие города России. Так, в Своде законов было зафиксировано: «Расположение домов во внутренности остается в воле хозяина, но фасад, а особливо на улицу, должен соответствовать правилам благолепной архитектуры, о чем пешишь начальству и архитектору» (ПСЗ, т. XXVI, № 19927, 1801 г.).

⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 14, л. 45.

образцовые фасады, по которым осуществлялась вся застройка Риги после 1812 г., были изданы в 1809—1812 гг. как обязательный документ для строительства в городах всей России. Бурное развитие городов, начавшееся в конце XVIII в. в связи с ростом производительных сил, вынуждало правительственные органы в соответствии с господствовавшим взглядом на архитектуру добиваться «регулярства» плана и облика городов путем издания ряда обязательных постановлений, в которых полностью отразилась строительная политика начала XIX в., во главу угла ставившая заботу о внешнем виде города. Именно поэтому и были разработаны образцовые фасады, а также типовые проекты планировки кварталов и размещения зданий на участках¹.

Как показывают новейшие исследования², изданные в 1809 г. две первые части собрания образцовых фасадов составили архитекторы Луиджи Руска и Вильям Гесте³. Однако фасады эти не вполне удовлетворили заказчиков на местах, поскольку в них зачастую предусматривались колоннады и портики, да и вообще эти фасады были сложны в исполнении. Поэтому в 1810 г. известному русскому архитектору Василию Петровичу Стасову было поручено составить новую серию образцовых фасадов, с тем чтобы были учтены требования застройщиков. Разработанная В. П. Стасовым серия проектов включала фасады не только жилых домов, но и хозяйственных сооружений, лавок, мастерских, фабрик и т. п.; указывался также материал, из которого можно было выполнить фасад. Эти проекты в 1812 г. были гравированы и затем разосланы по губерниям в дополнение к разосланным ранее — в качестве III и IV частей собрания «высочайше» утвержденных фасадов⁴. Наконец, в 1811 г. Л. Руска и В. П. Стасов составили также проекты образцовых фасадов для устройства заборов и ворот⁵.

Просвещенные круги Лифляндии в общем весьма положительно отнеслись к распространению постановления об обязательном применении образцовых фасадов на города Прибалтики. Характерно, что в 1814 г. некий (оставшийся неизвестным) автор разразился по поводу этого постановления целым панегириком; он предлагал издать аналогичное постановление для сельских местностей. Кстати, этот автор достаточно ярко раскрывает основной смысл применения образцовых фасадов:

¹ 25 проектов типовых кварталов, исполненных архитектором В. Гесте, были присланы также в Ригу. Один экземпляр этих проектов хранится в РГГА.

² См. В. И. Пилявский. Типовое проектирование в русском зодчестве. В журн.: «Архитектура и строительство Ленинграда», 1956, № 3, стр. 27.

³ Собрание фасадов, е. и. в. высочайше апробованных, для частных строений в городах Российской империи, ч. I и II, 1809.

⁴ Собрание фасадов, е. и. в. высочайше апробованных, для частных строений в городах Российской империи, ч. III и IV, 1812.

⁵ Собрание фасадов, е. и. в. высочайше апробованных, для заборов и ворот к частным строениям в городах Российской империи, 1811.

«Мудрое правительство, — пишет он, — заботясь о строительстве городов, приказало, чтобы никто не строил зданий, план которых не соответствовал бы определенным правилам архитектурной красоты, ограничив тем самым неумелых и не имеющих вкуса строителей и домохозяев». Далее он замечает относительно введения образцовых фасадов, что это была «великолепная мысль — добиться равномерного расцвета красоты во всех городских зданиях нашего государства в любых условиях в любой степени — от дворца богача до жилища труженика, чтобы создать в своем народе истинное представление о прекрасном», что эта мысль «сильно воздействовала на душу и сердце», а правительство тем самым «возвело столь удивительно величественный памятник своей отеческой мудрости, что позднее внуки с любовью смогут его превозносить, а приехавшие к нам иностранцы будут прославлять его и желать воспроизвести у себя»¹.

Такая оценка постановления об обязательном применении образцовых фасадов показывает, что оно вполне отвечало духу времени и поддерживалось не только сверху, но и снизу. Большое число стилистически единых фасадов обеспечило ему широкое распространение. Многообразие образцовых фасадов определялось как различными стеновыми материалами, так и дифференциацией застройки по различным классам улиц. Для главных улиц предназначались двухэтажные каменные здания, для улиц 2-го класса — одно- и двухэтажные оштукатуренные дома и для улиц 3-го класса — деревянные дома без штукатурки; трехэтажные здания намечалось строить главным образом в Москве и Петербурге². Из упоминавшихся выше отчетов о числе зданий, построенных в городах Лифляндской губернии по «высочайше апробованным» образцовым фасадам в 1816—1829 гг., видно, что в Риге для строительства применялись почти все образцовые фасады, опубликованные в 1809 и 1812 гг., но особой популярностью пользовались простейшие из них³.

Разработка большого количества типов образцовых фасадов была обусловлена градостроительными и социально-экономическими соображениями и была осуществлена без учета климатических и исторических

¹ «Neueres ökonomisches Repertorium für Liefland», Bd. 2. Stück 3, Dorpat 1814, стр. 144—145.

² В. Шквариков. Очерк истории планировки и застройки русских городов, стр. 128—129.

³ Так, например, по одному из самых скромных фасадов, обозначенному № 39 в I части «Собрания образцовых фасадов», только за 1816—1818 гг. было построено в рижских предместьях 82 дома, да и позднее этот фасад применялся очень часто. Нескольким меньшее распространение получили в Риге фасады № 22 и № 47 из I части, фасад № 9 из III части и фасад № 105 из IV части «Собрания фасадов», хотя все они были повторены не менее 60 раз. Эти фасады предназначались для одноэтажных домов, имели 3 или 5 окон, обработанных очень скромными наличниками, и зачастую были лишены иного убранства.

особенностей жизни в различных городах. В этом проявилась одна из отрицательных сторон развития архитектуры в царской России. Правда, возможность применения дерева, кирпича и камня для строительства зданий по образцовым фасадам позволяла использовать местные строительные материалы, а отсутствие типовых планов жилых домов создавало благоприятные условия для учета местных бытовых традиций. В этих особенностях образцовых фасадов были как бы заложены потенциальные возможности для проникновения в архитектуру XIX в. некоторых местных строительных приемов.

Отмеченные моменты невольно приводят к выводу, что в Риге планы небольших жилых зданий, имевших «высочайше» утвержденные фасады, могли сохранить традиционное в зодчестве Латвии трехчастное построение, — ведь устанавливались эти планы самими застройщиками и мастерами, осуществлявшими постройку в натуре. К сожалению, сохранившиеся поныне жилые дома, построенные в 20-х годах XIX в. в бывших рижских предместьях, в результате неоднократных перестроек почти полностью утратили свою первоначальную внутреннюю планировку. Не удалось также обнаружить точных чертежей этих зданий. И только косвенные сведения подтверждают сформулированное в начале настоящего абзаца предположение.

Среди документов архива О. Гуна, хранящихся в Центральном государственном архиве Латвийской ССР, имеется составленный в 1823 г. чертеж здания, построенного, очевидно, во втором десятилетии XIX в. в Рижском военно-сухопутном госпитале¹. Его фасад несколько отличался от «высочайше» утвержденных образцовых фасадов, хотя и был выдержан в формах, характерных для архитектуры начала XIX в. Зато план этого здания буквально воспроизводил планы обычных трехчастных жилых домов. Возможно, это здание было построено по индивидуальному проекту, тем не менее оно наглядно иллюстрирует тот факт, что в начале XIX в. в Риге продолжалось строительство трехчастных домов.

Следует, однако, принять во внимание еще одно обстоятельство. По оси симметрии трехчастного жилого дома обычно размещался вход, подавляющее же большинство образцовых фасадов не только не имело дверей, которые были бы размещены по оси симметрии, но вообще было решено с таким расчетом, чтобы вход в здание вел со двора, а не со стороны улицы. Таким образом, между исторически сложившейся планировкой жилых домов Латвии и «высочайше» утвержденными фасадами возникало весьма существенное противоречие. В том случае, если традиционная планировка жилого дома сохранялась, решение этого противоречия могло быть двояким.

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 214, д. 198, л. 65.

Во-первых, когда выдерживалось требование «Устава о производстве строений» и дом размещался по красной линии своей длинной стороной, тогда вход, сохраняя свое центральное положение по оси симметрии здания, должен был быть устроен со стороны двора, где употребление «высочайше» утвержденного образцового фасада было необязательным, либо же в образцовый фасад должны были быть внесены коррективы. Во-вторых, когда здание размещалось «узкою стороною на улицу, а длиною во двор», что допускалось при застройке «малых улиц», а до опубликования «Устава» нередко имело место и на главных улицах, тогда это противоречие снималось само собою, поскольку согласно образцовому фасаду было достаточно отделать лишь торец дома, т. е. народные традиции «отступали во двор», но не исчезали¹.

Местные особенности и своеобразие архитектуры Риги проявлялись не только в планировке зданий. Несмотря на ряд строгих ограничений, строители вносили обычно коррективы даже в образцовые фасады жилых домов. Вообще же исправление образцовых фасадов в отдельных частностях имело место не только в Риге, — оно вообще было типичным для русской архитектуры начала XIX в. Поэтому исследователя может интересовать главным образом вопрос о том, какие именно изменения вносились и имели ли подобные изменения связь с местными строительными традициями.

Нам удалось обнаружить в Ленинградском филиале Центрального государственного военно-исторического архива около 90 рукописных чертежей, на которых в 1822—1824 гг. специально посланные в Ригу военные инженеры Клименко и Бальц зафиксировали фасады всех старых и новых зданий Риги последовательно по каждой улице². Эти ма-

¹ Все эти заключения, в своем общем виде, подтверждаются исследованиями П. Ю. Берзкална, который пришел к выводу, что «для применения образцовых фасадов программа дома органически не перерабатывалась, а все дополнительные элементы планировки дома переносились в дворовую часть. Со стороны двора разными пристройками дома получали довольно сложные решения. В своем построении образцовые фасады были рассчитаны на анфиладу парадных помещений вдоль улицы. В малых домах такая программа жилища не осуществлялась» (П. Ю. Берзкалн. Развитие основных типов малого дома городов Латвийской ССР от XVII до середины XX вв., в кн.: Ученые записки Латвийского гос. унив-та, т. XIII, стр. 135, 136).

² Зарисовка фасадов всех зданий Риги с натуры и по чертежам, хранившимся в губернском правлении, была осуществлена в 1823—1824 гг. по указанию генерал-инспектора по инженерной части — будущего царя Николая I в связи с тем, что предполагалось создать большую модель всей Рижской крепости. Как видно из документов, сохранившихся в ЦГА Латв. ССР, в конце 1822 г. в Ригу был командирован инженер-поручик Бюрно «для срисовывания фасадов, нужных при делании Рижской модели», которому губернское правление должно было представить «имеющиеся планы и фасады церквам, домам и прочим зданиям» (ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 26, л. 1). Кроме Бюрно, который, очевидно, руководил всей работой по созданию модели крепости и по представленным ему чертежам создавал свои эскизы, в Ригу были в начале 1823 г. командированы инженер-подпоручики Клименко и Бальц, чтобы «снять

териалы позволяют полностью воссоздать весь облик города и, кроме того, дают возможность реально представить характер изменений, вносившихся в образцовые фасады. К сожалению, чертежи, выполненные Клименко и Бальцем, мелки по масштабу (в 1 английском дюйме — 6 саженей) и схематичны по исполнению, поэтому, основываясь на них, можно судить лишь о более крупных коррективах, вносившихся в объемное построение жилых домов, но нельзя выявить многие небольшие поправки, которые должны были неизбежно появиться при возведении зданий, особенно в их убранстве.

Чертежи Клименко и Бальца наглядно иллюстрируют явное своеобразие большинства возводившихся в Риге зданий. Более того, при рассмотрении их даже кажется, что в застройке Риги образцовые фасады вообще не употреблялись. Такое впечатление создается в силу трех важнейших особенностей, присущих изображенным зданиям.

Первая и основная отличительная особенность зданий, построенных в Риге по образцовым фасадам, связана была с традицией возводить дома с высокими черепичными кровлями, с изменением общего объемного построения здания при сохранении характерных элементов образцовых фасадов.

В Прибалтике, климат которой отличается значительной влажностью и большим количеством осадков, такая традиция возникла далеко не случайно. Она начала исчезать с распространением листового железа. В условиях начала XIX в., пока листовое железо было дорого, а наиболее прочным, огнестойким и долговечным кровельным материалом оставалась черепица, — тенденция строить здания с высокими крышами имела большое распространение и не могла игнорироваться зодчими¹. Как указывалось выше, в одном из пунктов рижского «Устава о производстве строений» была специально оговорена возможность употребления высоких крыш, крытых черепицей, и устанавливались определенные соотношения между высотой и шириной здания. Так объективно существовавшие локальные особенности зодчества и строительные традиции получили официальное «признание» и привели к привнесению в образцовые фасады «узаконенных» коррективов.

Проекты образцовых фасадов предусматривали невысокую кровлю, которая в построении общего объема и силуэта здания играла далеко

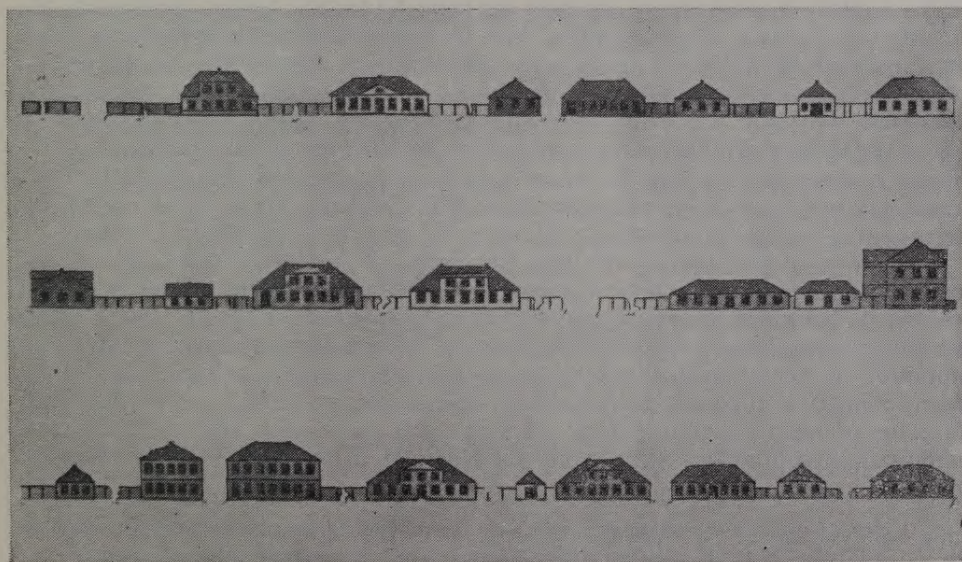
наружные фасады домов и внутренность дворов, то же церквей в крепости и части форштата для составления модели рижской крепости» (там же, л. 4). Чертежи, составленные Клименко и Бальцем, сохранились в ЦГВИАЛ (ф. 3, оп. 26, дела 997, 1227, 1251—1271, 1273, 1275, 1278—1298, 1305, 1309—1313, 1315—1317, 1320, 1322—1357, 1488).

¹ Вплоть до 1820 г. в рижских предместьях при восстановлении жилых домов крышу здания нередко покрывали досками или щепой. Бау-адъютант Рейнеке в сентябре 1821 г. потребовал от магистрата «покрыть до 1-го мая (1822 г. — Ю. В.) все строения, имеющие ныне крыши из досок и заболожок, черепицею или железом» (ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 1, л. 250).

не главную роль; напротив, в рижских сооружениях подъем кровли обычно равнялся чуть ли не половине всей высоты здания. Сочетание образцовых фасадов с традиционной в Латвии высокой кровлей способствовало образованию своеобразной композиции сооружения и приводило к изменению образной характеристики образцовых фасадов; сооружения сохраняли свой определенный местный колорит. Так, например, в отличие от существовавших ранее в предместьях построек, перекрытых полувальмовой кровлей, в начале XIX в. стали строить здания, покрытые более простой четырехскатной крышей, которая применялась обычно при использовании образцовых фасадов в русских городах. Иными словами, в Риге происходило очень сложное взаимопроникновение и переработка форм, характерных для русского классицизма, и форм, связанных с традициями архитектуры Латвии. В результате появлялись жилые дома, отличавшиеся как от исторически сложившихся типов построек, так и от зданий, созданных по образцовым фасадам, и в то же время теснейшим образом связанные с ними.

Вторая особенность зданий, возведенных в Риге в рассматриваемый период, состояла в том, что отдельные формы построенных зданий приобретали новый характер, связанный с народными традициями и не-

Фасады жилых домов на улицах М. Занд (ныне ул. Лачплеша) и Санкт-Петербургской (ныне ул. Ленина). *Фрагмент чертежа 1824 г.*

свойственный образцовым фасадам. Наиболее ярким примером изменения характера отдельных форм образцовых фасадов могут служить факты переработки композиции полуторазэтажных зданий.

Эти дома имели обычно мезонин, который слегка раскреповывался, возвышался над основной кровлей здания и играл большую роль в обозначении силуэта и всего объемного построения жилого дома. Как видно из отчетов о числе домов, построенных в Лифляндской губернии по образцовым фасадам¹, в Риге возводилось немало подобных полуторазэтажных домов. Например, только в 1816—1818 гг. по фасаду № 33 из I части «Собрания фасадов» было построено 19 домов, по фасаду № 32 — 11 домов и т. д. Однако при изучении чертежей городских построек, составленных Клименко и Бальцем, здания, получившие эти фасады, обнаружить не так-то просто. Правда, на многих улицах предместий — Малой Занд (ныне ул. Лачплеша), Александровской (ныне ул. Ленина) и т. д. — можно заметить немало зданий, напоминающих полуторазэтажные «образцовые» дома. Но отличие их фасадов от образцовых фасадов настолько очевидно, что невольно возникает мысль о глубокой переработке форм образцовых фасадов под воздействием исторически сложившихся традиций.

Формально проекты образцовых фасадов отличаются от тех же фасадов, реализованных в застройке рижских предместий, только тем, что, во-первых, в возведенных в предместьях зданиях не раскрепован их центр (как это имеет место во всех проектах образцовых полуторазэтажных зданий) и, во-вторых, кровля на всех рижских домах, имеющих образцовые фасады, всегда одина, она не распадается на три части (как это предусматривалось проектами образцовых фасадов) — на часть, перекрывающую мезонин, и на две симметричные части, перекрывающие боковые крылья. Поэтому повышенный центр домов, построенных в Риге, получает в композиции здания совершенно иное значение — он почти не участвует в формировании силуэта постройки, ибо оказывается ниже конька кровли, перекрывающей все сооружение, и, кроме того, он не приводит к кардинальным изменениям пластики объемов здания.

Однако формальные отличия проектов образцовых фасадов от фасадов построек, выросших в рижских предместьях, не являются случайными. За ними кроются существенные различия, которые лучше всего иллюстрируют характер переосмысления в Риге форм и композиционных приемов классицизма. Действительно, повышенный центр в зданиях, построенных в рижских предместьях после пожара 1812 г., имеет гораздо больше общего с центральным мансардным выступом, характерным для небольших городских жилых домов Латвии, о которых уже говорилось

¹ Эти отчеты уже упоминались в начале настоящей главы при характеристике размаха строительства в Риге в 1816—1829 гг.

Схема переработки композиции образцовых фасадов.

выше, чем с мезонином полутораэтажных «образцовых» домов¹. Мезонин — это надстройка в центре здания, возвышающаяся над основной кровлей дома и перекрытая самостоятельной крышей, тогда как центральный мансардный выступ — это, по сути дела, довольно большой, расположенный по поперечной оси симметрии дома световой выход жилых комнат-светелок, размещающихся в чердачных помещениях. Поскольку здания в рижских предместьях сохраняли высокие кровли, позволявшие устраивать мансардные жилые помещения, постольку в Риге продолжали строить здания с центральным мансардным выступом, а не с мезонином, который был менее выгоден. Центр здания в связи с этим не раскреповывался, ибо раскреповка нарушила бы тектонические основы композиции жилого дома. Поэтому-то центральный мансардный выступ не превышал конька кровли всего здания.

Следовательно, когда для строительства в Риге выбирался один из полутораэтажных образцовых фасадов с мезонином, композиция и формы фасада перерабатывались в соответствии с местными традициями и мезонин переделывался в центральный мансардный выступ, что коренным образом изменяло облик образцового фасада. Вероятно, аналогичные факты можно было бы обнаружить и в других типах жилых домов, однако один уже приведенный пример дает возможность утверждать, что формы и композиция образцовых фасадов, применявшихся в Риге, нередко подвергались значительной переработке.

¹ Кстати, П. Ю. Берзкалн считал, что основным толчком к распространению домов с центральным мансардным выступом послужило постановление о применении образцовых фасадов (П. Ю. Берзкалн. Развитие основных типов малого дома городов Латвийской ССР от XVII до середины XX вв., в кн.: Ученые записки Латвийского гос. унив-та, т. XIII, стр. 134). Однако, как указывалось выше, подобные дома имели в Латвии широкое распространение и до появления этого постановления.

Жилой дом начала XIX в. на ул. Лачплеша.

Третья отличительная особенность зданий, выстроенных в Риге по образцовым фасадам, заключалась в том, что пропорции и детали этих зданий далеко не всегда соответствовали пропорциям и деталям образцовых фасадов. Эта особенность рижских жилых домов также была связана с влиянием местных строительных традиций и зависела от конкретных материальных ресурсов, находившихся в распоряжении строителей.

По чертежам, составленным Клименко и Бальцем, видно, что большинство жилых домов, построенных в предместьях, были более приземистыми (не считая кровли), а оконные и дверные проемы их — более широкими, нежели это предусматривалось проектами образцовых фасадов. Даже если сделать скидку на вполне возможные погрешности при срисовывании или съемке фасадов с натуры, все же возникает мысль, что подобные особенности проявлялись в застройке города вполне закономерно. По всей видимости, застройщики в целях экономии средств и строительных материалов стремились возводить невысокие жилые помещения, что неизбежно приводило, во-первых, к уменьшению общей высоты стен и окон здания и, во-вторых, к относительному расширению оконных проемов. Правда, в сохранившихся в Риге подобных жилых

Жилой дом на ул. Маскавас.

зданиях пропорции окон в общем ближе к их пропорциям на образцовых фасадах, чем это имеет место на фасадах рижских жилых домов, изображенных Клименко и Бальцем.

На основании этих чертежей нельзя, естественно, судить об изменениях, которые вносились в архитектурные детали жилых домов, так как подавляющее большинство зданий изображено на них вообще без всяких деталей. Лишь кое-где схематично обозначены междуэтажные тяги, карнизы и наличники, чего, конечно, вовсе не достаточно, чтобы делать по этому поводу какие-либо серьезные выводы. Только анализ сохранившихся зданий может помочь уяснению характера переработки деталей, применявшихся в образцовых фасадах, но и здесь возникают значительные трудности, так как многие жилые дома, построенные после пожара предместий в 1812 г., в последующем были уничтожены, а сохранившиеся нередко подверглись большим перестройкам и частично изменили свой первоначальный облик.

Однако исследование сохранившихся жилых домов и их сравнение с «высочайше» утвержденными образцовыми фасадами могут скорее всего убедить только в одном — а именно, в том, что здания, строив-

шиеся в предместьях Риги после пожара 1812 г., являлись столь свободной вариацией на тему, заданную выдающимися зодчими — Гесте, Руской и Стасовым, что от художественных концепций этих зодчих в Риге не осталось почти и следа. Здесь, по сути дела, был разработан новый тип фасада жилого дома, весьма отличный от образцовых, но зато цельный по своему архитектурному построению. Этот рижский вариант роднило с «высочайше» утвержденными фасадами, пожалуй, лишь применение классических профилей да общая тенденция к преобладанию горизонтальных членений над вертикальными.

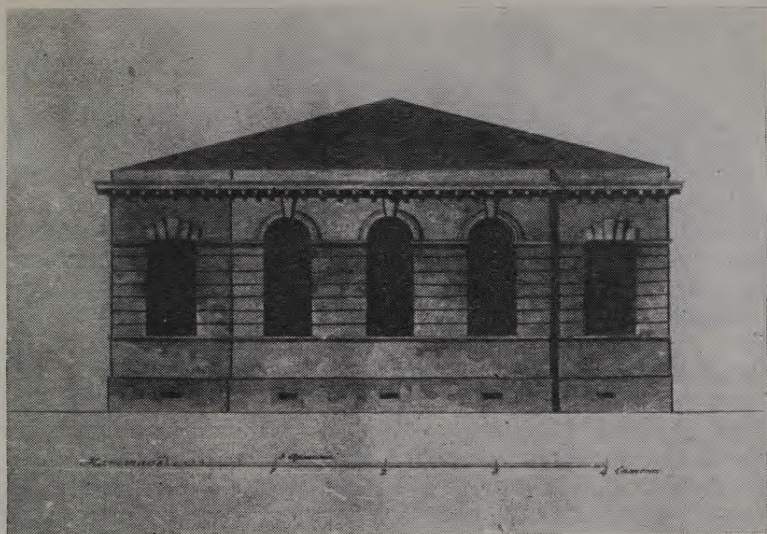
Известное представление об особенностях переработки образцовых фасадов могут дать только некоторые рижские жилые дома, композиционная структура и детали которых не были искажены настолько, чтобы их больше нельзя было и сравнивать с «высочайше» утвержденными фасадами. Таким, например, является дом № 18 по ул. Вейденбаума, который, по всей видимости, был построен по фасаду № 32 из II части «Собрания фасадов». В отличие от образцового фасада, этот дом по своему декоративному убранству был сделан несимметричным, при симметричном общем объемном построении. Вместо пяти осей проемов здесь было сделано семь, вместо арочных окон — прямоугольные, а архивольты арок были лишь имитированы в дереве¹. Однако в целом рисунок деталей близок к оригиналу. Несмотря на это, высокая полувальмовая крыша, некогда крытая черепицей, придала зданию совершенно другой вид. Вообще же облик этого дома гораздо ближе к облику латышского народного жилища, нежели к прототипу из «Собрания фасадов».

Примерно в таком же духе был переработан фасад дома, расположенного ныне на территории I Рижской городской больницы на ул. Сарканармияс. Дом этот был построен, очевидно, по фасаду № 87 из II части «Собрания фасадов». Он близок к «оригиналу», только искажены пропорции и очертания арочных ниш, а также «укорочены» пропорции оконных проемов. Именно на примере этого дома очень хорошо видно, к каким результатам приводило сокращение высоты внутренних помещений при сохранении всех элементов убранства образцовых фасадов.

Можно указать еще несколько зданий, при постройке которых были сохранены основные детали образцовых фасадов, причем эти детали были довольно точно воспроизведены в деревянных конструкциях (см., например, общую композицию и наличники окон упоминавшегося выше² дома № 28 по ул. Калнциема). Однако в подавляющем большинстве

¹ Как видно из зарисовок архитектора Л. К. Плауцня, замковые «камни», изображенные на этих «арках», являлись торцами балок перекрытия (L. K. Plauciņš. Ēku sīkdaļu skices, в архиве АН Латв. ССР, ф. 12, оп. 3, д. 33, л. 95).

² См. стр. 209.

Образцовый фасад и жилой дом, построенный по этому фасаду на улице Вейденбаума.

зданий детали были трансформированы. Так, наличники окон часто были образованы досками с прорезанными по лицевой стороне желобками-каннелюрами, иногда наличник был еще более лапидарным. Очень часто фасады строились без сандриков, карнизы упрощались, в них опускались отдельные элементы — консоли, сухарики, профили. Вообще же профилировка деталей делалась весьма измелоченной. Нередко пробивались не предусмотренные для образцовых фасадов двери, причем полотно их обрабатывалось весьма тщательно. Особенно сильно трансформировались колонны, которые превращались обычно в пилястры; менялись их пропорции, упрощались капители и т. п. Детали выполнялись гораздо более плоскими, чем это вытекало из чертежей образцовых фасадов. Эта особенность, видимо, была связана главным образом с применением дерева в качестве не только основного строительного, но и отделочного материала. Широко распространенное в Риге применение досок для наружной обшивки домов и изготовления деталей их фасадов неизбежно приводило к изменениям архитектурных форм, зафиксированных в образцовых фасадах.

Особенно значительные коррективы, вносившиеся в композицию образцовых фасадов, не оставались незамеченными современниками. В период острого жилищного кризиса, т. е. именно тогда, когда в Риге строилось самое большое количество жилых зданий, губернские власти, по всей видимости, смотрели на отступления от образцовых фасадов сквозь пальцы. Они спохватились лишь тогда, когда основной жилой фонд предместий был восстановлен и когда начался известный спад в художественном творчестве эпохи классицизма. 10 апреля 1828 г. Лифляндское губернское правление обнародовало специальный указ, адресованный «обывателям города Риги»¹, которым были дополнены некоторые пункты «Устава о производстве строений», нарушавшиеся особенно часто.

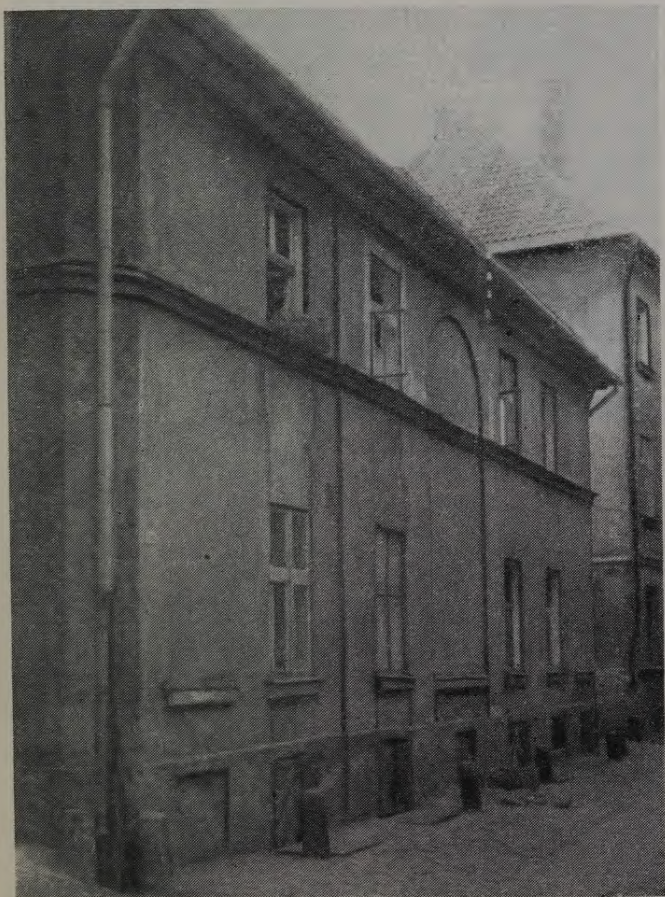
В этом указе упоминаются самые важные отступления от образцовых фасадов, которые сводились к следующему:

- 1) крыша делалась выше, чем допускалось «Уставом»;
- 2) не возводился предусмотренный для многих фасадов аттик («антик», как сказано в указе), «от чего между этажною высотой и таковою же самой кровли выходит несоразмерность»;
- 3) в отличие от образцовых фасадов с мезонином, карниз которого находился на одном уровне с коньком основной крыши, рижане, напротив, строили центральный мансардный выступ ниже конька крыши, причем наклон ската кровли этого выступа, крытой черепицей, был обычно равен углу наклона всей крыши;
- 4) в сторону улицы делались слуховые окна из чердака или из «вер-

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 10, оп. 1, д. 345, л. 12.

Образцовый фасад и жилой дом, построенный по этому фасаду во дворе Конвента.

хов», где «по здешнему месту необходимость требует иметь в них сколько возможно наиболее воздуха и света», а также устраивались входы и т. п.

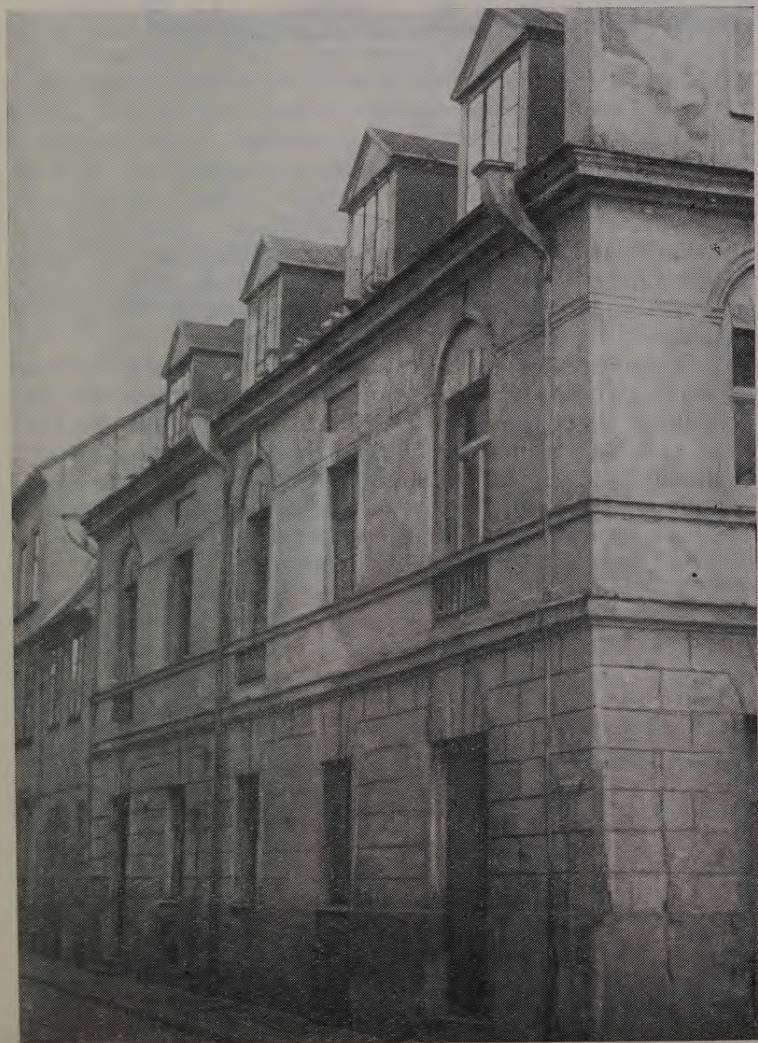
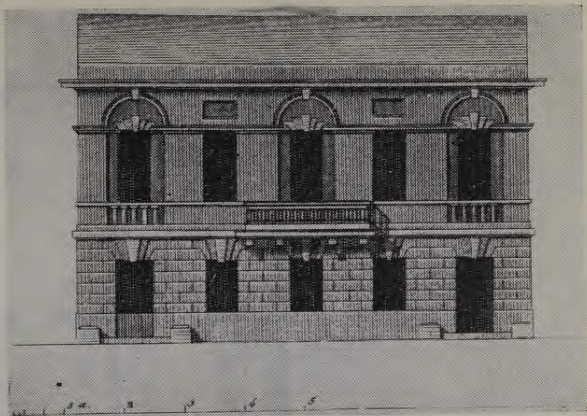
Констатация всех этих фактов в указе губернского правления подтверждает, что отмеченные в нем отступления от образцовых фасадов не были случайностью, что, наоборот, они были широко распространены в застройке предместий и часто зависели от местных климатических особенностей, некоторых традиций обработки и применения строительных материалов, привычных приемов устройства жилья и т. д. — следовательно, являлись результатом воздействия ряда объективных факторов.

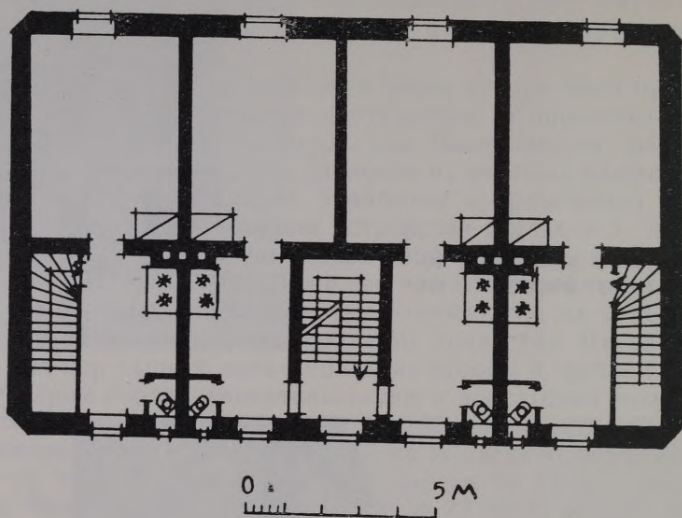
Конечно, далеко не всегда жилые дома, построенные в Риге в рассматриваемый период, имели черты, сближавшие их с некоторыми сооружениями, типичными для народного зодчества Латвии. Сохранившиеся до сих пор здания, возведенные во втором и третьем десятилетиях XIX в. в Старом городе, свидетельствуют о достаточно точном воспроизведении схем образцовых фасадов. Таковы, например, один из домов в так наз. дворе Конвента (фасад № 76 из II части «Собрания фасадов»), дом на углу улиц Театра и Ридзенес (фасад № 21 из I части), дом на углу улиц Миесниеку и Музея (фасад № 77 из IV части) и др. Много таких зданий изображено также на чертежах Клименко и Бальца. Детали и пропорции фасадов этих домов почти ничем не отличались от деталей и пропорций образцовых фасадов, по которым они строились; только крыша имела более крутой наклон и была крыта черепицей¹. Правда, в отдельных случаях искажались также и пропорции образцовых фасадов, изменялся масштаб деталей, но эти изменения влияли лишь на художественное качество здания и не имели принципиального значения. Вкрапленные в застройку Старого города здания, построенные по образцовым фасадам, во многом содействовали изменению средневекового облика центральных районов Риги.

Следует подчеркнуть, что именно в Старом городе, где строились многоэтажные каменные жилые дома, образцовые фасады почти не перерабатывались. Это объясняется, по всей видимости, тем, что здания эти строились более квалифицированными мастерами строительных цехов из долговечных материалов, которые позволяли точно воспроизводить формы образцовых фасадов. Некоторую роль здесь играло, возможно, и то обстоятельство, что часть жилых домов в Старом городе была построена губернскими архитекторами. Сохраня избранный заказчиком образец фасада, губернский архитектор, со своей стороны, разрабатывал планировку здания. В большинстве своем такие здания строились как доходные дома и имели весьма характерную планировку,

¹ Примерно к таким же выводам относительно каменных жилых домов пришел и Л. К. Плауцинь, изучая архивные материалы и чертежи несохранившихся зданий, построенных по образцовым фасадам в Старом городе.

Образцовый фасад и жилой дом, построенный по этому фасаду на ул. Миесниеку.

План жилого дома начала XIX в. во дворе Конвента.

при которой квартиры были зачастую лишены элементарных удобств¹. Как видно из материалов, собранных Л. К. Плауцинем, ряд зданий, имевших образцовые фасады, был построен губернским архитектором Х.-Ф. Брейткрейцем в 1813—1816 гг.²

В целом анализ архитектуры жилых домов, возведенных в Риге во втором и третьем десятилетиях XIX в., свидетельствует о том, что использование образцовых фасадов не было здесь механическим. Оно не привело к образованию «стандартной» архитектуры. Новые формы и образы, проникавшие в зодчество города, лишь обогащали строительную культуру Латвии. Несмотря на строгие постановления губернских властей, которые регламентировали характер застройки Риги, в новых зданиях вполне отчетливо прослеживается влияние национальных строительных традиций. При этом наибольшее влияние на архитектуру Риги начала XIX в. оказали традиции, связанные с устойчивыми факто-

¹ В дальнейшем жилые дома, имевшие подобную планировку, получили в Риге широкое распространение.

² Это были дома № 28 и № 25 по Грешной улице (ныне ул. Иманта Судмаля) (фасады № 35 из III части и № 61 из II части «Собрания фасадов»). Места, где стояли четыре других несохранившихся здания, неизвестны; здания эти были построены по фасадам № 65 и № 98 из IV части и № 81 из II части «Собрания фасадов» (см. архив АН Латв. ССР, ф. 12, оп. 3, д. 34, лл. 17—19).

рами жизни народа. Климатические условия и природные ресурсы предопределили характер объемного построения жилых домов, а особенности быта оказали сильное воздействие на образование трехчастной планировки жилого дома и привели к привнесению некоторых частных коррективов в пропорции, детали и т. п. образцовых фасадов.

* * *

Изменение образцовых фасадов при строительстве в Риге вызывалось не только особенностями жизни народа. Многообразие потребностей различных городов России не могло быть, конечно, полностью учтено в «высочайше» утвержденных проектах. Конкретные нужды и конкретные условия строительства нередко приводили к необходимости перерабатывать и дополнять образцовые фасады. Когда это касалось крупных сооружений, то подобные доработки осуществлялись под руководством губернских архитекторов. Именно таким путем создавались проекты большинства общественных зданий, построенных в Риге в 20-х годах XIX в. Их сооружение непосредственно связано с деятельностью лифляндского губернского архитектора Христиана-Фридриха Брейткрейца, по проектам которого в Риге и в провинции было построено немало жилых и общественных зданий.

Творчество Брейткрейца оставалось до сих пор мало изученным, поэтому в отдельных работах, в которых упоминалось о нем, нередко допускались большие неточности. Так, в работе Неймана, а вслед за ней и в «Истории искусства», выпущенной под редакцией Пурвита, сообщается, что Брейткрейц родился в 1791 г. и умер в 1820 г.¹; в другом месте Нейман утверждал, будто Брейткрейц проработал в должности губернского архитектора всего пять лет — с 1815 по 1820 г.² Даже П. Кампе в своей последней работе, исправив ошибку В. Неймана в отношении даты рождения Брейткрейца, указал тем не менее неправильное время вступления его в должность губернского архитектора (1815 г.)³.

Вместо Брейткрейца на первый план выдвигалась фигура строительного мастера Иоганна-Даниэля Готфрида (1768—1831), которому приписывалось авторство многих проектов. Более того, в подавляющем большинстве работ, начиная от словарей и энциклопедий и кончая альбомами и путеводителями по Риге, встречается одна и та же стереотипная фраза, что, мол, первым носителем классицизма в Риге являлся

¹ W. Neumann. Lexikon baltischer Künstler. Riga 1908, стр. 22; Mākslas vēsture, 1. sēj., стр. 225.

² W. Neumann. Die lutherischen Kirchen der Neuzeit. В кн.: Riga und seine Bauten, стр. 163.

³ P. Campe. Lexikon . . . , Bd. I, Nr. 2410.

Хаберланд, а последователем Хаберланда был его ученик Готфрид, который якобы работал в стиле «ампир». Напротив, роль Брейткрейца в развитии классицизма в архитектуре Риги игнорировалась. Поскольку такая формулировка сохранилась вплоть до наших дней¹, следует разобраться в том, какую роль играли упомянутые зодчие в развитии архитектуры Риги начала XIX в.

В свое время проф. П. Кундзинь писал, что Готфрид занимал якобы должность губернского архитектора и являлся представителем «следующей ступени классицизма — ампира»². Другой исследователь латвийской архитектуры, проф. П. Кампе, называл Готфрида «гениальным»³. Замалчивание творчества Брейткрейца и превозношение Готфрида объяснялись, по-видимому, тем, что последнего можно было назвать учеником Хаберланда, а это давало повод подразумевать некую единую специфически рижскую линию развития классицизма, который будто бы был внесен в зодчество Риги Хаберландом и закончил свое развитие с прекращением деятельности Готфрида. Хаберланд и Готфрид объявлялись «подлинно рижскими» представителями классицизма, только в их деятельности исследователи видели своеобразие архитектуры Риги конца XVIII — начала XIX в.

Исследователи архитектуры Латвии, однако, шли здесь по неверному пути и искали корни преемственности архитектуры города в указанный период не там, где нужно. Как показано выше, творчество Хаберланда было не единственным фактором, определявшим развитие зодчества города конца XVIII в., а общность архитектуры Риги конца XVIII и начала XIX в. базировалась отнюдь не на том, что в начале нового столетия архитектурная практика в городе перешла в руки учеников Хаберланда, и, наконец, своеобразие классицизма в рижском зодчестве не исчерпывалось тем, что Хаберланд и его ученики обладали особым творческим почерком. Анализ обнаруженных архивных документов показывает, что отнюдь не Готфрид, а Брейткрейц был одним из ведущих рижских архитекторов начала XIX в. Это еще раз подчеркивает необоснованность бытовавшего ранее взгляда на развитие классицизма в зодчестве Риги.

Обнаруженный в Центральном государственном архиве Латвийской ССР послужной список Брейткрейца, составленный в 1819 или 1820 г., свидетельствует о том, что, во-первых, Брейткрейц занял долж-

¹ Эта версия повторяется даже в упомянутой статье А. К. Бирзениека, появившейся в 1958 г. (A. Birzēnieks. Rīgas baroka un klasicisma laikmeta pilsētu namu fasādes kompozīcijas radīmenī, в кн.: Ученые записки Латвийского гос. университета, т. XXI, стр. 105).

² P. Kundziņš. Latvju arhitektūra. В кн.: Latviešu konversācijas vārdnīca, XI sēj. Rīgā 1934—1935, столбец 21505.

³ P. Kampe. Vecrīgas portāli. В кн.: Rīgā kā Latvijas galvas pilsēta, стр. 64.

ность губернского архитектора уже 2 января 1805 г., а не в 1815 г., как утверждал Нейман и вслед за ним Кампе, и что, во-вторых, в период составления послужного списка ему было 40 лет¹, т. е. родился он около 1780 г., а не в 1791 г., как считал Нейман². Следовательно, Брейткрейц являлся губернским архитектором в течение 15 лет. К сожалению, пока неизвестно, где и у кого он учился, но построенные Брейткрейцем здания характеризуют его как достаточно умелого зодчего. Благожелательно о работе Брейткрейца отзывались и губернские власти. Так, в хodataйстве о назначении пенсии вдове Брейткрейца после его смерти сообщалось, «что покойный архитектор Брейткрейц, находившийся 15 лет непрерывно при сей должности, отправлял оную с неутомимою деятельностью, верностию и усердием и не оставил никакого состояния, так что означенная вдова действительно не имеет никаких средств к содержанию себя и к воспитанию дочери своей»³.

Напротив, Готфрид не только никогда не был губернским архитектором, но, более того, он упоминается в документах начала XIX в. не иначе, как «мурник», «мурничный мастер», «мурничных дел мастер» («каменных дел мастер»), лишь в редких случаях о нем говорится как о «городском баумейстере»⁴. Готфрид был гораздо более известен как человек, занимавший ответственный пост в Малой, или ремесленной, гильдии, в которой в 1817 г. был назначен докманом, а годом позже — альтерманом (старшиной). Кстати, современники отзывались о Готфриде гораздо более сдержанно, нежели это делали исследователи архитектуры вплоть до последнего времени. Даже в опубликованном после смерти Готфрида весьма лестном для него некрологе ни единым словом не упоминается о его значении как архитектора, который своим творчеством способствовал бы украшению города, — подчеркивается лишь его роль как хорошего практика-строителя, каким он, бесспорно, был. В некрологе говорится, что Готфрид «под руководством незабвенного Хаберланда приобрел технические познания, основательные практиче-

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 10, оп. 1, д. 3, л. 3. — В послужном списке сказано, что Христиан-Фридрих Брейткрейц, 40 лет, из иностранцев, не владеющий крепостными, на службу поступил 2 января 1805 г. — губернским архитектором, 31 декабря 1810 г. произведен в чин коллежского регистратора, 31 декабря 1814 г. — в чин губернского секретаря, 31 декабря 1816 г. — в коллежские секретари, 30 июля 1818 г. награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

² П. Кампе в своей недавно изданной работе считает, что Брейткрейц родился в 1781 г. и умер в 1820 г. (Р. Сапте. *Lexikon . . .*, Bd. II, Nr. 1971). Но в таком случае в момент составления послужного списка ему не могло быть 40 лет, и следует предположить, что указываемый Кампе год рождения Брейткрейца несколько неточен.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 17, л. 237.

⁴ Вопрос о том, был ли Готфрид действительно «городским баумейстером», как он иногда именуется в архивных документах, довольно проблематичен. П. Кампе, например, в своей последней работе нигде не говорит, чтобы Готфрид когда-либо занимал эту должность, и сообщает лишь о том, что в 1797 г. Готфрид стал помощником городского строительного мастера, т. е. Хаберланда (Р. Сапте. *Lexikon . . .*, Bd. I, Nr. 2264).

ские навыки и зоркость, которые позволяли находить легкие и счастливые средства и пути решения тяжелых проблем, возникающих в гражданском строительстве. Эти качества вместе с неустанной деятельностью и порядочностью обеспечили ему доверие публики»¹. Вполне понятно, что именно это позволило Готфриду получить обширную строительную практику как в частном, так и в «казенном» строительстве. Готфрид, возможно, являлся одним из лучших и наиболее опытных строителей Риги, но как автор проектов он мог выступать, по-видимому, лишь в отдельных, исключительных случаях. Даже при перестройках старых зданий он, как говорится в некрологе, лишь «обрабатывал» (bearbeitet) уже имевшиеся проекты.

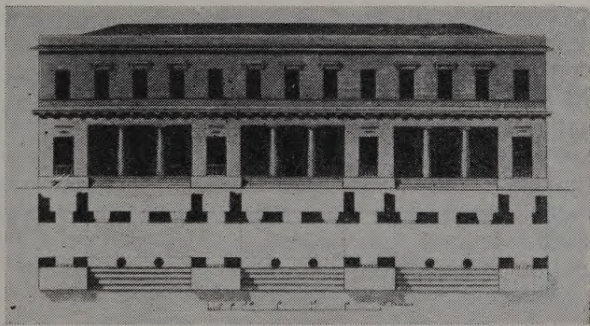
Характеристика, данная Готфриду в некрологе, полностью подтверждается также рядом архивных документов, в которых он фигурирует либо как подрядчик, либо как мастер, руководивший строительством, либо как лицо, осуществлявшее надзор за качеством кирпичной кладки или других подобных работ. Такое положение было вполне естественным в обстановке начала XIX в., когда архитектурное творчество было строго регламентировано, когда фасады зданий были заранее разработаны и оставалось лишь умело применять их, когда все проекты проходили через руки губернского архитектора. Очевидно, именно здесь следует искать ответ на вопрос о том, какова была роль Брейткрейца и роль Готфрида в развитии архитектуры Риги в первой трети XIX в. В большинстве случаев Брейткрейц поставлял образцовые проекты, нередко разрабатывал проекты сам, а Готфрид их осуществлял. Характерно, что губерnsкие власти не считали, очевидно, Готфрида лицом, способным исполнять обязанности архитектора, и поэтому в 1820 г., когда умер Брейткрейц, на его место временно был назначен другой строительный мастер. Вот что по этому поводу сообщалось из Риги министру внутренних дел В. П. Кочубею: «По случаю смерти Лифляндского губернского архитектора коллежского секретаря Брейткрейца, последовавшей 11 марта сего года, Лифляндское губерnsкое правление, в отвращение всякой по строительной части остановки, поручило исправление сей должности впредь до определения архитектора городскому баумейстеру Грену, который по достаточным познаниям и во время болезни означенного Брейткрейца исправлял уже его должность»². Кстати говоря, упомянутый здесь мастер цеха каменщиков Яков Грен (Sigismund Daniel Jakob Graen, 1779—1844) нередко именуется в русских документах также «городским архитектором», но его деятельность пока еще недостаточно изучена, и возможно, что она не была столь плодотворной, как деятельность Брейткрейца и Готфрида. Кажется бесспорным, что среди других авторов проектов и лиц, осуществлявших

¹ «Rigaische Stadt-Blätter», 28. Oktober 1831, Nr. 43, стр. 349.

² ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 17, лл. 237, 238.

Образцовый фасад и построенный по этому фасаду русский гостинный двор.

их в натуре, первое место занимали именно эти два человека, творческие пути которых часто перекрещивались.

В первые годы после войны 1812 г. Рига испытывала сильную нужду в торговых и складских помещениях. Поэтому как в Старом городе, так и в рижских форштадтах строили много торговых рядов и сараев. Согласно проекту 1815 г., они возводились на Ратушной площади около

Дома Черноголовых, где, как указывалось в проекте, нужно было выстроить лавки «по хорошему фасаду и передние по линии полиции», и несколько дальше от Ратушной площади, у Шалторских ворот, где также требовалось выстроить лавки «по хорошему фасаду». Вдоль эспланадной линии вокруг Старого города возникают в 1813—1815 гг. мясные ряды, «винная проба», временные городские лавки, пеньковые лавки и сарай; организуются рынки для продажи сена, скота, отводятся места для выгрузки разных материалов и пр. Для строительства подобных сооружений обычно брался один из образцовых фасадов. В 1821 г., например, от бау-адъютанта поступило прямое указание — «выстроить по фасаду месную лавку Клеберга в Альт Штате»¹. Нередко образцовые фасады несколько перерабатывались, или как бы «расширялись». Так, для лавок у Шалторских ворот был взят, по всей видимости, фасад № 21 из III части «Собрания фасадов», но осуществлен он был не совсем так, как полагалось по проекту: его значительно удлиннили за счет блокировки с другими такими же фасадами, и поэтому вместо здания с 6 проемами, как это было предусмотрено в образцовом фасаде, получилось здание с 22 окнами и дверьми.

Одним из наиболее крупных объектов строительства этого времени был так наз. русский гостиный двор. Он занимал целый квартал в Московском предместье, на границе 2-й и 3-й дистанционных линий, примерно на том же месте, где он был расположен до пожара 1812 г. В 1818 г. на постройку этого здания правительство ассигновало 150 тыс. руб. «заимообразно на десять лет с платежом процентов»². Фасад гостиного двора был создан на основе фасада, спроектированного В. П. Стасовым для жилого дома с торговыми помещениями в 1-м этаже (проект № 5 из III части «Собрания фасадов»), однако со значительными изменениями, поскольку величина создававшегося комплекса не соответствовала рамкам «высочайше» утвержденного фасада. Взятый за основу проект фасада пришлось «блокировать», чтобы получить здание большей величины, а отдельные корпуса — объединить проездами, решенными в виде триумфальных арок³. В целом было возведено весьма внушительное сооружение.

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 1, л. 250.

² ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 2, д. 42, л. 56.

³ Проезды в гостиный двор впоследствии были несколько видоизменены: их верхняя часть — арка — была сломана. Первоначальный вид этих проездов можно установить по упоминавшимся выше чертежам Клименко и Бальца. Характерно, что пропорции и композиция арок, оформлявших проезды в гостиный двор, были идентичны пропорциям и композиции Александровских триумфальных ворот (разница заключалась лишь в том, что проезды в гостиный двор были сделаны из дерева, тогда как Александровские ворота выполнены в камне; кроме того, первые были гораздо меньше по масштабу). Их общность указывает на то, что оба проекта принадлежали, возможно, руке одного и того же автора.

Есть все основания полагать, что создание цельного комплекса гостиного двора, объединение разрозненных корпусов небольшими вставками, взаимная блокировка элементов образцовых фасадов и т. д., т. е. разработка конкретного проекта, по которому осуществлялось строительство, проводились Брейткрейцем. Точных данных, которые подтверждали бы этот вывод, пока обнаружить не удалось, но по аналогии с общим положением, согласно которому проекты фасадов зданий, стрившихся в Риге, выдавались губернским архитектором, можно заключить, что он, несколько видоизменяя образцовые фасады, составлял на их основе реальные проекты для строительства также и крупных общественных сооружений. К числу выстроенных по подобным проектам зданий можно отнести и так наз. католическую больницу (больницу диаконисс) в Московском предместье.

В последние годы своей жизни Брейткрейц создал в Риге несколько крупных объектов, которые наиболее ярко характеризуют его как зодчего и отражают важные особенности архитектуры города той поры.

Творчество Брейткрейца в значительной степени было обусловлено господствовавшими взглядами на архитектуру, и лишь изредка ему удавалось выйти за рамки проектирования по образцовым фасадам. В тех случаях, когда Брейткрейц создавал проекты для государственных учреждений, где требовалось считаться с образцовыми фасадами, спроектированные им сооружения носили черты сухости и казенности, тогда же, когда он мог строить такие объекты, для которых не существовало «высочайше» утвержденных образцов, он привносил в облик сооружений черты некоторой интимности и теплоты¹.

Одним из наиболее значительных сооружений, созданных Брейткрейцем в последние годы его деятельности, были так наз. «богоугодные заведения» Лифляндского приказа общественного призрения во 2-м «государевом», или Александровском, саду. Создание проекта для этих сооружений было начато после того, как Александр I, посетивший Ригу в 1818 г., предложил Паулуччи найти возможность для устройства «порознь» различных отделений приказа общественного призрения (в частности, «смирительного, больницы, отделения для умалишенных и для призираемых»), которые до тех пор находились «вместе в одной половине дома»². В марте 1819 г. Паулуччи уже доносил Александру I,

¹ До сих пор выявлено отнюдь не все то, что было создано в Риге Брейткрейцем. В частности, неясно, насколько широкой была перестройка Рижского замка, осуществленная Брейткрейцем в 1815—1818 гг. Известно лишь, что в 1815 г. он составил проект перестройки и надстройки замка. Согласно этому проекту должна была быть достроена пониженная часть флигеля замка (там предусмотрено было устроить зал, который после его возведения был назван «Белым залом»), а в пустовавшем верхнем этаже замка намечалось устроить жилые квартиры (ЦГВИА, ф. 418, д. 206).

² ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 11, д. 2139, л. 1.

что в Риге «составлен план», согласно которому предположено «для учреждения богадельни устроить особенный дом с отдельною связью и другою отдельною связью для больницы на 60 человек», что уже составлена для этого смета¹. В то же время он сообщал, что «для устройства однако ж таковых заведений соответственно цели их со всевозможными выгодами требуется такое пространство земли, где можно было бы не только поставить строения, но и завести сады и огороды, для употребления оных на пользу заведений, какового места со всеми сими удобствами в окружностях города Риги не имеется, кроме второго императорского сада. А как сей сад находится за 5-юю дистанциею, где по фортификационным правилам могут быть построены каменные здания», то Паулуччи просил отдать сад приказу общественного призрения «для устройства помянутых заведений по предложенному плану, который, — как писал Паулуччи, — при сем имею счастье преподнести на благоусмотрение В. и. в.»². 18 апреля 1819 г. Александр I «высочайше» утвердил план и смету, представленные Паулуччи, а также «всемилоостивейше пожаловал» Лифляндскому приказу общественного призрения «императорский сад со всеми к оному принадлежностями»³.

В настоящий момент трудно установить, у кого именно возникла мысль построить «богоугодные заведения» во 2-м «государевом» саду, следует ли ее связывать с деятельностью бау-адъютанта Рейнеке, Брейткрейца или других чиновников, но совершенно очевидно, что место для этих зданий было выбрано исключительно удачно. Один из очевидцев описывал в конце XVIII в. район 2-го «государева» сада следующим образом: «Положение сего саду весьма приятно и доставляет прекраснейшие виды. От возвышенного места можно обозреть все течение Двины от Динамюнде до Риги... С другой стороны стоит за самым садом лес на холмистой долине, заключающей в себе множество ручьев и остатки древних укреплений. Дорога из Риги в сей сад есть аллея, беспрерывно между ивами, называемая ивовая пластина, продолжающаяся, она наиприятнейшая прогулка сего города, едино не пешаная, имеющая много сходного с Петерговской дорогой»⁴.

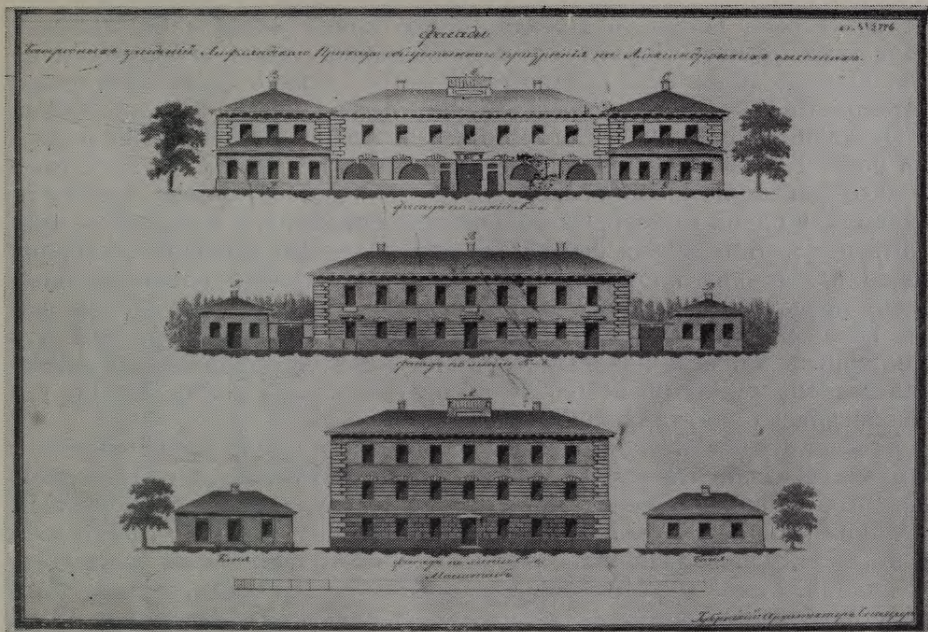
Комплекс зданий «богоугодных заведений», расположенный на фоне густого леса, должен был завершить перспективу так наз. Ивовой плотины, поскольку он располагался на возвышенном месте. Как явствует из обнаруженных в Центральном государственном архиве Латвийской ССР договоров о строительстве комплекса упомянутых заведений, все здания должны были возводиться «по высочайше утвержденному плану и фасадам на приложенных при том кондициях разных каменных строе-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 11, д. 2139, л. 8.

² Там же, лл. 9, 10.

³ Там же, л. 1.

⁴ Там же, ф. 470, оп. 134/568, д. 1, л. 74.

Фасады «богоугодных заведений» в Александровском саду.

Чертеж Ю.-А. Шпацера 20-х годов XIX в.

ний, заборов и прочего»¹. Смета всего строительства (13 построек на сумму 139 070 руб.) была составлена губернским архитектором Брейткрейцем в марте 1819 г.² Это служит достаточно убедительным доказательством того, что Брейткрейц являлся также составителем проекта строительства всего ансамбля, ибо смета и проект были составлены и представлены на утверждение одновременно. Те же самые документы служат наглядной иллюстрацией той роли, которую играл в строительной практике города Риги Готфрид. Известно, например, что получивший подряд на все работы купец Карл-Фридрих Борнгаупт «особым контрактом предоставил от себя мурничному мастеру Готфриду все вообще мурнические работы, в кондициях и смете от 10 марта сего года по оным строениям означенные», на что «помянутый Готфрид... объявил

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 10, оп. 1, д. 93, л. 20.

² Там же, л. 6.

свое согласие»¹. Планы и фасады «богоугодных заведений», которые требовалось вручить Борнгаупту в подлинниках, нами обнаружены не были. Однако облик всех выстроенных зданий можно достаточно полно восстановить по чертежам, составленным в середине 30-х годов XIX в.

Отдельные постройки «богоугодных заведений» Брейткрейц разместил покоем (в форме буквы П). Самая большая из них — трехэтажная, где располагалась богадельня, — находилась между боковыми «связями», в одной из которых помещалась больница, а в другой — «рабочий дом». Богадельня выходила своим главным фасадом в сторону Ивовой аллеи, или плотины, и города. Симметрично расположенные «связи» представляли собой стоящие отдельно двухэтажные здания, фасады которых отличались от фасада главного корпуса лишь тем, что были лишены нижнего цокольного этажа. Корпуса объединялись размещенными между ними небольшими одноэтажными постройками, где располагались баня, караульня, прачечная и пр.

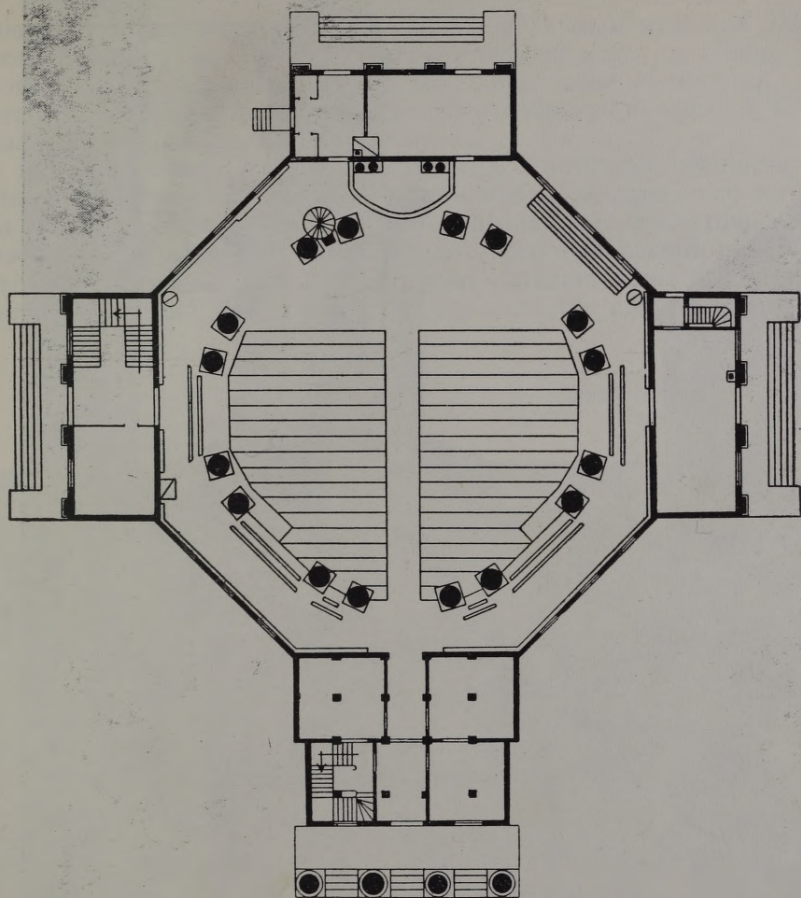
Каждое из зданий «богоугодных заведений» имело много общего с формами «высочайше» утвержденных образцовых фасадов, однако связь отдельных зданий друг с другом и окружающей средой, планировка их и т. д. композиционно были решены вполне самостоятельно. Брейткрейц умело использовал здесь принципы ансамблевого построения общественных зданий, столь характерные для архитектуры России первой трети XIX в. Небольшой комплекс «богоугодных заведений», построенный на Александровских высотах, прекрасно иллюстрирует характер переработки и привязки образцовых фасадов, которые осуществлялись губернским архитектором в зависимости от конкретных потребностей и от конкретного ситуационного размещения зданий.

С деятельностью в Риге лифляндского губернского архитектора Брейткрейца должно быть связано, кроме того, строительство нескольких культовых сооружений.

Уже давно установлено, что по проекту Брейткрейца в 1819—1822 гг. построена на Московском форштадте деревянная лютеранская церковь Иисуса². Композиционное решение церкви было predeterminedено, в известной степени, особенностями ее ситуационного расположения. В плане Риги 1813 г., составленном комиссией Трузсона, для строительства церкви Иисуса была отведена особая небольшая восьмиугольная пло-

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 10, оп. 1, д. 93, л. 22.

² См. Mākšlas vēsture, 1. sēj., стр. 225; W. Neumann. Die lutherischen Kirchen der Neuzeit, в кн.: Riga und seine Bauten, стр. 163; A. Birzenieks. Rigas Jēzus baznīca, в журн.: «Senāte un Māksla», 1936, Nr. 3, стр. 154. — На упоминавшемся выше (стр. 274) плане IV и V частей рижских форштадтов, составленном в 1814 г., на котором Г. Ринком были зафиксированы все вновь построенные по образцовым фасадам дома, обозначена также и церковь Иисуса, причем ее очертания в плане точно соответствуют действительному плану церкви. Очевидно, проект церкви был готов уже в 1814 г.

2 1 0 2 4 6 8 10 М

План церкви Иисуса.

щадь на пересечении нынешних улиц Одесас и Севастополес. Очевидно, это и натолкнуло Брейткрейца на мысль придать церкви восьмигранные очертания в плане, а также выделить грани, замыкавшие перспективы сходящихся к площади улиц, особыми, сильно выдвинутыми вперед ризалитами и расчленить их фасады пилястрами большого ордера. Главный ризалит, обращенный в сторону Старой Риги и служивший

Церковь Иисуса.

одновременно входным вестибюлем церкви, был, кроме того, акцентирован четырехколонным портиком, над которым была воздвигнута довольно простая двухъярусная колокольня.

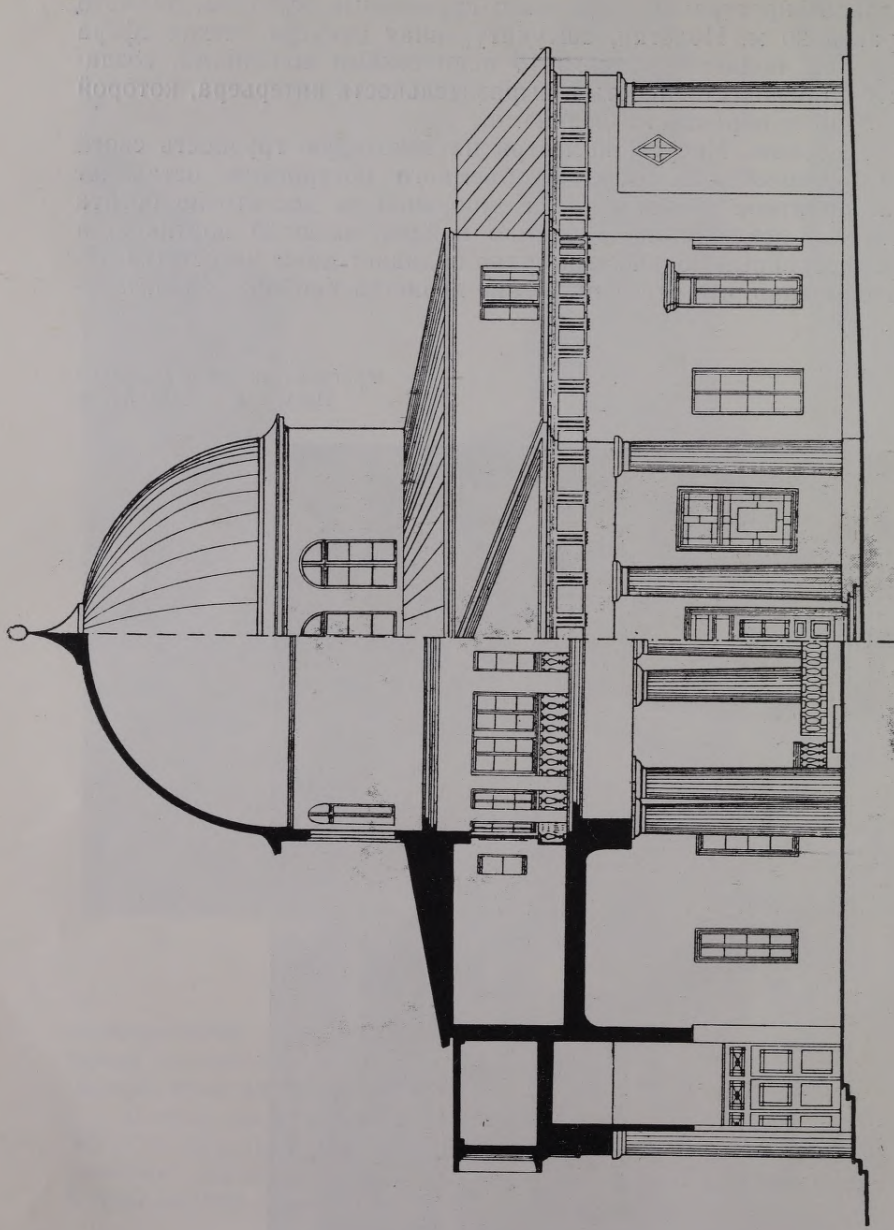
В этом сооружении Брейткрейц показал тонкое чувство ансамбля, ясность пространственного мышления; вместе с тем он внес здесь в рижское зодчество новые конструктивные методы построения зданий. Стены церкви Иисуса решены в виде сруба, обшитого досками, а боль-

шое центральное пространство увенчано деревянным куполом, диаметр которого равен 20 м. Пологая, оштукатуренная изнутри легкая сфера гладкого купола, поддерживаемого 16 ионическими колоннами, создавала ту особую величественность и выразительность интерьера, которой отличались лучшие образцы классицизма.

В целом церковь Иисуса, несмотря на некоторую грузность своей колокольни и своеобразии общего объема построения, оставляет весьма благоприятное впечатление. Композиция ее достаточно богата и торжественна, исключительно удачно найден масштаб портиков, а красиво прорисованный ионический ордер обладает даже известным лиризмом. Несомненно, что это сооружение является наиболее значитель-

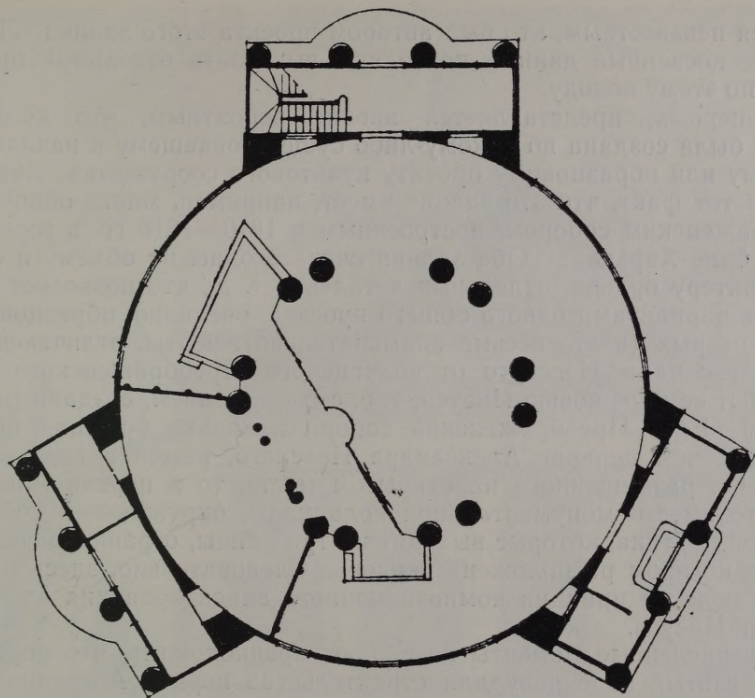
Фрагмент интерьера церкви
Иисуса в начале XX в.

Фасад и разрез церкви Александра Невского.

По обмерному чертежу.

План церкви Александра Невского.

ным в творчестве Брейткрейца, да и вообще в архитектуре Риги 20-х годов XIX в.¹

Более скромно, хотя и достаточно своеобразно, было построено в Риге в 20-х годах XIX в. другое культовое здание — церковь Александра Невского на Санкт-Петербургской (Александровской) улице. И в этом сооружении применена центрическая композиция, и здесь центральное пространство перекрыто деревянным куполом, и здесь имеется несколько ризалитов-портиков, обрамляющих входы в церковь. Однако до сих пор

¹ Строительство церкви Иисуса было закончено уже после смерти Брейткрейца под руководством архитектора И. Крика. И в этом здании, кстати говоря, строительные работы были отданы на откуп И.-Д. Готфриду.

остаётся неизвестным, кто был автором проекта этого здания. Лишь некоторые косвенные данные позволяют высказать отдельные предположения по этому поводу.

Во-первых, представляется вполне вероятным, что композиция церкви была создана по какому-либо существовавшему в начале XIX в. типовому или образцовому проекту культового сооружения. Видимо, не случаен тот факт, что это здание имеет, например, много общих черт с Преображенским собором, построенным в 1810—1816 гг. в городе Волчанске близ Харькова¹. Оба здания очень сходны по объему и силуэту, по характеру ордера, отдельных деталей и т. д., что позволяет считать их лишь вариантами одного общего проекта, очевидно, образцового.

Во-вторых (и это весьма знаменательно), черты, отличающие церковь Александра Невского от волчанского Преображенского собора, сближают ее с церковью Иисуса, т. е. с сооружением, созданным Брейткрейцем. Если Преображенский собор, несколько больший по своим размерам, чем церковь Александра Невского, решен в виде круглого периптера, размещенного на открытом месте, то в церкви Александра Невского вместо монументальной колоннады, окружающей собор, сделаны три портика, которые выходят на три улицы, ограничивающие участок, на котором расположена церковь. Следовательно, здесь применен почти такой же принцип композиционного акцентирования входов, как в церкви Иисуса.

Перечисленные моменты позволяют предположить, что образцовый проект, взятый за основу для строительства церкви Александра Невского, был привязан к конкретной ситуации и в зависимости от нее переработан архитектором Брейткрейцем². Со строительством церкви Александра Невского (1820—1825 гг.) нашли дальнейшее развитие новые

¹ См. Архитектура Украинской ССР, т. I. М. 1954, рис. 178. — Известным подтверждением того, что для строительства церкви Александра Невского был использован образцовый проект, служит также порядок утверждения ее проекта: 13 ноября 1819 г. генерал-губернатор писал из Риги в Псков архиепископу, что «по случаю предназначенной новой здесь на С. Петербургском форштадте церкви на место погребшей в 1812 году попечители, избранные прихожанами для построения оной, представили мне приготовленную на имя Вашего Высокопреосвященства прозбу их о утверждении плана, Е. и. в. уже одобренного», и от своего имени просил «разрешить сие дело, дабы по изъявленному уже высочайшему соизволению на постройку той церкви по прилагаемому плану немедленно приступлено было к произведению постройки» (ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 16, л. 443). Очевидно, что здесь речь идет о «высочайше» утвержденном образцовом проекте, ибо если бы для церкви Александра Невского был создан оригинальный проект, то его вначале должен был бы одобрить псковский архиепископ и лишь затем — царь, в данном же случае уже апробированный царем проект 25 ноября 1819 г. был утвержден архиепископом Евгением.

² Церковь Александра Невского была построена уже после смерти Брейткрейца, однако это не противоречит предположению, что именно он разработал проект для ее строительства, поскольку проект церкви, как мы видели, был утвержден в 1819 г.

Церковь Александра Невского.

системы деревянных конструкций. Купол этой церкви, в отличие от купола церкви Иисуса, был более вспарушен, помещен на круглом барабане и играл большую роль в общем объеме здания. Для устройства стен были использованы стоечные конструкции, позволившие без особого труда возвести круглое в плане здание.

Весьма интересным объектом, созданным в Риге по проекту Брейткрейца, был так наз. таможенный пакгауз, построенный на Якобовской улице (ныне ул. Комъяунатнес) перед домом лифляндского дворянства и церковью Якова. Это здание не сохранилось до наших дней; оно было разобрано сравнительно недавно (одна половина — в 1920 г., другая —

в 1938 г.). Однако его изображения показывают, что это было отнюдь не незначительное сооружение. Как и с многими названными выше постройками, так и с этой связано немало ложных представлений. В частности, автором проекта пакгауза до сих пор считался все тот же Готфрид¹, не были ясны обстоятельства создания этого проекта, допускались большие неточности в описании первоначального вида постройки и т. п. И только обнаруженные нами архивные документы позволили более полно осветить картину создания пакгауза².

Потребность в строительстве таможенного пакгауза, в котором можно было бы хранить привозимые в Ригу иностранные товары, пока за них не будет уплачена таможенная пошлина, обнаружилась еще в 1814 г. Тогда же Паулуччи получил разрешение Министерства финансов на возведение этого здания и обязался «составить план и смету». Но лишь в конце 1819 г. были предприняты первые реальные шаги к осуществлению этого замысла.

Оправдываясь перед Министерством финансов в таком затягивании строительства пакгауза, Паулуччи ссылался на «затруднения, открывшиеся в отыскании удобного места в столь стесненном, как Рига, городе»³, которые якобы не позволяли ранее приступить к строительству пакгауза. Это объяснение Паулуччи, кажущееся на первый взгляд правдоподобным, нельзя, однако, принимать всерьез. Ведь в 1814 г. еще только создавался новый генеральный план Риги, который был утвержден Паулуччи в 1815 г. При разработке этого плана, очевидно, можно было найти возможности для размещения пакгауза. Но, как было отмечено выше, основное внимание в плане 1815 г. было уделено украшению города, созданию в Риге общественных центров и площадей, поэтому тогда размещению такого здания, как таможенный пакгауз, очевидно, не придавалось значения. И лишь после корректировки плана, когда была поставлена под сомнение возможность реализации проекта создания театральной площади вместо плац-парадной, а соответственно и торговых рядов на Якобовской улице, Паулуччи «вспомнил» о необходимости строительства пакгауза.

В октябре 1819 г. Паулуччи создал комиссию, в которую, кроме таможенных чиновников, представителей магистрата и купечества, вошел также бау-адъютант Рейнеке. Эта комиссия должна была изыскать «удобное и приличное место на постройку пакгауза», определить, «смотря по надобности, величину пакгауза» и приказать «составить оному план со сметою о требующихся расходах через губернского архитек-

¹ P. S a m p e. Lexikon . . . , Bd. I, Nr. 2264.

² В ЦГА Латв. ССР хранится обстоятельное дело «О построении нового пакгауза при Рижской таможне. 1820—1824 гг.» (ф. 7430, оп. 1, д. 17).

³ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 17, л. 16.

тора», которому Паулуччи предписал «исполнять поручения комиссии»¹. Иными словами, в данном случае Рейнеке как человек, ведавший распределением городских территорий, должен был помочь выбрать место для пакгауза, таможенные чиновники и купцы — определить его размеры, а Брейткрейц как губернский архитектор должен был выполнить все проектные работы, связанные со строительством пакгауза (но эти проекты представлялись от имени комиссии). 9 декабря 1819 г. проектные работы были окончены, было также выбрано место для постройки пакгауза.

Весьма характерно, что комиссией для возведения таможенного пакгауза было выбрано именно то место, где согласно плану 1815 г. намечалось выстроить лавочные ряды, входившие в комплекс зданий театральной площади, и где находился старый артиллерийский цейхгауз. Это место, как сообщал Паулуччи министру финансов в 1819 г., «окружено площадью так, что удобно подвозить товары, и весьма близко от таможи»².

Очень узкий и длинный участок, предназначенный для постройки пакгауза, предопределил решение композиционной структуры этого сооружения. Оно могло протянуться почти на 80 м вдоль Якобовской улицы, но глубина тракта (ширина постройки) этого здания не должна была превышать 7—8 м, поскольку всего в каких-то 8—9 м от красной линии улицы, в глубине квартала, в котором собирались разместить пакгауз, был расположен дом лифляндского дворянства. Чтобы получить максимально возможное число помещений для складывания товаров, Брейткрейц был вынужден почти полностью использовать отведенный для строительства пакгауза участок. Здание получилось очень длинным и узким: это был своеобразный, перекрытый крестовыми сводами «коридор», сообщавшийся с улицей 8 входами, через которые в пакгауз поступали товары. По оси симметрии пакгауза был размещен проезд во двор дома лифляндского дворянства. Этот проезд, фактически деливший здание пакгауза на две части, был, однако, оформлен со стороны улицы точно так же, как и входы, ведущие в пакгауз.

Судя по некоторым косвенным данным, Брейткрейц при создании проекта таможенного пакгауза, или, точнее, его фасада, пользовался «высочайше» утвержденными образцовыми проектами складских зданий. Очевидно, не случайно в архивных документах говорится лишь о плане пакгауза, который был разработан в Риге. Не случайно, по-видимому, и родство композиционного строя фасада рижского таможенного пакгауза строю фасада образцового провиантского магазина, спроектированного в 1808 г. упоминавшимся выше академиком архитектуры

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 17, лл. 9, 16.

² Там же, л. 19.

Ф. И. Демерцовым¹. Как в рижском пакгаузе, так и в провиантском магазине Демерцова плоскость фасада расчленялась ритмично чередовавшимися арочными проемами и небольшими прямоугольными окошками, по вертикали стена членилась на две части горизонтальной тягой, доходившей до пят арок, и т. д.

Наряду с этим между обоими проектами имелись также и существенные различия, которые показывают, что Брейткрейц, правильно понимая особенности условий застройки в Риге, творчески перерабатывал образцовые проекты. В частности, в отличие от провиантского магазина Демерцова, где по оси симметрии здания был поставлен шестиколонный портик, акцентированный главный въезд, в рижском таможенном пакгаузе, выходящем на узкую улицу, этот портик был упразднен полностью, а центр здания был выделен лишь невысоким треугольным фронтоном; арочные окна были преобразованы во входы; с обоих концов пакгауза было добавлено по одному проему; наконец, были изменены отдельные архитектурные детали — упрощен карниз, введена рустовка архивольтов арок, перемычек и простенков между проемами и т. п. Все это привело также к изменению общих пропорций здания.

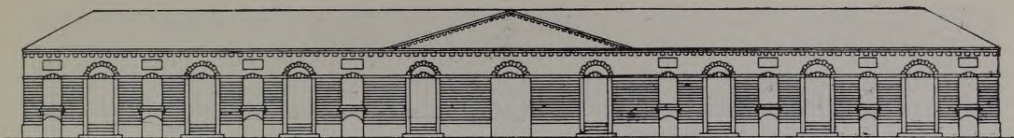
Проект Брейткрейца вместе со сметой в конце 1819 г. был представлен Паулуччи на утверждение министру финансов, который, однако, не дал согласия на его реализацию. Он отвечал в марте 1820 г., «что хотя построение оногo пакгауза и нахожу я нужным, а учиненный оному план удобным, но как на сию постройку исчислено по смете 116 406 руб. 50 коп., то, по неимению ныне суммы, которую на предмет сей употребить можно, я, не находя возможности приступить к исполнению постройки, возвращаю у сего план и смету»². Лишь через полтора года после этого Паулуччи возобновил ходатайство о построении пакгауза, выражая надежду, что «теперь накопилось, может быть, конфискованных сумм столько, что из них с удобностью произведены могут быть потребные издержки»³. Действительно, в августе 1821 г. министр финансов сообщил Паулуччи, что строительство пакгауза может быть начато, но предложил «приказать составить вновь оному, сообразно месту, на коем назначено будет пакгауз выстроить, план, фасад и смету, не превышающей суммы прежде исчисленной 116 406 руб. 50 коп.»⁴. Однако Паулуччи представил на «высочайшее» утверждение старые проекты, составленные Брейткрейцем, о чем сообщил министру финансов в сентябре 1821 г.: «государь император высочайше утвердить соизволил как предположение мое об отдаче в Таможенное ведомство ветхого город-

¹ Проект Ф. И. Демерцова опубликован в кн.: Архитектор В. П. Стасов. Материалы к изучению творчества. М. 1950, стр. 62.

² ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 17, л. 22.

³ Там же, л. 32.

⁴ Там же, л. 35.

Фасад таможенного пакгауза на Якововской улице.

По чертежу 1823 г.

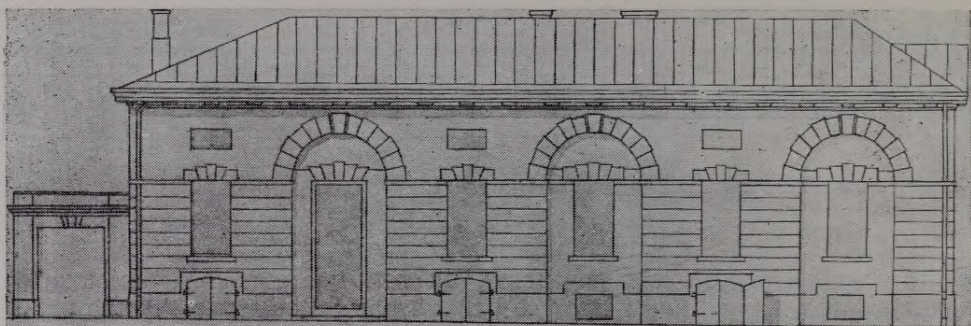
ского здесь цейгауза для постройки на том месте нового каменного пакгауза, так и план оному, тот самый, который Ваше сиятельство возвратить ко мне изволили... поелику же прежний план высочайше утвержден, потому что он составлен сообразно месту, под пакгауз отданному, и сметное исчисление остается то же, то и почел я нужным учредить здесь особый комитет о построении таможенного в Риге пакгауза»¹.

«Высочайшее» утверждение проекта пакгауза последовало уже после смерти Брейткрейца, поэтому в «комитет о построении таможенного в Риге пакгауза» был назначен архитектор Ю.-А. Шпацир, занявший к этому времени пост губернского архитектора. Кроме Шпацира, в комитет вошли управляющий рижской таможней Слепушкин и бауадъютант Рейнеке. В обязанность комитета входило: «по принятии ветхого цейхгауза с местом, по произведении торгов и заключении контракта с подрядчиком, иметь наблюдение за прочною и правильною постройкою»². Но прежде всего комитет должен был по указанию Паулуччи пересмотреть проект и «сделать оценку материалам», которые могли остаться от сломанного старого цейхгауза. К этой работе были привлечены также «городской баумейстер Готфрид и архитектор Грен».

Основной круг вопросов, связанных с пересмотром проекта, был изложен Шпациром и Рейнеке в акте, поданном комитету 2 сентября 1821 г. На следующий день комитет особым рапортом от своего имени представил Паулуччи на рассмотрение выводы, сделанные Шпациром и Рейнеке. По этим документам видно, что в целом проект Брейткрейца сохранил силу. Было предложено всего лишь «двери к погребам нового строения зделать шире и выше противу показанных на плане по малой мере в 5¹/₂ фут и выравнивать по фасаду построенные в улицу лестницы погребов... найдено полезным зделать между каменными столбами для отделения некоторых товаров от протчих подвижные две деревянные стены на каждой стороне строения»; и, наконец, комиссия предла-

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 17, л. 38. — Кстати, как видно из сообщения начальника главного штаба кн. Волконского Паулуччи об утверждении проекта пакгауза, царю были представлены «план части города Риги и фасад пакгауза», которые после утверждения были возвращены в Ригу (там же, л. 40).

² ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 17, л. 38.

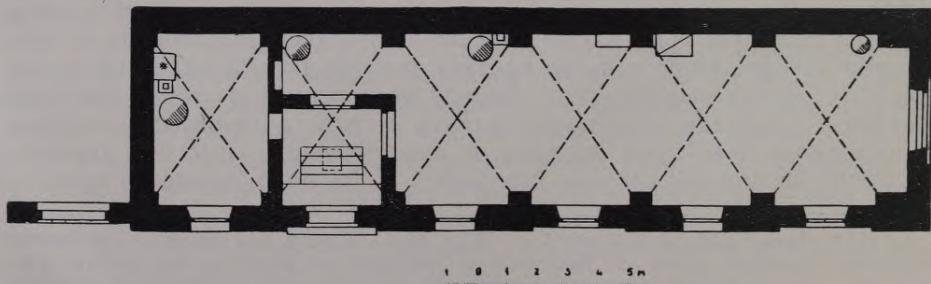
Фасад части таможенного пакгауза — так наз. «аптеки», разобранной в 1938 г.

Обмерный чертеж.

гала отодвинуть пакгауз от дома суперинтендента Зонтага, к которому, согласно проекту Брейткрейца, пакгауз должен был примыкать своим торцом, и оставить между этими зданиями «интервал в 9-ть фут, который, — как писала комиссия, — без всякого затруднения можно разделить по длине фасада, и на оном месте сделать во дворе ворота»¹. Все эти мелкие изменения были в процессе строительства внесены в проект, который, кстати, в феврале 1822 г. был вместе со сметой рассмотрен и утвержден также в строительном комитете Министерства финансов. После этого на строительство пакгауза стали отпускаться средства.

Контракт на постройку здания после нескольких торгов и «переторжек» был в конце концов заключен в январе 1823 г. с «городским

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 17, л. 45.

План части таможенного пакгауза — так наз. «аптеки».

По обмерному чертежу.

баумейстером и мурничного цеха старшиной Готфридом»¹, обязавшимся выстроить здание за 114 900 руб. Постройка пакгауза, осуществлявшаяся под надзором упомянутого выше комитета, протекала очень быстро. Если в конце января 1823 г. было еще только вывезено имущество из старого цейхгауза и его начали разбирать, чтобы освободить место для строительства пакгауза, то уже в ноябре того же года Шпацир дал свое заключение, что пакгауз полностью готов и что остается лишь выкрасить его фасад².

Строительство таможенного пакгауза на Якобовской улице наглядно показывает, каким образом во втором десятилетии XIX в. в Риге начали создаваться крупнейшие здания, какую роль играли отдельные личности в их проектировании и строительстве. В этот период работа по созданию важных объектов проводилась, если можно так сказать, коллективно. В установлении программы сооружения, в выборе места для постройки, в создании проекта, в контроле за его осуществлением в натуре, в организации строительства и т. п., — во всем этом участвовал большой коллектив лиц, так или иначе влиявших на судьбу постройки. Здесь проявился новый подход к решению строительных вопросов. Архитектура России начала XIX в. приобрела единообразие форм и стилистических черт, понятных каждому человеку, так или иначе участвовавшему в строительстве. Поэтому отдельный зодчий теперь начинает лишь обобщать, суммировать различные предложения, он создает проекты зданий, в которых зачастую невозможно отделить то, что было внесено им лично, от того, что проникло в проект здания «извне».

Х.-Ф. Брейткрейц явился типичным представителем архитектуры этого периода. Его творчество было основано именно на таком новом подходе к строительству. Бесспорно, конечно, что, занимая продолжительное время должность губернского архитектора, через руки которого проходили почти все проекты, предназначенные для осуществления в Риге, Брейткрейц оказал определенное влияние на формирование облика города в первой трети XIX в. Бесспорно также и то, что ему, а не Готфриду принадлежит честь создания всех крупнейших общественных сооружений Риги этого времени.

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 17, л. 92.

² Там же, л. 122.

IX

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ КЛАССИЦИЗМА В АРХИТЕКТУРЕ РИГИ

В начале третьего десятилетия XIX в., когда все важнейшие потребности восстанавливавшегося города в жилых, общественных и торговых сооружениях были в основном удовлетворены, строительный «бум» стал затухать. Архитектура новых зданий Риги к этому времени уже приобрела черты, характерные для русского классицизма начала XIX в., правда, во многих отношениях отмеченные налетом провинциализма. Последнее объяснялось, с одной стороны, постоянным вмешательством в судьбы архитектуры малокомпетентных в области строительства, но влиятельных чиновников и, с другой стороны, отсутствием в Риге ярких, самобытных зодчих, способных внести особую выразительность в произведения архитектуры. Характерно, что в 1820 г. лифляндские губернские власти сообщали царю, что «изящные художества в сей губернии производятся в городах отчасти определенными при учебных заведениях учителями рисовального искусства, а отчасти свободными художниками, которые занимаются обучением токмо юношества музыке, рисованию и живописи, а также некоторыми лицами, занимающимися изящными художествами для своего удовольствия; но настоящих художников архитектурного, рисовального, ваяльного и прочих художеств в сей губернии не имеется»¹. Поэтому вполне естественно, что типичная для начала XIX в. приверженность к образцовым проектам не была случайностью хотя бы уже потому, что в местных, рижских условиях некому было противопоставить свою оригинальную творческую мысль казенному штампу.

Отсутствие в Риге и в Лифляндии вообще какой-либо своей архитектурной школы вынуждало искать профессиональных архитекторов вне пределов губернии и даже иногда вне пределов России. После смерти

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 17, л. 11.

Брейткрейца, как сообщал генерал-губернатор министру внутренних дел, «по ненахождению здесь такового архитектора, который бы мог быть определен соответственно предназначенной цели (т. е. лифляндским губернским архитектором. — Ю. В.), я писал к пребывающему в Берлине посланнику нашему, прося его пригласить желающего вступить в службу нашу на означенную вакансию архитектора»¹. Уже в июне 1820 г. из Берлина в Ригу прибыл кандидат на должность губернского архитектора — Юлиус-Адольф Шпацир (Spazier, Спацир, Шпацнер). Вначале он был назначен лишь «исправляющим должность» с испытательным сроком, но уже в октябре Шпацир доставил «случай удостоверить в отличных его познаниях и способностях», после чего был «приведен к присяге на верность подданства российскому престолу, так и на должность»². Шпацир, как сообщалось в документах о его назначении на должность, «по окончании курса архитектурной науки в Берлинской академии и тамошнем университете оказался имеющим совершенные и отличные по сей части познания»³. Он проработал в должности губернского архитектора с 1820 по 1835 г.⁴ и занимался главным образом ремонтами казенных зданий, составлял их чертежи, осуществлял надзор за строительством и т. п. Вообще же о творчестве Ю.-А. Шпацера известно пока очень мало. Правда, губернские власти в конце его службы отзывались о нем весьма неплохо: «чиновник сей, — писал о Шпацере в 1834 г. очередной лифляндский генерал-губернатор барон М. И. Пален, — отменными познаниями своими и усердием по службе... в течении 14 лет исполнял все возлагаемые на него поручения по строительной части по Лифляндской губернии... безостановочно с большим рвением и тем по всей справедливости обратил на себя полное удовольствие начальства»⁵. Исходя из этого, можно было бы заключить, что у Шпацера была довольно обширная практика. Однако, как явствует из ряда архивных документов, он редко принимал

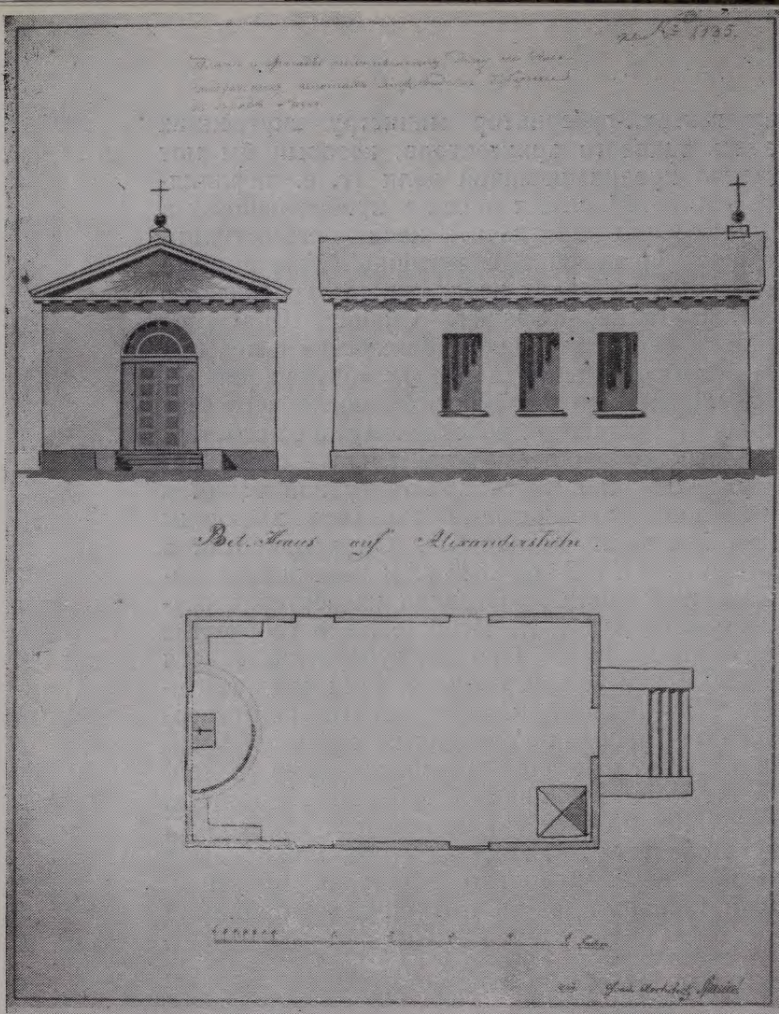
¹ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 17, л. 238.

² Там же, л. 396.

³ Там же, л. 443.

⁴ В своей последней работе П. Кампе сообщает, что Шпацир вступил в должность лифляндского губернского архитектора в 1823 г. как преемник архитектора И. Крика (P. S a m t r e. Lexikon . . . , Vd. I, Nr. 2467), ошибочно называя не только год его вступления в должность, но и его предшественника. Шпацир сменил в должности Грена, а не Крика, который лифляндским губернским архитектором никогда не был. В конце же 1835 г. должность лифляндского губернского архитектора временно занимает К. Адамсон, который в 1836 г. был утвержден в этой должности (ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 1160). Кстати, неправильно указано время работы Шпацера лифляндским губернским архитектором (с 1821 по 1830 г.) и в «Сборнике Императорского русского исторического общества» (т. 62, СПб. 1888, стр. 295).

⁵ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 55, л. 246. — Кроме того, относительно Шпацера сообщалось о «недостаточном его состоянии и нуждах, которые он с семейством своим ныне претерпевает» (там же, л. 247).

Проект молитвенного дома «богоугодных заведений» на Александровских высотах.

Чертеж Ю.-А. Шпацера
1826 г.

участие в проектировании зданий¹. Нам удалось обнаружить только один подписанный Шпациром проект — весьма скромного здания «молитвенного дома» на Александровских высотах.

¹ Некоторые документы показывают, что в 1825—1827 гг. Ю.-А. Шпацир принимал участие в расширении «богоугодных заведений» на Александровских высотах (ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 12, д. 354; ф. 1293, оп. 168, д. 1826). В 1835 г. он спроектировал павильон для минеральных вод, располагавшийся в Верманском парке; этот павильон, разобранный в 1864 г., был выполнен в псевдогоthicеских формах (Р. Сапге. Lexikon..., Bd. I, Nr. 2467).

В середине второй половины 20-х годов в Риге при генерал-губернаторе появляется особый чиновник, которому в большинстве случаев поручались работы, связанные со строительством новых крупных объектов. Это был подполковник корпуса инженеров путей сообщения архитектор И.-Э. де Витте 2-й¹. Он, по всей видимости, подчинялся непосредственно генерал-губернатору. В некотором отношении И.-Э. де Витте заменил находившегося до него в Риге бау-адьютанта Рейнке, но в то же время должности бау-адьютанта официально он не занимал. В конце третьего десятилетия XIX в. бау-адьютантом в Риге был назначен упоминавшийся выше инженер-штабс-капитан Фоллендорф, который, возможно, находился в подчинении у де Витте. Де Витте как личный представитель генерал-губернатора являлся членом строительной комиссии Лифляндского губернского правления.

И.-Э. де Витте и Ю.-А. Шпацир являлись основными проводниками строительной политики губернских властей в 20—30-х годах XIX в. В период их деятельности в Риге строятся отдельные весьма крупные казенные сооружения, но проектирование их постепенно передается в руки петербургских зодчих. За местными архитекторами и строителями сохраняются главным образом функции надзора за строительством и организации его. Именно теперь особенно широко применяется метод «коллективного» создания крупнейших объектов, употреблявшийся в Риге еще в период деятельности Брейткрейца.

Когда в трудах, посвященных архитектуре Латвии, говорится о зодчестве Риги первой трети XIX в., то в качестве наиболее яркого памятника этой эпохи не без основания называется новое здание рижского арсенала, или пакгауза, построенного на Якобовской площади. Это было не только одно из самых крупных, но также и наиболее значительное в художественном отношении сооружение среди созданных в Риге в данную эпоху. В этой постройке полнее всего были воплощены принципы классицизма России первой трети XIX в. До настоящего времени это здание не было, правда, достаточно исследовано, но, тем не менее, установилось твердое единое мнение, что арсенал, или пакгауз, был построен И.-Д. Готфридом. В частности, об этом говорится в «Истории Латвийской ССР», причем «Ф. Г. Готфрид» (!) как автор проекта Алексан-

¹ Иоганн-Эдуард де Витте 2-й был сыном уже упоминавшегося выше инженера Якоба де Витте 1-го, который в конце XVIII в. руководил в Риге военно-инженерными работами. Иоганн де Витте родился в 1790 г. в Риге, получил образование в Петербурге в инженерной школе и в Петербургской Академии художеств (см. W. Neumann Lexikon . . . , стр. 170). П. Кампе сообщает, что де Витте вернулся в Ригу в 1830 г., но это неточно, ибо уже в 1827 г. он упоминается Паулуччи в качестве чиновника, находящегося при нем «по строительной части». Умер де Витте в Харькове в 1854 г. в чине генерал-майора (см. P. S a m r e. Lexikon . . . , Vd. I, Nr. 2502; Vd. II, Nr. 2618). В «Сборнике Императорского русского исторического общества» (т. 60, стр. 106) он охарактеризован как «русский инженер, устроитель минеральных вод в Кеммерне» (Кемери).

дровских ворот и арсенала именуется там губернским архитектором¹; авторство проекта арсенала приписывается «архитектору» Готфриду и в статье о Латвийской ССР, помещенной в Большой Советской Энциклопедии². Иногда, особенно в последнее время, строительство арсенала стало связываться с творчеством известного русского зодчего В. П. Стасова. Например, доц. А. К. Бирзениек писал в 1955 г., что «арсенал был построен рижским мастером Иоганном Готфридом в 1829 году. Во время строительства он часто ездил в Петербург консультироваться с одним из архитекторов столицы. Не исключена возможность, что советчиком его был В. П. Стасов. В его образцовых проектах провиантских складов Готфрид мог найти много полезного для решения своей задачи [— для строительства здания арсенала в Риге]³».

В настоящее время нет необходимости особо опровергать распространённое мнение о том, что Готфрид был автором проекта арсенала, или пакгауза. О явной необоснованности его свидетельствуют архивные документы. На наш взгляд, здесь гораздо целесообразнее попытаться восстановить полную картину строительства этого немаловажного сооружения, ибо в процессе создания арсенала-пакгауза отчетливо выявляются особенности строительной практики Риги второго и третьего десятилетий XIX в.

Осуществление протекционистской политики и одновременное расширение внешнеторговых отношений со странами Западной Европы вызвали в России в первой трети XIX в. потребность в реорганизации или, вернее, укреплении таможенной системы государства. В 1820-х годах устанавливаются новые твердые таможенные тарифы, в пограничных районах создаются многие новые таможенные заставы, в торговых городах строятся крупные склады для хранения импортируемых товаров и т. д. Вызванное экономическим развитием России строительство складских и торговых сооружений начинает восприниматься современниками как известный символ экономической мощи государства, поэтому архитектурному облику этих зданий уделяется особое внимание. В начале XIX в. проекты пакгаузов, провиантских магазинов и т. п. разрабатываются ведущими зодчими России А. Д. Захаровым, В. П. Стасовым и др., часть проектов в качестве «образцовых» рассылается для повторного строительства по разным городам империи. Складским зданиям в застройке городов часто отводится центральное место, иногда они формируют цельные ансамбли, как например ансамбль Биржевой площади в Петербурге, образованный на стрелке Васильевского острова

¹ История Латвийской ССР, т. I, стр. 582.

² БСЭ, т. 24. М. 1953, стр. 342.

³ А. Birzēnieks. Vecās Rīgas portāli, стр. XVI (текст на латышском и русском языках; цитируется по русскому тексту, в квадратных скобках цитата дополнена по латышскому тексту — стр. IX).

зданием Биржи (1806 г., арх. Тома де Томон) и комплексом таможенных пакгаузов (1828 г., арх. И. Ф. Лукини).

Как указывалось выше, во внешнеторговом балансе России рижская торговля занимала весьма важное место¹. Однако привозимые из-за границы товары хранились в Риге разбросанно, в старых купеческих амбарах XVII—XVIII вв. Это вызывало ряд неудобств и, кроме того, не соответствовало общей тенденции концентрации складских и торговых помещений в более или менее крупных комплексах зданий. Выстроенный в Риге в 1823 г. таможенный пакгауз на Якобовской улице не был столь большим сооружением, чтобы удовлетворить все нужды рижской таможни. Поэтому в 1827 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин лично предложил Паулуччи построить в Риге еще один «достаточной величины таможенный пакгауз» и отыскать для его размещения подходящее место².

Работы по созданию нового пакгауза в Риге начались в очень быстром темпе. В конце 1827 г. ожидалось прибытие в Ригу Николая I, и Паулуччи принял самые решительные меры, чтобы к моменту его приезда были закончены предварительные работы по проектированию пакгауза. По поручению Паулуччи И.-Э. де Витте и начальник Рижского таможенного округа наметили место для его строительства. Их выбор пал на участок, который занимал старый городской арсенал, расположенный на плац-парадной площади (где ранее, в 1815 г., намечалось построить театр), и к которому непосредственно примыкал таможенный пакгауз, возведенный в 1823 г. Кроме того, де Витте разработал и проект самого пакгауза. Избирая наиболее выгодную конфигурацию здания, он исходил из следующих предпосылок: «а, не выходить из данной линии улицы, которая и означена на плане красною линиею; б, дабы оставить достаточное только место для поворота возщикам, по выгрузке товаров в дворовые ворота выезжающим; с, предполагая капитальные стены параллельными, широта пакгауза определилась сама собою пространством между углом противу Казарменной улицы (ныне ул. Торня. — Ю. В.) и углом пакгауза, построенного в 1823-м году»³. Согласно проекту де Витте, пакгауз должен был быть двухэтажным, с подвалами, и иметь сводчатые перекрытия. Подвалы отводились для хранения вина, первый этаж — для сырого сахара, второй — для москательных и мануфактурных товаров. Высота этажей проектировалась

¹ См. выше, стр. 251.

² ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, л. 2. — Все наиболее ценные данные о строительстве пакгауза-арсенала на Якобовской, или плац-парадной, площади были обнаружены нами в ЦГА Латв. ССР (ф. 7430, оп. 1, дела 54, 55), ряд документов был обнаружен также в ЦГИА ЭССР (ф. 291, оп. 1, д. 24), в ЦГИАЛ (ф. 560, оп. 4, д. 415) и в ЦГВИА (ф. 505, оп. 2, д. 940). Однако самого проекта пакгауза нам до сих пор найти не удалось.

³ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, л. 51.

неодинаковой. Самым высоким являлся 1-й этаж; при установлении его высоты «принято было за правило применяемая здесь в Риге укладка с сахарным песком ящиков, то есть вверх 7-мь рядов, что составляет до пят сводов 12 фут высоты»¹. Сметная стоимость спроектированного де Витте здания составляла 369 913 руб.

Паулуччи поддержал проектные предложения де Витте и, когда Николай I в сентябре 1827 г. проезжал через Ригу, доложил царю о плане построить на месте старого городского арсенала новый пакгауз, подчеркнув, «что избранное помянутыми чиновниками место есть действительно самое приличнейшее и удобнейшее, что другого столь удобного ничем не занятого места не имеется... причем предположенный новый пакгауз будет составлять такое здание, которое в случае осады крепости может быть употреблено для военных надобностей с тем большей удобностью, что строение сие будет со сводами»². Николай I согласился с предложениями Паулуччи, и тот направил все чертежи в Министерство финансов с объяснением, «что план сей (т. е. проект пакгауза, разработанный де Витте. — Ю. В.) составлен в скорости и может служить только показанием, как извлечь можно пользу из того ветхого арсенала, но по уступке оного можно будет составить здесь или же в Министерстве финансов, как В. пр. сочтете за лучшее, новый план, соответственный настоящей потребности и местным предположениям»³. В течение месяца этот проект был рассмотрен в Министерстве финансов, и уже в середине ноября 1827 г. Канкрин от своего имени сообщал Паулуччи, что следовало бы исправить в проекте де Витте: во-первых, указывалось, что пакгауз запроектирован недостаточно вместительным — «по необходимости узок, а как стены толсты, то и имеет мало помещения»; во-вторых, нерационально распределены высоты этажей — «погребка весьма низки, напротив средний этаж очень высок... верхний этаж также низок...»; в-третьих, критиковалась разработка некоторых конструктивных узлов — излишняя толщина стен, насыпи на сводах и т. д. Кроме того, Канкрин писал, что «как есть еще время для учинения распоряжений для постройке пакгаузов, то я полагаю сделать несколько фасадов для представления на усмотрение государя императора»⁴. Как видим, фасадам пакгауза уделялось большое внимание и предполагалось, что они будут созданы столичными зодчими.

Паулуччи в свою очередь предписал де Витте, бау-адъютанту Фоллендорфу и губернскому архитектору Шпациру рассмотреть замечания Канкрина и сделать свои предложения. 1 декабря 1827 г. уже был готов новый вариант пакгауза (или, точнее, письменное объяснение по поводу

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, л. 52.

² Там же, лл. 3, 4.

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, лл. 10—12.

того, что в первом проекте следует изменить, чтобы учесть замечания Канкрина), а также был составлен Шпациром новый ситуационный план, на котором были зафиксированы предложения, изложенные в письменном объяснении. Новый вариант отличался от предыдущего лишь тем, что для расширения пакгауза было предложено «прибавить широту [здания] во двор» вплоть до старой крепостной стены, несколько удлинить его за счет упразднения проезда во двор, а также включить в состав пакгауза бывшую оборонительную башню (так наз. Девичью), находившуюся «в упомянутой стене», которая «может с малую починкою приведена при построении нового пакгауза в годное к употреблению состояние для складки разных товаров»¹. Остальные изменения не имели принципиального характера. Следует заметить, что черты, отличавшие первый вариант плана пакгауза от второго, одновременно сближали этот последний вариант с планом, разработанным в 1815 г. для строительства на том же участке театра, который должен был иметь точно такую же конфигурацию.

На этом, по сути дела, закончился первый этап создания проекта пакгауза. В дальнейшем проектирование осуществлялось в Петербурге в Министерстве финансов. Это, возможно, было вызвано стремлением ускорить процесс создания и утверждения проекта. Очевидно, не случайно Паулуччи 12 декабря 1827 г. писал Канкрину: «План и чертежи новому таможенному пакгаузу, а также и сметы не угодно ли будет В-му пр-ву приказать составить в Министерстве, Вам вверенном, так чтобы здесь оставалось только чинить исполнение по оным, срок постройки назначить в два года, с тем чтобы осенью 1829 г. пакгауз совершенно был отстроен, почему, дабы не терять времени, желательно, чтобы утверждение плана последовало безотлагательства»². Николай I также настаивал на ускорении разработки проекта. 6 января 1828 г. он наложил резолюцию на доклад Министерства финансов об увеличении объема здания проектируемого пакгауза и соответственном увеличении (до 500 тыс. руб.) сумм, отпускаемых на его строительство; «согласен, но потребовать скорейшего представления планов и фасадов»³.

В начале февраля 1828 г. в Петербурге было закончено создание проекта рижского пакгауза. Петербургские зодчие были вынуждены считаться с предварительными проектными предложениями, разработанными в Риге и одобренными затем царем, поэтому они создали вначале проект, в котором полностью учитывалась принципиальная схема пакгауза, предложенная де Витте, Фоллендорфом и Шпациром. Но столичные зодчие не остановились на этом и, исходя из градостроительных соображений, разработали еще один проект пакгауза, причем для реа-

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, лл. 50—52, 58.

² Там же, л. 65.

³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 4, д. 415, л. 2.

лизации этого последнего варианта требовалось, во-первых, расширить участок, отведенный для строительства пакгауза, за счет включения в него расположенного рядом участка, занятого частным жилым домом (домом Тромперта), и, во-вторых, поскольку предположено было несколько увеличить объем здания, должны были снова значительно возрасти ассигнования на его строительство. В связи с этим от имени Министерства финансов Николаю I была представлена особая «дополнительная» докладная записка, в которой излагались причины, побудившие отступить от первого проекта. «При дальнейшем соображении известной постройки в Риге пакгауза, — говорилось в этой записке, — открылось, что естли по первоначальному предположению построить сей пакгауз только до дома Тромперта, то возле того грандиозного здания в одном и том же квартале остается помянутый дом, вид будет испорчен и в последствии нельзя будет делать пристройку к пакгаузу. Напротив, естли прикупить дом Тромперта и построить пакгауз во всю длину квартала, длиною вместо 46 в 64 сажени, то парадное место весьма украсится... Но чтобы при сей покупке и при увеличении сего здания уменьшить расходы, предполагается построить одну средину в два этажа с погребами, а боковые флигели в один этаж с погребами ж, что даже нужно по видам искусства, ибо столь длинное здание одной высоты не представило бы хорошего фасада. За сим постройка сия с покупкою и сломкою дома Тромперта вместо примерных положенных 500 000 р. может стать от 650 до 700 000 р. ассигнациями, что, впрочем, зависит от некоторых местных обстоятельств»¹. Одновременно были представлены «на предварительное высочайшее благоусмотрение план и фасад по новому предположению»².

3 февраля 1828 г. царь одобрил это предложение, а 17 февраля «высочайше подтвердил» разработанные в Петербурге план и фасад пакгауза.

После этого Канкрин направил Паулуччи «составленные здесь (т. е. в Министерстве финансов. — Ю. В.) планы и фасад сему пакгаузу по первому и второму предположению, предварительно е. в. одобренные», и просил «приказать сообразить сии чертежи с местными обстоятельствами, не откроются ли какие-либо неудобства»³. При этом Канкрин пояснил, что именно необходимо учесть при реализации проекта в натуре. В частности, он писал: «Не угодно ли Вашему превосходительству приказать сделать сему зданию смету в Риге, ибо сего здесь исполнить в точности нельзя по незнанию многих местных обстоятельств. Я прикажу, однако, для сличения сделать и смету по здешним ценам и материалам. Примечается, что дорический карниз и боковые карнизы

¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 4, д. 415, л. 4.

² Там же.

³ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, л. 102.

полагаются отнюдь не деревянные, а каменные со спусковой плитой, как делается здесь. Плиту сию, буде оной нет в Риге, также и некоторые другие материалы, например: жель, железо, смотря по ценам, можно отправить отсюда. Стропила делать легкие на манер италийский. Машину для прямой подъем тяжестей в верхний пакгауз можно заказать здесь. Своды полагаются: верхний этаж в кирпич, погребной в $1\frac{1}{2}$ кирпича, а средний полуциркульный в 2 или $2\frac{1}{2}$ кирпича, потому что бомбы, пробивая верхний свод, который не может быть очень толст, потеряют часть своей силы, следовательно, не пробьют свода в $2\frac{1}{2}$ кирпича; если же своды делать слишком толсты, то весьма тяжело будет для стен. Пол в погребах может быть из мостового камня, лещадной плиты или кирпича, как удобнее и дешевле. Пол в среднем этаже полагается лещадной, или кирпичной, или же из клинкеров, если не слишком дорого станет; а в верхнем, для избежания нанесения много мусора на своды, положен деревянный пол из пластин, но сие представляется местному усмотрению¹. Далее Канкрин сообщал Паулуччи, что «устройство надзора, отчетность и проч. совершенно зависит от Вашего усмотрения, а равно производство работ хозяйственным порядком, если бы не нашлся выгодный подрядчик. В случае надобности можно послать отсюда архитекторского помощника, а остальные рисунки дорическому карнизу, замкам над дверьми и некоторым другим предметам будут доставлены особо»².

13 февраля 1828 г. Паулуччи создал в Риге особый строительный комитет «для приведения в действие всех нужных распоряжений», связанных со строительством пакгауза. Председателем комитета был назначен лифляндский вице-губернатор фон Кубе, членами — начальник Рижской инженерной команды инженер-подполковник фон Фрейман и управляющий рижской таможней Рашет; к комитету был прикомандирован губернский архитектор Шпацир. Этот комитет должен был «подвергнуть бдительнейшему рассмотрению все обстоятельства как относительно до избрания для строения места и сломки находящихся ныне на оном зданий, так и касательно до постройки нового пакгауза»³. Очевидно, именно в этом комитете были сделаны уточнения проекта пакгауза, разработанного в Петербурге, о которых 27 марта 1828 г. Паулуччи сообщал Канкрину⁴. Они касались главным образом конструкций, например увеличения толщины подпорных столбов, армирования наружных стен железными связями, изменения формы крылец и т. п. Наряду с этим были выдвинуты предложения о внесении небольших поправок в фасады здания, причем на месте были составлены даже

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, лл. 103, 104.

² Там же, л. 104.

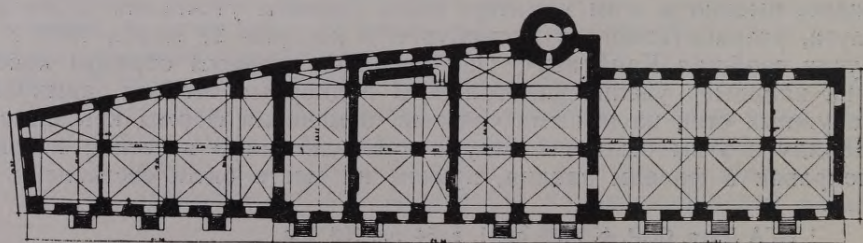
³ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 24, лл. 194, 325—327.

⁴ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, лл. 214—216.

особые чертежи, на которых были зафиксированы эти предложения и которые были представлены на рассмотрение в Министерство финансов. Однако отнюдь не все «местные соображения» были одобрены в Петербурге, — Канкрин дал согласие на внесение в проект конструктивных изменений и на осуществление разработанных в Риге организационных мероприятий, но относительно изменения фасадов писал: «на предположение Вашего высокопревосходительства, что бы крыльца с улицы в пакгаузные помещения уменьшить, а вывести внутри стены, я полагаю не удобным согласиться, ибо наружные двери пойдут до низу и от того испортится фасад... Двери к погребам должны быть деланы необходимо так, как означены на высочайше утвержденном фасаде, ибо тут сделана перемена собственноручно по примечанию е. в. ... простенки между большими полуциркульными просветами над дверьми должны быть оставлены без всякого украшения и впадинок, согласно утвержденному фасаду»¹.

Процесс создания проекта нового таможенного пакгауза наглядно показывает, насколько тесно переплеталась в этом объекте архитектурно-строительная мысль, рожденная в Риге и в Петербурге. На долю рижских зодчих выпала основная черновая и организационная работа, — они определили контуры плана пакгауза, его функциональную и конструктивную структуру, которые были частично учтены при дальнейшей разработке проекта в Петербурге. Зодчие Министерства финансов, напротив, были призваны решать преимущественно художественные вопросы, и их решение, «высочайше» утвержденное, в последующем не подлежало какому-либо обсуждению на месте, т. е. в Риге. Одновременно с этим столичные архитекторы обобщили все проектные предложения, возникшие в Риге, и исходя из ансамблевых соображений создали проект, отличавшийся большой четкостью композиционного строя и ясностью градостроительного замысла. Запнувшее всю южную сто-

¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, лл. 240, 245.

План пакгауза, или арсенала, на плац-парадной площади.

По обмерному чертежу.

Бывш. пакгауз, или арсенал, на плац-парадной площади.

рону плац-парадной площади длинное здание пакгауза, в членениях которого были сильно подчеркнуты горизонтальные элементы, хорошо вписалось в застройку Старой Риги и явилось существенным дополнением к вертикали средневековой колокольни расположенной за пакгаузом церкви Якова. Строгий ритм чередующихся крупных арочных проемов и меньших прямоугольных окон повторял ритм проемов таможенного пакгауза, построенного в 1823 г. Продуманное противопоставление нерасчлененных поверхностей стены отдельным, весьма скупо примененным деталям, в частности тонкопрорисованным модульонам и триглифам венчающего карниза, сочной горизонтальной тяге, шедшей на уровне пят арок, и т. д., а также стройность общей композиции здания указывают на руку незаурядного мастера.

К сожалению, точных документальных материалов об авторе разработанного в Петербурге проекта рижского пакгауза нам обнаружить

не удалось, однако некоторые данные дают возможность высказать по этому поводу предварительные суждения. Кажется вполне вероятным, что разработка проекта пакгауза была осуществлена архитектором Иваном Францевичем Лукини (1784—1853), который, по словам И. Э. Грабаря, «служил в таможенном ведомстве и для него производил все постройки»¹. На эту мысль наводит и другой факт: еще в 1827 г. Канкрин предложил Паулуччи при осуществлении строительства пакгауза в Риге использовать опыт организации строительства созданных И. Лукини складов таможенных товаров на Биржевой площади Васильевского острова в Петербурге и образовать «особую комиссию, подобно той, какая учреждена в Санкт Петербурге для производства строений на Биржевой площади, права и обязанности которой изволите усмотреть из прилагаемого у сего выписки и наставления»². Иными словами, между работами, осуществлявшимися Лукини для петербургской таможни, и работами, проводившимися в Риге, имелась определенная связь в вопросах организации строительства. Очевидно, она существовала и в отношении создания проекта. Наряду с этим следует думать, что Лукини не один работал над проектом пакгауза, не говоря уже о том, что он использовал проекты, созданные в Риге, и, возможно, проекты образцовых провиантских магазинов. Так, составленная в Министерстве финансов ориентировочная смета для «высочайше» утвержденного проекта пакгауза подписана архитектором Александром Неллингером³, что дает основание считать также и его участником создания проекта пакгауза.

Пока в Петербурге протекала разработка проекта пакгауза, пока этот проект утверждался и уточнялся, в Риге тем временем было начато осуществление ряда организационных и практических мероприятий, связанных с его реализацией. Всем этим руководил упомянутый выше комитет, учрежденный Паулуччи. Комитет установил следующую программу строительных работ: «1, Постройку пакгауза окончить непременно в течение трех лет. 2, В первый год, т. е. в течение нынешнего года

¹ И. Грабарь. История русского искусства, т. III, стр. 520.

² ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, л. 11. — В Риге был даже разработан проект инструкции для комитета по построению пакгауза, в котором использовался опыт работы «комиссии для производства строений» на Биржевой площади в Петербурге. Правда, в Риге оказалось более выгодным отдать строительство на подряд, в связи с чем функции комитета несколько изменились.

³ ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, лл. 155—161. — Следует отметить, что нам пока не удалось установить, какую роль играл Неллигер в строительной деятельности Министерства финансов. Александр Давыдович Неллигер (1789—1840), как известно, был воспитанником Петербургской Академии художеств, которую успешно окончил по классу архитектуры в 1811 г. (см. С. Н. Кондаков. Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств, т. II. СПб. [1915], стр. 364). Он упоминается в литературе как архитектор Почтового департамента (Сборник Императорского русского исторического общества, т. 62, стр. 64).

(1828 г. — Ю. В.), сломать старые, на месте постройки находящиеся строения, вбить сваи и заложить по возможности фундамент. 3, В течение второго года вывести строение, кроме внутренних сводов, под крышу и 4, В течение третьего года вывести внутренние своды, выщипать и окончить все остальные наружные и внутренние работы»¹.

Строителем таможенного пакгауза в Риге был назначен член комитета губернский архитектор Шпацир, в обязанности которого входил, в частности, «главный надзор за производством работ относительно правильности и прочности согласно чертежу... естли, паче чаяния, потребуетя отступление от утвержденной работы, то он входит в комитет, присовокупляя мнение свое»². Комитет провел торги на строительство пакгауза, в результате которых «постройка сия осталась за рижским 1-ой гильдии купцом Карлом Борнгауптом за сумму 617 500 рублей ассигнациями с уступкой против сметного начисления 56 488 руб. 82 коп.»³.

27 марта 1828 г. комитет заключил с Борнгауптом официальный контракт, который несколько позднее был одобрен Сенатом. Одновременно были утверждены «условия подрядчику», содержавшие подробное предписание о порядке производства строительных работ, о характере строительных материалов, отделки здания, а также некоторых допускаемых отступлений от проекта (конструктивных)⁴. В тексте контракта была специально оговорена роль отдельных лиц, руководивших строительством пакгауза: «Я, Борнгаупт, — говорилось там, — принимаю на себя обязанность построить новый таможенный пакгауз своими материалами и рабочими людьми согласно высочайше утвержденному ситуационному плану и фасаду и сходно предъявленных при торгах условий... Для надзору за каменными работами и для наблюдения порядку при мне определен будет мною здешних каменных дел мастер, старшина Готфрид. Каждую работу начинать и производить с одобрения губернского архитектора, а для избежания остановки в оной имеет архитектор осматривать материалы прежде, нежели оные поступят в работу, и буде бы оные ему, архитектору, казались не годными, то в таком случае доводить до сведения комитета построения пакгауза, который по учинении изыскания решает. А как работа имеет производиться под надзором архитектора, то и должен он исправлять оную при самом начале, а не тогда, когда бы часть оной была бы произведена»⁵.

Сразу же после заключения контракта было начато строительство пакгауза — разобраны старые здания (за исключением части старой

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, д. 24, л. 195.

² ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, л. 74.

³ Там же, л. 184.

⁴ Там же, лл. 194—205.

⁵ Там же, л. 209.

городской стены и Девичьей башни), подготовлена территория для строительства и т. д. 30 августа 1828 г. состоялась официальная закладка пакгауза¹, а в ноябре был уже закончен фундамент. Вплоть до 1830 г. строительные работы протекали согласно намеченному комитетом плану. Затем наступила задержка в строительстве, которая, по словам комитета, была вызвана тем, что «1. мешала дождливая погода, 2. не доставлены еще из Аренсбурга и Ревеля камни для ступеней и 3. свирепствующая в Риге болезнь (холера. — Ю. В.), из-за которой многие рабочие покинули стройку и не вернулись, а карантин мешал доставлять материалы»². Кроме того, возникли некоторые недоразумения при возведении наиболее ответственного декоративного элемента пакгауза — венчающего карниза центральной части. Карниз начали сооружать согласно общему чертежу фасада пакгауза, очевидно, не дожидаясь присылки из Петербурга обещанного Канкриным детального чертежа карниза. Но позднее выяснилось, что «по присланному после из С. Петербурга обстоятельному рисунку, масштаб которого был в 45 раз больше прежнего главного рисунка (т. е. в натуральную величину. — Ю. В.), а именно 5 и 5¹/₂ футов в ширину, также и сухарики были гораздо больше, а именно в пять футов ширины, в 26 дюймов длины и в шесть дюймов вышины, равным образом и главный карниз средних высших частей здания больше должен подаваться вперед, чем главный карниз боковых частей, следовательно в особенности карнизные камни и сухарики должны иметь большую длину, по присланному же прежде меньшему рисунку назначены были в смете одинаковой величины карнизы для средних и боковых частей»³. Для исправления допущенной при возведении карниза ошибки пришлось ассигновать дополнительные средства, отпуск которых был утвержден Комитетом министров.

Практически строительство пакгауза было закончено в декабре 1831 г., о чем строительный комитет извещал начальника Рижского таможенного округа. Но, очевидно, в здании оставались кое-какие недостатки, вследствие чего официальная приемка здания состоялась лишь

¹ В неоднократно цитируемом нами деле о строительстве пакгауза сохранился черновой текст надписи для доски, заложенной в фундамент здания: «Лета Рождества Христова тысяча восемь сот двадцать восьмого года ... дня, в благополучное царствование его величества государя императора Николая Павловича, положено основание зданию нового при рижской таможене пакгауза по распоряжению Министра финансов генерал-лейтенанта Канкрина, под главным управлением Лифляндского, Курляндского, Эстляндского и Псковского генерал-губернатора генерала от инфантерии маркиза Паулуччи под наблюдением учрежденной комиссии надзором губерн-го архит. Спацера» (конец фразы имел и другой вариант, который не был принят: «... маркиза Паулуччи посредством учрежденной комиссии архитектор Шпацнер строил») (ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 54, л. 261).

² ЦГА Латв. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 55, лл. 112, 113.

³ Там же, л. 92.

в ноябре 1832 г. Властями была назначена комиссия, в которую, в частности, входили де Витте, начальник Рижской инженерной команды подполковник Зейдлиц 2-й, городской архитектор Грен и др. В приемочном акте комиссии были особо отмечены все «незначительные» отступления от проекта, «оказавшиеся в последствии времени необходимо нужными, но на кои последовало предварительное утверждение господ бывшего и нынешнего генерал-губернаторов» (т. е. Паулуччи и Палена. — Ю. В.)¹. Эти отступления касались преимущественно упрочения конструкции (была увеличена толщина наружных стен, столбов и т. п.), улучшения функционального решения здания (были устроены люки в перекрытиях, изменено направление лестниц и добавлены новые лестницы внутри постройки и т. д.), применения не предусмотренных в проекте материалов для облицовки наружных крылец, покрытия пола и т. д. Но они не вызвали изменения общего облика сооружения и в целом являлись лишь естественным уточнением проекта, оказавшимся необходимым при воплощении его в натуре. Поэтому приемочная комиссия в своем заключении отметила, «что при подробном ее осмотре сего строения она нашла оное произведенным, сколько по наружности судить можно, с отличною чистотою, правильностью и прочностью, и что все сделанные отмены против чертежа, контракта и сметы, одобренные начальством, лишь служат к улучшению и прочности означенного пакгауза»².

Такова в общих чертах история создания проекта и история строительства пакгауза-арсенала на бывшей плац-парадной площади в Риге. Она является наглядной иллюстрацией того факта, что в 30-х годах XIX в. стал вполне закономерным разрыв между лицами, проектировавшими здания, и лицами, их строившими, и дает возможность судить о том, что именно вносили эти лица во вновь создаваемые объекты. Мало сказать, что зодчие Петербурга (проектировщики) занимались только «фасаднической частью», только обобщением предложений, шедших снизу — т. е. из Риги, что они, исходя из градостроительных соображений, сумели найти новое решение пакгауза — более монументальное и величественное, — важно учитывать и то, что конструкции здания, предложенные в Петербурге, отличались большей легкостью, нежели те, которые проектировались в Риге. Здесь, очевидно, сказывалось проявление более смелой конструктивной мысли, основанной на опыте строительства Петербурга. Наряду с этим вряд ли столичные проектировщики имели возможность вникать во все детали сооружавшегося здания, полностью учитывать местные особенности и т. д., что и создавало некоторые предпосылки для проявления инициативы местных строителей, т. е.

¹ ЦГА Ляtv. ССР, ф. 7430, оп. 1, д. 55, л. 142.

² Там же, л. 146.

рижан. Во всех сделанных на месте изменениях проекта, зафиксированных в акте приемочной комиссии, явно сказывается то, чем всегда отличалось зодчество Риги, — сочетание утилитарной необходимости и рациональности решений с добротностью конструкций и тщательностью отделки.

В целом такое разделение сфер деятельности в строительстве могло дать в конкретной обстановке Риги сравнительно неплохие результаты, особенно в том случае, когда проект создавался маститым зодчим. Так, в частности, произошло при строительстве пакгауза. Но в то же время разрыв между строителями и проектировщиками нередко пагубно сказывался на художественных качествах вновь возводимых зданий. Когда проектировщик перестал участвовать в строительстве, а у строителей было отнято право вносить даже малейшие коррективы в убранство сооружения, окончательно была утрачена возможность исправления в натуре недочетов, неизбежно рождавшихся при проектировании здания на бумаге, в небольшом масштабе. Очевидно, именно этим следует объяснять то, что облик пакгауза оказался несколько суховатым, венчающий карниз здания — чуть измельченным. Наряду с этим в таком положении коренились и другие, более существенные недостатки, которые неизбежно должны были приводить и действительно привели к превращению форм классицизма в пустой штамп, уже не отражавший прогрессивного содержания просветительских идеалов.

* * *

В эпоху зарождения капиталистического уклада, когда не существовало практических, основанных на развитии соответствующих отраслей промышленного производства, предпосылок для унификации архитектурных форм, подчеркнутая стандартизация приемов архитектурного творчества, концентрация его в руках архитекторов, работавших в центральных ведомствах страны, и вместе с тем фактическое подавление творческой мысли, рождавшейся на периферии, отражали сущность строительной политики царского правительства, имевшей прежде всего показной характер. Эти меры дали известные положительные результаты в области градостроительства — они оказали некоторое дисциплинирующее действие и способствовали появлению отдельных ансамблей, — но одновременно с этим уже в 30-х и, особенно, в 40-х годах XIX в. они стали сковывать развитие архитектуры. Здания, созданные в этот период вне столиц империи, превращались в более или менее удачное отражение принципов, воплощенных в сооружениях, созданных в Петербурге или в Москве. Местные особенности зодчества начали стираться. Это приводило к постепенному обеднению архитектуры.

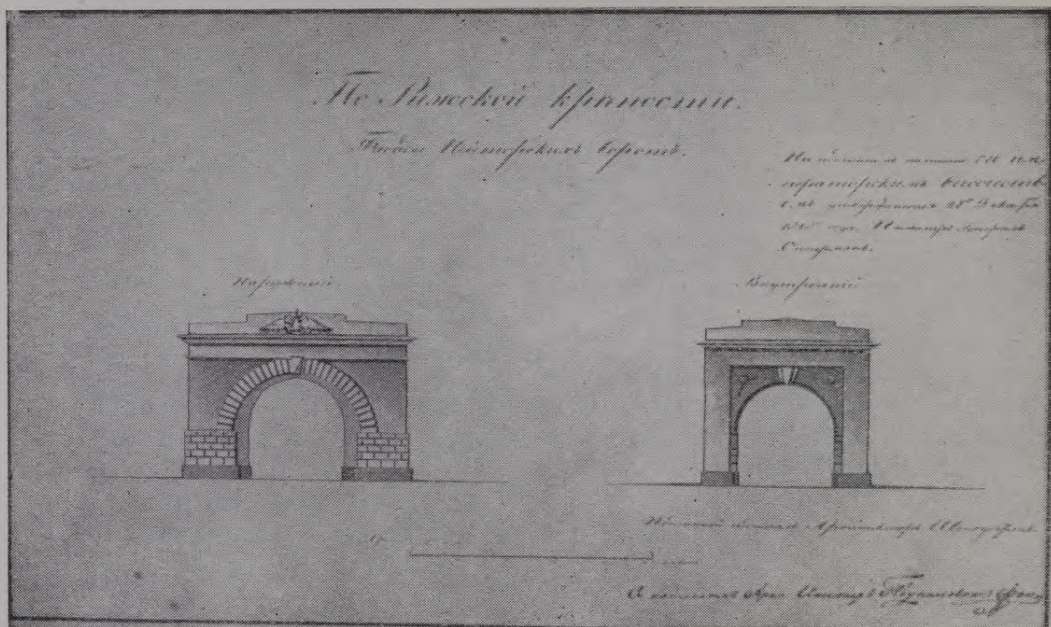
Характерно, что в 30-х годах XIX в., наряду с проектами крупных

Проект нового фасада Королевских ворот рижской цитадели.

Проект А. Е. Штауберта 1826 г.

зданий, даже проекты мелких сооружений Риги начинают разрабатываться в Петербурге. Например, когда была предпринята очередная перестройка фасадов некоторых крепостных ворот рижской цитадели и Старого города, то проекты их новых фасадов были присланы из Петербурга. Они, как нам удалось установить, были разработаны в Инженер-

Проекты новых фасадов Нейторских ворот Рижской крепости.

Копия проекта А. Е. Штауберта начала XIX в.

ном департаменте Военного министерства главным архитектором этого департамента А. Е. Штаубертом¹. По его проекту в 1826 г. была начата перестройка фасада северо-западных, Королевиных, ворот цитадели. Сравнение этих ворот, сохранившихся до сих пор², с проектом их фасада показывает, что в процессе строительства в их формы были внесены незначительные изменения. В 1827 г. Штауберт проектирует наружный и внутренний фасады других ворот цитадели — Водяных, однако теперь он не пытается разрабатывать оригинальное решение и попросту повто-

¹ Проекты крепостных ворот Риги, подписанные А. Е. Штаубертом, обнаружены в ЦГВИАЛ (ф. 3, оп. 26, дела 1049, 1051, 1052).

² После того как в 70-х годах XIX в. были уничтожены валы цитадели, эти ворота перенесли и встроили между Рижским замком и его бывшей конюшней. Следует отметить, что П. Кампе в своем исследовании о рижских крепостных воротах ошибочно утверждает, будто встроенные в северный фасад замка ворота прежде были главными воротами цитадели — Королевскими, или Полторскими (см. P. Campe. Die Stadttore Rigas im 17., 18. und 19. Jh. und deren Meister, стр. 305, 306). Подобного же неверного мнения придерживался и Я. Страуберг (J. Straubergs. Vecā Rīga, стр. 72).

рует композицию Королевиных ворот. Несколько более своеобразным был проект, созданный им в 1828 г. для перестройки Нейторских ворот Старого города, но при изучении их композиционного строя выявляется влияние композиции главной арки здания Адмиралтейства, созданного в Петербурге А. Д. Захаровым, и отсутствие какой бы то ни было связи с обликом других ворот Риги.

Период упадка классицизма в архитектуре Риги характеризуется все большей сухостью форм возводимых сооружений, все более редким проявлением своеобразных черт, отличающих формы одних построек от форм других, все более слабой связью построек с окружающей средой. В убранстве различных зданий применялись одни и те же элементы, одни и те же приемы композиции. Все это свидетельствовало о превращении классицизма в определенную догму, об утрате им многих прогрессивных для своего времени черт и приводило к тому, что облик ведомственных («казенных») сооружений приобретал все большее однообразие, даже казарменность, столь характерную для николаевской России.

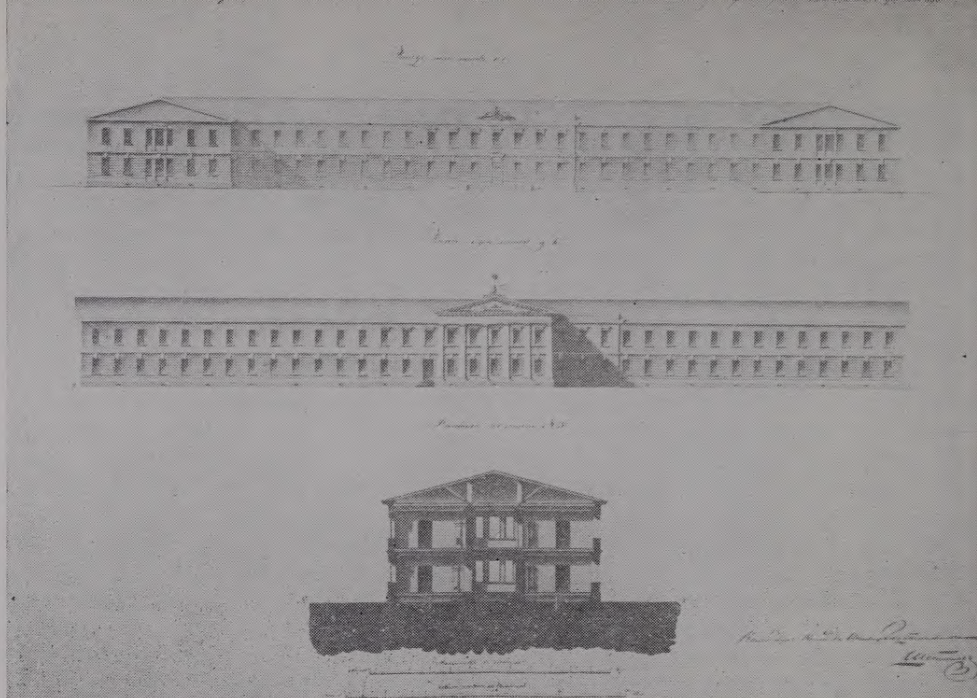
Последние крупные здания, созданные в Риге в формах классицизма, были возведены вне центральных районов города. Их градостроительное значение было сугубо локальным, но именно в этих постройках достаточно ярко проявился процесс «окаменения» форм классицизма.

В 1830 г. на территории старого Рижского военно-сухопутного госпиталя было начато строительство нового каменного больничного корпуса. Принято считать, что это здание было возведено по проекту И.-Э. де Витте¹, однако правильнее было бы утверждать, что де Витте лишь возглавлял строительные работы, между тем как сам проект был разработан в Петербурге. На это указывает хотя бы тот факт, что в некрологе, опубликованном в Риге в 1854 г. после смерти де Витте, указывается, что он лишь «осуществлял руководство строительством Военного госпиталя»². По-видимому, при создании нового больничного здания госпиталя были применены те же самые методы организации строительства и проектирования, которые оправдали себя при создании пакгауза-арсенала. Поскольку данный госпиталь был военным и принадлежал Военному министерству, то вероятнее всего предположить, что его проект был разработан в Инженерном департаменте этого министерства, ибо именно там создавались проекты всех сооружений военного назначения. Обычно проектированием подобных зданий руководил упомянутый выше архитектор А. Е. Штауберт.

Нам не удалось обнаружить полного проекта нового больничного

¹ Mākslas vēsture, 3. sēj., стр. 226.

² «Rigaische Stadt-Blätter», 26. August 1854, Nr. 34, стр. 313.

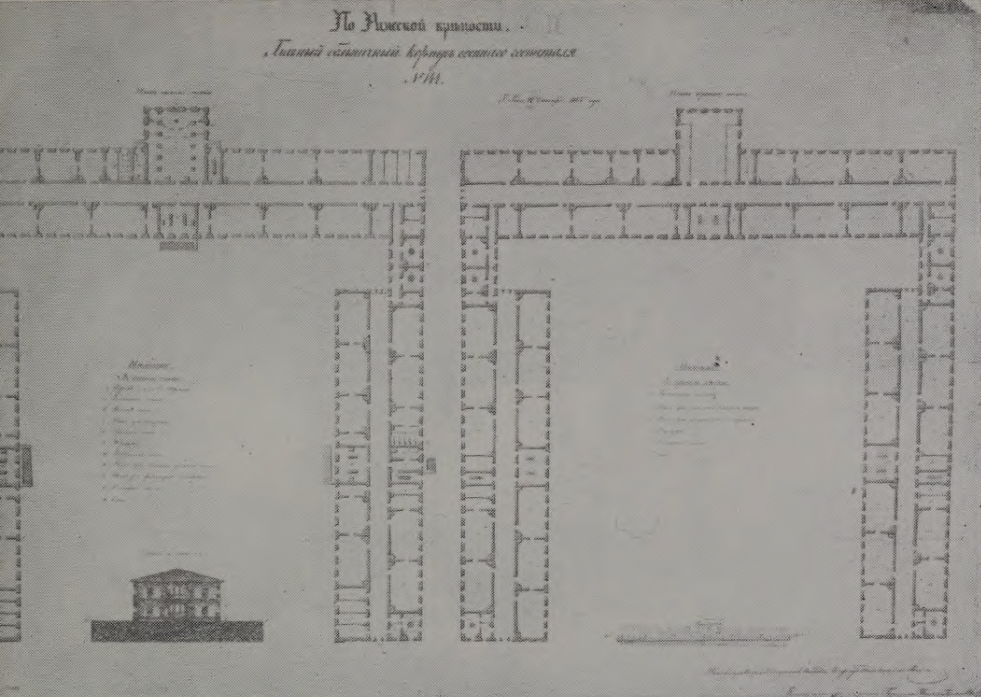

Фасады каменного корпуса Рижского военно-сухопутного госпиталя.

Чертеж 1836 г.

корпуса, который был разработан, очевидно, во второй половине 1829 г. Однако один проектный чертеж подтверждает предположение, что проектирование госпиталя проходило в Инженерном департаменте. Чертеж этот — «План и профиль церкви при вновь строящемся каменном госпитальном корпусе в Риге с показанием предполагаемого иконостаса» — относится к тому периоду, когда строительство нового больничного корпуса подходило к концу и была начата отделка внутренних помещений. Этот проектный чертеж был «высочайше» утвержден 2 июня 1833 г. и подписан архитектором Штаубертом¹. Остальные обнаруженные чер-

¹ ЦГВИАЛ, ф. 3, оп. 26, д. 1489. — В том же 1833 г. был составлен другой аналогичный чертеж церкви и иконостаса, который, однако, несколько отличался от чертежа Штауберта. Здесь иначе проектировался иконостас, капители колонн были сделаны ионическими, а не композитными, как у Штауберта, карнизы не имели консолей и т. п. Очевидно, это был всего лишь другой вариант проекта. Чертеж этот был исполнен в Рижской инженерной команде и подписан ее начальником инженер-подполковником Зейдлицем 2-м (там же, д. 1490).

Планы 1-го и 2-го этажей каменного корпуса Рижского военно-сухопутного госпиталя.
Чертеж 1847 г.

тежи нового здания относятся к 1836 г., когда оно уже было построено и когда все сооружения госпиталя были переданы из ведения военного ведомства в ведение инженерного. Тем не менее кажется вполне правдоподобным, что именно Штауберт был автором проекта госпиталя. Этот вывод подтверждается, во-первых, тем, что Штауберт вообще занимался проектированием госпитальных зданий, о чем свидетельствует проект госпиталя на 500 человек, составленный им в 1820 г. для Даугавпилса, во-вторых, сходством деталей и архитектурных форм, которые были применены Штаубертом при проектировании больничного корпуса для Даугавпилса, с теми деталями и формами, которые были использованы при строительстве нового корпуса Рижского военно-сухопутного госпиталя. Во всех постройках Штауберта ощущается некоторая вялость архитектурной композиции и бедность фантазии. Это делало запроектированные им здания суховатыми, подчеркнуто «казенными».

Новый каменный («главный») корпус Рижского военно-сухопутного госпиталя был воздвигнут напротив больничного корпуса Демер-

Ситуационный план Рижского военно-сухопутного госпиталя.

Чертеж 1836 г.

цова (см. выше, стр. 236), после чего территория госпиталя оптически как бы замкнулась. План этого огромного двухэтажного здания точно вписывается в квадрат, одна сторона которого остается открытой. Протяженность каждой из сторон корпуса равняется почти 250 м. Из большого внутреннего двора в отдельные флигели ведут свои входы. Центр поперечного корпуса несколько раскрепован и увенчан ступенчатым фронтоном — здесь находился вход в госпитальную церковь, объем которой был сильно выдвинут с противоположной, наружной стороны здания. Однако двор нового больничного корпуса не предполагалось сделать центром композиции, — главный фасад здания находился с внешней стороны госпиталя и обозревался лишь с окраины города. В этом состояла основная композиционная ошибка проектировщиков.

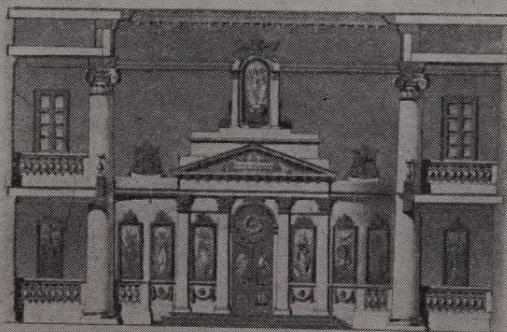
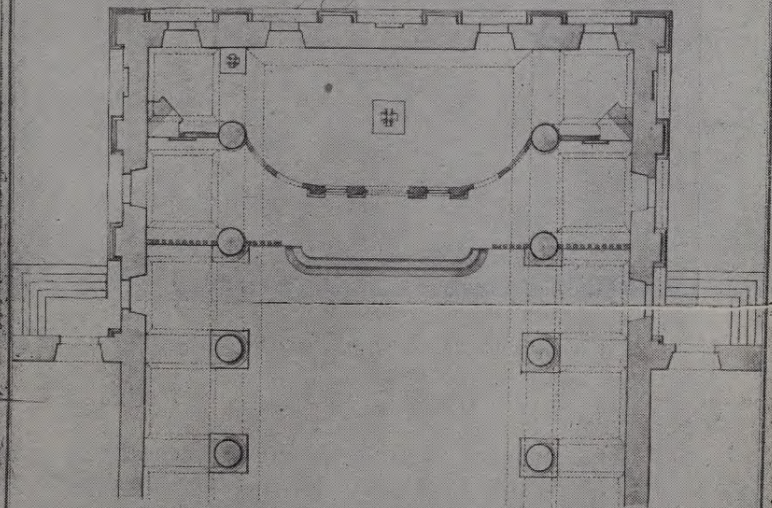
Если рассматривать архитектуру нового корпуса с формальных позиций, то на первый взгляд может показаться, что в ней воплощена quintessence представлений об архитектуре, господствовавших на рубеже третьего и четвертого десятилетий XIX в. В этом сооружении было

как будто все, что требовалось, — и полная симметрия всех элементов, и геометрическая ясность объемов, и простота внешнего убранства, и классические архитектурные формы, и пилястровый портик на наружном фасаде. Но все это, если так можно выразиться, было применено в превосходной степени, всего было слишком много — и той же симметрии, и геометричности, и простоты. Каждый из элементов композиции был возведен чуть ли не в абсолют, поэтому было нарушено то, что

*План и профиль Церкви при вновь строящемся
каменном санитарном корпусе в Риге показа-
нию предрасположенного Иконостаза.*

Высотности, употреблены Тоны 2 тона 1833 года

Архитектор А. Е. Штауберг

План и разрез церкви в
каменном корпусе Ри-
жского военно-сухопутного
госпиталя.

Проект А. Е. Штауберга
1833 г.

Архитектор А. Е. Штауберг

Главный фасад каменного корпуса бывш. Рижского военно-сухопутного госпиталя.

называется гармонией. Если в свое время классицизм возник как определенная художественная система, призванная отражать вполне конкретные эстетические понятия и представления, связанные с большим идейным содержанием, то теперь, когда эта художественная система была возведена в незыблемый канон, она неизбежно должна была утратить и действительно утратила органическую связь с прежним, породившим ее содержанием, должна была застыть и окаменеть, превратиться в пустой кокон, давно уже покинутый живым существом¹.

¹ Г. В. Плеханов, говоря о классицизме этого периода, указывает: «Его покинула его великая революционная душа, сообщавшая ему такое сильное обаяние, и у него осталось одно тело, совокупность внешних приемов художественного творчества, ни для чего теперь не нужная, странная, неудобная, не соответствовавшая новым стрем-

Боковое крыло каменного корпуса бывш. Рижского военно-сухопутного госпиталя.

Однако, с другой стороны, новое здание Рижского военно-сухопутного госпиталя, бесспорно, явилось передовым для своего времени сооружением, вполне отвечавшим новейшим требованиям медицинской науки. Оно имело просторные и светлые палаты, широкие коридоры с торцовым освещением. При общем объединении многих палат для больных под одной крышей была достигнута удовлетворительная изоляция отдельных частей госпиталя и хорошая функциональная связь помещений. Все это характеризует начало новой ступени в развитии архитектуры, когда в центре внимания зодчих вместо внешнего оформления по-

лениям и вкусам, порожденным новыми общественными отношениями» (Г. В. Плеханов. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии. В его кн.: Литература и эстетика, т. I, стр. 94).

стройки стала постепенно оказываться внутренняя структура сооружения.

В этом отношении весьма характерна история создания проекта «рабочего дома», который был выстроен на Александровских высотах рядом с так наз. богоугодными заведениями. В 1827 г. по указанию Николая I было решено «распространить» существующие в Риге «богоугодные заведения», на что была ассигнована особая сумма из казны и из городских доходов. Как видно из обнаруженного нами обширного дела, посвященного этому вопросу¹, проектирование новых зданий было поручено губернскому архитектору, т. е. Ю.-А. Шпациру. Вначале Шпацир разработал проекты трех взаимосвязанных зданий, каждое из которых было предназначено для выполнения какой-либо одной функции, но когда была составлена смета, то оказалось, что для реализации этого проекта отпущенных на строительство денег недостаточно. Тогда в Лифляндском приказе общественного призрения было решено, что «на первый случай средствам и надобности соответственно будет выстроить один только флигель», при этом Приказ «возложил на губернского архитектора составление на сию первоначальную постройку плана и сметы, которыми, — как сообщалось в 1829 г., — он и занимается»². Разработанный Шпациром новый проект — проект «рабочего дома» — был очень сдержанным по архитектурным формам. Как видно из сохранившихся чертежей³, зодчий стремился в пропорциях и деталях увязать проектируемое здание с расположенными рядом постройками «богоугодных заведений», созданными Брейткрейцем. При этом внутренняя планировка здания была недостаточно четкой.

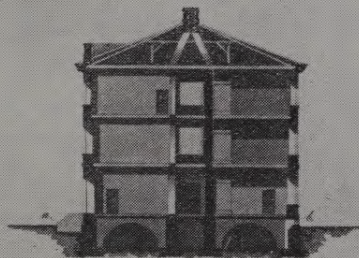
Как уже указывалось, в предшествующий период развития архитектуры внутренняя структура здания мало интересовала вышестоящие инстанции, утверждавшие проекты, — главное внимание обращалось на фасады сооружений; именно «сочинение» фасадов было централизовано в первую очередь. Теперь, однако, положение несколько изменилось, и проект «рабочего дома», разработанный Шпациром, был признан неудачным именно из-за нечеткости его планировочной структуры. Как сообщалось в августе 1830 г. из Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел, «доставленные (из Риги. — Ю. В.) ... чертежи на трех листах и смета на устройство рабочего дома ведения Лифляндского приказа общественного призрения на Александровских высотах, согласно требованию Департамента,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 12, д. 354.

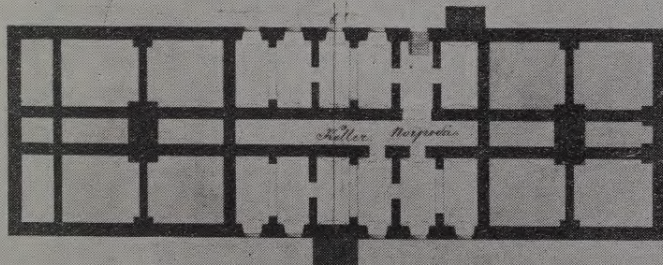
² Там же, л. 36.

³ Там же, лл. 31, 32. — Один из этих чертежей изображает фасад, разрез и план погреба, другой — планы остальных трех этажей «рабочего дома». Эти чертежи никем не подписаны, но поскольку все пояснительные надписи на них сделаны на русском и немецком языках, можно с уверенностью утверждать, что они были выполнены в Риге.

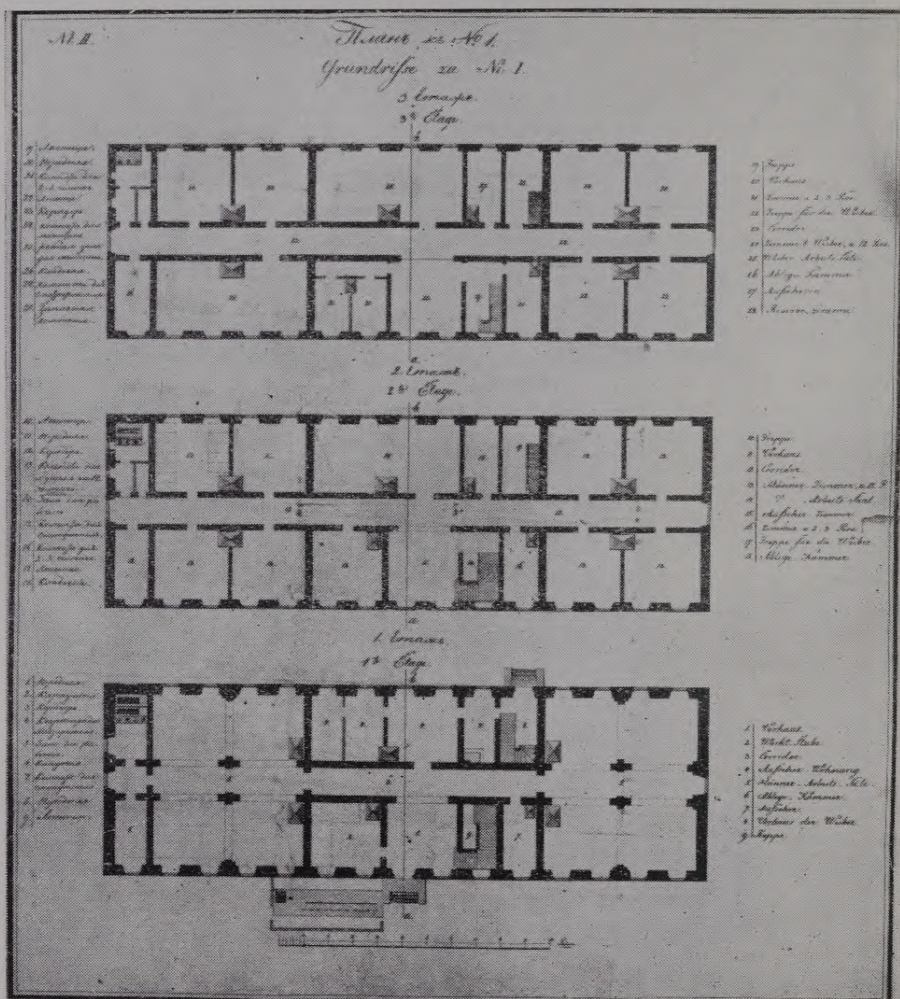
Центральная рабочая изба на Александровских высотах.
План к einem Arbeiterhause auf Alexanders. Höhe.
№ 1.

Профиль а в.
Проектирование по высоте а, в.

Проект «рабочего дома» на Александровских высотах. Фасад, разрез, план погреба.

Проект «рабочего дома» на Александровских высотах. Планы 1—3-го этажей.

предложены были на рассмотрение Строительного комитета, который признал нужным переделать присланный проект по причине неудобного расположения помещений и, составив вновь планы с фасадом, сообразно оным исправил смету, по коей на возведение предполагаемого строе-

ния требуется 160 369 р. 42 к., вместо исчисленных губернским архитектором 167 078 р. 82 коп.»¹. После этого «планы сии препровождаемы были к генерал-губернатору на рассмотрение и от него возвращены с одобрением»². В 1834 г. этот проект был «высочайше» утвержден, в следующем году по нему было начато строительство, а в 1836 г. здание было сдано в эксплуатацию. Через год «по проектам, утвержденным и препровожденным Министерством внутренних дел», рядом с «рабочим домом» были построены два симметрично расположенных одноэтажных флигеля, в которых находились баня, прачечная, пекарня и кухня³.

Здесь нет нужды особо останавливаться на анализе архитектуры «рабочего дома», поскольку это сооружение не обладало какими-либо особыми достоинствами. Можно лишь отметить, что строительство его осуществлялось так наз. хозяйственным способом под руководством строительной комиссии, которой руководил де Витте. В работе этой комиссии участвовали также городской архитектор Я. Грен и исполнявший с 1835 г. обязанности лифляндского губернского архитектора К. Адамсон⁴.

История строительства ряда зданий, созданных в Риге в 30-е годы XIX в., свидетельствуют, как видим, об измельчании общих требований, предъявлявшихся к архитектурным сооружениям, об укоренении практицизма в строительстве. Поиски улучшенных функциональных решений отдельных типов зданий не спасали умирающий стиль от упадка. Его судьба была предрешена. Строгое регламентирование выбора архитектурных форм и композиционных решений, обусловленное узкими рамками «высочайше» утвержденных фасадов, делало невозможным дальнейшее развитие классицизма в архитектуре даже с формальных позиций, а неумолимое становление новых экономических и социальных факторов, влиявших на ход эволюции строительного искусства, приводило к появлению принципиально иных методов архитектурного творчества, к отрицанию классицизма как цельного художественного мировоззрения.

Процесс вырождения архитектуры классицизма в Риге становится особенно интенсивным начиная с 40-х годов XIX в., когда в Риге распространяются малохудожественные образцовые проекты, составленные архитекторами Львовым, Бремером, Тоном и др.⁵ Позднее предпринимаются попытки возвращения к архитектурным формам средневековья, Старый город и предместья Риги наполняются домами, построенными в духе кирпичной готики и Ренессанса. Эту романтизацию давно минув-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 12, д. 354, л. 21.

² Там же, л. 44.

³ Там же, л. 101.

⁴ «Rigaische Stadt-Blätter», 30. Dezember 1836, Nr. 52, стр. 436—438.

⁵ Образцовые фасады, высочайше утвержденные для обывательских в городах домов. Литографировано при Департаменте военных поселений, 1841.

шего прошлого, стремление возродить «добрые немецкие традиции» в архитектуре, как и в культуре вообще, нельзя не связывать с тем, что в 60-х годах, когда прибалтийские немецкие реакционеры, видя ослабление своих позиций под напором все ширившегося капиталистического развития, стали с возросшей силой отстаивать свою «исключительность», свои привилегии, — снова начали поднимать голову апологеты германской культуры, которые, по словам проф. Я. Зутиса, «расширили» применение идеи культуртрегерства, распространив ее на русских и на всю Россию»¹. Оживление строительной деятельности в Риге, начавшееся в последней трети XIX в., проходит уже в обстановке бурного развития капиталистической системы хозяйства. Частная инициатива, безудержная погоня за прибылью, безразличие по отношению к общественным нуждам, ярко отразившиеся в строительной практике этого периода, — приводят к нарушению архитектурно-художественной и пространственной цельности застройки Риги. На месте рижских форштадтов вырастает новый капиталистический город, эклектичный по своим архитектурным формам, с окруженными зеленью кварталами местной торгово-промышленной и родовой аристократии и трущобами бедноты.

Отдельные принципы классицизма продолжают развиваться только в планировке города. Надолго сохраняется уличная сеть бывших предместий, вокруг Старого города разрастается прекрасное парковое кольцо и т. д. Формы классицизма, тесно сросшиеся с народными строительными традициями, распространяются в середине XIX в. в провинции. Они проникают в сельское народное зодчество и оказывают большое воздействие на архитектуру провинциальных городов. Это свидетельствует о том, что классицизм в зодчестве Риги, достигший в первой трети XIX в. своего высшего расцвета, сыграл определенную роль в формировании всей латышской национальной строительной культуры.

¹ Я. З у т и с. Очерки по историографии Латвии, ч. I, стр. 159.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что развитие зодчества Риги в конце XVIII — начале XIX в. привело к появлению архитектуры, обладавшей определенным единством содержания и формы. Ее цельность обуславливалась тем, что конкретная социально-экономическая обстановка, сложившаяся в Латвии, способствовала распространению принципов классицизма в архитектуре.

Зарождение буржуазного общества и распространение идеологии просветительства, распад феодальных отношений в Латвии, а также рост культурных, экономических и политических связей с русским народом, — все это явилось основой, на которой развивался классицизм в Риге. Важнейшим условием его развития послужил расцвет экономики города, связанный с включением Риги в состав России. Таким образом, оказывается совершенно неверной версия, будто лишь внешние влияния дали толчок появлению отдельных произведений рижской архитектуры, созданных в духе классицизма.

Во второй половине XVIII в. в зодчестве Риги сосуществуют два основных архитектурно-художественных направления, каждое из которых по-разному воспринимало и развивало принципы классицизма.

Первое направление было связано с превращением Риги в один из крупнейших военно-административных центров Российской империи и с широким проникновением в Латвию культуры, господствовавшей в России. Представителями этого направления закладываются в XVIII в. прочные основы будущей планировки города, создаются первые ансамбли и строятся здания, отличающиеся ясностью образов, четкостью композиции и смелостью конструктивных решений. Особое значение здесь имели план застройки рижских предместий 1769 г., проект перестройки цитадели и строительство Петропавловского собора.

Второе направление возникло с развитием в Риге буржуазных отношений, с укреплением экономических позиций и ростом благосостоя-

ния рижского бюргерства, нередко подражавшего культуре «просвещенной Европы». Это направление — «бюргерский классицизм» — замыкалось в рамках субъективного мирка бюргеров и по существу не отражало передовых устремлений эпохи. Поэтому творчество зодчих — представителей этого направления — зачастую было односторонним и противоречивым. «Бюргерский классицизм» должен был служить как бы внешним свидетельством просвещенности рижских бюргеров. Одновременно он мог расцениваться как выраженный в художественной форме протест против ограничения автономии рижских бюргеров в экономической и политической областях.

Приток в Ригу латышских ремесленников и рабочих, сохранявших в своей среде народные строительные традиции, привел к образованию и распространению типов жилых домов, родственных крестьянскому жилью Латвии. Это предопределило единообразие застройки предместий и сыграло очень большую роль в развитии малоэтажного жилого строительства в Риге.

Наличие различных тенденций в развитии архитектуры Риги, постоянно взаимодействовавших одна с другой и подвергавшихся влиянию исторически сложившихся традиций, придало рижскому зодчеству некоторые своеобразные черты, отличавшие архитектуру Риги второй половины XVIII в. от архитектуры России, Германии или Франции, откуда в Латвию проникали основные формы классицизма.

В начале XIX в. особенности зодчества Риги несколько стираются и оно приобретает все больше черт, общих с русским классицизмом этого периода. Это было обусловлено установлением тесных связей с внутренними областями России, некоторыми изменениями в укладе жизни города, распространением на Ригу правительственных постановлений, регламентировавших застройку городов, а также исчезновением социально-политических корней «бюргерского классицизма». Архитектура этого периода оказала существенное воздействие на изменение облика города.

Для зодчества Риги начала XIX в. наиболее характерным был ряд моментов, которые мы попытаемся здесь сформулировать.

Во-первых, в этот период в городе проводятся крупные архитектурно-строительные работы, впервые создается общий проект реконструкции как Старого города, так и рижских предместий, формируется пространственная структура «большой Риги». Разрозненные ранее части городского организма объединяются в одно целое, в предместьях и в Старом городе проектируются новые площади общественного назначения. Проект перепланировки города, составленный в 1815 г., явился важной вехой на пути дальнейшего развития Риги.

Во-вторых, в начале XIX в. в планировке и застройке Риги осуществляются единые архитектурно-художественные принципы, разви-

ваются ансамблевые тенденции классицизма и т. д. Огромную роль в этом отношении сыграло постановление об обязательном применении образцовых фасадов как в Старом городе, так и в предместьях.

В-третьих, в начале XIX в. имеет место дальнейшее преобразование и обогащение народных строительных традиций при застройке рижских предместий и изменение образцовых фасадов под воздействием этих традиций, что во многом обусловило появление своеобразных черт в архитектуре Риги этого периода.

Новый этап в развитии архитектуры Риги наступил в начале XIX в. вовсе не как прямой результат действия постановления об обязательном применении образцовых фасадов, как предполагали некоторые исследователи в период существования буржуазной Латвии. Этап этот явился следствием дальнейшего развития прогрессивных принципов классицизма, и распространение на Ригу постановления об обязательном применении образцовых фасадов лишь способствовало укоренению этих принципов в зодчестве Риги. Именно на этом базировалась преемственность архитектуры Риги конца XVIII — начала XIX в.

Своеобразие рижского зодчества определялось социально-экономическими, историческими и бытовыми особенностями жизни в Латвии, и в том числе в Риге. Воздействие национальных строительных традиций предопределило специфику архитектуры Риги, и этому не могли помешать даже строгие постановления, регламентировавшие застройку города. Зодчество Риги конца XVIII — начала XIX в. развивалось не двумя лицами — Хаберландом и Готфридом, как было принято считать, а многими архитекторами, среди которых были как ведущие зодчие России, так и народные мастера.

Все сказанное дает возможность утверждать, что:

- 1) развитие классицизма в рижском зодчестве было вполне закономерным и исторически обусловленным явлением;
- 2) архитектура классицизма в Риге обладала определенными, четко выраженными особенностями;
- 3) процесс развития классицизма в зодчестве Риги привел к широкому распространению передовых для своего времени методов архитектурного творчества, которые приобрели черты народности.

В целом значение архитектуры Риги конца XVIII — начала XIX в. определяется тем, что в этот период были созданы важные предпосылки для дальнейшего развития национального зодчества Латвии и были заложены прогрессивные для своего времени основы планировки и застройки Риги, которые составили реальный вклад в современную архитектуру столицы Латвийской Советской Социалистической Республики.

ОПИСАНИЕ ГОРОДА РИГИ ПО НЫНЕШНЕМУ ОНОГО СОСТОЯНИЮ¹

Рига, главной город княжества Лифляндского, по нынешнему онго состоянию, кроме предместия, вместе с цитаделью в окружности снаружи имеет 2000 сажен; в длину с оною ж цитаделью простирается на тысячу, а в ширину токмо на 450 сажен. Город с цитаделью лежит на самой восток северовосточной стороне берегов реки Двины, которая начинается в России подле Белой и на две малые мили от города впадает в Балтийское море. Высота полюса там 17 градусов. Город самой окружен десятью бастионами, с сухопутной стороны четырьмя рavelинами, а притом прикрытым путем и гласисом. Валы городские вдоль по берегу с окружающим их водяным рвом выложены камнем, а зделанное с сухопутной стороны по голландскому манеру крепостное строение состоит из земляного вала, выкладенного с исподи камнем, и из водяного рва, камнем же усланого. В городскую крепость входят с сухого пути чрез Якобс [.] занд и Карловские ворота, а с стороны реки Двины Швимзидерсвальскими [.] новыми и Штифескими воротами. Цитадель окружена шестью бастионами, тремя рavelинами, одною лунеттою, покрытым путем и гласисом. Валы выложены с исподи камнем, а водяные рвы также высланы камнем. Оба полигона с сухопутной стороны зделаны по Вобанову манеру, а большие ворота, которые имеют сообщенне с городом, называются Королевскими воротами; с сухопутной стороны есть Королевины ворота, а Водяные ворота с стороны реки Двины. Обе крепости находятся в добром состоянии, а новое наружное укрепление еще делается. Предместие, полисадником обнесенное, в окружности имеет 2033 сажени, во оном все публичные и private строения деревянные, а в городе все строение каменное, выключая оного токмо малую часть, которая почти вся государевая и называется Шлосграбен (ров замка), где строение деревянное и мазанки. Private домов в городе считается 687, а амбаров для поклажи хлеба и других припасов 109. В цитадели строение почти все деревянное или мазанки.

В обеих крепостях и в предместии шесть русских церквей, три каменные, а три деревянные. Соборная церковь в цитадели построена во имя святых Апостолов Петра и Павла. Другая во имя Успения Пресвятыя Богородицы внутри старого замка, о которм ниже сего объявлено будет. Недалеко от оной стоит церковь Алексея человека божия да поповские с причетниками церковными дома. Три деревянные церкви на-

¹ ЦГАДА, госархив, ф. 16, д. 838, ч. 2, лл. 408—420. — Настоящий документ относится к периоду между 1762 г. (упоминается в тексте) и 1765 г. (в этом году было закончено строительство рижской ратуши, которая в тексте фигурирует как «почти со всем к окончанию приведенное здание»). Вероятнее всего он составлен по поручению рижского магистрата в 1764 г. в связи с приездом в Ригу Екатерины II.

зываются: первая в предместьи Благовещения Пресвятые Богородицы, а при ней придел светителя Николая; другая во имя Пресвятые Богородицы всех скорбящих для больных в гарнизонных гошпиталях, что в предместьи; третья Пресвятые Троицы для приходящих на стругах поляков греческого исповедания на гласисе при Карловских воротах. Лютерская церковь святого Апостола Иакова и латинская школа, учрежденная шведским королем Карлом первым надесять в 1675 году декабря 16 числа и возобновленная по высочайшему императорскому указу в 1733 году июля 11 числа, называемая Лицеум, которые обе на государевом содержании стоят, в той части города, которая непосредственно принадлежит короне. Пасторы сей церкви для немцов, шведов и финнов, также ректор и четыре школьные учителя определяются от короны, то есть именем государя, также производится им жалованье из государевой суммы.

Под магистратским ведомством состоят в городе три лютерские церкви и одна реформатская, все каменные, а именно:

1. Городская главная церковь святого Апостола Петра, в 1406 году построенная; при оной, кроме домов пасторских и прочих церковных служителей, находится и школа для детей немецкой нации, где они обучаются чтению, писанию и катихизису.

2. Собор, построен в одно время с городом в 1204 году рижским епископом Албертом во имя Пресвятые Богородицы и прежде сего был престольною архиепископскою церковью, при оном соборе во первых примечать должно строение под гимназию, основанную в 1630-м году магистратом, возобновленную в 1678 году по окончании тогдашних военных беспокойств, а во время последней войны со всем запущенную и поныне еще не восставленную. С оною соединена Латинская школа для обучения юношества разным языкам и наукам. При оной определены ректор, конректор, кантор, субконректор и три учителя, которые обучают юношество в пяти разных классах; при оном же соборе равномерно, как и при церкви святого Апостола Петра, учреждена немецкая городская школа во имя святого Апостола Иакова, а сверх того особое строение под городскую библиотеку отведено в 1553-м году ноября 15 дня. При оной определен библиотекарь на городском содержании; и как она подавниями разных частных персон размножилась, так особое приращение получила тем, что в силу ее величества Государыни императрицы Анны Иоанновны насланного в 1735 году в Санктпетербургскую Академию Наук всемилостивейшего указу велено отпускать туда безденежно все при той Академии печатаемые книги и купферштихи.

3. Церковь святого Иоанна, заложенная в первые годы по построении города, принадлежала прежде сего католическим монахам Доминиканского ордена, а в 1582 году отдана латышам для отправления божией службы по их закону. Кроме двух пасторских домов, находится при оной городская школа для обучения малолетних латышей.

При всех тех церквях один старшей пастор да семь проповедников, которые, равно как и оба проповедника в предместьи с их адьюнктом и с прочими пятью проповедниками в принадлежащих к городу деревнях, определяются магистратом, который ведает в городе все церковные и школьные дела, и содержится из городских доходов.

Реформатская церковь, при которой пастор от своих прихожан выбирается и содержится, заложена в 1727 году с высочайшего Императорского соизволения, а освящена в 1733-м году.

Под ведомством магистрата ж состоят в предместьи две деревянные церкви, а именно:

1. Церковь Иисуса Христа, которая по сожжении в последнюю осаду предместьи в 1733 году апреля 29 дня вновь построена.

2. Гошпитальная, или Гертрудина, церковь, которая освящена в 1744 году марта 4 числа. В обеих отправляется божия служба для тамошних немцов и латышов, и при каждой церкви находится по особливой школе.

О прочих церквях, состоящих под ведением магистрата, как на городской земле, так и принадлежащих к городу деревням, надлежит примечать следующие:

На городской земле имеются пять церквей, три каменные, а две деревянные. В принадлежащей к городу мызе Кирхгольму есть каменная церковь, и в мызе Икскуле

такая ж. А на мызе Лемзале есть, кроме каменной церкви святого Иоанна, еще деревянная во имя святые Екатерины, которая приписана к первой.

Казенные каменные строения в городе следующие:

1. Императорский дворец; во времена шведского владения был оной частным домом, а как блаженной и вечной славы достойные памяти Государю Императору Петру Великому показалось ему место для изрядного положения и приятного виду на реку Двину, то в 1711 году на оном месте начали строить нынешней дворец.

2. Замок, с 1494 года по 1515 год выстроенной орденом Вальтером Плеттенбергом, есть великое и огромное здание. В оном живет Губернатор. Кроме вышеупомянутой Российской церкви, находятся там арсенал и разные канцелярии, как то Росийская и Немецкая Генерал-губернская канцелярия, Экономическая и рентерейная камера, Надворный суд и Рижской земской суд с принадлежащими к нему канцеляриями.

3. Вице-губернаторской дом, которой прежде был частным и здешним рыцарством куплен и выстроен; но в 1752 году куплен сей дом на государя для жительства в оном Вице-губернатору.

4. Лиценцной двор, во времена еще шведского правления в 1683 году взят на государя яко тогдашней частной дом и назначен для таможенных зборов. Во оном всегда живет Обер-инспектор и, кроме Обер-инспекторской канцелярии, находятся в нем и лиценц таможенные канторы. Таможня на рынке хотя и казенная, но обвалилася и через многие годы запустела, а бывшая там таможенная кантора переведена в лиценцной дом.

5. Полевая аптека; тут был прежде сего частной дом, но за несколько лет куплен в казну для нынешнего употребления.

6. Пять анбаров или магазинов, которые построены на разных местах и во время последней войны куплены в казну у частных людей.

7. Тюрьма, где содержатся такие преступники, которые состоят под судом и расправою государевых немецких судебных мест. Над оною имеет надзирание тюремщик, которой и жительство там имеет.

В цитадели нет никаких других строений, кроме казенных, а именно:

1. Комендантский дом.

2. Казармы офицерские и солдатские и другие небольшие строения, которые ныне все деревянные.

3. Два большие хлебные магазина каменные. В оных хранится собираемой от уездных жителей хлеб, под смотрением и шетом рентереи; один из них при цитадельных Водяных воротах выстроен на казенные деньги в 1722 году, а другой при Королевских воротах в 1724 году.

За городом и цитаделью находятся еще разные казенные деревянные строения, как то гарнизонные гошпитали, гарнизонные школы и другие. Между прочим особливо примечания достойны два Императорские сада, которые в 1721 году по указу блаженные и вечной славы достойные памяти Государя Императора Петра Первого заведены на городской земле и содержатся казенными деньгами, также выстроенная за несколько лет на казенной же кошт Генеральная полевая гошпиталь на городском поле, где по обширности места много строений для разных потреб, а притом и Российская церковь во имя Пресвятые Троицы.

Кроме сих казенных строений, надлежит примечать в городе еще другие публичные земские и городские. Рыцарской дом, перед недавним временем куплений, в котором бывають земские съезды, где и магистрат имеет заседание и голос и всегда через депутатов наблюдает права городские. Сверх земских съездов отправляются земские дела либо всем собранием ландратов, из двенадцати членов состоящим, либо и живущим по месячно одним ландратом, а важные дела решит он обще с земским маршалом и с некоторыми от рыцарства к тому особливо выбранными депутатами. В сем доме находятся всегда архива и канцелярия.

Город издревле состоит из трех чинов. Впервых, из магистратского чина, то есть

из 4-х бургомистров, 14 ратсгеров, которые все составляют городской магистрат, пожалованной в 1660-м году на веки дворянством, с принадлежащими к оному канцелярскими служителями. Второе, из купечества, или мещанства большой Гильдии; и третье, из всех мастеровых цехов, или из мещанства малой Гильдии, из которых каждая имеет своего алдермана и старшин. Город управляется сам собою по особливим своим привилегиям и для касающихся до правления дел имеет многих на городском жалованье состоящих служителей и многие публичные строения.

Магистрату подсудны все пасторы, канцелярия, школы, богадельни, вдовы и сиротские дома. От него определяются в чины все как духовные, так и светские городские служители. В магистратские члены выбираются из канцелярских служителей, которые все люди ученые, а притом и из купечества. Под ведомством и судом магистрата в силу высочайших Императорских конфирмаций, городских привилегий и особливою щедротою ныне владеющей великой Монархини состоят все светские и духовные дела. Также он имеет дирекцию над коммерческими, полицейскими, фортификационными и артиллерийскими городскими делами и смотрение за городом или фортификационные и артиллерийские дела и проч. Экономия и управление публичных доходов поручены в ведомство некоторых персон из всех трех чинов, из которых состоит казначейское собрание. Церковными и школьными делами управляет магистрат с общего совету городских пасторов. Для упомянутой выше сего Латинской школы в соборе учреждено особое собрание, которое над оною имеет смотрение, и состоит оно из старшего пастора, двоих магистратских членов и ректора оной школы. К решению случающихся супружесственных и брачных дел есть городская консистория, и по силе привилегий на ее решение апелляции не бывает. В ней председательство имеет один из бургомистров, а ассессорами три магистратские члена, старшей пастор и два городских пастора. Собрание ее бывает в ризничей соборной церкви.

Вышней городской суд составляет весь магистрат, которой чинит расправу не токмо чужестранным, но и мещанам и другим жителям, никого не выключая, как в самом городе, так и во всем городском дистрикте. В криминальных делах, хотя бы они были уголовные, по силе привилегий, на магистратские приговоры апелляции не бывает, но только некоторые гражданские дела, в законах означенные, переносятся в государственную Юстиц-коллегию в Санктпетербурге, так, как в прежние времена при шведском правлении в ревизион-коллегию в Штокгольме. Еще есть разные нижние судебные места, состоящие из двух или большего числа магистратских членов, кои, кроме тех двух дней, в которые магистрат имеет собрание, всякой день заседают, а именно: городской фохтейской суд для самого города и уездной фохтейской суд для предместия и прочей к городу принадлежащей земли. Под ведением их состоят все криминальные и гражданские, также к общей безопасности принадлежащие и полицейские дела. А под ведомством последнего особливо состоит Обер-лотсман с определенными к нему лотсманами.

Артиллерийская городская кантора, называемая Мунстерей, которая имеет смотрение над цейггаузами, городской артиллериею и что к тому принадлежит, над артиллерийскими офицерами и рядовыми и над всею командою городских солдат и с их обер- и унтер-офицерами.

Из магистратских членов также определяются особливые надзиратели над строениями, которые называются баугеры. Они обще с состоящим на городском жалованье Инженер-офицером имеют попечение о всем том, что принадлежит к крепостному строению.

Сиротской суд управляет всеми сиротскими, опекунскими и наследственными делами: во оной подаются все щеты от опекунов, и по рассматривании и свидельствовании оных даются им квитанции, а особое смотрение имеют над городским сиротским домом.

Словесной, или гильдейской, суд (Ветгерихт) решит все о торгах, при купле и продаже товаров происходящие споры. Оной старается о исполнении и наблюдении учиненных и высочайше конфирмированных о купеческих делах регламентов и уста-

вов, дабы ничего в противность оным не чинилось, также о соблюдении прав и привилегий здешних лавошников, о содержании доброго порядка при продаже съестных припасов на рынке, а в особливое смотрение ему поручены маклеры и маклерские дела.

Городская камор-кантора (Кемьмерей) имеет смотрение над публичными важнями, над бракованиями товаров и над определенными к тому служителями, также над мерами, весами и монетным двором. Все к перевозу, измерению и чищению всяких купеческих товаров определенные присяжные латыши и другие работники по следующим до их должности делам оной подсудны. Все городское строение состоит под ведомством сей канторы. Она определяет все, что надлежит строить, и все до строения принадлежащие дела во оной яко в нижнем месте решимы бывают, и под ее дирекциею городской архитектор имеет смотрение над всем частным строением.

Обрядный суд старается о содержании доброго порядка при свадьбах, погребениях и проч., и под его ведомством состоят городские музыканты.

Цеховой суд есть нижней суд для решения всех спорных дел мастеровых цехов и для наблюдения их прав.

Медицинская канцелярия имеет смотрение над всеми здешними аптеками, чтоб оба городские физики оные прилежно осматривали и наблюдаем был во оных хороший порядок, а другие медицинские дела, также определение городских повивальных бабок и проч., зависят от преждепомянутого фохтейского суда.

Все дела, касающиеся до постою внутри и вне города, управляют определенные из магистратских членов квартиргеры.

При Императорской портории, из которой город в силу всемиловнейше конфирмированных привилегий получает половину пошлин, также при императорской рекогниционной камере и при акцизах имеет свои доходы к содержанию городского и крепостного строения, городской артиллерии, церквей и школ и всех городских служителей и проч., определены для правления магистратские члены, которые притом и имеют смотрение над нижними служителями. Купеческая казна, все богадельни, вдовы и сиротские дома имеют, кроме нижних служителей, которые из мешан, своих настоятелей, так, как и церквы, а сверх того из магистратских членов Обер- и Унтер-инспекторов. Такие ж надзиратели определены и над здешним наказательным домом.

Между публичными строениями за первое почестья может ратуша, стоящая на рынке, которую начали строить по правилам нынешней архитектуры из дикого камня в 1750 году. В ней сверх заложенной в нижнем апартamente для купечества биржи есть покой как для магистрата, так и для всех вышеупомянутых нижних судов, департаментов и таможенных кантор, притом же караульни, тюрьмы и другие потребные камеры, и сие с наружи почти со всем к окончанию приведенное здание служит главным украшением всего города.

Потом следуют два Гильдянские дома, из которых один большой, а другой малой Гильдии принадлежат. В оных собирается мешанство, которого собрания бывают всегда с ведома и дозволения магистрата. Каждая гильдия, кроме советов, касающихся до общего их благосостояния, избирает своих алдерманов и старшин, которые у банка большой Гильдии состоят из 40, а у банка меньшей Гильдии из 30 членов знатных мешан, также большая Гильдия назначает настоятелей церквей и других штифтов, а обе гильдии обще определяют асессоров при акцизах, которые подтверждаемы бывают от магистрата.

Новой дом не женатых купцов, или так называемой рота черных голов. Сия рота, или общество, избирает себе товарищей, старшин и алдермана, а в управлении городских дел никакого участия не имеет. В прежние времена купечество употребляло сие строение вместо биржи, так, как ныне бывает в Гданске и Кенигзберге, также там для приезжих был шинок. Как видно из старинных сего общества записок, два цейгауза с пороховыми погребамы и с старою пороховою башнею построены в 1618 году на городские деньги. Магазины для поклажи хлеба построены городом в 1640-м году.

Два строения для взвешивания и бракования товаров построены на рынке, из которых одно сделано в 1554 году, а потом опять возобновлено, а другое вместо старого негодного в 1762 году совсем новое выстроено. Сиротской дом построен в 1651 году, в нем довольствуются из доходов сего дома некоторое число сирот обоего пола квартирою, кушаньем и платьем, причем и учатся в школе, учрежденной при том доме.

Гошпиталь С. Георга учреждена из-древле. Нынешнее каменное строение, где она находится, заложено в 1751 году. В ней содержатся из доходов сей гошпитали некоторое число бедных и неимущих людей из немцев и латышей обоего пола пищею, квартирою и дровами.

Монастырь святого Духа, в оном некоторое число мещанских вдов большой Гилдии, которые, записываясь в сей штифт, платят небольшую сумьму, пользуются из монастырских доходов по смерти своєю пищею, дровами и покоями.

Кампенгаузов дом. Сие строение, которое в 1746-м году февраля 28 дня состроено, назначено в жилище некоторому числу бедных женщины, которые, кроме дров, получают и некоторое число денег, сей дом 1749 года июля 7 дня освящен.

Нейстатов штифт, в коем находится театр Анатомической, основан бывшим здесь бургомистром Нейстатом в 1594 году и

Екенов штифт основан в 1615 году бургомистром Екеном, сии то два различные штифта, для каждого из оных особливое сделано строение в разных двух местах; а в том сходствуют, что в обоих содержатся бедные вдовы, которые получают на свое пропитание некоторое число денег.

Водяные трубы, помощью коих вода из реки Двины к употреблению жителей в дома их проводится, они сделаны в 1663-м году.

Наказательный дом начался в 1642-м году.

В силу состоящихся еще при шведском правлении, а потом часто подтверждаемых узаконений бывает в городе от 20-го июня по 10-е июля ярманка, на кою разные купцы из Германии и фабриканты из соседственных мест съезжаются. К продаже съестных припасов особливых дней в неделе не назначено; но продаются оные ежедневно на площадях; для поспешествования коммерции, кроме вышеобъявленных двух строений для взвешивания и бракования товаров, построены при реке Двине вне крепости в 1733 году еще три анбара для бракования привозимой на стругах пеньки и один такой же для золы. Настоящее обращение торгов отправляется на рынке в городе и на построенной в ратуше бирже. Для приежжих сюда иностранцев разные здешние мещаня содержат герберги, или постоялые дворы, в своих домах; а на больших дорогах в принадлежащих к городу мызах и на городской земле есть разные корчмы и постоялые дворы, снабденные всем потребным для дорожных людей.

Из всей Лифляндии, из соседственных земель на расстоянии отсюда даже до 100 миль и более из Росьсии, Польши, Курляндии привозят сюда как для довольствования здешним жителям, так и для торгу и отправления в чужие зельи пеньку, лен, смолчуг, поташ, конопляное и льняное семя, воск, сало, смолу, росьсийское железо, парусные полотна, дуб, мачты, бревна и доски, также всякой хлеб, особливо рож. Оные товары привозят частью в зимнее время по хорошей дороге на санях; а большую часть из России и Польши весною по реке Двине на широких плоскодонных судах, называемых стругами, на кои грузят от 200 до 600 ластов, коих число простирается в хорошие годы от 200 до 300. Лес пригоняют по открытии реки Двины плотами. Напротив того как к употреблению здешних жителей, так и для дальнего перевозу и распродажи во все соседственные места, привозят сюда на приходящих из разных государств и гаваней на кораблях, коих число в хорошие годы бывает от 5 до 100 и более, Гишпанскую, Францускую и Лüneбургскую соль, сельди, хмель, разные вина, араматы, сахар, кофе, чай, сыр, шведское железо, сталь, стекло, олово, свинец, красную и зеленую медь, каменное уголье, табак, разные лавочные и фабричные товары, также всякие овощи и закуски, таким образом бывает здесь всегда великий привоз и отвоз поманутых купеческих товаров. Однако по обстоятельствам времени иногда более, иногда менее.

Обращение и торг оными товарами для здешних жителей есть главный промысел. Каждый имеет от того свою прибыль, и как кровь разливается из сердца во все жилы человеческого тела, так польза от помянутого торгу простирается до всех членов общества. Коль блаженны и шастливы были для Риги древние те времена, в которые оной по силе хранящихся и поныне в здешней архиве известий для знатного ее тогда уже торгу принят в славный союз Ганзиятских купеческих городов. И потому купечество и мещанство большой Гилдии всегда больше других споспешествовало всегда благосостоянию сего города, и общепользными их трудами всяк получает себе работу, следовательно и пропитание; ибо через купечество мастеровые люди, или состоящее из разных цехов мещанство малой Гильдии, достает себе довольное пропитание. Разные потребности как для довольствия здешних жителей, так и для приежающих иностранцев делают они своими руками по разным своим мастерствам, и от распространяющихся везде через торги выгоды не только особенная польза каждого жителя, но и государственный интерес збором знатных таможенных пошлин производится.

Кроме здешних мастеровых людей и рукомесленников, некоторых по разным местам в Лифляндии находящихся ткален и за несколько лет пред сим построенных стеклянных заводов, также кожевных и полотняных фабрик, нет более никаких других фабрик ниже рудокопных заводов ни внутрь, ни вне города, ниже во всем княжестве, однако в городском дистрикте, кроме домны, на коей выделяются помощью молотов для медников из красной меди листы на делание разной посуды, есть еще кирпичной завод, а в Кирхгольме и Искуле извесковые заводы, кои оба принадлежат к городу, также ломают там плиты и извесковые камни. Напротив того тамошние гипсовые ямы не весьма прибыльны. Глины простой и синей хотя немного, однако хороша. О других произрашениях хотя здесь объявить и не можно, но может оных до ныне не сыскано для того, что нет здесь к тому охотников и знатоков. Вероятно, что, особливо в Искульском и Кирхгольмском дистрикте, может быть есть окаменелые вещи, ибо на выломанных там красноватых камнях видеть можно маленькие окаменелые водяные улитки. Окром некоторых по сторону Двины реки по близости друг от друга построенных мыз, то есть Гагенгова, Юргенгова, Гилгелшеема, Торена и других, в коих обитает малое число крестьян, нет во всем городском уезде и во всей Лифляндии таких деревень, какие есть в России и других государствах. Всякой помещицкой двор в уезде с принадлежащим ко оному строением, полями и лугами состоит особо, а крестьяня с своими семьями живут порознь, а ретко когда две или три семьи вместе. Купеческие лавки бывають только в городах. В местечке Лемсале бываает ежегодно в день святого Лаврентия, то есть 10 числа августа, небольшая ярмонка и продажа скота, а приходят туда только живущие по близости крестьяня. Кроме сей, во всем городском уезде нет никакой ярмонки. В самом городе и предместии оного нет никаких водяных мельниц, но только ветряные, на коих мелют всякой хлеб.

Соляных варниц и колодезей нет ни здесь, ни во всей Лифляндии, да и не имеется никаких следов, чтоб когда бывали.

К выгрузке и нагрузке кораблей и ежедневного перевоза всяких вещей содержатся от живущих в городе Латышей, которые составляют особливо цех, так называемые перевозные боты, коих число от 80-ти до 85-ти простирается и на которые грузить можно по 3 ласта. А как все суда для их величины к городу подходить не могут, но на так называемой Красной Двине, которой рукав реки на милю от города течет, или ниже оного выгружать и нагружать их должно, то держат на то здешние мещана особливые суда, называемые бординги или шмаки, однако не можно б было всех товаров и вещей для великого их множества перевозить на сих судах, естли бы у здешней вдоль по реке пристани многие струги не выгружались и естли б здешней плотовой мост, которой по большей части в апреле или в мае месяцах через реку наводится и держится на вбитых сваях, а осенью, когда на первой стуже, в октябре или ноябре месяцах, в малой рукав Двины реки переводится, не способствовал выгрузке и нагрузке судов, кои для того по обе стороны помянутого моста пристають.

По берегам Балтийского моря ловят лобердан, камбулы, а больше салакушку, а в Двине из моря заходящую лососину и миног, в так называемом корюховом море некоторым временем года корюху, и притом как в сих, так и в других реках, из коих иные здесь, а иные в соседственных местах, везде известную рыбу, например щук, судаков, лещей, окуней, карасей, угрей, налимов, ершей, снетки, раков и протч. Не можно сказать, чтоб когда город имел недостаток в рыбе. Лососина и камбулы, кою живущие в городе латыши хорошо окапчивают, бывают весьма вкусны, и много оных отсылают в другие места, а во время хорошей ловли миног, салакушки, корюхи так много бывает, что простые люди покупают оную весьма дешевою ценою.

Как по берегам Двины реки, сколь далеко городская простирается земля, нет ни лесов, ни деревьев, то и в проезде нет немалого препятствия. Напротив того ход стругов и плотов по оной Двине, кроме находящихся вверху Лифляндии и Польши порогов, от Икскиля до Румьмеля, весною, когда вода ниска, для многих в разных местах больших камней, из которых уже городским иждивением подорваны, а особливо великого порога при Румьмеле часто бывает тягостен и опасен. Почему большие и тяжело нагруженные струга и глубоко идущие плоты в весеннее время при первой полои воде должны за благовременно отправляться в путь. При ходе судов к городу вверх по реке, которые для многих мелей не могут идти глубже 10 до 11 футов, почему надобно убавлять с них некоторую часть груза, случаются, особливо в большую летнюю суш, многие затруднения.

Выше сего уже упомянуто, что струга причаливают к городской пристани и там выгружаются, а другие из них по большей части становятся у плотового мосту; однако многие как суда, так и струги стоят и в пристани вдоль по цитадели, где они равномерно без труда и выгружаются, и нагружаются. Из всех стругов, из России приходящих, кои гораздо больше польских и в большем числе, ни один назад не отходит, но как скоро товары с них выгрузятся и они со всем опорожнятся, то продают их здешним обывателям к разному употреблению, а из стругов, из Польши приходящих, кои бывают разной величины, отходят назад от 30 до 40. Они берут с собою наипаче соль в бочках, несколько виноградного вина, сельдей лавочных и других товаров. Возвратный их путь весьма труден и медлителен, ибо оный случается в такое время, в которое воды в Двине весьма мало. Сии суда тянут люди с великим трудом бечевою вверх по реке, при многих местах, где есть пороги и другие препятствия, должны они часть груза, чтоб пройтить чрез оные, убавлять, а потом опять брать, к чему употребляют живущих в той стороне крестьян. Когда зима настанет ранее обыкновенного, то возвращающиеся струга часто в реке замерзают, и тогда груз их перевозится на санях куда надлежит.

По большей части замерзает Двина река в начале ноября месяца и часто в двои сутки. Напротив того она становится и опять способною к судовому ходу в марте или по последней мере в начале апреля месяца. Когда после жестокой зимы при наступившей вдруг оттепели лед вверху города ранее, нежели в нижней части оного, взламывает, а в устье еще он со всем крепок и, збираясь с верху, близ города и в низких оного местах спирается и надъимается, отчего вода, вверху идущая, не имеет свободного течения: то тогда необходимо надобно, чтоб к великому вреду низких города мест сделались большие наводнения. Здесь еще и поньше с прискорбною вспоминают о бывшем в 1744-м году наводнении; ибо при случившемся 29 числа марта месяца прохождении льда с толикою силою била вода, что не только все предместие оною было наполнено, но и, когда засыпанные навозом городские ворота стремлению ее противиться не могли, во всю цитадель и в низкие места города разлилась, через что многие обыватели в опасности находились лишиться своих имений и самой жизни. В осеннее время северозападные ветры также бывают иногда причиною разлития реки, через что сено-косы, кои называют там спильвами, и городские выгоны со всем потопляются, однако дальнего вреда от того не бывает; ибо вода обыкновенно при малейшей перемене ветра тотчас убывает.

Для показания расстояния соседственных городов Риги следующей сообщается список:

Волмар	— 102 версты	Митава	— 7 миль
Валк	— 147 „	Бауске	— 9 „
Дерпт	— 226 „	Фридрихштат	— 9 „
Нарва	— 400 „	Гольдинген	— 18 „
Санктпетербург	— 544 „	Виндов	— 24 „
Пернав	— 172 „	Либов	— 30 „
Ревель	— 310 „		

В здешних сторонах по большей части сеют рож, и с наилучших полей, кои содержатся в добром порядке и наилучше навоживаются, в самые хлебные годы 8-е, 9 и 10-е зерно собирается сверх посева, потому что там земля по большей части мягкая и пещаная. В рассуждении здешней деревенской экономии за полезнее признается водить на городской земле для навожения пашен и других выгод более рогатого скота, нежели другого. Притом хотя и водят здесь лошадей, токмо по большей части небольших работников, кои лучше других здесь размножаются. Овец и коз в сравнении с другими землями водят здесь весьма мало.

В городской земле и в принадлежащих к городу мызах такие же дикие звери, птицы и насекомые находятся, как и во всей Лифляндии, выключая только что в расстоянии на одну милю от города, где все места застроены и населены людьми. Оные весьма редки, так, как и прочая дичь, также и в принадлежащих к городу почти со всем вырубленных лесах, где отчасти олешник и березник, отчасти ельник, а по местам ивняк и немного липняку, диких зверей и дичи гораздо менее, нежели в больших лесах, которыми Лифляндия в некоторых местах изобилует. Есть там лоси, медведи, рыси, куницы, лисицы, а особливо волки, коих и во всей Лифляндии весьма много. Они, так, как и медведи, сельским жителям великой причиняют вред. Из лесных птиц, употребляемых в пищу, в иные годы весьма много бывает серых и белых куропаток, глухих и других тетеревей, также ряпчиков и иных малых птиц, например дроздов, скворцов и пр. Однако хищных птиц здесь гораздо более, а именно: ястребов, ворон, воронов и пр., что касается до морских и водяных птиц, то находятся здесь наипаче дикие гуси, утки и разные кулики. Домовые птицы, как то простые и индейские куры, гуси и утки, здесь нарочно размножаются, а о вредных и в великом множестве бываемых насекомых, через что иногда целая область разоряется, здесь ничего не знают.

Здесь нет ни развалин древних городов, ни следов высохших и заросших рек и других вод, однако не можно не упомянуть, что наперед сего рукав Двины реки, называемый Ригге, разливался внутрь города, от которого оный и название свое имеет. Потом уповательно по опискам и неправильным выговором назван оный Ризингом. Как сей рукав со всем засорился и не чистою своею водою живущим около его людям немалое делал беспокойство и городу никакой не приносил пользы, то с высочайшего дозволения в 1733 году городским иждивением засыпан, а для стекания воды из домов сделан так называемый Ризингс-канал, который и поныне цел. В принадлежащих к городу мызах видны еще и теперь развалины замков Икскиля, Кирхгольма и Лемзала. Остатки состроенной здесь перьвой христианской церькви на так называемом Мартингсгольмском острове, от которого тамошняя сторона получила имя Кирхгольма, почитать можно за такую древность, которая во всей Лифляндии всех других примечания достойнее.

Перьвые прирожденцы сей земли были в вышней части эстонцы, а в нижней части Лифляндии, к чему принадлежала и вся Курляндия, латыши, или ливонцы, потомки обих сих народов распространились в помянутых двух сторонах, и для того по разству их языков одна часть земли названа Эстляндия, а другая Летьтляндия. Простой народ в Риге и около Риги состоит по большей части из потомков древних латышей, или ливонцов. Многие из них служат работниками и батраками, особливо в учрежденных от магистрата братствах или артелях при работах и делах, по купечеству случающихся, и многие живущие по близости города достают себе пропитание рыбною ловлею,

скотоводством, огородными овощами и прочими промыслами. Хотя все сии в городе и при городе живущие латыши все люди вольные и ни за кем не укреплены, однако они должны исправлять для города разные работы, а именно, чистить городские каналы, наводить и разводить плотовой мост, возить на валы, с оных свозить пушки, также бить у пристаней свай, ломать на Двине лед, ставить подводы и так далее. Напротив того прочие латыши, живущие на городских и других мызах, как и вообще все крестьянство во всей Лифляндии и Эстляндии, укреплены за помещиками, следовательно и за городом. Немцы, кои за 600 лет пришли по случаю в Лифляндию, по многом кровопролитии сделались победителями Ливонцов и первыми обладателями сей области. Они при первом проповедании христианской веры к подкреплению своего владения лежащие ныне в развалинах замки и города, кои ныне по большей части со всем отменной от прежнего имеют вид, построили и населили, но и потомки их шляхетного и мещанского рода до сих времен везде расселились. Таким образом сии живущие в городах и деревнях народы говорят отчасти по немецки, отчасти по латышки и отчасти по эстонски. К сим присовокупляется еще и росьсийский язык, которой по завоевании Лифляндии блаженны и вечно достойные памяти Императором Петром Великим также везде вошел в употребление. Число тех росьсиян, кои в разные времена поселились под Ригою, весьма велико, и многие из них в сем городе продажою разных привозимых из Росьсии товаров и другими промыслами достают себе довольно пропитание.

Польской нации работников, челядинцов и других поселившихся здесь вольных и подлого состояния людей гораздо более находится, нежели шведских, финляндских и эстляндских. И хотя разные народы живут в городе и у города все вместе, однако всякой из них говорит своим природным языком. Впрочем, здесь почти каждой человек знает языки больше здесь употребительные, как то росьсийской, немецкой и латышской. Божественная служба у каждого народа отправляется также на природном их языке, как выше сего, когда говорено было о церквях, показано.

**ОПИСАНИЕ О ГОРОДЕ РИГЕ И КРЕПОСТНОМ ЕЕ УКРЕПЛЕНИИ,
С ПОКАЗАНИЕМ, В КОТОРОМ ГОДУ ОНЫЙ ГОРОД ПОСТРОЕН
И УКРЕПЛЕН И ДЛЯ КАКИХ ПРИЧИН, — И О ПРОЧЕМ.
ОКТАБРЯ 30 ДНЯ 1777 ГОДА¹**

Пункт 7

В городе и на форштате жители имеют свои места, от части собственные, а иные им принадлежат или по наследству или куплены, а от части за заплату годовых грунтовых денег; в городе имеется обывательских домов 687, шпиклеров 109, а в форштате по здешней стороны реки Двины внутри полисадника до 450 домов. Казенного строения в городе только Императорский Дворец, замок с арсеналом, Вице Губернаторский дом, таможня, полевая аптека, несколько шпиклеров, лицеум, или коронная школа, с принадлежащим к ней строением, Российская церковь, Якуб кирка и Шконгауз. За городом находится казенного строения два императорских сада, полевой и гарнизонный госпиталь, Российские церкви, магазейны и проч.

Примечание: По показанию от города.

Пункт 8

Камень ломают — для обтески и для буту — от части на Штейнгольме, или Каменном острове, лежащем в $1\frac{1}{4}$ миле от города, отчасти в 3-х милях отсюда под мызой *Киргольм*, которая, так же как Штейнгольм, принадлежат собственно к городу; перевоз одного исправляется обыкновенно водою по реке Двине; цена не ровная, обыкновенно работа и привоз оных подрежается, кубическая сажень на месте становится от 4 до 5 талеров; лицевой красный камень для крепостного строения, каждый квадратный сажень в 25 и 27 рублей.

Известковых заводов имеется под той же мызой *Киргольм*, под мызой *Штубензе* и лежащей в 2 милях от города и к городу принадлежащей мызе *Боркевиц*, которая состоит в 4-х милях от города. Она известь продается по 2 талера ласт. Кирпичных за-

¹ Здесь приводятся выдержки из составленного Рижской инженерной командой «Описания», касающиеся строительства в Риге (ЦГВИА, ф. 349, оп. 1, св. 3, д. 136, лл. 4—6).

водов имеет Высочайшая Корона, так, как и город, в 2 верстах от города, на том берегу реки в прежде бывшем Кобране Шанце, которого грунт собственно принадлежит городу. Перевоз кирпича может быть водою и сухим путем; сверх того суть еще кирпичные заводы под мызами Штубензе, Даленгольме и Екаде и Берзаменте, которые все состоят не много более 2-х миль от города, цена кирпича зависит от их доброты и величины, тож от надобности во оных, и бывает от 6 до 10 талеров за тысячу.

Брусся, бревна и прочие лесные припасы получаютя из Польши, Литвы, Польской Лифляндии и Курляндии, расстоянием от 20 до 30 миль отсюда; сии леса пригоняемы бывают весною плотами, цену оных утвердить не можно, худое или доброе качество, множество или недостаток оных лесных принасов, по чему в 776 году по необыкновенной дороговизне продавали.

Доски ж, которых выпиливают из привезенных лесов или на имеющихя близ города пильных мельницах или людьми, продавалися ныне . . .

Примечание генерал майора Голенищева-Кутузова к пункту 8: Белый камень ломается на Штенгольме, или Каменном острове, . . . но оной для кладки крепостных стен весьма слаб, так что на переменном воздухе и в воде выкрашивается, а красной ноздреватой ломается от города в 3 милях под мызой, называемой Киргольм, которого ныне за мноюю ломкою находится в малом количестве и с трудом доставать могут . . . Кирпичные заводы, . . . на коих ныне делается к фортификационным и сивильным строениям кирпич казенными людьми, и по дороговизне обходившейся тому кирпичу цены, весьма выгоднее отдать те заводы желающим на откуп . . . , а сверх сего и находящиеся на оных заводах казенные люди могут употребляться к прочим нужнейшим каменным работам, а о прочем изъяснено по сему пункту от магистрата.

Пункт 11

Как при команде по делам известно, что в прошедшие годы нанимали для работ вольные люди через подряд, считая в месяце рабочих 30 дней, каменьщики по 10 и по 9 руб. по 40 коп., плотники по 9 руб., работные по 7 руб. по 50 к. и по 40 к., а в нынешнем 777 году каменьщики через подряд получаемы были с платою в м-ц по 12 рублей.

Примечание генерал майора Голенищева-Кутузова к пункту 11: По множеству при сей крепости разных партикулярных каменных работ, вольные мастеровые и работные люди весьма дороги, то по надобности каменным работам удобнее оных заблаговременно подражать в прочих местах.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

А. Источники

О. Гун. Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 г., части I и II. СПб. 1804.

Примечание о городе Риге. М. 1798.

Собрание фасадов, е. и. в. высочайше апробованных, для частных строений в городах Российской империи, части I—IV. СПб. 1809—1812.

Собрание фасадов, е. и. в. высочайше апробованных, для заборов и ворот к частным строениям в городах Российской империи 1811 года. М. 1811.

Устав о производстве строений в городе Риге и его форштатах. Лифляндское губернское правление, Рига 1820.

L. Bergmann. Versuch einer kurzen Geschichte der Rigischen Stadtkirchen seit ihrer Erbauung und ihrer Lehrer von der Reformation bis auf die jetzige Zeit. Riga 1792.

L. Bergmann. Zweiter Versuch eines Beitrages zur Rigaschen Kirchengeschichte, nebst Beilagen. Bei Gelegenheit der Einweihung der neuen Kattlakalnschen Kirche den 9. Julius 1794. Riga 1794.

J. Ch. Brötze. Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente etc., Bd. I—X. Рукопись; хранится в Фундаментальной библиотеке АН Латвийской ССР.

Reglament über die Wiederaufbauung der Rigaschen Vorstädte und das Verhältnis der Vorstädte zu den Befestigungen von Riga. Riga 1813.

M. Thiel. Das Arsenal in der Citadelle von Riga. «Rigaische Stadt-Blätter», 7. Dez. 1827, Nr. 49.

Über den Wiederaufbau der Rigaschen Vorstadt. «Rigaische Stadt-Blätter», 3. Febr. 1814, Nr. 5.

Б. Научные статьи, монографии и обзоры

П. Ю. Берзкали. Развитие основных типов малого дома городов Латвийской ССР от XVII до середины XX вв. Ученые записки Латвийского государственного университета, т. XIII. Рига 1957.

Ю. М. Васильев. О происхождении некоторых художественных форм провинциального городского зодчества Латвии в XVIII—XIX вв. «Известия Академии наук Латвийской ССР», 1955, № 1.

Выставка в ознаменование столетия Отечественной войны 1812 г., Рига. 1912—1913 гг.

Я. З у т и с. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига 1946.

Я. З у т и с. Очерки по историографии Латвии, ч. I: Прибалтийско-немецкая историография. Рига 1949.

История Латвийской ССР, т. I. Рига 1952.

А. К р у м и н ь. Рига. М. 1947.

Ю. Ф. С а м а р и н. Письма из Риги. История Риги. Сочинения, т. 7. М. 1889.

Столетие Военного министерства. 1802—1902, т. VII, ч. I: Главное инженерное управление. Исторический очерк. СПб. 1902.

Р. В ē r z k a l n s. Latvijas mazās dzīvojamās ēkas XVII gadsimtā. Ученые записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки, т. XXI. Рига 1958.

А. В i r z e n i e k s. Rīgas baroka un klasicisma laikmeta pilsoņu namu fasādes kompozīcijas raksturojumi. Ученые записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки, т. XXI. Рига 1958.

А. В i r z e n i e k s. Rīgas Jēzus baznīca. «Senatne un Māksla», 1936, Nr. 3.

А. В i r z e n i e k s. Vecās Rīgas portāli. Rīgā 1955.

Р. К а м п е. Bijušais Keizara dārzs, tagad Viestura dārzs — Rīgas pirmais un mākslinieciski vērtīgākais publiskais dārzs. Rīgā 1928.

Р. К а м п е. Centrālveidīgais būvstils Vidzemes baznīcu celtniecībā no XVII gadsimta vidus līdz XIX gadsimta vidum. «Senatne un Māksla», 1938, Nr. 2.

Р. К а м п е. Jēzus baznīca Rīgā. Latviešu konversācijas vārdnīca, VIII sēj. Rīgā 1932.

Р. К а м п е. Klasicisma laikmeta tēlniecības mākslas meistardarbi Latvijā. «Senatne un Māksla», 1940, Nr. 2.

Р. К а м п е. Nikolaja Brīnumdarītāja baznīca Rīgā. Latviešu konversācijas vārdnīca, XV sēj. Rīgā 1937.

Р. К а м п е. Rīgas dzīvojamo ēku iekštelpu arhitektoniskais veidojums, I: Baroka laikmets, II: Klasicisma laikmets. «Latvijas arhitektūra», 1939, Nr. Nr. 3, 8.

Р. К а м п е. Rīgas Ģertrūdes baznīcas vēsture. Latviešu konversācijas vārdnīca, VI sēj. Rīgā 1931.

Е. К i š ē, L. P l a u c i ņ š. Rīgas arhitektūras pieminekļi. Rīgā 1957.

А. К р ū м и ņ š. Par kādu teoriju Latvijas arhitektūras vēstures zinātnē. Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I. Rīgā 1958.

Р. К u n d z i ņ š. Latvju arhitektūra. Latviešu konversācijas vārdnīca, XI sēj. Rīgā 1934.

Мākslas vēстure, akadēмиķа prof. V. P u r v i š а v i s p ā r ē j ā r e d., 1.—3. sēj. [Rīgā 1934.]

Е. P u č i ņ š. Rīgas pilsētas centra attīstības posmi feodālajā laikmetā. Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I. Rīgā 1958.

Senā Rīga gleznās, zīmējumos un gravūrās. Rīgā 1937.

J. S t r a u b e r g s. Rīgas vēстure. Rīgā [1937].

J. S t r a u b e r g s. Vecā Rīga. Rīgā 1951.

J. V a s i l j e v s. Dažas piezīmes par Rīgas arhitektūru XVII un XIX gs. mijā. Latvijas PSR arhitektūras mantojums, I. Rīgā 1958.

В. V i p e r s. Latvijas māksla baroka laikmetā. Rīgā 1937.

А. B l u m e n b a c h. Zur Geschichte der öffentlichen Anlagen und Gärten der Stadt Riga. Riga 1913.

Р. C a m p e. Die Haussteinportale des 17. und 18. Jahrhunderts in Riga und die damaligen rigaschen Bildhauer und Sfeinmetzen. Riga 1934.

Р. C a m p e. Lexicon liv- und kurländischer Baumeister, Bauhandwerker und Baugestalter von 1400—1850, Bd. I—II. Stockholm 1951, 1957.

Р. C a m p e. Die Stadttore Rigas im 17., 18. und 19. Jh. und deren Meister. LU raksti, Arh. fak. sērija, 2. sēj., Nr. 3. Rīgā 1939.

- O. Gerich. Christoph Haberland und seine Bauten. Berlin 1928.
- W. Gutzeit. Zur Geschichte der rigaschen Vorstädte. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, Bd. X, H. 2. Riga 1863.
- W. Gutzeit. Die griechisch-katholischen Kirchen Riga's. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, Bd. XI, H. 2, 3. Riga 1868.
- G. Kuphaldt. Die öffentlichen Gärten. Riga und seine Bauten. Riga 1903.
- H. Mehlbart, W. Neumann. Der Wohnbau. Riga und seine Bauten. Riga 1903.
- C. Mettig. Geschichte der Stadt Riga. Riga 1897.
- W. Neumann. Denkmäler, Gedenktafeln, öffentliche Brunnen. Riga und seine Bauten. Riga 1903.
- W. Neumann. Das Rathaus. Riga und seine Bauten. Riga 1903.
- W. Neumann. Die lutherischen Kirchen der Neuzeit. Riga und seine Bauten. Riga 1903.
- W. Neumann. Lexikon baltischer Künstler. Riga 1908.
- H. Pirang. Alt-Rigasche Höfchen. Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen, VI. Riga 1912.
- H. Pirang. Christoph Haberland. Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen, IV. Riga 1910.
- H. Pirang. Das baltische Herrenhaus, Teile 1—3. Riga 1926—1930.
- A. Reinberg. Die griechisch-orthodoxen Kirchen. Riga und seine Bauten. Riga 1903.
- A. Reinberg. Theater. Riga und seine Bauten. Riga 1903.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ

	Стр.
Фронтиспис: Ратушная площадь в Риге. Картина К. Фехгельма 1816 г. (РГИМ)	27
Рига в 1640 г. Гравюра середины XVII в. (РГИМ)	27
Геодезическая съемка Риги 1650 г. Копия Р. Штегмана с плана Ф. Муррера. (АГАР)	30
Проект перепланировки рижских предместий 1652 г. (АГАР)	31
План Риги. Чертеж конца XVII или начала XVIII в. (ЦГВИА)	32
План рижской цитадели. Гравюра начала XVIII в. (J. Ch. Brotze. Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente etc.)	33
Фасад Карловских ворот Риги. Чертеж 1761 г. (ЦГВИАЛ)	35
Общий вид Королевских ворот рижской цитадели. Рисунок И.-Х. Бротце. (J. Ch. Brotze. Sammlung...)	35
Панорама рижских предместий 1701 г. Гравюра И. Литена. (S. Faber. Ausführliche Lebensbeschreibung Carls XII, Bd. 4. Frankfurt und Leipzig 1705)	36
Дом Данненштерна в Риге. (Фото Инспекции охраны памятников архитектуры Госстроя СМ Латв. ССР—ИОПА)	42
План дома Данненштерна. (ИОПА)	43
План 1-го «царского» сада — Петергольмского (ныне сад Виестура) — в Риге. Чертил в середине XVIII в. «архитектурии гезель» Н. Васильев. (ЦГИАЛ)	46
План 2-го «царского» (Александровского) сада на Александровских высотах в Риге. Чертил в 1792 г. М. Шонс. (ЦГИАЛ)	47
Колокольня первой каменной Петропавловской соборной церкви в рижской цитадели. Фрагмент гравюры, изображающей панораму Риги около 1780 г. (РГИМ)	50
Ул. Марсталу от бывш. дома Рейтерна до реформатской церкви. (Фото автора)	53
Фасады и план церкви Алексея. Фрагмент чертежа М. Шонса конца XVIII в. (ЦГИАЛ)	55
Панорама Риги и цитадели около 1720 г. Гравюра по рис. И. Вольфа. (РГИМ)	56—57
Планировка района Риги, расположенного между старой городской стеной и валами крепости (binnen Wallen). Чертеж начала XVIII в. (АГАР)	61

Проект расширения предместий Риги и создания площади за Раунскими воротами. Чертеж 1757 г. (АГАР)	66
План предместий Риги. По чертежу Бухгольца 1763 г. (АГАР)	67
Вклейка: Проект перепланировки Риги 1769 г. Чертеж И. Беттхера 1776 г. (ЦГВИАЛ)	72a
План Старой Риги и цитадели. По чертежу 1800 г. (ЦГВИА)	77
Проект планировки рижских предместий 1769 г. Рижская копия чертежа Р. Гербеля и И. Голенищева-Кутузова. (АГАР)	79
Схема композиционного построения плана Риги конца XVIII в.	82
Проект планировки предместий Риги, составленный Рижской инженерной командой. Чертеж Н. Буртнова 1771 г. (АГАР)	85
Проект перепланировки жилых районов, прилегавших к Якобовской горе. Чертеж второй половины XVIII в. (АГАР)	86
Проектное предложение Р. Гербеля по размещению русского гостиного двора в Риге. Копия конца XVIII в. (АГАР)	91
Размещение зданий русского гостиного двора в Московском предместье Риги. По чертежу 1810 г. (ЦГВИА)	92
Церковь Николая Чудотворца близ русского гостиного двора в Риге. Рис. И.-Х. Бротце 1792 г. (J. Ch. Brotze. Sammlung ...)	93
План Риги. Гравюра конца XVIII в. (АГАР)	95
План жилого квартала в предместьях Риги. По чертежу И. Беттхера 1776 г. (ЦГВИАЛ)	96
Бывший каменный хлебный магазин близ Королевиных ворот. (Фото автора) . . .	101
Обер-комендантский дом и Петропавловская церковь в застройке центральной площади рижской цитадели. (Реконструкция автора)	103
Православная церковь в Даугавгриве (Динамюнде). Чертеж И.-Х. Бротце. (J. Ch. Brotze. Sammlung ...)	111
Православная церковь в Пярну. По чертежу И.-Х. Бротце. (J. Ch. Brotze. Sammlung ...)	116
Колокольня Петропавловской церкви в рижской цитадели. (Фото ИОПА)	119
Планы и фасады Петропавловской соборной церкви и священнического дома в рижской цитадели. Чертеж М. Шонса 1800 г. (ЦГИАЛ)	121
Главный портал Петропавловской церкви. (Фото автора)	123
Схема пропорционирования фасада Петропавловской церкви	124
Фрагмент сводов Петропавловской церкви. (Фото автора)	126
Общий вид рижской цитадели с северо-западной стороны. Рис. И.-Х. Бротце конца XVIII в. (J. Ch. Brotze. Sammlung ...)	128
Общий вид рижской цитадели со стороны Замковой площади. Рис. И.-Х. Бротце конца XVIII в. (J. Ch. Brotze. Sammlung ...)	129
¹⁰ Планы и новый фасад замка в Риге со стороны Замковой площади. Чертеж М. Шонса 1800 г. (ЦГИАЛ)	134
¹¹ Планы и фасад лицея на Замковой площади в Риге. Чертеж М. Шонса 1800 г. (ЦГИАЛ)	135
¹² Общий вид Замковой площади в Риге в конце XIX в. (Фото с негатива Музея истории Латв. ССР — МИЛ)	136
Планы и фасады жилого дома, оранжереи и вспомогательных сооружений в Петергольском саду. Чертеж М. Шонса 1800 г. (ЦГИАЛ)	137

Фасад рижской ратуши. Чертеж И.-Х. Бротце конца XVIII в. (J. Ch. Brotze. Sammlung ...)	145
План рижской ратуши	145
Портрет Кр. Хаберланда. (Latvijas arhitektūra, 1939, № 8)	149
Лютеранская церковь в Алуksне. (Фото автора)	151
Парадный зал в бывш. доме ратсгера И.-Г. Голлендера. (Latvijas arhitektūra, 1939, № 8)	155
План 2-го этажа бывш. дома И.-З. Голлендера по ул. Зиргу с овальным залом. (ИОПА)	156
Лепная деталь овального зала-столовой в бывш. доме И.-З. Голлендера. (Фото ИОПА)	157
Овальный зал-столовая в бывш. доме И.-З. Голлендера. (Фото ИОПА)	157
Жилой дом по ул. Театра, 6. (Фото автора)	159
Фасад жилого дома на углу улиц Шкюню и Зиргу. (Обмер студентов строительного факультета Рижского политехнического института — СФ РПИ — под руководством доц. А. Крастыня)	160
Фасад жилого дома по ул. Яунаву, 3. Обмерный чертеж. (СФ РПИ)	162
Жилой дом по ул. Смилшу, 5. (Фото ИОПА)	163
Фрагмент фасада дома по ул. Смилшу, 5. (Фото автора)	164
Схема пропорционирования фасада дома по ул. Смилшу, 5	165
Фасад бывш. «полицейского дома». Чертеж И.-Х. Бротце конца XVIII в. (J. Ch. Brotze. Sammlung...)	167
Схема пропорционирования фасада жилого дома по ул. Калею, 4	169
Бывш. жилой дом Кр. Хаберланда по ул. Калею, 4. (Фото автора)	170
План дома по ул. Калею, 4	170
Зал бывш. Рижской городской библиотеки. (Фото с негатива МИЛ)	173
План зала бывш. городской библиотеки. (Latvijas arhitektūra, 1939, № 8)	173
План и разрез бывш. Рижского городского театра в доме Фитингофа (позднее — общества «Муссе»). (A. Reinberg. Theater. Riga und seine Bauten. Riga 1903)	175
Гертрудинская церковь в предместье Риги. Рис. И.-Х. Бротце 1792 г. (J. Ch. Brotze. Sammlung...)	177
Фасад Катлакалнской церкви. Чертеж И.-Х. Бротце 1791 г. (J. Ch. Brotze. Sammlung...)	178
Современный вид Катлакалнской церкви. (Фото М. Перевезенцева)	179
План Катлакалнской церкви	179
Фрагмент интерьера Катлакалнской церкви. (Фото с негатива МИЛ)	180
Жилая застройка близ Ратушной площади. Чертеж Бальца 1823 г. (ЦГВИАЛ)	182
Жилая застройка в районе ул. Миесниеку. Чертеж Клименко 1823 г. (ЦГВИАЛ)	184
Жилая застройка по улицам М. и Б. Пилс. Чертеж Клименко 1823 г. (ЦГВИАЛ)	185
Вид на Петербургское предместье Риги со стороны Старого города. Картина И. Шульца начала XIX в. (РГИМ)	189
Жилая застройка левобережной части Риги. Рисунок И.-Х. Бротце 1796 г. (J. Ch. Brotze. Sammlung...)	191
Застройка левобережной части Риги домами «крестьянского» типа. Фрагмент гравюры Н. Моллина 1612 г. (РГИМ)	193

Застройка предместий Риги в районе Ластадин. Фрагмент гравюры Н. Моллина 1612 г. (РГИМ)	195
Фрагмент плана предместий Риги в районе Коброншанца. Чертеж рубежа XVII и XVIII вв. (АГАР)	196
Планы жилого дома XVIII в. на острове Вейзаксала в Риге. Обмерный чертеж. (СФ РПИ)	198
Фасады и разрез жилого дома на острове Вейзаксала. Обмерный чертеж. (СФ РПИ)	199
Жилой дом XVIII в. (Höfchen) под Ригой. Рис. И.-Х. Бротце 1793 г. (J. Ch. Brotze. Sammlung...)	200
План дома (Höfchen) XVIII в. на ул. Буллю. Обмерный чертеж. (СФ РПИ)	201
Фасад и план Екатерининской (русской) школы в рижских предместьях. Чертеж М. Шонса 1800 г. (ЦГИАЛ)	201
Планы и фасады казенных зданий в Цесисе, Валмиере, Валке, Лимбажи, Даугавграве, Слоке. Чертеж М. Шонса 1800 г. (ЦГИАЛ)	202
Жилой дом во дворе бывш. усадьбы (Höfchen) Гартмана по ул. Калнциема, 28. (Фото Г. Берзиня)	203
Жилой дом XVII—XVIII вв. на ул. Сенатнес. (Фото начала XX в.)	204
Жилые здания во 2-м «царском» (Александрованском) саду. Чертеж М. Шонса 1800 г. (ЦГИАЛ)	205
Дом аптекаря и старые больничные здания в Рижском военно-сухопутном госпитале. По материалам О. Гуна. (ЦГА Латв. ССР)	207
Жилой дом по ул. Калнциема, 28. (Фото Г. Берзиня)	208
План жилого дома в бывш. усадьбе Гартмана по ул. Калнциема, 28. (H. Pirang. Alt-Rigasche Höfchen. Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen, VI. Riga 1912)	208
Панорама Риги около 1780 г. Гравюра. (РГИМ)	216—217
Фасады и разрезы шлюза близ Шер-бастиона в Риге. Чертеж И.-Х. Бротце конца XVIII в. (J. Ch. Brotze. Sammlung...)	221
Проект создания военной и торговой гавани близ Даугавгравы (Динамюнде). По чертежу И.-Х. Бротце 1782 г. (J. Ch. Brotze. Sammlung...)	222
Проект расширения рижских предместий. Чертеж 1792 г. (АГАР)	224
Проект перестройки наружного фасада Штифторских ворот в Риге. Чертеж 1776 г. (РГИМ)	226
Проект перестройки внутреннего фасада Штифторских ворот. Копия чертежа 1777 г. (РГИМ)	227
Новый фасад Королевских, или Полторских, ворот рижской цитадели. Чертеж 1802 г. (ЦГВИА)	229
Фасады и разрез артиллерийского арсенала в рижской цитадели. Чертеж 1832 г. (ЦГВИАЛ)	232
План артиллерийского арсенала в рижской цитадели. По чертежу 1832 г. (ЦГВИАЛ)	233
Генеральный план Рижского военно-сухопутного госпиталя с обозначением за-проектированных к строительству объектов. По чертежу 1809 г. (ЦГВИА)	237
Проект больничного корпуса Рижского военно-сухопутного госпиталя. Копия с проекта Ф. Демерцова начала XIX в. (ЦГВИА)	238

План рижских предместий с обозначением частей их, сожженных в 1812 г. Чертеж 1815 г. (ЦГВИА)	243
Проект восстановления рижских предместий, разработанный комиссией Трузсона в 1813 г. (АГАР)	249
Проект планировки рижских предместий 1815 г. (ЦГВИА)	253
Проект реконструкции Старого города 1815 г. (ЦГВИА)	255
Александровские триумфальные ворота. (Фото Г. Берзиня)	259
Фрагмент плана рижских предместий 1813 г. с трассой Санкт-Петербургской улицы. (АГАР)	260
Колонна Победы на Замковой площади в Риге. Картина начала XIX в. (Фото с негатива МИЛ)	265
Плац-парадная площадь в Риге. Картина К. Фехгельма. (РГИМ)	266
Проект размещения здания театра на плац-парадной площади с фасадами театра и лавок. Чертеж 1818 г. (ЦГВИА)	268
Фасады жилых домов на улицах М. Занд (ныне ул. Лачплеша) и Санкт-Петербургской (ныне ул. Ленина). Фрагмент чертежа 1824 г. (ЦГВИАЛ)	285
Схема переработки композиции образцовых фасадов	287
Жилой дом начала XIX в. на ул. Лачплеша. (Фото ИОПА)	288
Жилой дом на ул. Маскавас. (Фото автора)	289
Образцовый фасад (№ 32 из II части «Собрания фасадов») и жилой дом, построенный по этому фасаду на ул. Вейденбаума. (Фото Г. Берзиня)	291
Образцовый фасад (№ 76 из II части «Собрания фасадов») и жилой дом, построенный по этому фасаду во дворе Конвента. (Фото Г. Берзиня)	293
Образцовый фасад (№ 77 из IV части «Собрания фасадов») и жилой дом, построенный по этому фасаду на ул. Миесниеку. (Фото автора)	295
План жилого дома начала XIX в. во дворе Конвента. (Институт строительства и архитектуры АН Латв. ССР)	296
Образцовый фасад (№ 5 из III части «Собрания фасадов») и построенный по этому фасаду русский гостининый двор. (Фото ИОПА)	301
Фасады «богоугодных заведений» в Александровском саду. Чертеж Ю.-А. Шпацера 20-х годов XIX в. (ЦГИАЛ)	305
План церкви Иисуса. (СФ РПИ)	307
Церковь Иисуса. (Фото автора)	308
Фрагмент интерьера церкви Иисуса в начале XX в. (Фото ИОПА)	309
Фасад и разрез церкви Александра Невского. (По обмеру В. Цирулиса—ИОПА)	310
План церкви Александра Невского	311
Церковь Александра Невского. (Фото ИОПА)	313
Фасад таможенного пакгауза на Якобовской улице. По чертежу 1823 г. (ЦГВИАЛ)	317
Фасад части таможенного пакгауза — так наз. «аптеки», разобранной в 1938 г. Обмерный чертеж. (СФ РПИ)	318
План части таможенного пакгауза — так наз. «аптеки». По обмерному чертежу. (СФ РПИ)	318
Проект молитвенного дома «богоугодных заведений» на Александровских высотах. Чертеж Ю.-А. Шпацера 1826 г. (ЦГИАЛ)	322
План пакгауза, или арсенала, на плац-парадной площади. По обмерному чертежу. (ИОПА)	330

Бывш. пакгауз, или арсенал, на плац-парадной площади. (ИОПА)	331
Проект нового фасада Королевиных ворот рижской цитадели. Чертеж А. Е. Штауберта 1826 г. (ЦГВИАЛ)	337
Проекты новых фасадов Нейторских ворот Рижской крепости. Копия проекта А. Е. Штауберта начала XIX в. (ЦГВИАЛ)	338
Фасады каменного корпуса Рижского военно-сухопутного госпиталя. Чертеж 1836 г. (ЦГВИАЛ)	340
План 1-го и 2-го этажей каменного корпуса Рижского военно-сухопутного госпиталя. Чертеж 1847 г. (ЦГВИАЛ)	341
Ситуационный план Рижского военно-сухопутного госпиталя. Чертеж 1836 г. (ЦГВИАЛ)	342
План и разрез церкви в каменном корпусе Рижского военно-сухопутного госпиталя. Проект А. Е. Штауберта 1833 г. (ЦГВИАЛ)	343
Главный фасад каменного корпуса бывш. Рижского военно-сухопутного госпиталя. (Фото автора)	344
Боковое крыло каменного корпуса бывш. Рижского военно-сухопутного госпиталя. (Фото автора)	345
Проект «рабочего дома» на Александровских высотах. Фасад, разрез, план по-греба. (ЦГИАЛ)	347
Проект «рабочего дома» на Александровских высотах. Планы 1—3-го этажей. (ЦГИАЛ)	348

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Август, римский император 6
 Адамсон К., губернский архитектор 321, 349
 Александр Невский, князь 263
 Александр I 210, 243, 248, 249, 258, 263, 269, 278, 303, 304
 Алексей Михайлович, царь 194
 Алифанов Михаил, купец 246
 Альберт, рижский епископ 355
 Анна Иоанновна, императрица 355
- Баженов Василий Иванович, архитектор 108, 183
 Балъц, военный инженер 184, 238, 283, 284, 286, 288, 294, 302, 371
 Баратта Джованни, скульптор 172
 Баторий Стефан, польский король 192
 Бейениш, рижский бюргер 246
 Беклешов Александр Андреевич, рижский губернатор 136, 141
 Бергман Либорий, пастор (177), (264), (366)
 Беренс, рижский бюргер 174
 Берзинь Ария, историк (148)
 Берзинь Генрих Янович, архитектор 372, 373
 Берзкалн Петр Юрьевич, архитектор 14, 188, 192, 193, 197, 198, 200, 283, 287, 289, (366), (367)
- Беттхер И., картограф 51, 72а, 74, 76, 78, 96, 370
 Бецкой Иван Иванович, президент Петербургской Академии художеств 71, 131
 Бидзан Антон Александрович, архитектор 275
 Биленштейн Август, пастор (196)
 Бинденшу Руперт, строительный мастер 36, 41
 Бирзениек Александр Кришьянович, архитектор 164, 183, (206), 298, (367)
 Бирон Эрнст, курляндский герцог 12, 54
 Блондель Франсуа, архитектор 150
 Блуменбах А., садовник (367)
 Бодт Жан де, архитектор 150
 Бокк Петр-Иоганн, губернский архитектор 131—133, 213
 Болдырев Н., военный инженер (97)
 Борнгаупт Карл-Фридрих, подрядчик 276, 305, 306, 333
 Боур Федор Вилимович, инженер-генерал 72, 218—220
 Брейткрейц Христиан-Фридрих, губернский архитектор 213, 252, 296—300, 303—308, 311—313, 315—319, 321, 323, 346
 Бремер Оттон Васильевич, архитектор 349

¹ Цифры в скобках означают, что на указываемой странице данное лицо упоминается только в ссылке на литературу.

- Брискорн, военный инженер 224
 Бронштейн С. С., историк архитектуры (49)
 Бротце Иоганн-Христофор, собиратель материалов об истории и быте Риги 35, 93, 110, 111, 115, 116, 128, 129, 177, 178, 191, 200, 206, 221, 222, (366), 369—372
 Броун Жорж (Юрий Юрьевич), граф, рижский генерал-губернатор 84, 87, 90, 94, 98, 99, 106, 108—110, 112—115, 118, 128—133, 135, 154
 Будылина Мария Васильевна, историк архитектуры (279)
 Буксгевден Федор Петрович, граф, рижский губернатор 213, 225
 Буртнов Н., картограф 85, 370
 Бухгольц, картограф 67, 370
 Бюрно, военный инженер 283
- Вальтер Дидрих, скульптор 41
 Васильев Евгений Александрович, архитектор 72
 Васильев Николай Федорович, архитектор 38, 46, 54—58, 369
 Васильев Юрий Михайлович (206), (231), (238), (366), (367)
 Вейде, инженер 222
 Вейсман Густав-Эммануил, военный инженер 48, 84, 222
 Вильбоа Александр-Гильом, генерал-фельдцейхмейстер 74—79, 87, 90, 94, 104, 106, 127, 218
 Виньен Бертелеми, архитектор 18
 Виппер Борис Робертович, искусствовед (12), 26, 40, (105), 125, (367)
 Вист Александр Францевич, архитектор 110, 112, 115
 Витте (2-й) Иоганн-Эдуард де, инженер-строитель, архитектор 323, 325—327, 335, 339, 349
 Витте (1-й) Якоб-Эдуард де, военный инженер 220—223, 231, 240, 323
 Вобан Себастьян Лепретр де, маркиз, военный инженер, маршал Франции 28, 34
 Волконский Петр Михайлович, князь, генерал 269, 317
 Вольф Иеремия, рисовальщик 57, 369
 Воронихин Андрей Никифорович, архитектор 264
 Вюльберн Иоганн, строительный мастер 54
- Вяземский Александр Алексеевич, князь, генерал-прокурор Сената 132
- Габерлант — см. Хаберланд
 Ганнибал Абрам Петрович, военный инженер, генерал-фельдцейхмейстер 62, 67, 74
 Гартман, рижский бюргер 208, 209, 372
 Гартман Г., архитектор (136)
 Герард Иван, военный инженер-гидравлик 223
 Гербель Николай Фридрихович, архитектор 78
 Гербель Родион (Рудольф) Николаевич, инженер-генерал 78—85, 87, 90, 91, 93, 94, 99, 219, 370
 Гердер Иоганн-Готфрид, немецкий философ и писатель 139, 147
 Герих О., историк архитектуры 13, (105), 118, (122), 148, 175, (368)
 Гесте Вильям, архитектор 280, 290
 Глебов, генерал 74
 Гойян, ремесленник 101
 Голешишев-Кутузов Иван, военный инженер 79, 80, 81, 115, 219, 220, 365, 370
 Голлендер Иоганн-Генрих, рижский бюргер 147, 155, 156, 371
 Голлендер Иоганн-Замуэль, рижский бюргер 152, 155—157, 371
 Готфрид Иоганн-Даниэль, строительный мастер 297—300, 305, 311, 314, 317, 319, 323, 324, 333, 353
 Грабарь Игорь Эммануилович, академик, искусствовед, художник (12), 322
 Грен Яков, строительный мастер, архитектор 300, 317, 321, 335, 349
 Гудон Жан-Антуан, скульптор 142
 Гун Оттон, врач 89, 143, 153, 154, 189, 190, 199, 207, 208, 212, 235, 239, 245, 265, 266, 282, (366), 372
 Гупель Август-Вильгельм, публицист 153
 Гуттайт Вильгельм фон, историк 12, (93), (94), (105), 122, (127), (368)
- Дальберг Эрих, шведский граф, рижский генерал-губернатор, военный инженер 34, 74
 Данненштерн, рижский бюргер 38, 40—43, 167, 369
 Дашков Михаил Иванович, князь 71
 Деднев, военный инженер 74
 Демерцов Федор Иванович, архитектор 231, 235, 236, 238, 239, 316, 341, 372

- Детлефсен Р., историк архитектуры (197)
- Дмитриев, военный инженер 16
- Дюгамель О., рижский гражданский губернатор 245
- Евгений, псковский архиепископ 312
- Егоров Петр, архитектор 117
- Екатерина II 71, 73, 85, 87, 98, 99, 105—108, 112, 117, 128—133, 135, 172, 213, 218, 220, 354
- Екатерина I 49
- Елизавета Петровна, императрица 65
- Жирмунский Виктор Максимович, литературовед (139)
- Захаров Андреян Дмитриевич, архитектор 324, 339
- Зеге фон Лауренберг Сигизмунд (Семен) Христофорович, военный инженер, архитектор 113, 115, 118, 227, 228
- Зейдлиц (2-й), военный инженер 335, 340
- Земцов Михаил Григорьевич, архитектор 49, 54
- Зенгбуш фон, рижский бюргер 152
- Зенгер фон, рижский бюргер 152
- Зонтаг Карл-Готтлиб, лифляндский генерал-суперинтендент 318
- Зутис Ян Яковлевич, академик, историк 10, (65), 69, 70, 107, (108), (142), 350, (367)
- Иван Васильевич Грозный, царь 26
- Иннокентий, псковский архиепископ 112, 113
- Ионштейн Петр (или Штейн Ионас), архитектор 48
- Кампе Пауль, историк архитектуры 12, 13, 39, 41, 48, 49, 52, (105), (110), 113, (115), (118), (133), 136, (142), 146—148, 151, 152, (156), (174), 176, 216—218, (222), (227), 228, (229), 231, 245, (258), 297—299, (314), 321, 338, (367)
- Канкрин Егор Федорович, граф, министр финансов 325—330, 332, 334
- Канова Антонио, скульптор 142
- Карл XII, шведский король (369)
- Карл XI, шведский король 355
- Кваренги Джакомо, архитектор 11, 226
- Квасов Алексей Васильевич, архитектор 71
- Керковиус, рижский бюргер 152
- Кише Эвальд Янович, архитектор (367)
- Клеберг, рижский бюргер 302
- Клименко, военный инженер 184, 185, 238, 283, 284, 286, 288, 289, 294, 302, 371
- Коваленская Н. Н., искусствовед (102), (210)
- Кондаков С. Н. (332)
- Коренев, ремесленник 101
- Кочубей Виктор Павлович, граф, министр внутренних дел 300
- Крастынь Арнольд Вилевич, архитектор 371
- Крик Иоганн-Петер, архитектор 311, 321
- Крузе, рижский бюргер 152
- Крумьинь Артур Карлович, академик, архитектор (201), (367)
- Кубе фон, лифляндский вице-губернатор 329
- Кулонг де, военный инженер 60
- Кундзинь Пауль, архитектор (14), 298, (367)
- Курбациус Фридрих-Август, архитектор 150
- Кутепов, архитектор 231
- Куфальдт Г., садовод (368)
- Лангер, рижский бюргер 246
- Ласковский Ф., военный инженер (97)
- Ласси (Лесси) Петр Петрович фон, рижский генерал-губернатор 57
- Леду Клод, архитектор 181
- Лейм Иван, архитектор 71
- Лейхт Иоганн-Петер, строительный мастер 146, 148, 149
- Лелюхин С., купец 223
- Лер Антон, механик 225
- Литен Иоганн, гравер 36, 369
- Лонгелуне Захарий, архитектор 150
- Лукини Иван Францевич, архитектор 332, 335
- Львов Владислав Павлович, архитектор 349
- Людвиг (Лудвих) Николай, военный инженер 62—65, 68, 75, 220
- Людвик XIV, французский король 6
- Макдональд Жак-Этьен, маршал Франции 241, 243
- Марини де, военный инженер 74
- Маркс Карл 6, 7, 44

- Мартос Иван Петрович, скульптор 142
Мейнерт Кристоф, строительный мастер 52, 54
Мельбарт Гарри, архитектор (368)
Меньшиков Александр Данилович, князь, генерал-фельдмаршал 48
Меркель Гарлиб-Хельвиг, публицист 9, 140, 142, 211
Меттиг Константин, историк 12, (58), (141), (251), (263), (366)
Микетти Николай, архитектор 49
Миллер, чертежник 235
Миних (Мюнних) Бурхард-Христофор, граф, генерал-фельдмаршал 75
Минут, архитектор 231
Моллин Николай, рижский книгопечатник 192—195, 371, 372
Монферран Огюст (Август Августович), архитектор 265
Мордвинов Михаил Иванович, инженер-генерал 74, 99, 227, 228
Муравьев, военный инженер 74
Муррер Франциск, врач, инженер 30, 369
Мюнтер Георг, историк архитектуры (32)
Мютер Ганс, историк архитектуры (197)
Наполеон I 239, 263
Нейман Вильгельм, архитектор 12, (52), 144, 297, 299, (306), (368)
Неллингер Александр Давыдович, архитектор 332
Николай I 269, 283, 299, 325—328, 334, 346
Обручев, военный инженер 240
Олеарий Адам, путешественник 195
Осперман Карл Иванович, военный инженер 251, 270
Орлов Григорий Григорьевич, граф, генерал-фельдцейхмейстер 73, 85, 94, 95, 98
Ощепков Г. Д., историк архитектуры (264)
Павел I 102, 211, 222
Пален Матвей Иванович фон дер, барон, рижский генерал-губернатор 321, 335
Палладио Андреа, архитектор, теоретик архитектуры 125
Пауллуччи Филипп Осипович, маркиз, рижский генерал-губернатор 244—246, 248, 251, 252, 258, 266, 267, 269, 274, 279, 303, 304, 314—318, 323, 325—329, 332, 334, 335
Паульсен К., архитектор 109
Пельше Роберт Андреевич, академик 19, (20)
Перевезенцев Михаил Никитич, фотограф-художник 371
Пестель Павел Иванович, декабрист 211
Петр I 38, 39, 44, 47—50, 58, 62, 172, 356, 363
Петров А. Н., историк архитектуры (54), (58)
Пилявский В. И., историк архитектуры (280)
Пираг Хайнц, архитектор 13, 14, (28), 32, 144, (146), 148, 150, 175, (191), (209), (368), (372)
Плаутин Сергей, военный инженер 67
Плауцинь Леон Кришьянович, архитектор 275, 290, 294, 296, (367)
Плеттенберг Вальтер фон, магистр Ливонского ордена 356
Плеханов Георгий Валентинович 5, 7, 8, 143, 344, (345)
Посснет, генерал 117
Пурвит Вильгельм, художник (11), 14, 15, 17, 150, 297, (367)
Пучин Эдгар Эдуардович, архитектор 14, 22, (29), 80, 81, (367)
Радищев Александр Николаевич, публицист 9
Растрелли Бартоломео-Франческо (Варфоломей Варфоломеевич), архитектор 11, 12, 38, 54—56, 58
Рафаил, псковский епископ 51
Рашет, таможенный чиновник 329
Рейнберг А., архитектор 105, (368), (370)
Рейнеке В., бау-адъютант 267, 269, 274, 279, 284, 304, 314, 315, 317, 323
Рейтерн, рижский бюргер 38, 40, 41, 53, 167, 369
Реморов Владимир Николаевич, врач 239
Репнин Василий Никитич, князь, генерал-фельдцейхмейстер 63
Репнин Никита Иванович, князь, рижский генерал-губернатор 49
Репнин Николай Васильевич, князь, рижский генерал-губернатор 221, 223
Ринальди Антонио, архитектор 105
Ринк Георг, землемер 246, 262, 274, 306
Роголев Григорий Сергеевич, архитектор 275

- Румешотель Иоганн, строительный мастер 23
 Руска Луиджи, архитектор 280, 290
 Рутенберг, рижский бюргер 152, 161
 Рязанцев, военный инженер 74
- Самарин Юрий Федорович, публицист (69), 141, 192, (367)
 Синайский Павел, священнослужитель (51), 105
 Слепушкин, таможенный чиновник 318
 Снелль Карл, публицист 9, 211
 Спекль (Шпекле, Шпеклин) Даниэль, военный инженер 29
 Старов Иван Егорович, архитектор 71, 105
 Стасов Василий Петрович, архитектор 280, 290, 302, 316, 324
 Страуберг Ян, историк 15, 25, 28, (34), 45, (61), (70), 88, 153, 214, (254), 338, (367)
 Сухтелен Петр Корнилович, инженер-генерал 102, 222
- Тиль М. (234), (235), (366)
 Томм, шведский генерал 28
 Томон Тома де, архитектор 264, 325
 Тон Александр Андреевич, архитектор 349
 Торокрус, рижский бюргер 246
 Трезини Доменико, архитектор 105
 Трезини Пьетро-Антонио, архитектор 105
 Третьяков, полковник 242
 Тромперт, рижский бюргер 328
 Трузсон (2-й) Иван Христианович, военный инженер 240, 245—249, 252, 253, 263, 273, 274, 276, 277, 306, 373
- Фабер Замуэль, историк (369)
 Фатов, купец 223
 Фельтен Юрий Матвеевич, архитектор 105
 Фермор Вилим Вилимович, генерал 74
 Фехгельм К. Т., живописец 266, 369, 373
 Филиппов, архитектор 258
 Фитингоф Отто-Герман фон, барон, меценат 174, 175, 371
 Фоллендорф, бау-адъютант 279, 323, 326, 327
 Фрейман, военный инженер 329
 Фриман Л., военный инженер (78)
- Хаберланд Кристоф (Христофор), архитектор, строительный мастер 13, 105, 110, 118, 136, 148—156, 158, 159, 161, 163—168, 170—177, 180, 181, 183, 186, 215, 298, 299, 353, 371
 Хенненберг, рижский бюргер 38
- Цибровиус Даниэль-Фридрих, инженер 61
 Цигра Иоганн-Герман, садовод 258
 Цирулис Виктор Михайлович, архитектор 373
- Чевакинский Савва Иванович, архитектор (54), (58)
 Черкасов Иван Антонович, барон, тайный кабинет-секретарь императрицы Елизаветы Петровны 57
 Чернышев Захар Григорьевич, граф, генерал-фельдмаршал 71, 73—75, 98, 99
- Шадов Готфрид, скульптор 142
 Шелопай, подрядчик 100
 Шельшлегер Иоганн-Адам, строитель 61
 Шереметев Борис Петрович, граф, фельдмаршал 44
 Шильхорн, аптекарь 246
 Шквариков В. А., архитектор (71), (281)
 Шмиссель Ганс-Вальтер, каменотес 40
 Шонс Матвей (Матиас), губернский архитектор 38, 39, 47, 55, 121, 132—137, 148, 201, 202, 205, 213, 369, 370, 372
 Шпацир (Спацир) Юлиус-Адольф, губернский архитектор 213, 305, 317, 319, 321, 322, 326, 327, 329, 333, 334, 346, 373
 Шредер Ганс (241)
 Штауберт Александр Егорович, архитектор 337—341, 343, 374
 Штегман Р., землемер (25), 30, 369
 Штейнгауэры, предприниматели 70
 Штурм Христиан-Леонард, архитектор-теоретик, математик, теолог 175, 176, 180
 Шувалов Петр Иванович, граф, генерал-фельдмаршал 66, 67
 Шульц И. Л., живописец 189, 371

Щербатов Михаил Михайлович, князь,
историк, публицист 107

Эмме, генерал 223

Энгельс Фридрих (6)

Эссен (1-й) Иван Николаевич, рижский
генерал-губернатор 241—245, 248

Эттингер Иоганн-Фридрих фон, военный
инженер, архитектор 63, 64, 144, 146,
147

Яковлев Иван, архитектор 117

Яннау Генрих-Иоганн, публицист, исто-
рик 9, 142

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Общие черты развития зодчества Риги до середины XVIII в.	22
Глава II. Градостроительные мероприятия 50—60-х годов XVIII в.	60
Глава III. Застройка Риги по проектам 1769 г.	90
Глава IV. «Бюргерский классицизм»	139
Глава V. Жилая застройка предместий Риги в XVIII в.	188
Глава VI. Новые принципы планировки и застройки Риги	210
Глава VII. Проекты реконструкции Риги 1813—1815 гг.	241
Глава VIII. Архитектура жилых и общественных зданий в период восстановления рижских предместий	273
Глава IX. Завершающий этап развития классицизма в архитектуре Риги	320
Заключение	351
<i>Приложения:</i>	
1. Описание города Риги по нынешнему его состоянию	354
2. Описание о городе Риге и крепостном ее укреплении с показанием, в кото- ром году оный город построен и укреплен и для каких причин, — и о про- чем	364
3. Основная литература	366
4. Перечень иллюстраций	369
5. Именной указатель	375

CONTENTS

1. Introduction 1

2. The first part of the work 2

3. The second part of the work 3

4. The third part of the work 4

5. The fourth part of the work 5

6. The fifth part of the work 6

7. The sixth part of the work 7

8. The seventh part of the work 8

9. The eighth part of the work 9

10. The ninth part of the work 10

11. The tenth part of the work 11

12. The eleventh part of the work 12

13. The twelfth part of the work 13

14. The thirteenth part of the work 14

15. The fourteenth part of the work 15

16. The fifteenth part of the work 16

17. The sixteenth part of the work 17

18. The seventeenth part of the work 18

19. The eighteenth part of the work 19

20. The nineteenth part of the work 20

21. The twentieth part of the work 21

22. The twenty-first part of the work 22

23. The twenty-second part of the work 23

24. The twenty-third part of the work 24

25. The twenty-fourth part of the work 25

26. The twenty-fifth part of the work 26

27. The twenty-sixth part of the work 27

28. The twenty-seventh part of the work 28

29. The twenty-eighth part of the work 29

30. The twenty-ninth part of the work 30

31. The thirtieth part of the work 31

32. The thirty-first part of the work 32

33. The thirty-second part of the work 33

34. The thirty-third part of the work 34

35. The thirty-fourth part of the work 35

36. The thirty-fifth part of the work 36

37. The thirty-sixth part of the work 37

38. The thirty-seventh part of the work 38

39. The thirty-eighth part of the work 39

40. The thirty-ninth part of the work 40

41. The fortieth part of the work 41

42. The forty-first part of the work 42

43. The forty-second part of the work 43

44. The forty-third part of the work 44

45. The forty-fourth part of the work 45

46. The forty-fifth part of the work 46

47. The forty-sixth part of the work 47

48. The forty-seventh part of the work 48

49. The forty-eighth part of the work 49

50. The forty-ninth part of the work 50

51. The fiftieth part of the work 51

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
74	23-я сверху	именоваться «проектом «Вильбоа».	именоваться «проектом Вильбоа».
101	подпись к рис.	Бывший каменный хлебный магазин близ Королевских ворот.	Бывший каменный хлебный магазин близ Королевских ворот.
231	5-я снизу	⁶ См. J. Vasiļjevs. Dažas piezīmes par Rīgas arhitektūru XVII un XIX gs. mijā,	⁶ См. J. Vasiļjevs. Dažas piezīmes par Rīgas arhitektūru XVIII un XIX gs. mijā,
375	столб. I, 18-я снизу	Бальц, военный инженер 184, 238, 283,	Бальц, военный инженер 182, 238, 283,
	3-я снизу	289, (366), (367)	(366), (367)
	столб. II, 20-я снизу	164, 183, (206), 298, (367)	164, 183, 298, (306), (367)
376	столб. II, 25-я снизу	бюргер 152, 155—157, 371	бюргер 152, 156, 157, 371
	19-я снизу	322	332
	7-я снизу	инженер 34, 74	инженер 34, 78
377	столб. I, 10-я сверху	213, 218, 220, 354	218, 220, 354
	12-я сверху	Елизавета Петровна, императрица 65	Елизавета Петровна, императрица 66
	столб. II, 10-я снизу	332, 335	325, 332
378	столб. I, 20-я снизу	Николай I 269, 283, 299, 325—328, 334	Николай I 269, 283, 325—328, 334
	столб. II, 1-я сверху	274, 279, 303, 304, 314—318, 323,	274, 279, 303, 304, 314—317, 323,
379	столб. I, 9-я сверху	(51), 105	(51), (105)
	10-я сверху	Слепушкин, таможенный чиновник 318	Слепушкин, таможенный чиновник 317
	столб. II, 4-я сверху	161, 163—168, 170—177, 180, 181	161, 163—168, 170—172, 174—178, 180, 181

Юрий Михайлович Васильев

КЛАССИЦИЗМ
В АРХИТЕКТУРЕ
РИГИ

Редактор *С. Леви*
Технический редактор *Р. Бокман*
Корректор *И. Шульц*

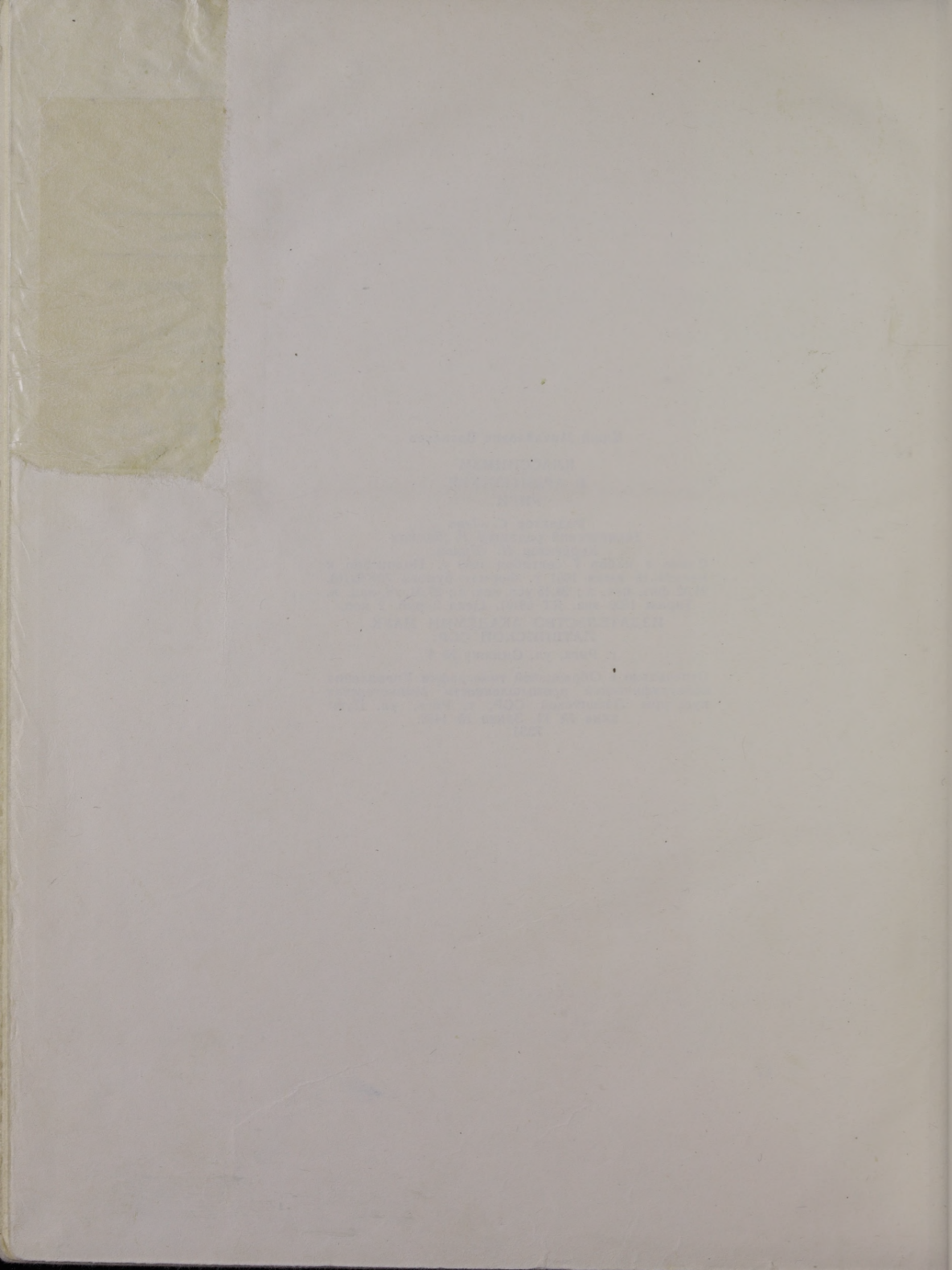
Слано в набор 7 сентября 1960 г. Подписано к печати 15 июня 1961 г. Формат бумаги 70×92/16. 24,32 физ. печ. л.; 28,45 усл. печ. л.; 27,31 уч.-изд. л. Тираж 1500 экз. ЯТ 08401. Цена 2 руб. 2 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

г. Рига, ул. Смилшу № 1

Отпечатано в Образцовой типографии Управления полиграфической промышленности Министерства культуры Латвийской ССР, г. Рига, ул. Пушкина № 12. Заказ № 1458.

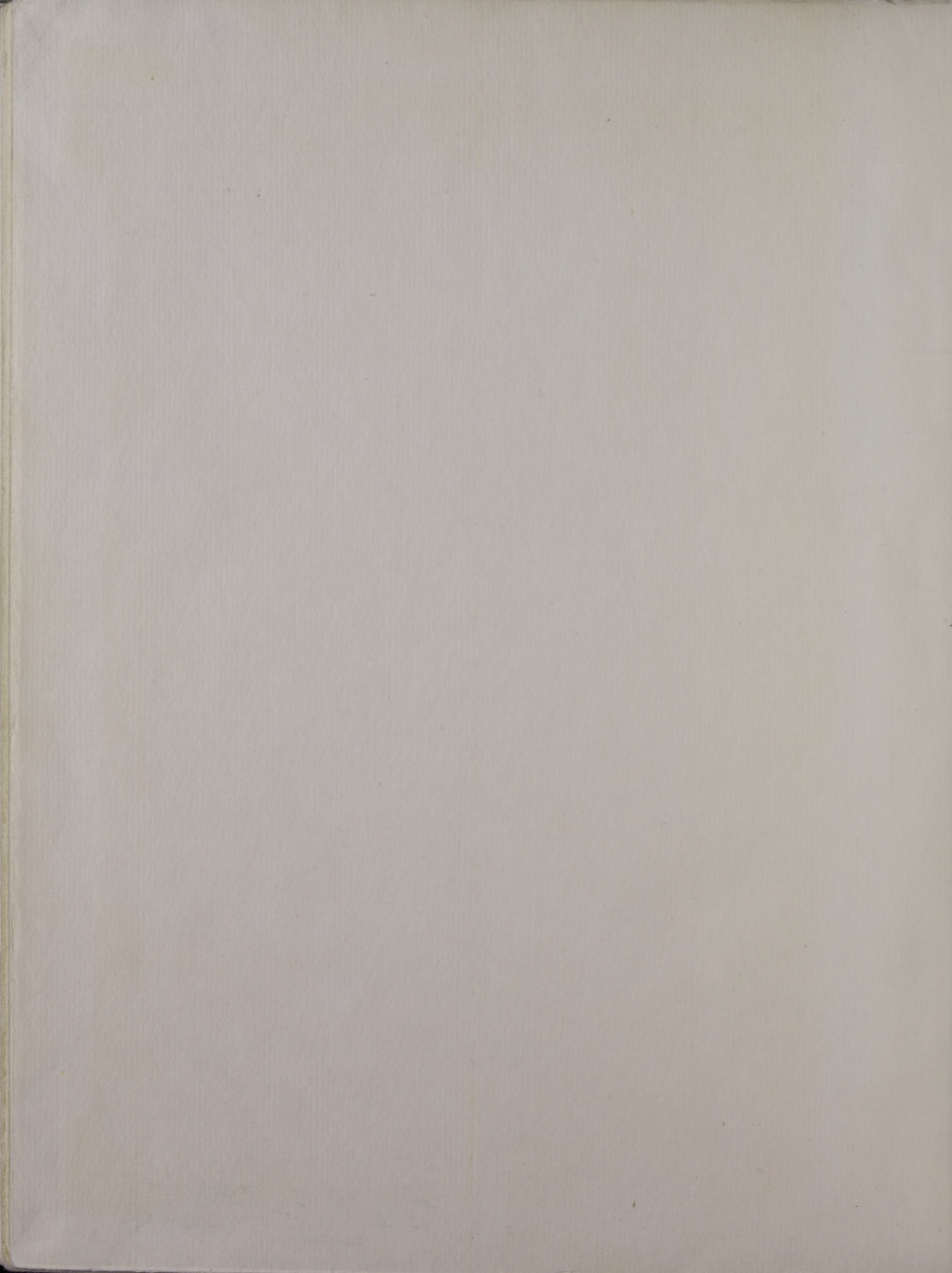
7251

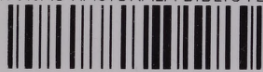
4

LIBRARY

7

LATVIJAS NACIONĀLĀ BIBLIOTĒKA

0309044425